

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ГЕОГРАФИИ И ГЕОИНФОРМАТИКИ
БЕЛОРУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

МАТЕРИАЛЫ I БЕЛОРУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО КОНГРЕССА

**К 90-ЛЕТИЮ ФАКУЛЬТЕТА ГЕОГРАФИИ И ГЕОИНФОРМАТИКИ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
И 70-ЛЕТИЮ БЕЛОРУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

Минск, 8–13 апреля 2024 г.

В семи частях

Часть 2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Научное электронное издание

МИНСК, БГУ, 2024

ISBN 978-985-881-574-5 (ч. 2)
ISBN 978-985-881-572-1

© БГУ, 2024

УДК 33:911.3(06)
ББК 65.04я431

Редакционная коллегия:

кандидат географических наук, доцент *Е. Г. Кольмакова* (гл. ред.);
кандидат географических наук, доцент *Н. В. Гагина*;
кандидат географических наук, доцент *Ю. А. Гледко*;
кандидат географических наук, доцент *А. А. Карпиченко*;
кандидат геолого-минералогических наук, доцент *О. В. Лукашёв*;
кандидат географических наук, доцент *Е. В. Матюшевская*;
кандидат географических наук *Л. О. Сушкевич*;
кандидат географических наук, доцент *А. А. Топаз*;
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент *А. Н. Червань*;
Т. С. Юдчиц (отв. секретарь)

Материалы I Белорусского географического конгресса: к 90-летию факультета географии и геоинформатики Белорусского государственного университета и 70-летию Белорусского географического общества, Минск, 8–13 апр. 2024 г. [Электронный ресурс]. В 7 ч. Ч. 2. Социально-экономическая география / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. Г. Кольмакова (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-985-881-574-5.

В рамках международного научного форума «I Белорусский географический конгресс» рассмотрены ключевые вопросы социально-экономической географии на современном этапе, включающие проблемы демографии, туризма, развития городов, устойчивого развития, народного хозяйства, политической географии.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10;
Adobe Acrobat

Оригинал-макет подготовлен в программе Microsoft Word

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Т. С. Юдчиц*

Подписано к использованию 03.04.2024. Объем 5,77 МБ

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон: (017) 259-70-70.
e-mail: urir@bsu.by, <http://elib.bsu.by>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абдуллаев А. М., Землянский Д. Ю., Калиновский Л. В., Медведникова Д. М.</i> Особенности современного социально-экономического развития крупных городских агломераций Российской Федерации	7
<i>Андронаке И. К., Чупикова С. А.</i> Использование фрактального анализа в географических исследованиях	12
<i>Антипова Е. А.</i> Глобальные ориентиры устойчивого социально-экономического развития: вызовы второй декады XXI века	21
<i>Антипова Е. А., Чэнь Ли.</i> Использование индекса Биллетера при изучении старения	27
<i>Антипова Е. А., Ян Лю.</i> Роль рельефа в размещении населения Китая.....	31
<i>Артеменко С. В., Федорова И. Л.</i> Географические исследования туризма.....	37
<i>Архипов Р. Д., Лопатников Д. Л.</i> Дисбаланс импорта и производства углеводородного топлива среди стран – членов ЕС как фактор развития НВЭ	41
<i>Бабкин Р. А., Махрова А. Г.</i> Поглощенные города: методика изучения на примере городов Подмосковья.....	46
<i>Бабурин В. Л., Данышин А. И.</i> Эмиссия парниковых газов в сельском хозяйстве и продовольственная обеспеченность стран Центральной Евразии	51
<i>Васильев А. П.</i> Особенности эволюции системы ассоциаций коммун Франции	55
<i>Гладкевич Г. И.</i> Эволюция экономико-географических исследований в сфере природопользования	60
<i>Горохов С. А., Агафошин М. М., Дмитриев Р. В.</i> Особенности внешних миграций в страны Северной Европы	66
<i>Гусаков Т. Ю.</i> Украинцы в современном Крыму: ассимиляция и миграция.....	71
<i>Гусейнов И. М.</i> Российский рынок электромобилей: современное состояние и перспективы развития.....	77
<i>Демидова К. В.</i> Возможности оценки устойчивого развития городов России....	81
<i>Деточенко Л. В.</i> Трансформации в развитии туризма субъектов России в условиях новых геополитических и экономических реалий (на примере Волгоградской области)	86
<i>Елисеева Е. А., Лобжанидзе Н. Е.</i> Системы расселения в нефтегазодобывающих районах с учетом геоэкологических особенностей территорий	93
<i>Есипович А. Н.</i> Интегральная оценка историко-культурных объектов Брестской области.....	98
<i>Жирнова Л. С.</i> Геоинформационные базы данных по политической и электрографической географии центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО	103

<i>Заляза Н. Ю.</i> Фрагментация промышленных ареалов черной металлургии России в контексте распространения современных форм организации хозяйства (на примере Уральской металлургической базы)	107
<i>Заруцкий С. А.</i> Современное состояние развития сферы культуры как вида экономической деятельности в Брестской области	115
<i>Захаров И. А.</i> Особенности развития миграционной политики Польши после начала миграционного кризиса	120
<i>Заяц Д. В.</i> Общественно-географическая характеристика островных регионов материковых стран	124
<i>Землянский Д. Ю., Чуженькова В. А.</i> Производственная зависимость от импорта в регионах России в условиях санкций	129
<i>Иванова А. А.</i> Песенный фольклорный путеводитель как способ репрезентации локального культурного ландшафта	135
<i>Калуцков В. Н.</i> Литературный атлас России: опыт создания и дальнейшие перспективы	141
<i>Катровский А. П.</i> Исторические города российско-белорусского приграничья.	146
<i>Комов И. В.</i> Региональное инвестиционное развитие в условиях геополитической нестабильности (на примере Воронежской области)	152
<i>Кот У. В.</i> Особенности политики в области старения населения и активного долголетия в Италии	159
<i>Кунгурцев Д. А.</i> Особенности региональной миграционной политики в странах Евросоюза после миграционного кризиса 2022 г.	164
<i>Медведникова Д. М., Землянский Д. Ю., Прусихин О. Е., Калиновский Л. В., Абдуллаев А. М., Чуженькова В. А.</i> Индивидуальные программы социально-экономического развития субъектов Российской Федерации: проблемы реализации и оценка влияния.....	170
<i>Нюсупова Г. Н., Айдарханова Г. Б., Келимбаева Р. Ж., Кенеспаева Л. Б., Аубакирова Г. Б.</i> Региональные особенности демографических процессов в Западно-Казахстанской области Республики Казахстан	175
<i>Окунев И. Ю.</i> Потенциал применения пространственного статистического анализа в электоральной географии	180
<i>Погорелов А. Р.</i> Медико-географические исследования как информационная основа для охраны здоровья и обеспечения качества жизни населения (на примере регионов Дальнего Востока России)	185
<i>Попкова Л. И., Оломский А. А.</i> Моделирование каркаса устойчивости городского расселения Центрального Черноземья.....	189
<i>Ридевский Г. В.</i> Регионализация в Беларуси в системе геопространственных процессов-закономерностей.....	194
<i>Сидорович А. А.</i> Миграционный фактор динамики численности городского населения Брестской области.....	199

<i>Ситкевич Д. А., Коротков А. С.</i> Отраслевые особенности «новых» туристических регионов Северного Кавказа: экономико-географический взгляд	204
<i>Смирнов И. П., Смирнова А. А., Лебедев П. С.</i> Ключевые направления трансформации пространства малых городов в постсоветский период.....	209
<i>Соколов А. С.</i> Перепись населения Беларуси 2019 года: аномалии и парадоксы	215
<i>Суховило Н. Ю., Новик А. А., Шутов А. Н.</i> Развитие экологического туризма в заказнике республиканского значения «Выдрица»	220
<i>Сушкевич Л. О., Чарковский В. В.</i> Развитие возобновляемой энергетики в Беларуси: пространственно-временной аспект	225
<i>Титов А. Н.</i> Вернакулярные районы в белорусских городах с промышленной функцией	230
<i>Томашевич А. В.</i> Роль человеческого капитала в инновационной экономике	236
<i>Тошпулатов А. М., Жумаханов Ш. З.</i> Экономико-географические и политико-географические исследования анклавных территорий Ферганской долины	240
<i>Трифонова И. К., Горошко М. В.</i> Туристско-рекреационный потенциал Национального парка «Браславские озера».....	249
<i>Трифонова И. К., Рыгаль Е. А.</i> Гостиничное хозяйство Республики Беларусь и его роль в развитии туризма.....	255
<i>Угрюмова А. А., Савельева М. В.</i> Агломерационное развитие как условие формирования технологического суверенитета России	261
<i>Федорова В. А., Сафина Г. Р.</i> Градостроительные решения территориальных проблем г. Казани как элементы концепции «компактный город»	267
<i>Хруль Д. А.</i> Региональные особенности стран Европы по вопросам развития спортивной индустрии.....	272
<i>Чубаро С. В., Строчко О. Д., Шаматульская Е. В.</i> Территориальная дифференциация туристско-рекреационного потенциала Могилевской области	279
<i>Чуженькова В. А., Мизинова А. Р., Черепанова Е. А.</i> Адаптация градообразующих предприятий моногородов Уральского федерального округа к меняющимся геополитическим условиям.....	284
<i>Шек Р. В., Бабура Н. П.</i> Трансформация географических наименований Бешенковичского района.....	289
<i>Шехадех Ш.</i> Общие риски для сельскохозяйственных систем в регионе Ближнего Востока и Северной Африки	294
<i>Яковенко Н. В.</i> Трансформация половозрастной структуры населения Воронежской области	299
<i>Сасноўскі В. М.</i> Найважнейшыя прыкладныя задачы сацыяльна-эканамічнай геаграфіі Беларусі ў сучасных умовах	305

<i>Artunov N.</i> To identify the challenges and prospects for the development of tourism using the SWOT method through the analysis of tripadvisor in Shaki district, Azerbaijan	310
<i>Bezruchonak A., Frul E.</i> The contemporary geography of craft beer production and on-site consumption in Minsk, Belarus	316
<i>Khudoyorov X. L., Djabborova M. Kh.</i> Importance of population in the development of society. Its dynamics and demography in certain historical periods.....	322
<i>Syomin P. O.</i> Migration of Russian legal companies in 2016–2023	325

УДК 332.12, 911.375

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КРУПНЫХ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. М. Абдуллаев¹⁾, Д. Ю. Землянский^{2),3)}, Л. В. Калиновский²⁾,
Д. М. Медведникова^{2),3)}

¹⁾Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Факультет городского и регионального развития, ул. Мясницкая, 13с4, 101000,
г. Москва, Российская Федерация,
aabdullaev@hse.ru

²⁾Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Институт прикладных экономических
исследований, Центр пространственного анализа и региональной диагностики,
пр. Вернадского, 84к3, 119571, г. Москва, Российская Федерация,
zemlyanskiy-dy@ranepa.ru, medvednikova-dm@ranepa.ru,

kalinovskiy-lv@ranepa.ru ³⁾Московский государственный университет им. М. В. Ло-
моносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной геогра-
фии России,
Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Российская Федерация,
geozema@mail.ru, darina.medvednikova@yandex.ru

Проведена сравнительная оценка особенностей и тенденций развития 42 город-
ских агломераций Российской Федерации за 2015–2021 гг. по комплексу ключевых со-
циально-экономических показателей. Новизну формирует использование для оценки
уровня экономического развития агломераций налоговых данных. На фоне высокого
вклада агломераций в экономическое развитие страны отмечена их значительная диф-
ференциация между собой. Выявлено, что не во всех агломерациях уровень развития
города-ядра и ближних пригородов является высоким. При этом в большинстве агло-
мераций позитивное влияние ядра редко выходит за пределы самого ближнего пояса.

Ключевые слова: городские агломерации; города России; социально-экономиче-
ское развитие; экономический рост; налоговые поступления.

FEATURES OF MODERN SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF LARGE URBAN AGGLOMERATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

A. M. Abdullaev¹⁾, D. Yu. Zemlianskii^{2),3)}, L. V. Kalinovskii²⁾,
D. M. Medvednikova^{2),3)}

¹⁾HSE University, Faculty of Urban and Regional Development, Myasnitskaya St., 13c4, 101000, Moscow, Russian Federation, aabdullaev@hse.ru ²⁾Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Applied Economic Research, Centre of Spatial Analysis and Regional Diagnostics, Vernadskogo Av., 84k3, 119571, Moscow, Russian Federation, zemlyanskiy-dy@ranepa.ru, medvednikova-dm@ranepa.ru, kalinovskiy-lv@ranepa.ru ³⁾Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of Economic and Social Geography of Russia, Leninskiye Gory, 1, 119991, Moscow, Russian Federation, geozema@mail.ru, darina.medvednikova@yandex.ru

A comparative assessment of the features and trends in the development of 42 urban agglomerations of the Russian Federation in 2015-2021 was carried out according to a set of key socio-economic indicators. The novelty is formed by the use of tax data to assess the level of economic development of agglomerations. Against the background of the high contribution of agglomerations to the economic development of the country, significant differentiation among themselves is noted. It was revealed that not all agglomerations have a high level of development of the core city and the surrounding suburbs. At the same time, in most agglomerations, the positive influence of the core rarely goes beyond the limits of the nearest suburban belt.

Keywords: urban agglomerations; cities of Russia; socio-economic development; economic growth; tax revenues.

Сегодня крупнейшие города, будучи местами с наиболее высокой концентрацией человеческого капитала, финансовых ресурсов и инфраструктуры, являются ведущими драйверами развития экономики не только отдельных стран и макрорегионов, но и мира в целом.

Для России тренд ускоренного развития агломераций также не является исключением. С конца 2000-х гг. агломерациям уделяется значительное внимание при планировании социально-экономического и пространственного развития страны и отдельных регионов [1]. Ввиду особого положения агломераций в федеральной и региональной внутренней территориальной политике, к их изучению сохраняется повышенное внимание и в научной среде [2–5].

Тем не менее, исследовательских оценок уровня развития агломераций России сразу по комплексу отраслевых социально-экономических характеристик пока накоплено крайне мало (среди них можно упомянуть только лишь работу Н. А. Труновой начала 2010-х [6]).

Недостаток комплексных исследований уровня и динамики социально-экономического развития на большом числе агломераций России (включая агломерации как крупнейших, так и крупных городов) формирует актуальность данного исследования. Целью исследования было провести сравнительную оценку особенностей и тенденций развития 42 крупных и крупнейших городских агломераций, зафиксированных в Стратегии

пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. (далее — СПР) [7], за период с 2015 по 2021 гг.

Делимитация исследуемых агломераций и выделение внутри них структурных элементов (ядра, ближнего, среднего и дальнего поясов) проводилась по границам муниципальных образований в соответствии с результатами исследования [8], осуществленного в рамках подготовки СПР.

Авторами был осуществлен сбор данных по 14 социально-экономическим показателям за 2015-2021 гг. (или более короткий период, за который доступны данные) по 464 муниципалитетам агломераций, а также по Москве и Санкт-Петербургу, имеющим статус субъектов Российской Федерации. Источником данных по большинству показателей послужила База данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики (Росстата). Для оценки уровня экономического развития агломераций, ввиду отсутствия в российской статистике показателя валового муниципального продукта, использовались данные об объеме налоговых поступлений в бюджеты всех уровней (публикуются Федеральной налоговой службой России) по четырем ключевым видам налогов: 1) налогу на прибыль организаций; 2) налогу на доходы физических лиц; 3) налогу на имущество организаций; 4) налогу, уплачиваемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения.

Проведенный анализ показывает, что городские агломерации России концентрируют более 50 % общестранового объема по всем ключевым видам социально-экономических ресурсов (55 % населения, 2/3 объемов отгруженных товаров, выполненных работ и услуг и 4/5 всего налогового потенциала страны), тем самым обеспечивая крайне весомый вклад в социально-экономическое развитие государства и формируя основу странового экономического роста. Удельные значения базовых социально-экономических показателей на душу населения в границах агломераций также заметно превышают значения отдельных территорий.

Тем не менее, результаты анализа подтверждают широко постулируемый факт о росте гиперконцентрации ресурсов в зоне Московской столичной агломерации. На ее долю приходится половина всех налоговых поступлений от агломерационных муниципалитетов при том, что доля от суммарного населения агломераций — около 30 %.

Значительный разрыв по показателям развития наблюдается не только между Московской и другими агломерациями, но и последних между собой. Лучшие результаты по экономическим параметрам показывают агломерации страны с выраженной промышленной специализацией (Новокузнецкая, Тюменская, Екатеринбургская, Иркутская, Липецкая и др.), однако развитость экономического комплекса здесь практически не

оказывает стимулирующего влияния на рост показателей рынка труда, доходов населения и, как следствие, платежеспособного спроса и секторов услуг.

Лидерство по социальным показателям и индикаторам сферы услуг удерживается за агломерациями, сформированными вокруг крупнейших городских центров страны — городов-миллионников (Московская, Санкт-Петербургская, Нижегородская, Красноярская, Екатеринбургская и др.). По показателям сферы услуг заметно на фоне остальных агломераций выделяются миграционно- и туристско-привлекательные агломерации Юга России (Краснодарская, Сочинская), а также Калининградская, Тюменская агломерации. Они же, вместе с агломерациями крупнейших центров макрорегионов (Казанской, Уфимской, Красноярской, Воронежской и др.), закономерно занимают лидерские позиции по показателям динамики ввода в эксплуатацию жилья.

Среди агломераций с наиболее низким уровнем социально-экономического развития числятся те, у которых высока роль «теневых» секторов в экономике: прежде всего, агломерации Северного Кавказа (Махачкалинская и Кавказско-Минераловодская). Невысокие результаты показывают и агломерации, включение которых в СПР пролоббировано органами власти регионов с депрессивным экономическим положением (Улан-Удэнская, Пензенская, Рязанская). Пониженные значения характерны и для многих агломераций Поволжья (Чебоксарская, Ульяновская, Саратовская, Волгоградская).

Выявлено, что на сегодняшний день важным сдерживающим фактором развития городских агломераций России является сильная внутренняя неравномерность их пространства и крайне высокая степень центр-периферийных различий. По большинству показателей плотности и производительности значения для ядер агломераций кратно превышают значения окружающих поясов, при том, что различия в значениях между ближним, средним и дальним поясами редко являются значительными.

Локальные «всплески» социально-экономических параметров в пригородных поясах агломераций обычно приурочены к расположенным в них промышленным центрам и городам-спутникам, и чаще обусловлены не перетоком агломерационных эффектов из города-ядра, а исторической специализацией этих муниципалитетов на высокодоходных отраслях и накопленным экономическим потенциалом.

В результате можно говорить о том, что сегодня агломерационное развитие в России пока еще идет по пути «стягивания» населения и экономических ресурсов в ядро и ближайшие пригороды. Позитивное влияние агломераций (за исключением Московской) редко выходит за пределы ближнего и иногда среднего пояса. При этом и уровень развития ядер агломераций не всегда является высоким относительно других муниципалитетов страны.

Все перечисленное говорит о необходимости сужения подхода при делимитации границ агломераций и свидетельствует о предварительности выводов отдельных исследователей о значительном расширении агломерационных радиусов. Кроме того, результаты исследования показывают, что закрепленные в документах стратегического планирования и поддержанные Правительством Российской Федерации меры по развитию всех агломераций страны, а не только Московской, пока не дают значимых результатов.

Библиографические ссылки

1. Пузанов А. С., Попов Р. А. Отражение вопросов развития городских агломераций в документах стратегического планирования и программных документах регионального и межмуниципального уровней. Часть 1 // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2019. № 1. С. 21–26.

2. Ильина И. Н. Государственная политика РФ по развитию крупных городских агломераций и проблемы ее реализации // Экономика и предпринимательство. 2014. № 7. С. 232–238.

3. Попов Р. А., Пузанов А. С., Полиди Т. Д. Контуры новой государственной политики по отношению к городам и городским агломерациям России // ЭКО. 2018. № 8 (530). С. 7–22.

4. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145.

5. Кузнецова О. В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. № 15 (4). С. 107–125.

6. Трунова Н. А. (2012). Управление социально-экономическим развитием крупнейших городских агломераций в России на современном этапе : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством по отраслям и сферам деятельности» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук; Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов. – Санкт-Петербург, 2012. – 171 с.

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 15.02.2024).

8. Антонов Е. В., Махрова, А. Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения на дагломерационного уровня в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 4. С. 31–45.

УДК 911. 55

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАКТАЛЬНОГО АНАЛИЗА В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

И. К. Андронаке¹⁾, С. А. Чупикова²⁾

¹⁾Исследовательский центр комплексного анализа и территориального управления,
Бухарестский университет, 030018, Румыния, пр. Регина Элизабета, 4-12,
Бухарест, 3-й округ, andronache@inbox.ru

²⁾Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН,
ул. Интернациональная 117а, 667007, Кызыл, Россия, s_fom@inbox.ru

В статье рассматривается применение фрактального анализа в географических исследованиях, подчеркивается важность и актуальность этого подхода в понимании пространственных явлений. Фрактальный анализ позволяет более детально охарактеризовать сложные формы географической среды и предоставляет информацию о сложности и разнообразии окружающей среды. Хотя фрактальные методы принесли значительную пользу географическим исследованиям, у них есть ограничения, такие как чувствительность к масштабированию и субъективная интерпретация результатов. Для преодоления этих ограничений, предлагается стандартизировать процедуры и разработать надежные и масштабируемые методы.

Ключевые слова: фрактальный анализ; лакунарность; сукколярность; географическая среда; сложность.

USING FRACTAL ANALYSIS IN GEOGRAPHICAL RESEARCH

I. Andronache¹⁾, S. A. Chupikova²⁾

¹⁾Research Center for Integrated Analysis and Territorial Management, University of Bucharest 4-12, Regina Elisabeta Avenue, Bucharest, 3rd district, 030018, Romania, andronache@inbox.ru; ²⁾Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources SB RAS, Internazional 117a, 667007, Kyzyl, Russia

The article discusses the use of fractal analysis in geographical research, highlighting the importance and relevance of this approach in understanding spatial phenomena. Fractal analysis allows a more detailed characterisation of complex shapes in the geographical environment and provides information about the complexity and diversity of an environment. Although fractal methods have brought significant benefits to geographic research, there are limitations, such as sensitivity to scaling and subjective interpretation of results. To overcome these limitations, it is proposed to standardize procedures and develop robust and scalable methods.

Keywords: fractal analysis; lacunarity; succolarity; geographical environment; complexity.

География — дисциплина, занимающаяся изучением пространственных характеристик и распространения наземных явлений, включая влияющие на них природные и антропогенные факторы [1]. Географические данные собираются и анализируются, чтобы понять закономерности и процессы, которые управляют окружающей средой. Фрактальный анализ может дать более детальное представление о структуре и закономерностях географической среды [2].

Фрактальный анализ разработан математиком Бенуа Б. Мандельбротом в 1970-х гг. [3]. Мандельброт ввел термин «фрактал» для описания неправильных и сложных геометрических форм, которые демонстрируют самоподобие и нецелую фрактальную размерность. Он установил фундаментальные концепции фракталов и продемонстрировал возможность их применение в различных областях, таких как география, геология, экология, биология, медицина, экономика и искусство. [4].

Фрактальный анализ — это нелинейный математический метод, изучающий геометрические свойства сложных объектов, которые не могут быть адекватно описаны традиционными методами евклидовой геометрии [5], и который может помочь обнаружить закономерности и тенденции в данных, позволяя исследователям выявлять правила или отношения, которые в противном случае были бы пропущены. Концепция основана на идее фрактала, который представляет собой геометрический объект или модель, демонстрирующую одну и ту же структуру в любом масштабе наблюдения. Фракталам свойственны такие свойства, как самоподобие и фрактальная размерность, которая может быть нецелой [6].

Для оценки фрактальных свойств используются три категории метрик: фрактальная размерность, лакунарность и сукколярность. Фрактальный размер указывает на количество пространства, занимаемого объектом [7, 8], а лакунарность измеряет распределение пробелов. Изображение считается более лакунарным, если его пробелы имеют тенденцию к увеличению [9-11]. Сукколярность — мера просачивания изображения, указывающая объем виртуальной «воды», которая может пройти через него. Также сукколярность является мерой количества виртуальной «воды», которая может проникнуть в изображение через черные пиксели, при этом белые пиксели действуют как препятствия [12, 13].

Эти три фрактальные метрики дополняют друг друга. Например, два изображения могут иметь одинаковую фрактальную размерность, но различаться лакунарностью. Одновременно сукколярность позволяет различать различные изображения, обладающие одинаковой фрактальной размерностью или лакунарностью [12].

Существует множество подходов к измерению 1D (наборов данных, включая гидрологические, климатологические, сейсмические или

финансовые), 2D и 3D фракталов для бинарных изображений и изображений в оттенках серого.

Основными методами одномерного фрактального анализа наборов данных являются: размерность аллометрического масштабирования [14], размерность Хигучи [15], размерность перетягивания каната [16], размерность Каца [17], размерность Петросяна [18] и размерность Шевчика [19].

Основными методами двумерного фрактального анализа бинарных изображений являются: подсчет боксов [20, 21], измерение пирамиды [22, 23], измерение линейки [24-26], измерение площади периметра [27, 28], массовое измерение [29], размерность Минковского [30, 31], информационная размерность [32], локально-связная фрактальная размерность [33, 34], корреляционная размерность [35], размерность перетягивания каната [16], индексы фрактальной фрагментации [36, 37], лакунарность [38, 39, 16], сукколярность [4, 12, 13] и обобщенная размерность [40].

Основными методами двумерного фрактального анализа изображений в оттенках серого являются: дифференциальный подсчет блоков [41, 42], размерность пирамиды [43], размерность Минковского [31, 44], корреляционная размерность [35], размерность БПФ [35], Хигучи 1D. [45], Хигучи 2D [46, 47], лакунарность [38, 39, 16] и обобщенная размерность [40].

Часть методов 2D-фрактального анализа реализована в виде 3D-фрактального анализа путем преобразования пикселей в воксели [48]: 3D-подсчет ящиков, 3D-размерность Минковского, 3D-корреляционный размер, Хигучи 3D, 3D-размер FFT, 3D-перетягивание каната. размерность, трехмерные индексы фрактальной фрагментации, трехмерная лакунарность и трехмерная обобщенная размерность.

Фрактальный анализ может описывать и количественно определять сложные формы географической среды, такие как береговые линии [25], реки [49-54] и края суши [55]. Этот подход позволяет более детально анализировать формы и структуры, которые не являются идеально правильными или линейными.

Фрактальный анализ может использоваться для измерения сложности ландшафта в данном регионе, помогая понять геоморфологические процессы [56], определяя процессы формообразования и области со значительными изменениями рельефа.

Фрактальный анализ можно использовать для изучения пространственного распределения естественных сред обитания или особенностей окружающей среды, таких как леса [57-59, 36, 60, 37], водно-болотные угодья [61-63] или водные экосистемы [64, 65]. Этот подход может дать представление о связности мест обитания и их влиянии на биоразнообразие [13].

Исследователи могут использовать фрактальный анализ, чтобы сравнить один и тот же ландшафт в разные промежутки времени и обнаружить существенные изменения в его структуре или распределении [8, 66]. Этот подход полезен для мониторинга долгосрочных изменений в окружающей среде.

Фрактальный анализ может использоваться в городском и региональном планировании для изучения закономерностей урбанизации и расширения городов [2, 67-70] или в экономической деятельности. [71]. Это помогает понять процессы роста городов и оценить их влияние на окружающую среду.

Фрактальный анализ является полезным инструментом для изучения гидрологических [72, 73], климатических [74] или финансовых данных [75, 76]. Это позволяет выявлять и понимать сложные и нерегулярные закономерности в этих областях, обеспечивая важную информацию о поведении изучаемых систем и явлений, таких как их временная или пространственная изменчивость, структура и предсказуемость.

Фрактальный анализ имеет множество преимуществ для географических исследований, однако существуют некоторые проблемы и ограничения. Фрактальные методы могут быть чувствительны к масштабу применения, что приводит к различиям в результатах в зависимости от разрешения данных или анализируемого пространственного измерения. Интерпретация результатов фрактального анализа может быть субъективной и зависеть от выбора, сделанного в процессе анализа, например, выбора параметров или методов. Кроме того, некоторые фрактальные методы включают сложные вычисления и требуют знаний в области математики и информатики для правильного применения и правильной интерпретации. Следует отметить, что фрактальные модели иногда могут давать неточное представление реальных географических явлений, особенно когда на них влияют возмущающие факторы или неопределенности. Существует потребность в разработке новых фрактальных методов, устойчивых к масштабированию и обеспечивающих последовательные и надежные результаты в различных пространственных и временных контекстах. В то же время стандартизация процедур и параметров фрактального анализа может помочь снизить субъективность и обеспечить согласованность и сопоставимость результатов различных исследований. Интеграция фрактального анализа с расширенным моделированием может обеспечить более полное и детальное понимание географических явлений. Проверка результатов фрактального анализа и оценка их достоверности по отношению к реальным географическим явлениям имеют решающее значение для обеспечения точной и актуальной интерпретации.

В заключение отметим, что использование фрактального анализа в географических исследованиях дает многочисленные преимущества и имеет важное значение для понимания и интерпретации пространственных явлений. Фрактальный анализ служит эффективным методом понимания и интерпретации сложности географических явлений. Он может выявить закономерности и детали, которые могут быть упущены из виду другими методами. Применение фрактального анализа позволяет обнаруживать закономерности и тенденции в пространственном распределении географических явлений, обеспечивая новое понимание и важные детали анализа. Фрактальный анализ может способствовать оценке изменений в структуре и распределении географических явлений с течением времени, помогая понять динамику окружающей среды и выявить долгосрочные тенденции. Результаты фрактального анализа облегчают принятие решений в области пространственного планирования и управления, способствуют устойчивому развитию и сохранению природных ресурсов. Использование фрактального анализа имеет решающее значение в географических исследованиях для развития знаний и решения сложных экологических и пространственных проблем. Это вносит значительный вклад в развитие отрасли и улучшает управление и сохранение окружающей среды для будущих поколений.

Библиографические ссылки

1. *Montello D. R., Sutton P. C.* An introduction to scientific research methods in geography & environmental studies. 2nd ed. London; Thousand Oaks, Calif: SAGE, 2013. 314 p.
2. *Frankhauser P., Pumain D.* Fractals and Geography // Machine Learning and the City. 1st ed. / ed. Carta S. Wiley, 2022. P. 31–55.
3. *Mandelbrot B. B.* Les objets fractals : forme, hasard et dimension / Benoit Mandelbrot. Paris: Flammarion, 1975.
4. *Mandelbrot B. B.* The fractal geometry of nature. 3rd ed. New York: W. H. Freeman and Comp., 1983.
5. *Falconer K.* Fractal Geometry: Mathematical Foundations and Applications. 1st ed. Wiley, 2003.
6. *Le Méhauté A.* Fractal geometries. Boca Raton: CRC Press, 1991. 181 p.
7. *Theiler J.* Estimating fractal dimension // Journal of the Optical Society of America A. Optica Publishing Group, 1990. Vol. 7, № 6. P. 1055–1073.
8. *Xu T., Moore I.D., Gallant J.C.* Fractals, fractal dimensions and landscapes – a review // Geomorphology. 1993. Vol. 8, № 4. P. 245–262.
9. *Plotnick R. E., Gardner R.H., O’Neill R.V.* Lacunarity indices as measures of landscape texture // Landscape Ecol. 1993. Vol. 8, № 3. P. 201–211.
10. *Plotnick R. E. et al.* Lacunarity analysis: A general technique for the analysis of spatial patterns // Phys. Rev. E. 1996. Vol. 53, № 5. P. 5461–5468.

11. *Smith T. G., Lange G. D., Marks W. B.* Fractal methods and results in cellular morphology – dimensions, lacunarity and multifractals // *Journal of Neuroscience Methods*. 1996. Vol. 69, № 2. P. 123–136.
12. *de Melo R. H. C., Conci A.* How Succolarity could be used as another fractal measure in image analysis//*Telecommunication Systems*. 2013. Vol. 52, № 3. P. 1643–1655.
13. *Andronache I.* Analysis of Forest Fragmentation and Connectivity Using Fractal Dimension and Succolarity // *Land*. 2024. Vol. 13, № 2. P. 138.
14. *West B. J.* Thoughts on modeling complexity // *Complexity*. John Wiley & Sons, Ltd, 2006. Vol. 11, № 3. P. 33–43.
15. *Higuchi T.* Approach to an irregular time series on the basis of the fractal theory // *Physica D: Nonlinear Phenomena*. 1988. Vol. 31, № 2. P. 277–283.
16. *Reiss M. A. et al.* Tug-of-war lacunarity – A novel approach for estimating lacunarity // *Chaos: An Interdisciplinary Journal of Nonlinear Science*. 2016. Vol. 26, № 11. P. 113102.
17. *Katz M. J.* Fractals and the analysis of waveforms // *Computers in Biology and Medicine*. 1988. Vol. 18, № 3. P. 145–156.
18. *Petrosian A.* Kolmogorov complexity of finite sequences and recognition of different preictal EEG patterns // *Proceedings Eighth IEEE Symposium on Computer-Based Medical Systems*. Lubbock, TX, USA: IEEE Comput. Soc. Press, 1995. P. 212–217.
19. *Sevcik C.* A procedure to Estimate the Fractal Dimension of Waveforms // *Complexity International*. 2010. Vol. 5. P. 1–10.
20. *Russell D. A., Hanson J.D., Ott E.* Dimension of Strange Attractors // *Physical Review Letters*. American Physical Society, 1980. Vol. 45, № 14. P. 1175–1178.
21. *Di Ieva A. et al.* Fractal dimension as a quantitor of the microvasculature of normal and adenomatous pituitary tissue//*Journal of Anatomy*. 2007. Vol. 211, № 5. P. 673–680.
22. *Ahammer H., Mayrhofer-Reinhartshuber M.* Image pyramids for calculation of the box-counting dimension // *Fractals*. World Scientific Publishing Co., 2012. Vol. 20, № 03n04. P. 281–293.
23. *Mayrhofer-Reinhartshuber M., Kainz P., Ahammer H.* Image Pyramids as a new approach for the determination of fractal dimensions // *Proceedings of the 2nd International Conference on Pattern Recognition Applications and Methods*. 2013. P. 239–243.
24. *Richardson L. F.* The Problem of Contiguity: An Appendix to Statistics of Deadly Quarrels // *General System Yearbook*. 1961. Vol. 6. P. 139–187.
25. *Mandelbrot B.* How Long Is the Coast of Britain? Statistical Self-Similarity and Fractional Dimension // *Science*. American Association for the Advancement of Science, 1967. Vol. 156, № 3775. P. 636–638.
26. *Zaletel I. et al.* Modified Richardson’s method versus the box-counting method in neuroscience. // *J Neurosci Methods*. Netherlands, 2015. Vol. 242. P. 93–96.
27. *Lung C. W., Mu Z. Q.* Fractal dimension measured with perimeter-area relation and toughness of materials // *Phys. Rev. B*. 1988. Vol. 38, № 16. P. 11781–11784.
28. *Cheng Q.* The perimeter-area fractal model and its application to geology // *Mathematical Geology*. 1995. Vol. 27. P. 69–82.
29. *Jelinek H. F. et al.* Image Processing of Finite Size Rat Retinal Ganglion Cells Using Multifractal and Local Connected Fractal Analysis // *AI 2004: Advances in Artificial Intelligence* / ed. Webb G.I., Yu X. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2005. P. 961–966.
30. *Bouligand.* Sur la notion d’ordre de mesure d’un ensemble plan // *Bulletin des Sciences Mathématiques*. 1929. Vol. 53. P. 185–192.

31. Peleg S. et al. Multiple Resolution Texture Analysis and Classification // IEEE Trans. Pattern Anal. Mach. Intell. 1984. Vol. PAMI-6, № 4. P. 518–523.
32. Pitsianis N., Bleris G.L., Argyrakis P. Information dimension in fractal structures // Phys. Rev. B. American Physical Society, 1989. Vol. 39, № 10. P. 7097–7100.
33. Voss R. F., Wyatt J. C. Y. Multifractals and the Local Connected Fractal Dimension // Applications of Fractals and Chaos / ed. Crilly A. J., Earnshaw R. A., Jones H. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 1993. P. 171–192.
34. Landini G., Murray P. I., Misson G. P. Local connected fractal dimensions and lacunarity analyses of 60 degrees fluorescein angiograms. // Invest Ophthalmol Vis Sci. United States, 1995. Vol. 36, № 13. P. 2749–2755.
35. Grassberger P., Procaccia I. Measuring the strangeness of strange attractors // Physica D: Nonlinear Phenomena. 1983. Vol. 9, № 1. P. 189–208.
36. Andronache I. C. et al. Fractal analysis for studying the evolution of forests // Chaos, Solitons & Fractals. 2016. Vol. 91. P. 310–318.
37. Peptenatu D. et al. A new fractal index to classify forest fragmentation and disorder // Landsc Ecol. 2023. Vol. 38, № 6. P. 1373–1393.
38. Roy A., Perfect E. Lacunarity analyses of multifractal and natural grayscale patterns // Fractals. World Scientific Publishing Co., 2014. Vol. 22, № 03. P. 1440003.
39. Sengupta K., Vinoy K. J. A new measure of lacunarity for generalized fractals and its impact in the electromagnetic behavior of koch dipole antennas // Fractals. World Scientific Publishing Co., 2006. Vol. 14, № 04. P. 271–282.
40. Ahammer H., DeVaney T. T. J., Tritthart H. A. How much resolution is enough? : Influence of downscaling the pixel resolution of digital images on the generalised dimensions // Physica D: Nonlinear Phenomena. 2003. Vol. 181, № 3. P. 147–156.
41. Sarkar N., Chaudhuri B. B. An efficient approach to estimate fractal dimension of textural images // Pattern Recognition. 1992. Vol. 25, № 9. P. 1035–1041.
42. Jin X. C., Ong S. H., Jayasooriah. A practical method for estimating fractal dimension // Pattern Recognition Letters. 1995. Vol. 16, № 5. P. 457–464.
43. Mayrhofer-Reinhartshuber M., Ahammer H. Pyramidal fractal dimension for high resolution images // Chaos: An Interdisciplinary Journal of Nonlinear Science. 2016. Vol. 26, № 7. P. 073109.
44. Marana A. N. et al. Estimating crowd density with Minkowski fractal dimension // 1999 IEEE International Conference on Acoustics, Speech, and Signal Processing. Proceedings. ICASSP99 (Cat. No.99CH36258). 1999. Vol. 6. P. 3521–3524 vol.6.
45. Ahammer H. Higuchi Dimension of Digital Images // PLoS ONE / ed. Chirico G. 2011. Vol. 6, № 9. P. e24796.
46. Spasić S. On 2D generalization of Higuchi's fractal dimension // Chaos, Solitons & Fractals. 2014. Vol. 69. P. 179–187.
47. Ahammer H., Sabathiel N., Reiss M. A. Is a two-dimensional generalization of the Higuchi algorithm really necessary? // Chaos: An Interdisciplinary Journal of Nonlinear Science. 2015. Vol. 25, № 7. P. 073104.
48. Ahammer H. et al. ComsysstanJ: A collection of Fiji/ImageJ2 plugins for nonlinear and complexity analysis in 1D, 2D and 3D // PLoS ONE / ed. Hammad M. 2023. Vol. 18, № 10. P. e0292217.
49. Tarboton D. G., Bras R. L., Rodriguez-Iturbe I. The fractal nature of river networks // Water Resources Research. 1988. Vol. 24, № 8. P. 1317–1322.
50. Nikora V. I. Fractal structures of river plan forms // Water Resources Research. 1991. Vol. 27, № 6. P. 1327–1333.

51. *Rinaldo A. et al.* Self-organized fractal river networks // *Phys. Rev. Lett.* 1993. Vol. 70, № 6. P. 822–825.
52. *Rodríguez-Iturbe I., Rinaldo A.* Fractal river basins: chance and self-organization. First paperback edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 547 p.
53. *Diaconu D. C. et al.* Fractal drainage model – A new approach to determinate the complexity of watershed // *Acta Montanistica Slovaca.* 2017. Vol. 22, № 1. P. 12–21.
54. *Chupikova S. A., Andronache I.* Morphometric and fractal analysis of the Kharal river drainage basin // *Natural Resources, Environment And Society: Electronic Scientific Journal.* 2019. Vol. 2. P. 54–60.
55. *Czyża S. et al.* An Analysis of the Spatial Development of European Cities Based on Their Geometry and the CORINE Land Cover (CLC) Database // *IJERPH.* 2023. Vol. 20, № 3. P. 2049.
56. Фрактальный анализ в флювиальной геоморфологии: монография / Под ред. А. В. Иванова, А. В. Позднякова. – М.: Изд-во «Университетская книга», 2013. 188 с.
57. *Rex K. D., Malanson G. P.* The fractal shape of riparian forest patches // *Landscape Ecol.* 1990. Vol. 4, № 4. P. 249–258.
58. *Zeide B.* Fractal geometry in forestry applications // *Forest Ecology and Management.* 1991. Vol. 46, № 3–4. P. 179–188.
59. *Lorimer N. D., Haight R. G., Leary R. A.* The fractal forest: fractal geometry and applications in forest science.: NC-GTR-170. St. Paul, MN: U.S. Department of Agriculture, Forest Service, North Central Forest Experiment Station, 1994. P. NC-GTR-170.
60. *Andronache I. et al.* Dynamics of Forest Fragmentation and Connectivity Using Particle and Fractal Analysis // *Scientific Reports.* 2019. Vol. 9, № 1. P. 12228.
61. *Tchiguirinskaia I. et al.* Multifractal versus monofractal analysis of wetland topography // *Stochastic Environmental Research and Risk Assessment.* 2000. Vol. 14, № 1. P. 8–32.
62. *Andronache I., Ciobotaru A. M.* Fractal analysis of certain climatic, hydrologic and geomorphologic parameters within the Balta Mică of Brăila Natural Park (România) // *Journal of Wetland Biodiversity.* Istros Publishing House of the Museum of Brăila, Brăila, 2012. Vol. 2. P. 81–94.
63. *Bertassello L. E. et al.* Wetlandscape Fractal Topography // *Geophysical Research Letters.* 2018. Vol. 45, № 14. P. 6983–6991.
64. *Schmid P. E.* Fractal Properties of Habitat and Patch Structure in Benthic Ecosystems // *Advances in Ecological Research.* Elsevier, 1999. Vol. 30. P. 339–401.
65. *Tokeshi M., Arakaki S.* Habitat complexity in aquatic systems: fractals and beyond // *Hydrobiologia.* 2012. Vol. 685, № 1. P. 27–47.
66. *Alados C. L. et al.* Fractal analysis of plant spatial patterns: a monitoring tool for vegetation transition shifts // *Biodivers Conserv.* 2005. Vol. 14, № 6. P. 1453–1468.
67. *Terzi F., Kaya H. S.* Dynamic spatial analysis of urban sprawl through fractal geometry: the case of Istanbul // *Environ. Plann. B.* 2011. Vol. 38, № 1. P. 175–190.
68. *Frankhauser P.* From Fractal Urban Pattern Analysis to Fractal Urban Planning Concepts // *Computational Approaches for Urban Environments* / ed. Helbich M., Jokar Arsanjani J., Leitner M. Cham: Springer International Publishing, 2015. P. 13–48.
69. *Bosch M., Jaligot R., Chenal J.* Spatiotemporal patterns of urbanization in three Swiss urban agglomerations: insights from landscape metrics, growth modes and fractal analysis // *Landscape Ecol.* 2020. Vol. 35, № 4. P. 879–891.
70. *Man X., Chen Y.* Fractal-Based Modeling and Spatial Analysis of Urban Form and Growth: A Case Study of Shenzhen in China // *IJGI.* 2020. Vol. 9, № 11. P. 672.

71. *Encalada-Abarca L., Ferreira C.C., Rocha J.* Measuring Tourism Intensification in Urban Destinations: An Approach Based on Fractal Analysis // *Journal of Travel Research*. 2022. Vol. 61, № 2. P. 394–413.
72. *Radziejewski M., Kundzewicz Z.W.* Fractal analysis of flow of the river Warta // *Journal of Hydrology*. 1997. Vol. 200, № 1. P. 280–294.
73. *Sadegh Movahed M., Hermanis E.* Fractal analysis of river flow fluctuations // *Physica A*. 2008. Vol. 387, № 4. P. 915–932.
74. *Sivakumar B.* Fractal analysis of rainfall observed in two different climatic regions // *Hydrological Sciences Journal*. 2000. Vol. 45, № 5. P. 727–738.
75. *Dubovikov M. M., Starchenko N. V.* Econophysics and the fractal analysis of financial time series // *Phys.-Usp.* 2011. Vol. 54, № 7. P. 754–761.
76. *Sviridov O. Y., Nekrasova I. V.* Fractal analysis of financial markets // *МНИЖ*. 2016. Vol. 52, № 10–1.

УДК 910.1

ГЛОБАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ВЫЗОВЫ ВТОРОЙ ДЕКАДЫ XXI ВЕКА

Е. А. Антипова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, antipovaekaterina@gmail.com*

В статье посредством анализа данных ежегодной официальной статистики ООН за 2020-2023 гг. и оценки экспертных мнений, проведен обзор прогресса в области устойчивого развития по шести глобальным социально-экономическим проблемам. Излагаются взгляды научного сообщества относительно путей обеспечения планетарной устойчивости в условиях антропоцена.

Ключевые слова: цели устойчивого развития (ЦУР); антропоцен; новая парадигма; планетарное достояние; архитектура глобальной системы управления.

GLOBAL GUIDELINES FOR SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT: CHALLENGES OF THE SECOND DECADE OF THE XXI CENTURY

E. A. Antipova

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, antipovaekaterina@gmail.com*

The review of progress in the field of sustainable development on six global socio-economic problems was carried out in article based on the annual official statistics of the UN for 2020 - 2023 and assessment of expert opinions. The views of the scientific community regarding ways to ensure planetary sustainability in the Anthropocene are presented.

Keywords: sustainable development goals (SDG); Anthropocene; new paradigm; planetary commons; architecture of the global governance system.

Устойчивое развитие человечества выступает эволюционно обусловленной парадигмой, осмысление необходимости которой связано с резким обострением экологических проблем человечества в 1970-1980 гг. В 1987 г. Организацией Объединенных Наций опубликован первый международный доклад «Наше общее будущее», известный как «Доклад Брундтланд», где впервые прозвучали идеи устойчивого развития [1]. В обеспечении устойчивого развития реализуются две ключевые концепции: 1) концепция «потребностей», связанная с обеспечением основных потребностей

бедных слоев населения мира, которым следует уделить первоочередное внимание; 2) концепция «ограничений», связанная с ростом технологических нагрузок, изменениями социальной организации и способностями окружающей среды удовлетворять настоящие и будущие потребности. Институализация идеи и принципов устойчивого развития проведена на Саммите Земли в 1992 г. в Рио-де-Жанейро. Достижение человечеством триединого баланса между экономическим развитием, защитой окружающей среды и социальным благополучием с конца XX в. выступает глобальным ориентиром устойчивого развития человечества.

Принятых всеми государствами-членами ООН в 2015 г. 17 целей устойчивого развития («ЦУР» или «Глобальные цели»), страны пытаются достичь не позднее 2030 г. для обеспечения сбалансированного и устойчивого пути развития [2]. Целями устойчивого развития до 2030 г. предусмотрено решение шести основных глобальных проблем социально-экономического характера — ликвидация нищеты (Цель 1), ликвидация голода (Цель 2), обеспечение недорогостоящей и чистой энергией (Цель 7), достижение достойной работы и экономического роста (Цель 8), создание устойчивых городов и населенных пунктов (Цель 11), формирование ответственного потребления и производства (Цель 12). Как происходит достижение целей в условиях геополитических, социально-экономических трансформаций человечества во второй декаде XXI в.? Обеспечивается ли прогресс в решении ключевых глобальных социально-экономических проблем? Вырабатываются ли в мире новые подходы к обеспечению устойчивого развития человечества, и с какими новыми глобальными проблемами будет связано развитие мира? Эти вопросы выступают предметом настоящего исследования. Информационной основой исследования стала ежегодная официальная статистика ООН по достижению ЦУР [3 - 5].

Анализ данных показал, и это подтверждается мнением авторитетных экспертов UNDP, что мир во второй декаде XXI в. вступил в эру поликризиса, и прогресс в области целей устойчивого развития находится под угрозой в результате четырех вызовов: климатического кризиса; конфликтов; негативных прогнозов глобальной экономики; затяжных последствий COVID-19.

Динамика прогресса в области решения *глобальной проблемы нищеты* показала, что восстановление после пандемии идет медленно и неравномерно: уровень крайней нищеты (проживание на сумму менее чем 2,15 долл. США на человека в день по ППС) упал с 9,3 % в 2020 г. до 8,8 % в 2021 г. В 2021 г. уровень бедности вырос по сравнению с предыдущим годом примерно в 41 % стран с низким уровнем дохода, в то время как в странах с уровнем дохода выше среднего — только в 13 %. Конфликт в Украине стал причиной сбоя в мировой торговле, что привело к росту

стоимости жизни, непропорционально сильно сказавшемуся на бедных слоях населения. Кроме того, изменение климата создает существенные угрозы для сокращения масштабов нищеты. Число людей, которые по-прежнему живут в крайней нищете, в 2022 г. составило 8,4 % населения планеты, или около 670 млн. человек. В 2030 г. при сохранении нынешних тенденций в условиях крайней нищеты будут жить 575 млн. человек [4].

Оценка решения *проблемы голода* показала, что число людей, сталкивающихся с голодом и отсутствием продовольственной безопасности, растет с 2015 г. Причем, ситуация усугубилась пандемией, конфликтами, изменением климата и усиливающимся неравенством. В 2022 г. число людей, сталкивающихся с хроническим голодом, составляло примерно 9,2 % населения мира, т. е. около 735 млн. человек, что на 122 млн. больше, чем в 2019 г. Число людей, испытывающих умеренную или острую нехватку продовольствия, т. е. не имеющих доступа к достаточному количеству еды, составляло, по оценкам, 29,6 % населения мира, или 2,4 млрд. человек. Это на 391 млн. человек больше, чем в 2019 г. [4]. Несмотря на глобальные усилия, в 2022 г., по оценкам, 45 млн. детей в возрасте до пяти лет страдали от истощения, 148 млн. — от задержки роста, а 37 млн. — от избыточного веса. Поэтому для выполнения поставленных на 2030 г. задач в области питания требуется кардинально изменить траекторию развития.

Проблема *обеспечения недорогостоящей и чистой энергией* остается чрезвычайно актуальной в связи с тем, что в 2021 г. 675 млн. человек, в основном проживающих в наименее развитых странах, не имели доступа к электроэнергии. Несмотря на поступательный прогресс в последние шесть лет, в 2019-2021 гг. темпы расширения доступа в размере 0,6 % в год были ниже, чем в 2015-2019 гг., когда они составляли 0,8 %. Если нынешние темпы сохранятся, то к 2030 г. около 660 млн. человек по-прежнему не будут иметь доступа к электроэнергии [3, 4].

Многочисленные кризисы представляют серьезную угрозу для *мировой экономики*. Восстановление мировой экономики продолжается, но низкими темпами. С 2015 по 2019 гг. глобальный показатель реального ВВП на душу населения увеличивался в среднем на 1,8 % в год, а затем резко сократился в 2020 г. на 4,1 % из-за пандемии COVID-19. Затем в 2021 г. он вновь продемонстрировал уверенный рост на 5,2 %, который в 2022 г. замедлился до 2,2 %. В 2022 г. серьезно препятствовал глобальному экономическому росту конфликт на Украине. Прогнозируется, что после 2023 г. рост незначительно ускорится до 1,6% [3, 4].

Проблема *обеспечения устойчивого развития городов* связана с ускоряющейся урбанизацией в наименее развитых странах и быстрым ростом населения, проживающего в городских трущобах. В настоящее время в городах проживает 55 % населения мира, а к 2050 г. этот показатель, по

прогнозам, достигнет 70 %. Хотя доля городского населения, проживающего в трущобах, несколько снизилась — с 25,4 до 24,2 % в период с 2014 по 2020 гг., по мере роста урбанизации общее число обитателей трущоб продолжает увеличиваться. В трущобах или в схожих с ними условиях в городах проживают почти 1,1 млрд человек, а в течение следующих 30 лет их число вырастет, как ожидается, еще на 2 млрд. [4].

Глобальные кризисы спровоцировали *рост потребления*. Нерациональные модели потребления и производства — первопричина тройственного общепланетарного кризиса изменения климата, загрязнения и утраты биоразнообразия. В период с 2000 по 2019 гг. глобальное внутреннее материальное потребление — количество сырья, непосредственно потребляемого в рамках производственных процессов в той или иной стране — увеличилось на 66 %, при этом втрое превысив показатель 1970-х гг. и достигнув 95,1 млрд. метрических тонн. Это составляет 12,3 тонны на человека [3, 4].

Проблемы с достижением целей устойчивого развития до 2030 г. побуждают международное научное сообщество проводить исследования в этой области и предлагать принципиально новые механизмы обеспечения ее устойчивости. Университет Линкольна (Великобритания) является одним из ведущих в области поддержки программы ООН по устойчивому развитию. В январе 2024 г. учеными представлен инновационный проект «Планетарное достояние» («Planetary Commons»). Авторы обосновывают, что антропоцен [6] означает начало безаналоговой траектории развития системы Земли, принципиально отличающейся от голоцена. По мере того, как мир углубляется в антропоцен с постоянно растущим антропогенным давлением на систему Земли, все чаще звучат призывы к смене парадигмы к управлению планетарными рисками и социальным переходом к устойчивому будущему. Признание важнейших биофизических систем, которые регулируют систему Земли, как «планетного достояния» является важной частью смены парадигмы. Система планетарного достояния является примером подхода, целью которого является управление биофизическими системами на Земле, от которых коллективно зависит мир. Человечеству требуется фундаментальный переход от сосредоточения внимания на управлении общими ресурсами за пределами национальной юрисдикции к обеспечению важнейших функций системы Земли независимо от национальных границ. Парадигма «планетарного достояния» отличается от глобального тем, что включает не только глобальные географические регионы, но и критические биофизические системы, которые регулируют устойчивость и состояние, а, следовательно, и пригодность жизни на Земле. Понимание парадигмы планетарного достояния должно сформулировать и создать всеобъемлющие обязательства по управлению

посредством управления системой Земли, направленного на восстановление и укрепление планетарной устойчивости и справедливости [7].

Улучшение различных показателей благосостояния человека, произошедшее за последние полвека, включая значительный прогресс в средней продолжительности жизни, устойчивое снижение детской смертности и рост грамотности привело к тому, что планета столкнулась с экологическими ограничениями и часто приводит к социальному отчуждению и расширению неравенства. Предсказанные группой ученых под руководством Д. Медоуз пределы роста достигнуты [8]. Еще одним инновационным механизмом обеспечения устойчивого развития мира, к которому пришли международные эксперты, стало радикальное улучшение базовой архитектуры глобальной системы управления, основанной на фундаментальных положениях права [9].

Вызывают интерес активные дискуссии в научных кругах о сущности мегаглобальных направлений и проблем развития человечества к 2050 г. Ведущие ученые выделяют среди них следующие десять: генетическая модификация человека, взрыв демографического старения, повышение уровня моря и исчезновение городов, эволюция социальных медиа, новая геополитическая напряженность, безопасность передвижения в условиях беспилотного транспорта, сокращение редкоземельных ресурсов, освоение космического пространства и глобальная дипломатия, увеличение силы мозга, доминирование ИИ в нашей жизни [10].

Коллективная обеспокоенность будущим развитием человечества и планеты обусловили проведение в 2024 г. Саммита будущего по теме «Многосторонние решения для лучшего будущего» под эгидой ООН. Главной целью мероприятия является разработка Пакта о будущем, который поможет продвинуться в достижении ЦУР к 2030 г. [11].

Повестка дня на период до 2030 г. подчеркивает важность интеграции и неделимости в решении проблем устойчивого развития, поощряя системный подход. Определив причинно-следственные механизмы, которые приводят как к синергии, так и к компромиссам, мир сможет лучше понять факторы, которые способствуют прогрессу или препятствуют ему. Использование этих знаний может сделать дискуссию по устойчивому развитию после 2030 г. более целенаправленной и помочь определить приоритеты на будущее.

Библиографические ссылки

1. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future [Electronic resource]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (date of access: 03.02.2021).

2. Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения 15.04.2023).

3. The Global Sustainable Development Report 2022 [Electronic resource]. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2022/> (date of access: 30.01.2024).
4. The Global Sustainable Development Report 2023. «Times of Crisis, Times of Change: Science for Accelerating Transformations to Sustainable Development». [Electronic resource]. URL: <https://sdgs.un.org/gsdr/gsdr2023/> (date of access: 30.01.2024).
5. The Sustainable Development Goals Report 2023: Special Edition. [Electronic resource]. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2023/> (date of access: 30.01.2024).
6. Human Development Report 2020. The Next Frontier: Human Development and the Anthropocene. [Electronic resource]. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2020> (date of access: 09.09.2021).
7. *Rockström J., Kotzé L., Milutinović S. etc.* The planetary commons: A new paradigm for safeguarding Earth-regulating systems in the Anthropocene // Proceedings of the National Academy of Sciences. (PNAS). 2024. Tom. 121 №5. P. 1-10. <https://doi.org/10.1073/pnas.2301531121>.
8. *Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J.* Beyond the Limits: Confronting Global Collapse, Envisioning a Sustainable Future. Chelsea Green Pub Co. 1993.
9. *Lopez-Claros A, Dahl A.L., Groff M.* The Challenges of the 21st Century. In: Global Governance and the Emergence of Global Institutions for the 21st Century. Cambridge University Press; 2020:3-29.
10. 10 grand challenges we'll face by 2050 [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20170713-what-will-the-challenges-of-2050-be> (date of access: 03.02.2023).
11. Accelerating the SDGs Through the 2024 Summit of the Future [Electronic resource]. URL: <https://sdg.iisd.org/commentary/guest-articles/accelerating-the-sdgs-through-the-2024-summit-of-the-future/> (date of access: 30.01.2024).

УДК 910.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНДЕКСА БИЛЛЕТЕРА ПРИ ИЗУЧЕНИИ СТАРЕНИЯ

Е. А. Антипова, Ли Чэнь

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, antipovaekaterina@gmail.com, 1914391266@qq.com*

В статье посредством литературного и сравнительного методов проведен анализ роли и значения индекса Биллетера в прикладной демографии. Представлена сущность и особенности применения индекса Биллетера в процессе анализа возрастной структуры населения Китая, выявления степени ее старения и возможностей воспроизводства демографического потенциала в разрезе регионов.

Ключевые слова: индекс Биллетера; возрастная структура населения; старение; демографическая нагрузка.

THE USE OF THE BILLETER INDEX IN THE AGING STUDY

E. A. Antipova, Li Chen

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, antipovaekaterina@gmail.com, 1914391266@qq.com*

The role and significance of the Billeter index in applied demography are analyzing with using literary and comparative methods in the article. The essence and features of the using of the Billeter index in the process of analyzing the age structure of China's population, identifying the degree of its aging and the possibilities of reproducing of demographic potential by region are presented.

Keywords: Billeter index; population age structure; aging; demographic dependence.

Вопросы демографической динамики исторически выступают предметом острых дискуссий в научных кругах всего мира, а четкое понимание трендов развития демографических процессов и оценка потенциала развития населения являются основой для эффективного решения демографических проблем. В международном контексте все более стареющего населения необходим всесторонний анализ возрастной структуры населения. Учет изменений, происходящих в возрастной структуре населения, позволяет своевременно планировать развитие региона: выявлять, объяснять и прогнозировать развитие социально-экономической сферы, разрабатывать и внедрять программы в области здравоохранения, социально-экономической и трудовой политики [1].

Для оценки процесса демографического старения населения используется сложившаяся в науке система показателей: уровень старения, определяемый по шкалам старения Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета и ООН, синтетический коэффициент старения З. Длугожа; индекс старения и др. [2,3].

Особое место среди показателей старения занимает индекс Биллетера (Billeter J). Бесспорная значимость индекса заключается в том, что он отражает потенциал развития населения, или естественное воспроизводство возрастной структуры населения.

Индекс был разработан Э. Биллетером в 1954 г. [4] и характеризует долю лиц, моложе репродуктивного возраста (0-14 лет) и старше репродуктивного возраста (50+ лет), приходящихся на 100 человек репродуктивного возраста (15-49 лет). Он рассчитывается как отношение разницы численности населения в возрасте 0-14 лет и 50+ лет к численности населения в возрасте 15-49 лет по формуле:

$$J = \frac{P_{0-14} - P_{50+}}{P_{15-49}},$$

где J - индекс Биллетера; P_{0-14} - численность населения в возрасте 0 - 14 лет; P_{50+} - численность населения в возрасте 50+ лет; P_{15-49} - численность населения в возрасте 15 - 49 лет.

Индекс Биллетера принимает положительные и отрицательные значения. Положительные значения свидетельствуют о том, что в общей численности населения доля детей больше, чем доля лиц в возрасте 50+ лет. Отрицательные значения свидетельствуют о том, что доля лиц в возрасте 50+ лет больше, чем доля детей. В целом, отрицательные значения индекса говорят о происходящем процессе старения населения, положительные — о его отсутствии.

Индекс Биллетера до сих пор не получил широкого распространения в качестве важного показателя для изучения демографического развития. Однако многие ученые на международном уровне постепенно обращают на него внимание и начинают применять его для углубленного изучения изменений возрастной структуры населения стран. Так, с учетом глобального тренда старения и его влияния на социально-экономическое развитие стран внесены коррективы в его расчет, путем замены группы населения в возрасте 50+ лет на группу 65+ и соответственно в группу, несущую на себе основную демографическую нагрузку — с группы 15-49 лет на 15-64 года [5]:

$$J = \frac{P_{0-14} - P_{65+}}{P_{15-64}},$$

где J - индекс Биллетера; P_{0-14} - численность населения в возрасте 0-14 лет; P_{65+} - численность населения в возрасте 65+ лет; P_{15-64} - численность населения в возрасте 15 - 64 лет.

Расчет индекса Биллетера позволяет проанализировать не только воспроизводство возрастной структуры и ее старение, но оценить старение рабочей силы, что нашло отражение в исследовании занятости пожилых людей на примере Германии [6].

Значение индекса Биллетера возрастает при оценке воспроизводства возрастной структуры на региональном уровне и в странах с большой площадью территории и значительными различиями в демографическом развитии. В связи с этим, необходимость расчета индекса Биллетера в разрезе регионов была научно обоснована учеными Казахстана и включена с 2017 г. в соответствии с Приказом Председателя Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан от 21 сентября 2017 г. № 134 в обязательный перечень показателей численности и структуры населения Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан [7]. Рассчитывая с 2018 г. индекс Биллетера в разрезе областей Казахстана, ученые рассчитывают демографическую нагрузку, определяют «возраст» областей, выделяя «молодые» и «старые», и разрабатывают региональные прогнозы [8].

В Китае большинство ученых традиционно использует в исследованиях коэффициент демографической нагрузки детьми и пожилым населением для изучения возрастной структуры населения. Однако индекс Биллетера пока не получил широкого распространения. В соответствии с реальной демографической ситуацией в Китае, масштабным и интенсивным старением населения, нами видится необходимым его расчет на уровне провинций с учетом значительных пространственных различий в уровне развития и демографической ситуации для обеспечения устойчивого экономического роста.

В связи с этим, была собрана официальная статистика в разрезе провинций Китая по трем временным точкам: 2000, 2010 и 2020 гг. [9]. посредством расчетов, были получены значения индекса Биллетера, позволившие установить, во-первых, временной тренд роста демографической нагрузки населением в возрасте 65+ лет и старения населения, во-вторых, значительную пространственную дифференциацию Китая с выделением как «чрезвычайно постаревших провинций» с растущими отрицательными значениями индекса, так и «относительно молодых провинций». Прикладная значимость расчетов заключается в возможности использования территориального подхода при разработке направлений государственной демографической политики в области старения.

Индекс Биллетера, по нашему мнению, должен выступать базовым показателем для оценки воспроизводства возрастной структуры населения в странах мира в условиях глобального тренда старения во избежание негативных последствий. Расчет индекса Биллетера в странах со значительной внутривостановой дифференциацией социально-экономического развития будет способствовать разработке более обоснованных мер региональной политики.

Библиографические ссылки

1. Секички-Павленко О. О., Неклюдова Н. П. Изменение половозрастной структуры населения региона в муниципальных образованиях Свердловской области // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 6. С. 131–148. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.8.

2. Антупова Е. А. Старение населения: география процесса и новые подходы к экономико-географическому изучению // Вучоныя запіскі Брэсцкага дзяржаўнага ўнта імя А. С. Пушкіна. 2007. Т. 3. Ч. 2. С. 134–142.

3. Антупова Е. А. Демографическое старение населения Республики Беларусь: пространственно-временная динамика и региональные тренды в контексте устойчивого развития // Белорусский экономический журнал. 2017. № 4. С. 129-146.

4. Billeter E. P. Grundlagen der erforschenden Statistik: statist. Testtheorie. Wien, New York: Springer-Verlag, 1972.

5. Weber L. Demographic Change and Economic Growth: Simulations on Growth Models. Springer Science & Business Media, 2010.

6. Schmidt K. Betriebliche Faktoren der Beschäftigung Älterer: Theoretische Überlegungen und empirische Analysen zu Bestand, Eintritten und Austritten. University of Bamberg Press, 2014.

7. Об утверждении Методики расчета показателей численности и структуры населения Приказ Председателя Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан от 21 сентября 2017 года № 134. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 6 октября 2017 года № 15860. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/V1700015860> (дата обращения 03.09.2023).

8. Ниязбекова Р. К., Илашева С. А., Бекназаров Б. Д., Есенбекова С. С. Демографические условия формирования трудовых ресурсов Туркестанской области // Вестник науки Южного Казахстана. 2021. № 1(13). С. 208-216.

9. Национальное бюро статистики Китая. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/> (дата обращения: 25.10.2022).

УДК 910.1

РОЛЬ РЕЛЬЕФА В РАЗМЕЩЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ КИТАЯ

Е. А. Антипова, Лю Ян

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, antipovaekaterina@gmail.com, 617983982@qq.com*

В статье проведен анализ размещения населения Китая в зависимости от рельефа местности. Проведена типизация провинций с учетом рельефа и высоты над уровнем моря и плотности населения, а также впервые применительно к Китаю выделены типы городов 1-5 уровней в зависимости от высоты над уровнем моря. Установлено, что в Китае преобладают города равнинного типа географического расположения.

Ключевые слова: рельеф; высота над уровнем моря; плотность населения.

THE ROLE OF RELIEF IN THE DISTRIBUTION OF THE POPULATION OF CHINA

E. A. Antipova, Liu Yang

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4 220030, Minsk,
Belarus, antipovaekaterina@gmail.com, 617983982@qq.com*

The distribution of China's population depending on the relief is analyzing in the article. The typing of provinces was carried out depending on the relief, depending on the altitude above sea level and population density, and for the first time in relation to China, types of cities of 1-5 levels were identified depending on the altitude above sea level. It has been established that the cities of the flat type of the geographical location predominate in China.

Keywords: relief; altitude above sea level; population density.

Китай представляет уникальную в физико-географическом отношении страну с чрезвычайно сложным и разнообразным рельефом. На его территории имеются высокие горы, плато, обширные равнины и пустыни. Территория страны напоминает гигантскую четырехступенчатую лестницу, спускающуюся с запада на восток. В тоже время, основной чертой рельефа Китая является гористость. Лишь 16 % территории страны расположено на высоте менее 500 м над уровнем моря; 19 % — в интервале 500-1000 м, 28 % — 1000-2000 м, 18 % — 2000-5000 м и 19 % — на высоте свыше 5000 м [1]. Данная особенность оказывает влияние на социально-экономическое развитие страны и обуславливает различия в уровне жизни между регионами, провинциями и городами. В связи с этим, исследование современных тенденций размещения и расселения населения Китая в

зависимости от рельефа является актуальным с точки зрения выявления степени дифференциации и перспектив возможного использования горных территорий в развитии урбанизации [2, 3].

Природно-географический фактор исторически оказывает влияние на размещение населения Китая. Как показали расчеты (табл. 1), 12 провинций страны расположены в горах и на плоскогорьях, тогда как более половины провинций (22) расположены на равнинных территориях. Равнинная и открытая местность более благоприятна для городского развития. В горных районах, из-за ограничений местности, города распределены полосами, что влияет на масштаб развития и уровень города. На высоте выше 4000 м расположены две провинции — Тибетский АР, Цинхай.

Таблица 1

Распределение провинций Китая в зависимости от рельефа

Тип провинций в зависимости от рельефа	Провинции	Количество провинций, ед.	Доля провинций, %
Тип 1. Высокогорные провинции (выше 4000 м)	Тибетский АР, Цинхай	2	5,9
Тип 2. Плато и среднегорные провинции (4000 - 500 м)	Синьцзян-Уйгурский АР, Ганьсу, АР Внутренняя Монголия, Нинся, Шэньси, Шаньси, Сычуань, Чунцин, Гуйчжоу, Юньнань	10	29,4
Тип 3. Равнинные провинции (менее 500 м)	Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, Пекин, Тяньцзинь, Хэбэй, Шаньдун, Хэнань, Аньхой, Цзянсу, Шанхай, Хубэй, Хунань, Цзянси, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуанси-Чжуанский АР, Гуандун, Хайнань, Тайвань, Гонконг, Макао	22	64,7

Плотность населения представляет показатель, определяющий характер размещения населения в стране. Исторически природно-географический фактор (по А. Ягельскому) определял ареалы высокой плотности населения в долинах рек Янцзы и Хуанхэ. В 1935 г. китайский географ Ху Хуаньюн предложил линию сравнения для деления плотности населения Китая. Линия Ху представляет собой прямую линию под углом примерно 45° , проходящую с северо-востока на юго-запад [4].

Данные о площади и численности населения юго-восточной части и северо-западной части Китая от линии Ху Хуаньюн сильно различаются: юго-восточная занимает меньшую площадь, но густонаселена; северо-западная занимает большую территорию, но малонаселена. По данным статистики 1935 г., соотношение площади и численности населения юго-восточной и северо-западной частей составляло соответственно 36 %:64 % и 96 %:4 %. Линия Ху — это не только контрастная линия, разделяющая страну по плотности населения. Она оказывает значительное влияние на экологическую среду и экономическое развитие Китая. Однако, даже в наше время общая структура населения Китая сохраняет тенденцию к высокой плотности населения на юго-востоке от линии Ху и низкой на северо-западе.

Расчеты плотности населения в разрезе провинций выявили пространственную дифференциацию. При среднем значении плотности населения в стране в 2020 г. 147,1 чел. км² (без учета Макао, Тайваня и Гонконга) средняя плотность населения по провинциям составляет 654,5 чел. км². Китай характеризуется чрезвычайно большой внутривосточной дифференциацией в плотности населения. Максимум плотности наблюдается в САР Макао (20 762,92 чел./км²), минимальное значение — в Тибетском автономном районе (3 чел./км²) [5].

Такие различия позволили разделить провинции Китая на пять групп в зависимости от плотности населения (табл. 2). Чрезвычайно высокой плотностью населения характеризуются Гонконг, Пекин, Шанхай, Тяньцзинь). В западной части страны располагаются провинции с низкой плотностью населения (напр., Синьцзян-Уйгурский АР, АР Внутренняя Монголия, Цинхай).

В Китае выделяется пять уровней городов в соответствии классификацией Yi Cai [6]. Анализ расположения 337 городов в зависимости от высоты над уровнем моря и уровня города показал, что все города первого уровня (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Шэньчжэнь) имеют самые сильные комплексные возможности развития, расположены на равнинных территориях на высоте до 500 метров (табл. 3). Города нового первого уровня также преимущественно расположены на равнинных территориях (11, или 73 %), за исключением четырех (Чунцин, Чэнду, Куньмин, Сиань), приуроченных к среднегорьям и плато.

Таблица 2

**Распределение провинций Китая по высоте и плотности населения,
2020 г. [сост. по 5]**

Тип провинций в зависимости от рельефа	Количество провинций по плотности населения в чел. на км ² , ед.					
	Низкая (менее 100)	ниже средней (100 - 550)	средняя (550 - 750)	выше средней (750 - 1000)	высокая (1000 - 3000)	чрезвычайно высокая (более 3000)
Тип 1. Высокогорные провинции (выше 4000 м)	2	0	0	0	0	0
Тип 2. Плато и среднегорные провинции (4000-500 м)	3	7	0	0	0	0
Тип 3. Равнинные провинции (менее 500 м)	2	10	5	1	2	2
Итого провинций	7	17	5	1	2	2

Таблица 3

**Распределение городов Китая 1 – 5 уровней
в зависимости от высоты над уровнем моря, 2020 г. [сост. по 6]**

Тип города в зависимости от рельефа	Уровни городов и их количество, ед.						Всего городов	Доля городов, %
	1	новый 1	2	3	4	5		
Тип 1. Высокогорные города (выше 4000 м)	0	0	0	0	1	14	15	4,5
Тип 2. Плато и среднегорные города (4000 - 500 м)	0	4	2	9	27	71	113	33,5
Тип 3. Равнинные города (менее 500 м)	4	11	28	61	62	43	209	62,0
Итого городов	4	15	30	70	90	128	337	100,0

Расположение городов 2 и 3 уровней также подтверждает эту географическую черту их расположения, что доказывает влияние природно-географического фактора на социально-экономическое развитие городов в Китае [5]. В целом, 209 городов всех уровней (62 %) расположены на равнинных территориях на высоте менее 500 метров, и чем выше уровень

города, тем больше их количественно расположено на равнинных территориях. Прослеживается закономерность снижения уровня городов по мере увеличения высоты его расположения над уровнем моря. Так, среди городов 4 и 5 уровней 15 расположены в высокогорных районах и 98 (45 %) — на плато и среднегорьях.

Учитывая расположение большого количества городов Китая в горной местности, в последние годы учеными и правительством Китая стало уделяться большое внимание вопросу развития горной урбанизации [7]. Горные ресурсы содержат огромный потенциал развития. Однако, уникальная географическая среда усугубляет дисбаланс между регионами. Общий уровень экономического развития горных городов серьезно отстает от среднего по стране. Если проблема урбанизации в горных районах не будет решена, социально-экономическое развитие Китая будет деформированным [8]. Поскольку Китай продолжает продвигать скоординированное региональное развитие, ускорение процесса урбанизации в горных районах имеет очень важное практическое значение для повышения уровня развития горных экономик, сокращения региональных разрывов в развитии, улучшения экологической среды горных районов и содействия социальному прогрессу.

Библиографические ссылки

1. 喻红, 曾辉, 江子瀛等. 快速城市化地区景观组分在地形梯度上的分布特征研究 // 地理科学. 2001年. 第21号. 第64-69页. Юй Х., Цзэн Х., Цзян Цз. и др. Исследование особенностей распределения компонентов ландшафта на топографических градиентах на быстро урбанизирующихся территориях // Географическая наука. 2001. №21. С. 64-69.
2. 刘彦随. 山地土地类型的结构分析与优化利用 // 地理学报. — 2001年. — 第56号. — 第426-436页. Лю Я. Структурный анализ и оптимальное использование горных типов земель // Acta Geographica Sinica. 2001. № 56. С. 426-436.
3. 熊黑钢, 邹桂红, 崔建勇. 城市化过程中地形因素对城市空间结构演变的影响——以乌鲁木齐市为例 // 地域研究与开发. — 2012年. — 第31号 — 第55-59页. Сюн Х., Цзоу Г., Цуй Цз. Влияние топографических факторов на эволюцию городской пространственной структуры в процессе урбанизации на примере Урумчи // Региональные исследования и разработки. 2012. № 31. С. 55-59.
4. 胡焕庸. 中国人口之分布—附统计表与密度图 // 地理学报. 1935年. 第2号 第33-74页. Ху Х. Распределение населения Китая – со статистическими таблицами и картами плотности // Acta Geographica Sinica. 1935. № 2. С. 33-74.
5. China City Statistical Yearbook 2021. China Statistics Press, 2021 – 395 p.
6. 1-5线城市完整名单. YiCai Global 2023. [Электронный ресурс]. Полный список городов 1–5 уровней. Режим доступа: https://www.sohu.com/a/680912173_121124305. Дата доступа: 15.07.2023.

7. 彭秋志,黄培依,陈笛,朱丹. 2000—2020年中国人口数量在地形梯度上的分布与变化特征 // 地理科学进展. 2023年. 第 42号 第2019-2032页. Пэн Ц., Хуан П., Чэнь Д., Чжу Д. Распределение и особенности изменения населения Китая по градиенту местности с 2000 по 2020 год // Прогресс географических наук. 2023. № 42. С. 2019-2032.

8. 陈国阶. 中国山区发展面临的问题与挑战 // 科技导报. 2004年. 第 22号. 第55-58页. Чэнь Г. Проблемы и задачи развития горных территорий Китая // Вестник науки и техники. 2004. № 22. С. 55-58.

УДК 911.3

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУРИЗМА

С. В. Артеменко, И. Л. Федорова

*Брестский государственный университет, бульвар. Космонавтов, 21
224000, Брест, Беларусь, serg2462@mail.ru, fedorova_brsu@mail.ru*

Представлен обзор основных актуальных элементов проблемного поля географических исследований туризма. Кроме конкретизации традиционных объектов географических исследований туризма, выделяются и актуальные исследования новых проблем и задач развития туризма. Отмечается существенное расширение спектра вопросов и проблем туристической тематики в географических исследованиях.

Ключевые слова: географические исследования туризма; проблемное поле географии; география туризма; туристическое пространство; туристическая регионализация; туристическая картография.

GEOGRAPHICAL RESEARCH OF TOURISM

S. V. Artiomenko, I. L. Fiodorova

*Brest State University, blvd. Kosmonavtov, 21
224000, Brest, Belarus, serg2462@mail.ru, fedorova_brsu@mail.ru*

An overview of the main current elements of the problem field of geographical tourism research is presented. In addition to specifying the traditional objects of geographical tourism research, current research into new problems and tasks of tourism development is also highlighted. There is a significant expansion of the range of issues and problems of tourism in geographical research.

Keywords: geographical tourism studies; problem field of geography; geography of tourism; tourist space; tourism regionalization; tourist cartography.

На феномен туризма обратили внимание ученые и, прежде всего — географы. Первыми в поле зрения географии попали связи между природной средой и деятельностью общества. По мере расширения исследовательской тематики, стало очевидно, что география единственная наука, которая, учитывая имеющуюся научную базу и исследовательский методический аппарат, может изучать не только связи туристических миграций с природной средой, но и правильно интерпретировать их как пространственные явления и социально-экономический феномен.

Практика географических исследований туризма связана с изучением ряда разнообразных вопросов и проблем, определяющих существенные черты этого явления. Важное значение имеют *теоретические и*

методические исследования. Формируется терминология, понятийно-терминологический аппарат не только специально-географических, но и других отраслевых исследований. За последние десятилетия географами подготовлено и издано много учебников [1,2,3,4].

Ряд тем и теоретических объектов являются актуальными элементами проблемного поля географии в сфере туризма и изучаются географами.

Туристическое пространство. Туристическое пространство является частью (подпространством) географического пространства, используемое человеком для целей туризма. Функциональное туристическое пространство является показателем туристической активности в туристическом пространстве.

Оценка природных ресурсов для целей туризма. Определение пригодности природной среды для целей туризма. Значение качества среды для развития туризма. Маркетинг территориальных туристско-рекреационных ресурсов.

Связи в системе «туризм — охрана окружающей среды». Туризм и охрана окружающей среды. Организация экологического туризма. Географический анализ проблем устойчивого развития туризма.

Определение порогов устойчивости природной среды на влияние туристических процессов. Исследования, касающиеся природных барьеров развития туризма. Определение величины показателей, превышение которых может привести к деградации окружающей среды.

Туристическое освоение охраняемых территорий: национальных и ландшафтных парков, заповедников и резерватов. Моделирование условий сосуществования природоохранной функции, выполняемой этими территориями, с функцией развития туризма.

Классификация и типология туристических территорий. Использование географических подходов к систематизации туристических территорий. Комплексный анализ иерархии туристических территорий и дестинаций.

Значительный опыт географических исследований связей между окружающей средой и туризмом, позволил выделить новое исследовательское направление — **геоэкология туризма**. Исследования в этом направлении с новой стороны показали связи между природной средой и ее туристическим освоением.

Туристические поселения, расположение объектов, модели развития. Здесь — модели хозяйственного освоения систем расселения и отдельных городов и сельских населенных пунктов. Типология поселений, выполняющих туристические функции. Пространственные

закономерности туристического потенциала. Рекомендации по размещению туристических объектов в городах.

Курорты и санаторно-курортные зоны. Особые функции, особые ресурсы. Изучение природно-географических предпосылок организации туристических и курортных зон. Возникло самостоятельное направление географических исследований — география курортов.

Туристическое освоение пространства, пространственное планирование туризма. Туристическое освоение различных по масштабам элементов пространства и освоение различными видами туристической деятельности. Использование пространственного и комплексного подходов для разработки стратегий развития туризма для различных регионов и местностей.

Исследование вопросов развития туризма в пригородной зоне, зонах влияния городских агломераций. Освоение и обустройство этих зон для туризма. Пространственный охват, процессы ассимиляции.

Туристическая регионализация. Изучение процесса деления территории, при котором регионы идентифицируются по наличию у них особых туристско-рекреационных признаков. Выделение туристических регионов, отличающиеся друг от друга по набору и степени выраженности признаков. Составление схем регионализации в международных туристических обменах.

Хозяйственные аспекты туризма. Роль туризма в хозяйстве регионов и населенных пунктов. Исследование степени развития туристических функций. Проблемы туристического хозяйства.

Туристический продукт. Исследуется туристический продукт в широком понимании, включая туристические ресурсы, туристическое освоение пространства. Модификация туристических продуктов. Инновационные подходы к созданию туристического продукта.

Исследования туристических потоков. Учет туристов и моделирование туристических потоков. Формы туристических потоков.

Отдельные виды туризма. Самая разнообразная проблематика. Географы выявляют (фиксируют) новые виды туризма, поэтому много работ пионерного характера. География туристического спроса Исследование дисфункций в туризме. Изучение проблемы использования свободного времени с туристическими целями.

Религиозный туризм. Влияние на туристические потоки. География паломничества: центров и туристических потоков. География экскурсионного туризма религиозной тематики. География научного туризма с религиозно-научными целями.

Туристическая картография. Разработка содержания и методов построения туристических карт. Тематические карты регионов, стран,

местностей. Планы городов — туристических дестинаций. Карты туристических маршрутов. Умения и навыки работы с туристическими картами. Разработка туристической маркировки и значков туристических маршрутов.

Библиографические исследования. Сбор, анализ и оценка информации о географических публикациях про туризм. Обзор, анализ, презентация и интерпретация информации, содержащейся в географических публикациях о туризме. Критическое рассмотрение публикаций по географии туризма и другим аспектам географического анализа туристической деятельности.

В последнее время спектр вопросов и проблем туристической тематики в географических исследованиях существенно расширился и демонстрирует существенную динамику, развитие процессов диверсификации. Осуществляется разработка пространственных моделей туристических путешествий, моделей отбытий–прибытий. Ведется разработка концепций территориальной рекреационной системы и территориального рекреационно-хозяйственного комплекса. Развивается содержательная составляющая географической «средовой» (адаптационной) модели рекреационной системы. Расширяется использование географических подходов к исследованию туризма — районного и маршрутного, внедряется кластерный подход [5].

Библиографические ссылки

1. География туризма : учебник / коллектив авторов ; под ред. А. Ю. Александровой. Москва : КНОРУС, 2018. 592 с.
2. *Кружалин, В. И.* География туризма : учебник / В. И. Кружалин, Н. С. Мироненко, Н. В. Зигерн-Корн, Н. В. Шабалина. М. : Федеральное агентство по туризму, 2014. 336 с.
3. *Самойленко, А. А.* География туризма : учеб. пособие / А. А. Самойленко; Ростов н/Д : «Феникс», 2006. – 368 с.
4. *Христов, Т. Т.* География туризма : учебник для вузов / Т. Т. Христов. Москва : Издательство Юрайт, 2020. 273 с.
5. *Голомидова Е. С., Чученкова О. А.* Отечественные и зарубежные концепции в географии туризма // Псковский регионологический журнал. 2019. Выпуск 3 (39) С. 110–127.

УДК 911.7

**ДИСБАЛАНС ИМПОРТА И ПРОИЗВОДСТВА
УГЛЕВОДОРОДНОГО ТОПЛИВА СРЕДИ СТРАН - ЧЛЕНОВ ЕС
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НВЭ**

Р. Д. Архипов¹⁾, Д. Л. Лопатников²⁾

*¹⁾ Московский педагогический государственный университет,
ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, 119991, г. Москва, Россия,
arkhipov.roman1997@yandex.ru*

*²⁾ Институт географии РАН, Старомонетный переулок, 29, стр. 4, 119017,
г. Москва, Россия, imartos@mail.ru*

Дисбаланс между производством собственного углеводородного топлива и объемом его импорта оказывает влияние на развитие НВЭ, но не является детерминирующим фактором. Несмотря на ряд преимуществ НВЭ, ее развитие происходит неравномерно внутри ЕС. Среди субрегионов Европы лидером в области развития НВЭ выступает Западная Европа. Страны, лидеры по уровню развития НВЭ являются и экономическими локомотивами своих субрегионов.

Ключевые слова: «новая возобновляемая энергетика»; Европейский Союз; электроэнергетика; углеводородное топливо; импорт углеводородов.

**THE IMBALANCE IN THE IMPORT AND PRODUCTION OF
HYDROCARBON FUELS AMONG THE EU MEMBER STATES AS A
FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF NRE**

R. D. Arkhipov¹⁾, D. L. Lopatnikov²⁾

*¹⁾ Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya str., 1, building 1, 119991,
Moscow, Russia, arkhipov.roman1997@yandex.ru*

*²⁾ Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Staromonetny Lane, 29,
building 4, 119017, Moscow, Russia, imartos@mail.ru*

The imbalance between the production of its own hydrocarbon fuel and the volume of its imports has an impact on the development of NRE, but is not a determinant factor. Despite a number of advantages of NRE, its development is uneven within the EU. Among the subregions of Europe, Western Europe is the leader in the field of development of NRE. The leading countries in terms of the level of development of NRE are also the economic locomotives of their subregions.

Keywords: "new renewable energy"; European Union; electric power industry; hydrocarbon fuel; import of hydrocarbons.

Одной из ключевых проблем в обеспечении энергобезопасности для ЕС является отсутствие углеводородной базы, достаточной для удовлетворения внутреннего потребления. В результате странам-членам ЕС приходится изыскивать способы удовлетворения внутреннего спроса. Одним из выходов является импорт углеводородного топлива. Однако, это приводит к определенной зависимости, как в контексте финансовой чувствительности к скачкам цен на углеводороды, так и в контексте зависимости от поставок. Принципиально иным способом решения проблемы обеспечения энергобезопасности является развитие возобновляемой энергетики. При этом среди возобновляемой энергетики необходимо выделить «новую возобновляемую энергетику», как наиболее перспективный вектор ее развития. Новая возобновляемая энергетика (НВЭ) — область хозяйственно-экономической деятельности человека, включающая в себя достижения науки и техники, служащая для добычи, преобразования, передачи и последующего накопления электрической и тепловой энергии с целью доведения ее до потребителей, получаемой за счет солнечной, ветроэнергетики и биоэнергетики. Именно эти направления возобновляемой энергетики, имели наиболее динамичное развитие в начале XXI в.

Несмотря на ряд преимуществ НВЭ, ее развитие происходит неравномерно внутри ЕС. Это отчасти обусловлено как наличием у ряда стран собственных запасов углеводородов, так и их отсутствием. Ряд стран, имеющих такие запасы, не считали необходимым развивать НВЭ до событий 2022 г. В противовес им, есть страны, у которых такие запасы или полностью отсутствуют, или же их недостаточно для удовлетворения внутренних потребностей. Они начали развитие НВЭ одними из первых на территории ЕС.

Несмотря на развитие НВЭ, уровень зависимости ЕС от импорта углеводородов остается высоким. Так, уровень зависимости от природного газа увеличился с 66 % в 2000 г. до 83 % в 2021 г., а уровень зависимости от твердого ископаемого топлива увеличился с 30 % в 2000 г. до 37 % в 2021 г. [1]. Единственным типом топлива, где ЕС удалось сократить зависимость, является нефть и нефтепродукты, поставки которых сократились чуть менее, чем на 2 % [1]. Необходимо учитывать, что уровень зависимости от нефти и нефтепродуктов стабильно остается на уровне выше 90 %, несмотря на все усилия властей ЕС, направленные на его сокращение.

Структура этой зависимости, а также и собственный уровень добычи углеводородов значительно отличается внутри ЕС, как по субрегионам, так и внутри данных субрегионов (таблица).

Соотношение уровня зависимости от импорта углеводородов и собственной их добычи с валовым производством электроэнергии в рамках НВЭ в 2021 г. [1; 2; 3; 4; 5]

Субрегион	Страна	Уровень зависимости от импорта углеводородов %			Собственная добыча углеводородов			Производство электроэнергии в рамках НВЭ ГВтч
		Нефть и нефтепродукты	Природный газ	Твердое ископаемое топливо	Нефть и нефтепродукты в тыс. т	Природный газ в млн м ³	Твердое ископаемое топливо в тыс. т	
Западная Европа	Австрия	90	51	99	562	683	1 365	14 017
	Бельгия	96	100	93	0	5	1 310	22 317
	Германия	96	91	48	3 066	5 384	139 981	211 862
	Люксембург	100	100	97	0	0	0	884
	Нидерланды	86	34	100	1 116	21 651	1 957	40 751
	Франция	97	96	73	817	22	108	62 467
Южная Европа	Греция	94	99	10	59	4	12 398	16 233
	Испания	96	100	100	6	39	1 174	96 120
	Италия	84	94	97	5 261	3 184	1 397	65 351
	Кипр	98	0	98	0	0	0	774
	Мальта	98	100	0	0	0	0	263
	Португалия	98	100	5	0	0	0	19 456
	Словения	100	99	11	0	5	2 612	736
	Хорватия	78	74	100	616	746	1 365	3 311
Северная Европа	Дания	31	28	11	3 237	1 525	0	26 380
	Ирландия	98	71	100	0	1 551	0	10 866
	Латвия	94	100	93	0	0	0	1 010
	Литва	100	100	92	29	0	0	2 239
	Финляндия	95	100	72	0	0	870	22 405
	Швеция	72	100	94	0	0	955	41 860
	Эстония	55	100	95	0	0	16	2 856
Восточная Европа	Болгария	97	96	10	0	32	29 326	5 490
	Венгрия	87	67	39	1 087	1 526	5 789	6 696
	Польша	96	84	-4	895	5 574	117 019	28 229
	Румыния	68	23	23	3 319	8 938	17 733	8 932
	Словакия	98	69	88	7	59	2 755	2 520
	Чехия	97	92	14	87	202	32 280	8 304

Картина с зависимостью от импорта природного газа, нефти и нефтепродуктов во многом дублируется. Это объясняется отсутствием собственной углеводородной базы или же ее постепенным истощением, что

характерно для большинства стран-членов ЕС. При этом зависимость от импорта твердого ископаемого топлива, прежде всего угля, выглядит более неоднородной, поскольку ряд стран, в первую очередь, стран Восточной Европы, обладают достаточными собственными запасами, как, например, Польша или Болгария. Это является одним из факторов, сдерживающих развитие НВЭ на территории ряда стран Восточной Европы.

Среди субрегионов Зарубежной Европы лидером в области развития НВЭ выступает Западная Европа, на которую приходится 49 % всей электроэнергии, вырабатываемой в рамках НВЭ. На Германию приходится 60 % всей электроэнергии, вырабатываемой в рамках НВЭ на территории данного субрегиона. Это объясняется, во-первых, ограниченностью углеводородной базы, не достаточной для удовлетворения внутреннего потребления; во-вторых, развитой промышленностью, для удовлетворения нужд которой необходимо создание больших энергетических мощностей. Еще одним примером в Западной Европе являются Нидерланды. Эта страна интересна тем, что обладает собственным запасом природного газа. Несмотря на наличие собственных углеводородов, в Нидерландах продолжается активное развитие НВЭ. Это во многом обусловлено приверженностью «зеленой повестке», что отчасти послужило одной из причин закрытия Гронингенского месторождения 1 октября 2023 г. Закрытие произошло несмотря на его перспективность в отношении частичного замещения поставок углеводородов.

На Южную Европу приходится 28 % всей электроэнергии, вырабатываемой в рамках НВЭ. При этом, здесь также виден четко выделяющийся лидер — Испания — на которую приходится 48 % всей электроэнергии, вырабатываемой в рамках НВЭ на территории данного субрегиона. Это объясняется высоким уровнем зависимости Испании от импорта всех видов углеводородов, который превышает средний уровень по ЕС в целом.

На Северную Европу приходится 15 % всей электроэнергии, вырабатываемой в рамках НВЭ. Лидеры здесь Швеция, на которую приходится 39 % и Дания, на которую приходится 25 % электроэнергии, вырабатываемой в рамках НВЭ в данном субрегионе. Пример Дании интересен тем, что, как и в случае с Нидерландами, она обладает собственной углеводородной базой, но несмотря на это является одним из лидеров в области развития НВЭ. Это один из эффектов «малых стран высокоразвитых», по многим направлениям идущих в авангарде реализации «зеленой повестки».

Восточная Европа представляет собой аутсайдера в области развития НВЭ: на нее приходится всего 8 %. Примечательно, что Польша, обеспечивает 47 % электроэнергии в рамках НВЭ, при этом сама обладает большими запасами угля. В целом, столь слабое развитие НВЭ на территории

Восточной Европы обусловлено нежеланием большинства стран отказываться от импорта углеводородов, поскольку в наследие от Восточного блока данным странам досталась налаженная логистическая инфраструктура, по которой происходил импорт российских углеводородов по сделанной цене. И только события 2022 г. и давление со стороны ЕС заставило их начать постепенный отказ от импорта российских углеводородов.

Подводя итоги, необходимо сказать, что отсутствие или наличие запасов собственных углеводородов и объемы импорта оказывают определенное влияние на развитие НВЭ. Но вместе с тем, не являются главными и детерминирующими факторами, поскольку для развития НВЭ существенную роль играют такие факторы, как подходящие географические условия, достаточное развитие наукоемких отраслей и общий уровень развития экономики. Страны лидеры по уровню развития НВЭ также выступают и экономическими локомотивами своих субрегионов. К таким странам относятся Германия, Испания, Швеция, а также Польша.

Библиографические ссылки

1. Energy import dependency by products [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/sdg_07_50/default/table?lang=en (date of access: 09.02.2024).

2. Supply, transformation and consumption of gas [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nrg_cb_gas/default/table?lang=en (date of access: 09.02.2024).

3. Supply, transformation and consumption of oil and petroleum products [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nrg_cb_oil/default/table?lang=en (date of access: 09.02.2024).

4. Supply, transformation and consumption of solid fossil fuels [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nrg_cb_sff/default/table?lang=en (date of access: 09.02.2024).

5. Production of electricity and derived heat by type of fuel [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nrg_bal_peh/default/table?lang=en (date of access: 09.02.2024).

УДК 911.3

ПОГЛОЩЕННЫЕ ГОРОДА: МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ ПОДМОСКОВЬЯ

Р. А. Бабкин¹⁾, А. Г. Махрова²⁾

¹⁾Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
Стремянный переулок, 36, 109992, г. Москва, Россия, babkin_ra@mail.ru

²⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, географический факультет, Ленинские горы, д. 1, 119991, г. Москва, Россия, almah@mail.ru

В работе на примере Московской области были исследованы стадии интеграции городов, поглощенных более крупными центрами. Выделены стадии формального, инфраструктурного, социокультурного и полного поглощения. Показано, что под влиянием ряда факторов (географическая близость, численность населения, структура экономики и др.) может происходить ускорение или замедление процессов поглощения.

Ключевые слова: объединенный город; данные сотовых операторов; факторы слияния; стадии интеграции.

ABSORBED CITIES: THE METHODOLOGY OF STUDYING THE EXAMPLE OF THE CITIES OF THE MOSCOW REGION

R. A. Babkin¹⁾, A. G. Makhrova²⁾

¹⁾Plekhanov Russian University of Economics, Stremyanny Lane, 36, 109992, Moscow, Russia, babkin_ra@mail.ru; ²⁾Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Leninskie Gory, 1, 119991, Moscow, Russia, almah@mail.ru

Using the example of the Moscow Region, the stages of integration of cities absorbed by larger centers were studied. The stages of formal, infrastructural, socio-cultural and complete absorption are highlighted. It is shown that under the influence of a number of factors (geographical proximity, population, economic structure, etc.), absorption processes can accelerate or slow down.

Keywords: absorbed cities; mobile operator data; merger factors; integration stages.

В России проблематикой определения самодостаточности городов и выделения «истинных» (настоящих) городов занимался еще В. П. Семенов-Тянь-Шанский [1]. Спустя век ревизия «истинных» городов проведена в работе «Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен» [2].

В наше время вопрос соответствия реального статуса населенных пунктов официальному, рассматривается в ряде работ по столичному региону [3,4,5]. Отдельная группа работ, затрагивает факторы, влияющие, в том числе на процессы объединения и поглощения городов [6,7,8].

Анализируя реформу местного самоуправления, отдельные исследователи касаются динамики численности населения [9], однако работ по изучению ее влияния на трансформацию сети расселения нет.

Ближе всего к тематике объединенных городов находятся работы по упраздненным городам, которые косвенно или прямо рассматриваются многими исследователями. Так, Г. М. Лаппо, описывая исчезнувшие города Подмосковья, пишет о том, что в советское время «выпадение» из числа городов было связано со срастанием с соседними центрами, перечисляя все случаи объединения городов [10].

Таким образом, изучение именно поглощенных городов — практически новая тематика для российской экономической географии.

На территории Московской области насчитывается 9 поглощенных городов, 4 из которых (Иваньково, Костино, Новокаширск, Щурово) вошли в состав других центров в результате естественного развития процессов урбанизации еще в советское время, а оставшиеся пять (Железнодорожный, Климовск, Ожерелье, Сходня, Юбилейный) — в ходе муниципальной реформы последних двух десятилетий.

Процесс поглощения одного города другим не является статичным. Претерпевая постоянные трансформации, он может растягиваться на многие годы и даже десятилетия. Основываясь на имеющихся примерах объединенных городов, можно выделить ряд факторов, совокупное действие которых определяет скорость и глубину процессов поглощения.

Одним из основных факторов, влияющих на скорость интеграции, служит географическая близость, особенно к ядру агломерации. Удаленность будет замедлять процесс, что видно на примере Химок, когда весьма мощный город-поглотитель не может быстро интегрировать в себя поглощаемый город (Сходню), не имея к нему физического доступа. При этом положение вблизи ядра агломерации повышает шанс «растворения» города в ходе территориального роста ядра и разрастания его пригородной зоны, что можно наблюдать на примере Новомосковского округа Москвы.

Следует отметить, что даже непосредственно контактирующие между собой территории, разделенные естественными преградами, особенно реками, могут продолжать функционирование в формате удаленного от основного городского массива микрорайона, не позволяя поглощенному городу терять локальные особенности. Так, другой подмосковный город Новокаширск, десятилетиями существовал в промежуточном состоянии, сохраняя значительную часть своей местной идентичности.

Другой важный фактор — численность населения города-«поглотителя», которая влияет на скорость интеграции. Как правило, главный город должен обладать в несколько раз большим демографическим потенциалом, чем поглощаемый город. В случае, если различия между

городами невелики, то поглощение может приобрести формат взаимного слияния. Так Костино и Калининград привели к формированию современного Королева.

Структура экономики — еще один весомый фактор, влияющий на скорость интеграции городов. Более диверсифицированная и насыщенная третичными функциями экономика Химок способствует развитию собственного рынка труда, attractive для коммьютеров из своего округа и из других районов Московской области. В то же время, индустриальный Климовск формирует весьма слабый ареал притяжения, что в перспективе может привести к более легкому его поглощению Подольском, рынок труда которого имеет сейчас исключительное значение для жителей Климовска.

Можно предположить, что определенную роль играет и историко-культурное значение поглощаемого города. Население центров, имевших статус города на протяжении долгих лет, будет дольше сохранять его в своей памяти и медленнее ассимилироваться даже гораздо более крупным центром. Однако в Московской области все присоединенные центры получили статус города в советское время, поэтому роль этого фактора вряд ли будет существенна.

Пример объединенных городов Московской области показывает, что на начальной стадии поглощение, как правило, фиксируется принятием соответствующих административно-управленческих решений. Однако в дальнейшем, под воздействием ряда факторов, происходит постепенная интеграция поглощенного города, которая может идти по пути от инфраструктурной, социальной или же ментальной ассимиляции к полному поглощению.

Первичная стадия — это формальное поглощение одного города другим, при котором административное объединение часто может производиться даже без учета фактора географической близости населенных пунктов. Например, недавнее присоединение Ожерелья к Кашире. Похожая ситуация наблюдалась и в случае Москвы и Троицка или Зеленограда. При таком слиянии города довольно долгое время остаются функционально независимы друг от друга, хотя и располагаются в одних административных границах.

Следующая стадия — «инфраструктурное поглощение», когда административное объединение центров приводит к формированию единой инфраструктуры объединенных городов, прежде всего транспортной и социальной, на что существенно может влиять близость населенных пунктов. При этом степень реальной связности остается относительно невысокой, а центры продолжают функционировать сами по себе. К этому типу

можно отнести формирование весьма «рыхлых» урбанистических структур таких как Подольск и Климовск.

Третьей интеграционной стадией стоит считать «социокультурное поглощение», когда происходит уже не только административная и инфраструктурная, но и культурная перестройка городского социума под новые реалии. При этом может проявляться дуализм локальной идентичности (местные жители идентифицируют себя жителями поглощенного города, и жителями города-поглотителя). Возможно, и переходные ситуации, сочетающие в себе признаки двух стадий, что характерно для современных Химок и Сходни.

Наиболее глубоким этапом слияния является «полное поглощение». В этом случае бывший город полностью перестает развиваться независимо, местные жители воспринимают его в качестве одного из районов города-«поглотителя», хотя возможно сохранение некоторых архитектурных, топонимических и культурных реликтов. К этому типу можно отнести Костино, поглощенное Королевым более 60 лет назад, или все поглощенные в то же время столицей города: Перово, Люблино, Тушино, Бабушкин и Кунцево.

Таким образом, анализ объединенных городов Московской области позволил выделить стадии их интеграции (формальная, инфраструктурная, социокультурная, полная). При этом стадия объединения изменчива во времени, а включенный город под влиянием ряда факторов (географическая близость, численность населения, структура экономики и др.) может идти по пути ускорения или замедления процессов слияния.

Возможность изучать объединенные города, которые «пропадают» из зоны видения официальной статистики, вне зависимости от юридических формальностей — неоспоримое преимущество данных сотовых операторов. Рассмотрение поглощенных городов при помощи данных сотовых операторов формирует важный методологический задел для работ в области пространственного развития систем расселения в условиях нестабильности муниципального устройства.

Библиографические ссылки

1. *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Город и деревня в европейской России. Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1910. 212 с.
2. *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / П. М. Полян и др.* М.: О. Г. И., 2001. 557 с.
3. *Бабурин В. Л., Битюкова В. Р., Казьмин М. А., Махрова А. Г.* Московский столичный регион: новейшая история и пути развития. Смоленск: Ойкумена, 2003. 184 с.

4. *Махрова А. Г., Нefeldова Т. Г., Трейвиш А. И.* Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. М.: Новый хронограф, 2008. 344 с.
5. *Makhrova A. G., Babkin R. A.* Official and “Real” cities: The case study of Moscow Metropolitan Area // *Regional Research of Russia*. 2022. Vol. 12. No. 4. P. 506–517.
6. *Перцик Е. Н., Путерский Д. С.* Оценка потенциала развития городов России // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2000. № 1. С. 12-17.
7. *Голубчиков О. Ю., Махрова А. Г.* Факторы неравномерного развития российских городов // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2013. № 2. С. 54–60.
8. *Махрова А. Г., Голубчиков О. Ю.* Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2012. № 2. С. 26–31.
9. *Treivish A. I., Glezer O. B., Nefedova T. G.* Old-Developed Regions of Russia in the Waves of Municipal Reform // *Regional Research of Russia*. 2022. Vol. 12. No. Suppl. 1. P. 41–49.
10. *Ланно Г. М.* Рассказы о городах. М.: Мысль, 1972. 208 с.

УДК 910.3; 338.439; 502.335(574/575)

ЭМИССИЯ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

В. Л. Бабурин, А. И. Даньшин

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
географический факультет, Ленинские горы, МГУ
119991, г. Москва, Россия, vbaburin@yandex.ru, alivda@yandex.ru*

В статье рассматриваются проблемы адаптации аграрного сектора Центрально-Евразийских государств к глобальному изменению климата (сценарий потепления и аридизации) и достижению параметров углеродной нейтральности. По результатам анализа авторами предлагается спектр конкретных действий, направленных на элиминирование негативных последствий аридизации и необходимости обеспечивать пороговые значения углеродной нейтральности.

Ключевые слова: изменения климата; аридизация; эмиссия парниковых газов; углеродная нейтральность.

GREENHOUSE GAS EMISSIONS IN AGRICULTURE AND FOOD SECURITY IN CENTRAL EURASIA COUNTRIES

V. L. Baburin, A. I. Danshin

*Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Faculty of Geography,
Lenin Hills, Moscow State University, 119991, Moscow, Russia, vbaburin@yandex.ru, alivda@yandex.ru*

The article discusses the problems of adaptation of the agricultural sector of the Central Eurasian states to global climate change (warming and aridization scenario) and achieving carbon neutrality parameters. Based on the results of the analysis, the authors propose a range of specific actions aimed at eliminating the negative consequences of aridization and the need to ensure threshold values of carbon neutrality.

Keywords: climate change; aridization; greenhouse gas emissions; carbon neutrality.

Глобальные изменения климата приводят к существенной вариации погоды и климатических параметров, формирующих и трансформирующих на значительных площадях сельскохозяйственное производство стран и регионов. Согласно сценариям социально-экономического развития мирового сообщества (SRES A2 и B2), в период 2070-99 гг., среднее отклонение T° от базисного значения (1961-90 гг.) 3-5 $^{\circ}\text{C}$, увеличение количества осадков в зимние месяцы, и умеренное до резкого уменьшения

осадков в летнее время [1]. Ожидается усиление засушливости климата в теплую половину года, несмотря на то что годовые суммы осадков в среднем возрастут от 1,07 (наиболее теплый сценарий) до 1,18 раз по отношению к современной величине.

В странах Центральной Евразии к 2055 г. температура воздуха на значительной территории горной зоны повысится в худшем случае на 4–5 °С, а согласно оптимистичному сценарию — на 3–4 °С [2]. Данные, представленные другой группой ученых, указывают на то, что весь регион будет испытывать снижение количества осадков на 3 % [3]. Средний сценарий прогнозирует рост среднегодовой температуры на 1,7 °С к 2030 г., на 2,9 °С к 2049 г. и на 4,1 °С к 2085 г. По расчетам российских специалистов, изменения климатических показателей окажутся примерно такими же [4]. Это в существенной мере будет требовать изменений в сельскохозяйственной отрасли стран региона и ее адаптации к условиям нехватки воды.

Для территорий Центральной Евразии, где по большинству прогнозов, в том числе и по нашим исследованиям [5], продолжится рост численности населения, встает дилемма: увеличение численности населения и снижение продовольственной обеспеченности в связи с глобальными изменениями климата, либо стабилизация численности населения и структурные изменения в аграрном секторе.

Большинство стран макрорегиона, ориентируясь на рекомендации международных организаций стараются также обеспечить снижение эмиссии парниковых газов от разных источников. Для этих стран наиболее значительной по выбросам (может быть за исключением Казахстана) становится сельскохозяйственная отрасль. Причем интестинальная ферментация дает почти 50 % всех выбросов от сельского хозяйства [6]. В связи с ростом численности поголовья крупного рогатого скота, как реакции на рост численности населения, участие стран Центральной Евразии в мировой эмиссии становится больше (таблица).

**Динамика доли стран Центральной Евразии в мировой эмиссии
СН₄ от животноводства, %**

	Казахстан	Кыргыз- стан	Таджики- стан	Туркмени- стан	Узбеки- стан
1992	0,56	0,09	0,07	0,06	0,28
1995	0,47	0,06	0,07	0,08	0,29
2000	0,27	0,06	0,07	0,10	0,27
2010	0,40	0,08	0,10	0,14	0,39
2021	0,44	0,10	0,12	0,14	0,55
выбросы СН ₄ (т) на 1 км ² территории	0,303	0,912	1,576	0,554	2,301

Рассчитано по: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/GT>

Растущее высокими темпами население требует обеспечения хотя бы минимально необходимыми важнейшими продуктами питания. Верификация наших прогнозов (2001 г.) численности населения этих стран показала, что к 2021 г. почти все страны достигли прогнозной численности 2030 г. [5].

По расчетным данным ФАО [7] средняя калорийность ежедневного питания жителя этих республик не превышает 2347 ккал в Узбекистане (как максимум) и 2283 ккал в Таджикистане (как минимум). Следовательно, наиболее желательным является сценарий, в котором учитывая процессы изменения климата, и участия стран в программах снижения выбросов, население будет обеспечиваться продовольствием (хотя бы по базовым параметрам). Но современная динамика (см. табл.) демонстрирует рост объемов выбросов практически во всех Центрально-евразийских государствах.

Это вызывает необходимость решения нескольких взаимосвязанных вопросов перспективного развития государств региона:

- контроль за рождаемостью, без которого ни одна проблема региона решена не будет;

- разработка взаимосогласованной (в том числе с Афганистаном) политики в области водопользования, включая затратный переход на современные мелиоративные системы;

- прогнозирование выхода из растениеводческого использования богарных земель;

- разработка компенсационных мер по купированию роста выбросов парниковых газов от животноводства, через озеленения сухостепных и полупустынных ландшафтов, которое в том числе будет сдерживать аридизацию региона.

При этом важной остается проблема роста поголовья животных и попытка перехода на западные породы скота (особенно крупного рогатого), при содержании которых выделяется гораздо больше парниковых газов.

Библиографические ссылки

1. Global carbon and other biogeochemical cycles and feedbacks // Climate Change 2021: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / Masson-Delmotte V., Zhai P., A. Pirani, S.L. Connors, C. Péan, S. Berger, N. Caud, Y. Chen, L. Goldfarb, M.I. Gomis, M. Huang, K. Leitzell, E. Lonnoy, J.B.R. Matthews, T.K. Maycock, T. Waterfield, O. Yelekçi, R. Yu, and B. Zhou (eds.). Cambridge University Press, Cambridge, United Kingdom and New York, NY, USA, 2391 pp. doi:10.1017/9781009157896.

2. Exposure of global mountain systems to climate warming during the 21st Century// David Nogués-Bravo, Miguel B Araújo, MP Errea, JP Martínez-Rica. *Global Environmental Change* 17 (2007) – 420-428.

3. Carbon emission and global food security: A cross country analysis // Ajay Kumar, Mokbul Morshed Ahmad and Pritee Sharma. – *PENCIL Publication of Agricultural Sciences* 2015. Vol. 2(1):7-24

4. Эколого-географические последствия глобального потепления климата XXI века на Восточно-Европейской равнине и в Западной Сибири / В. Л. Бабурин, Н. С. Касимов, А. В. Кислов и др. МАКС Пресс, 2011. 496 с.

5. *Бабурин В. Л., Даньшин А. И.* Корректирующее влияние социально-экономических флуктуаций на долгосрочный прогноз развития государств Центральной Евразии // *География в школах и вузах Казахстана*. 2022. Т. 101, № 3. С. 3-7.

6. *Gerber, P. J., Steinfeld, H., Henderson, B., Mottet, A., Opio, C., Dijkman, J., Fal-cucci, A. & Tempio, G.* 2013 Tackling climate change through livestock – A global assessment of emissions and mitigation opportunities. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO), Rome.

7. Показатели целей устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/SDGB> (дата обращения: 09.02.2024)

УДК 913(43):35.071.51

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ СИСТЕМЫ АССОЦИАЦИЙ КОММУН ФРАНЦИИ

А. П. Васильев

*АНО Большая Российская Энциклопедия, Покровский бульвар, д. 8, стр. 1А, 109028,
г. Москва, Россия, alvasilev7@yandex.ru*

Изучена эволюция системы ассоциаций коммун Франции с 1960-х гг. по настоящее время. С помощью анализа стандартных показателей рассмотрено, как власти ассоциаций получили достаточные финансовые и демографические возможности для реализации межкоммунального сотрудничества на местном уровне. Выявлено, что ассоциации коммун были разделены на 4 типа в зависимости от уровня урбанизированности территории, и что они были укрупнены для повышения экономических и демографических характеристик.

Ключевые слова: ассоциации коммун Франции; межкоммунальное сотрудничество; административно-территориальное деление.

FEATURES OF THE EVOLUTION OF THE SYSTEM OF ASSOCIATIONS OF FRENCH COMMUNES

A. P. Vasilyev

*ANO The Great Russian Encyclopedia, Pokrovskiy bulvar, 8, 1A, 109028, Moscow,
Russia, alvasilev7@yandex.ru*

The article is devoted to study the system of associations of French communes since the 1960s until now. Using the analysis of standard indicators, it is examined how the associations' authorities got sufficient financial and demographic capabilities to implement intercommunal cooperation at the local level. It was revealed that commune associations were divided into 4 types depending on the level of urbanization of the territory and that they were consolidated to improve their economic and demographic characteristics.

Keywords: associations of French communes; intercommunal cooperation; administrative-territorial division.

Структуры административно-территориального деления (АТД) стран мира представляют очень сложную в пространственном отношении и динамично развивающуюся систему, требующую детального научного изучения. В работах В. А. Колосова, Р. Ф. Туровского, С. А. Тархова и др. административно-территориальное деление понимается как разделение территории государства (страны, региона) на административно-территориальные единицы с целью территориальной организации региональной

и локальной власти. АТД консервативно, и любое его изменение вызывает широкие дебаты в обществе, так как затрагивает политические, экономические, социальные и культурные аспекты развития регионов страны [1, 2, 3].

В статье анализируются особенности эволюции системы ассоциаций коммун Франции. В работе рассматривается европейская Франция и ее за-морские департаменты.

Современное АТД Франции сложилось главным образом во время Великой французской революции. В 1790 г. в стране было введено четырехуровневое деление: департамент – округ – кантон – коммуна. В 1950-1980-х гг. добавлен пятый, верхний, уровень АТД — регион [4].

Система коммун является низшим рангом АТД, она была образована на основе 40 тысяч небольших церковных приходов. В 1840-х гг., 1947 г., 1970-х гг. центральные власти предпринимали попытки укрупнения коммун, вследствие депопуляции сельской местности из-за постепенной миграции жителей в города и концентрации экономики в городских агломерациях. Однако, большинство коммун сохранилось в неизменном виде из-за устоявшейся системы административного управления, консервативных и тесных социальных, культурных и хозяйственных связей внутри этих единиц, и нежелания политиков менять сложившуюся структуру и иерархию власти [5].

Неспособность центральных властей укрупнить коммуны в сочетании с их обилием и малонаселенностью, привели к образованию ассоциаций коммун, созданных для развития межкоммунального сотрудничества в решении проблем управления, проведения единой социальной, инфраструктурной и прочей политики. Уже с конца XIX в. стали создаваться синдикаты — первые «союзы» коммун, ускоренное развитие которых началось с 1960-х гг. на фоне усиленной урбанизации и миграции населения в города. В урбанизированных ареалах ассоциации создавались ради общей политики развития агломераций и рационального управления городским пространством, в сельской местности — чтобы восполнить слабые демографические и экономические возможности каждой коммуны. Однако почти бесконтрольный рост синдикатов (к 1990 г. их было около 20 тысяч) привел к нагромождению структур различных типов, конфликтам между властями разных уровней, дублированию функций, большим административным расходам, что затрудняло управление и сотрудничество [6, 7, 8].

В 1992 г. власти решили усилить и углубить межкоммунальное сотрудничество, образовав Публичные институты межкоммунальной кооперации (франц. *Etablissement publique à coopération intercommunale*, EPCI, далее ЭПСИ), обладавшие собственной налоговой базой и руководящими

органами. Центральные власти также стремились ликвидировать хаотичную структуру межкоммунальных ассоциаций и «улучшить функционирование межтерриториального сотрудничества, совершенствование гласности и демократии» [7, с. 105, 8, 9].

ЭПСИ были разделены на 4 типа в зависимости от уровня урбанизированности территории. Сообщества коммун (*communautés de communes*) были образованы в сельской местности, агломерационные сообщества (*communautés d'agglomération*) — в агломерациях с населением более 50 тысяч человек, городские сообщества (*communautés urbaines*) — в агломерациях с населением более 250 тысяч человек, метрополисы (*métropole*, с 2010 г.) — в урбанизированных ареалах с населением более 500 тысяч человек. Чем больше население ЭПСИ, тем обычно теснее кооперация между входящими в них коммунами. Ассоциации стали аккумулировать доходы от налогов и внебюджетных поступлений, что дало им достаточную финансовую базу для выполнения передаваемых им функций властей коммун и проведения единой локальной политики на их территориях [7, 8, 9].

В 1993-2024 гг. по мере развития интеграционных процессов в рамках ЭПСИ почти все коммуны и все население страны оказались покрыты этими ассоциациями (табл. 1), поскольку каждая коммуна была обязана войти в их состав. Большинство прежних синдикатов было упразднено или преобразовано в ЭПСИ.

Таблица 1

Типы ЭПСИ с собственным налогообложением во Франции

Тип ЭПСИ	1993 г.	2000 г.	2010 г.	2016 г.	2024 г.
Все ЭПСИ, единиц, в т.ч.:	466	1845	2611	2062	1254
Метрополис	–	–	–	13	21
Городское сообщество	9	12	16	11	14
Агломерационное сообщество	–	50	180	196	229
Сообщество коммун	193	1533	2409	1842	990
Синдикат новой агломерации	9	9	5	–	–
Дистрикт	252	241	–	–	–
Доля коммун, входящих в ЭПСИ, %	13,8	58,0	94,5	99,9	100
Доля населения коммун, входящих в ЭПСИ, %	26,7	63,1	95,1	99,7	100

Составлено по: [10, 11, 12]

Результатом образования ЭПСИ стало значительное увеличение финансовых возможностей, экономического и демографического

потенциала объединений коммун. С целью еще большего повышения этих возможностей и сокращения административных расходов на содержание ЭПСИ в 2010-2017 гг. их число было сокращено более чем в два раза (табл. 2). Реформа была направлена на то, чтобы численность населения каждого объединения составляла не менее 20 тысяч человек против 5 тысяч в начале 2010-х гг.

Таблица 2

ЭПСИ с собственным налогообложением во Франции в 2010-2017 гг.

Год	2010 г.	2016 г.	2017 г.
Число ЭПСИ, единиц	2611	2062	1266
Медианное число коммун, входящих в одно ЭПСИ, единиц	11	14	23
Медианное население ЭПСИ, тыс. чел.	8,7	12,0	23,8
Средний размер ВРП ЭПСИ, млрд евро	н. д.	1,06	1,72
Число коммун, единиц	36682	35885	35419
Медианная площадь коммун, км ²	10,7	10,7	10,7
Медианное население коммун, чел.	428	445	445
Средний размер ВРП коммун, млрд евро	0,05	0,06	0,06

Составлено по: [10, 11, 12]

В результате, в 2017 г. медианное население ЭПСИ стало в 3 раза больше, чем в 2010 г., а средний размер ВРП — в 1,5 раза больше. Если в 2010 г. соотношение медианного населения ЭПСИ и коммун составляло 1:21, то в 2017 г. — 1:55. В 2017 г. средний размер ВРП ЭПСИ в 28 раз превысил средний ВРП коммун (табл. 2). По сути, ЭПСИ, имеющие свою долю в налоговых доходах и возглавляемые выборными представительными органами, стали промежуточным уровнем АД между коммунами и округами, покрыв всю территорию Франции. Об их влиянии на систему АД говорит тот факт, что с 2017 г. границы округов приведены в соответствие с границами ЭПСИ.

В итоге, неспособность центральных властей объединить коммуны привела к формированию их ассоциаций. Всеобщее понимание назревшей потребности в укрупненных единицах с работоспособными властями способствовало образованию полноценных административных единиц с собственными источниками доходов от налогов. Укрупнения в 2010-х гг. ради повышения финансовых и демографических возможностей говорят об их неустойчивости в политическом плане и незавершенности административно-территориальных преобразований. Тем не менее, ассоциации коммун стали новым промежуточным звеном АД между коммунами и округами.

Библиографические ссылки

1. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001.
2. Туровский Р. Ф. Политическая география. Учеб. пособие. Москва – Смоленск: Изд-во СГУ, 1999.
3. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013.
4. Васильев А. П. Административно-территориальное деление Франции: историческое развитие и современное состояние // География в школе. 2017. № 5. С. 17-24.
5. Васильев А. П. Закономерности эволюции систем коммун Франции и общин Германии // Региональные исследования. 2018. № 1. С. 135-143.
6. Брэбан Г. Французское административное право: Перевод. с франц./Под ред. С. В. Боботова. М.: Прогресс, 1988.
7. Доменак Ж. Территориальные коллективы Франции: Учеб. пособие / Пер. с фр. С. В. Лапшина. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 1999.
8. Hertzog R. Intermunicipal Cooperation: A Viable Alternative to Territorial Amalgamation? // Territorial Consolidation Reforms in Europe / Ed. by P. Swianiewicz. Budapest: Local Government and Public Service Reform Initiative, 2010. P. 285-308.
9. Kerrouche E. Gouverner des espaces incertains : le cas des structures intercommunales en France // Les nouveaux espaces de la régulation politique : stratégies de recherche en science politique / Sous la dir. de T. Berthet [et al.] Paris : L'Harmattan, 2008. P.13-20.
10. Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE) [Ressource électronique]. URL: <http://www.insee.fr> (date of access: 11.02.2024).
11. Banatic. Base national sur l'intercommunalité [Ressource électronique]. URL: <https://www.banatic.interieur.gouv.fr/V5/accueil/index.php> (date of access: 12.02.2024).
12. Bilan statistique des EPCI à fiscalité propre au 1er janvier 2024. 2024 [Ressource électronique]. URL: <https://www.collectivites-locales.gouv.fr/files/Accueil/DESL/2024/Bilan-statistique-2024%20diffusion.pdf> (date of access: 12.02.2024).

УДК 911.3

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Г. И. Гладкевич

*МГУ им. М. В. Ломоносова, Географический факультет Ленинские горы, 1
119234 Москва, Россия dolph-glad@mail.ru*

Научные исследования в области природопользования пополнились работами по эколого-экономической типологии территорий, оценке территориальных конфликтов в природопользовании и другими, опирающимися на интегральные оценки. Возникающая проблема несопоставимости выбранных для оценки разнородных данных, традиционно решается применением балльных методов, и уже поэтому может носить субъективный характер. Рассматривается вариант интегрирования совокупности большого числа параметров, с математически выверенными весами значимости на примере моделей матричного типа.

Как новое направление научных исследований в экономической географии в области природопользования, предлагается изучение территории через призму экологической емкости и территориальных конфликтов.

Ключевые слова: эколого-экономическая типология территорий; модели матричного типа; экологическая емкость и территориальные конфликты.

EVOLUTION OF ECONOMIC AND GEOGRAPHICAL RESEARCH IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT

G. I. Gladkevich

*Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Faculty of Geography Leninskie
Gory, 1 119234 Moscow, Russia dolph-glad@mail.ru*

Scientific research in the field of environmental management has been replenished with works on the ecological and economic typology of territories, assessment of territorial conflicts in environmental management, and others based on integral assessments. The emerging problem of incomparability of heterogeneous data selected for evaluation is traditionally solved by using scoring methods and therefore suffers from subjectivity. We consider the option of integrating a set of a large number of parameters, with mathematically verified weights of significance using the example of matrix-type models.

As a new direction of scientific research in economic geography in the field of environmental management, the study of territory through the prism of environmental capacity and territorial conflicts is proposed.

Keywords: ecological and economic typology of territories; matrix type models; environmental capacity and territorial conflicts.

Современная социально-экономическая география в России находится на этапе качественной трансформации, в результате которой происходит ее «дальнейшая социологизация, гуманизация, экологизация, предпринимаются попытки усилить ее связи с физической географией и природопользованием» [1, с. 6].

Теоретико-методологические основы рационализации природопользования и географии природных ресурсов были заложены в советский период в трудах большого числа авторов (П. Я. Бакланова, Н. Н. Баранского, И. В. Комара, А. А. Минца, В. В. Покшишевского, Ю. Г. Саушкина, Ю. Д. Дмитриевского, В. С. Преображенского, Г. А. Приваловской, Т. Г. Руновой, Л. М. Коротного и др.).

Главой географического ресурсоведения к началу XXI века можно назвать Г. А. Приваловскую, одну из первых осознавшей и сформулировавших в своих работах возможности, пути и актуальность этого направления научных исследований для социально-экономической географии, и ищущей инновационных путей развития экономики России [2].

Начиная с 1990-х гг. научные исследования в этой области пополнились анализом адаптации сферы природопользования к рыночным условиям, что способствовало заметному усилению работ по эколого-экономическому районированию, оценке роли экологических факторов, а именно оценке воздействия использования природных ресурсов на окружающую среду [3, 4, 5, 6, 7, 8 и др.], оценке территории как особого ограниченного пространственного ресурса, характеризующегося экологической емкостью, исчерпание которой порождает территориальные конфликты [9, 10, 11]. Работы по оценке территориальных конфликтов в природопользовании появились относительно недавно.

Эколого-экономическое районирование — сложный процесс, основанный на синтезе огромной информации прежде всего, на изучении связей явлений природы, с одной стороны (природный блок), экономический блок (промышленный потенциал, сельскохозяйственная освоенность территории и социально-демографический блок (плотность территории, расселение, миграции)). Связанное с обобщением большого массива информации, с точной территориальной привязкой и высокой информационной емкостью, отраженной на картах, эколого-экономическое районирование незаменимо как в научных, так и прикладных исследованиях.

Решение связанной с этим задачи эколого-экономической типологии территорий (стран, регионов), отличается меньшей степенью сложности, так как, с одной стороны, требует отражений параметров уровня и качества жизни населения, а, с другой, — масштабов воздействия на окружающую среду.

Межстрановые оценки (по сравнению с внутривостановыми), на которых остановимся отдельно, отличаются значительно меньшей детализацией характеристик, сосредоточением внимания на основных факторах качества жизни: благосостоянии населения и качестве экологической ниши.

При этом возникает проблема несопоставимости выбранных для оценки данных, которая традиционно решается применением балльных методов, и уже поэтому страдает субъективностью [12]. В отдельных случаях при получении типологии авторы прибегают к ограниченному числу параметров, избегая интегральной оценки и получая результат посредством не количественных вычислений, а качественного анализа. Так, экономико-экологическая типология стран мира известного географа-классика Б. Н. Зимина предлагает деление всех стран на шесть типов на базе анализа параметров уровня экономического развития, когда к первым двум группам с наиболее неблагоприятной ситуацией отнесены наиболее бедные страны, что, якобы, ограничивает меры по борьбе с деградацией окружающей среды [13]. Часто это так. Но многие наименее развитые страны аграрного или туристского типа характеризуются ограниченным воздействием на окружающую среду из-за отсутствия промышленных предприятий такого рода.

Интегрирование эколого-экономических параметров для целей эколого-экономической типологии стран мира возможно даже по совокупности большого числа показателей, если информацию обобщить в виде моделей матричного типа, состоящих, к примеру, из двух блоков. Первый блок представляет собой комбинированный (интегральный) показатель качества жизни, рассчитанный как совокупность индикаторов уровня жизни и природно-жизнеобеспечивающих организм человека ресурсов каждой страны мира (условия жизни населения, лесистость территории, индикаторы экологического состояния окружающей среды, например доступ к улучшенным санитарно-техническим средствам, смягчающим негативное воздействие на человека концентрации вредных воздействий, уменьшения их частоты и продолжительности и другие).

Второй блок представляет собой комбинацию показателей негативного воздействия на окружающую среду на территории данной страны. Это, отраженное соответствующими данными, химическое загрязнение среды, содержание парниковых газов, диоксида углерода, взвешенных частиц, объемы применения минеральных удобрений и т. д.

Использованный набор индикаторов далеко не исчерпывает тот перечень, который мог бы дать более полное представление о качестве жизни населения отдельных стран (из-за ограничений, связанных с наличием статистических данных), однако он позволяет ранжировать страны по

этому интегральному показателю, получение которого возможно применением метода ПАТТЕРН, дополненное квалиметрическими коэффициентами.

Такие расчеты были проведены по 222 странам мира (включая островные государства), и положены на карту «Эколого-экономическая типология стран мира», размещенную в Экологическом атласе России [14].

Тот же методический прием применен при сравнительной оценке эффективности промышленности разных стран мира на базе удельной ресурсоемкости промышленного производства, благодаря которому преодолена проблема несопоставимости натуральных показателей из-за их несоответственности. Результаты расчетов удельной ресурсоемкости промышленного производства 226 стран мира путем введения таких оценочных критериев, как объем потребления первичной энергии, воды, металлических руд, древесины, экспорта топлива, руд и металлов и эмиссии CO₂, положены на карту [15].

Как новое направление научных исследований в области природопользования в экономической географии, отметим изучение территории как особого ограниченного пространственного ресурса, характеризующегося экологической емкостью, исчерпание которой порождает территориальные конфликты.

За каждой отдельно взятой территорией закрепляется так называемая «функция места», то есть преимущественный для определенной территории вид деятельности, например, промышленная функция, транспортная, сельскохозяйственная, селитебная, рекреационная, природоохранная и др. [16].

Набор функций территории, масштабы их развития и, соответственно, интенсивность использования территории лимитирует так называемая территориальная емкость. Характер пространственного сочетания функций друг с другом способен порождать «конфликт», степень остроты которого можно характеризовать, как симбиоз, соседство или антагонизм (рисунок).

От гармонии функций к конфликтным ареалам

При симбиотических отношениях, функции могут гармонично сосуществовать на одной и той же территории. В случае соседства, функции могут иметь общие границы. Единовременное использование территории функциями, несовместимыми друг с другом, когда одна из них угнетает, или полностью вытесняет другую, приводит к формированию наиболее сложного полифункционального конфликтного ареала.

К функциям-антагонистам относятся: селитебная-природоохранная; селитебная-транспортная; селитебная-промышленная; рекреационная-транспортная; рекреационная-промышленная; природоохранная-транспортная; природоохранная-промышленная.

Последствиями существующих функций территории в конфликтных условиях могут быть три «НЕ»:

- неэффективное использование территории;
- неполноценное развитие функций (снижение мощности промышленного предприятия из-за ограничений по выбросу загрязняющих веществ, утрата значимости рекреационного объекта и т. д.);
- недружественные ситуации: острые социальные конфликты, возникающие между населением и производственными предприятиями.

Выявление полифункциональных конфликтов осуществляется на базе карт и космических снимков в условиях широкого распространения ГИС-технологий.

Оценка различного рода намечаемых проектов и планов развития территории методом выявления конфликтных ареалов будет способствовать более взвешенному принятию решений об осуществлении в ее границах хозяйственной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Социально-экономическая география в России. Под общ. ред. П. Я. Бакланова и В. Е. Шувалова. – Владивосток: Дальнаука, 2016. 326с.
2. Природопользование в территориальном развитии современной России. Под ред. И. Н. Волковой, Н. Н. Клюева. – М.: МедиаПресс, 2014. 360с.
3. *Разумовский В.М.* Эколого-экономическое районирование в системе управления природопользованием // Региональные проблемы сбалансированного развития процесса природопользования. Эколого-экономические, организационные и правовые аспекты. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. С. 143-194.
4. *Осипов В. А.* Социальные и экономические проблемы управления природопользованием / Дисс. ... д-ра геогр. наук. / Алт. гос. ун-т. Барнаул, 2002.
5. *Савельева И. Л.* Природно-ресурсное районирование азиатской части России // Географические исследования Сибири. Т. 5. Общественная география / Отв. ред. П. Я. Бакланов, Л. М. Корытный. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2007. С. 200-218.

6. Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX-XXI веков. Т. II. Природные ресурсы и региональное природопользование / Отв. ред. П. Я. Бакланов, В. П. Каракин. Владивосток: Дальнаука, 2010. 560 с.
7. Клюев Н. Н. Новые тенденции природопользования в российских регионах и их экологические последствия. // Природопользование в территориальном развитии современной России / Под ред. И. Н. Волковой, Н. Н. Клюева. М.: Медиа-Пресс, 2014. С. 222-239.
8. Рунова Т. Г. Опыт природно-хозяйственного районирования России // Природопользование в территориальном развитии современной России / Под ред. И. Н. Волковой, Н. Н. Клюева. М.: Медиа-Пресс, 2014. С. 120-130.
9. Реймерс Н. Ф. Экология. Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. – М. 10. «Россия молодая», 1994. – 367с.
11. Родман Б. Б. Поляризованная биосфера. Смоленск: «Ойкумена», 2002. 336с.
12. Гладкевич Г. И. Экономико-географический подход к оценке территории в природопользовании / Региональные исследования, 2014, № 4. С. 57-69.
13. Трофимов А. М., Кочуров Б. И., Кучерявенко, Рубцов В. А., Булатова Г. Н. Эколого-экономическое районирование как аспект управления состоянием региона / Уч. записки Казанского госуд. ун-та. Том 150. Кн. 4, 2008. С. 125-140.
14. Размещение производства в рыночной среде. Из трудов Б. Н. Зимина / Сост. А. П. Горкин, Ю. Г. Липец. М.: Альфа-М. 2003. 176 с.
15. Гладкевич Г.И. Эколого-экономическая типология стран мира// «Экологический атлас России» / Гл. ред.: Касимов Н. С. и Тикунов В. С. Мин-во ПриЭ. РГО. МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ООО «Феория», 2017. С. 492-497.
16. Ресурсоемкость основных промышленных производств России в сравнении с ведущими зарубежными аналогами. Там же. С. 144-147.
17. Минц А. А., Преображенский В. С. Функция места и ее изменения // Известия АН СССР, серия геогр., 1970, № 6. С. 118-131.

УДК 325.14(48)

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНИХ МИГРАЦИЙ В СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ¹

С. А. Горохов, М. М. Агафшин, Р. В. Дмитриев

*Институт Африки РАН, ул. Спиридоновка, 30/1, 123001, Москва, Россия,
stgorohov@yandex.ru, agafoshinmm@gmail.com, dmitrievrv@yandex.ru*

Исследованы особенности внешних миграций в страны Северной Европы. Выявлены изменения направленности и структуры миграционных потоков, произошедшие вследствие миграционного кризиса. Установлено, что интенсификация миграции приводит к резкому увеличению культурной и религиозной мозаичности в странах региона. Высокая доля мигрантов из культурно- и конфессионально отличных регионов мира затрудняет осуществление интеграционной политики стран Северной Европы.

Ключевые слова: миграция; миграционный кризис; Северная Европа; Ближний Восток; Африка; беженцы; эксклюзия населения.

FEATURES OF EXTERNAL MIGRATION TO THE NORTHERN EUROPE COUNTRIES

S. A. Gorokhov, M. M. Agafoshin, R. V. Dmitriev

*Institute for African Studies RAS, ul. Spiridonovka, 30/1, 123001, Moscow, Russia,
stgorohov@yandex.ru, agafoshinmm@gmail.com, dmitrievrv@yandex.ru*

The features of external migrations to the countries of Northern Europe are considered. The changes in the direction and structure of migration flows were occurring of the migration crisis are revealed. It has been established that the intensification of migration leads to a sharp increase in cultural and religious mosaicity in the countries of the region. The high proportion of migrants from cultural and religious different regions make it difficult to implement the integration policy of the countries of Northern Europe.

Keywords: migration; migration crisis; Northern Europe; Middle East; Africa; refugees; exclusion of the population.

До середины прошлого века внешние миграции оказывали несущественное влияние на демографическое развитие Северной Европы². Страны оставались в целом моноэтническими и моноконфессиональными, а ограниченные по численности группы мигрантов, пребывавшие в регион, преимущественно имели европейское происхождение, что

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

² В состав региона входят 5 стран: Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция.

приводило к быстрой ассимиляции. До Второй Мировой войны количество эмигрантов из стран Северной Европы обычно превышало численность иммигрантов, регион был продуцентом миграционных потоков, ориентированных, прежде всего, на Северную Америку. Население из Швеции, Финляндии, Норвегии и Дании эмигрировало по большей части в США, в то время как преобладающим направлением миграции жителей Исландии была Канада [1]. Для Северной Европы того времени исторически характерны значительные масштабы миграции между странами региона. Внутри региона главным продуцентом иммигрантов, прежде всего в Швецию, выступала Финляндия. Вместе с тем, устойчивые миграционные коридоры сложились между Швецией и Норвегией, Исландией и Данией.

Экономический подъем, начавшийся в Северной Европе в 1960-х гг. привел к увеличению спроса на рабочую силу, и к началу активного привлечения рабочих-мигрантов, прибывавших из Турции и стран Балканского полуострова. С начала 1980-х гг. структура иммиграции стала меняться. Снижение экономической конъюнктуры и введение законов, ограничивающих иммиграцию по экономическим причинам, привело к смене потоков трудовых мигрантов на беженцев из развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки [2]. Миграционные процессы в разных странах Северной Европы хронологически стартовали в различное время. Если в Швеции, Дании и Норвегии начало масштабной иммиграции относится ко второй половине XX в., то в Финляндии — к рубежу веков, а в Исландии — только к середине 2000-х гг.

В странах Северной Европы уделяется большое внимание защите прав человека, поэтому прием беженцев, спасающихся от политических преследований, войн, бедности и голода, получает широкую общественную поддержку. В 2015 г., на пике Европейского миграционного кризиса, только Швеция разместила у себя более 162 тыс. искателей убежища, став лидером в ЕС по численности принятых беженцев на душу населения [3].

Страны региона привлекают иммигрантов высоким уровнем жизни и «щедрой» социальной политикой по отношению к переселенцам. В 2020 г. в регионе проживало более 3,5 млн лиц с миграционным прошлым³, что составляет около 13 % населения Северной Европы [4]. При этом распределение мигрантов между странами характеризуется неравномерностью. Количество иммигрантов в каждой стране, зависит от национальной

---

³ В странах Северной Европы выделяется категория «мигрантов» — непосредственно родившихся за границей лиц, постоянно проживающих в регионе; а также категория «лиц с миграционным прошлым» — граждан, родившихся в данных странах, но оба родителя которых родились за границей.

миграционной политики, численности населения и емкости рынка труда, структуры и состояния национальной экономики, особенностей вовлеченности в глобальные миграционные процессы (таблица).

Численность и структура иммиграции в страны Северной Европы, 2020 г.

Страны	Численность, тыс. чел		Доля иммигрантов в населении в населении, %	Страны происхождения мигрантов (доля уроженцев страны в общей численности мигрантов)
	иммигрантов	лиц с миграционным прошлым		
Швеция	1855,1	587,1	18,1	Сирия (10 %), Ирак (8 %), Сомали (4 %)
Норвегия	765,1	179,3	14,4	Польша (13 %), Литва (5 %), Сомали (5 %), Румыния (5 %)
Дания	606,7	182,3	10,5	Польша (7 %), Сирия (6 %), Турция (5 %)
Финляндия	335,4	67,2	6,1	Россия (17 %), Эстония (14 %), Ирак (5 %)
Исландия	50,3	5,3	14,1	Польша (38%), Литва (6%), Филиппины (6%)

Составлено по: [4, 5].

В структуре внешних миграции в Северной Европе преобладают выходцы из Сирии и Польши, которые составляют по 7 % от всех иммигрантов в регионе, далее идут граждане Ирака (6 %), а также Сомали, Ирана, Турции, Боснии и Герцеговины, образующие по 3 % от переселенцев в регионе [4].

Наибольшая доля иммигрантов в регион прибывает из европейских стран — 49 %, особенно из Восточной Европы. В то же время, Европейский миграционный кризис существенно изменил структуру миграционных потоков, что привело к увеличению численности в регионе иммигрантов из Азии и Северной Африки — 36 %, в том числе из стран Ближнего Востока 20 %, особенно из Сирии и Ирака [6]. Еще 9 % иммигрантов в регионе составляют переселенцы из стран Африки Южнее Сахары. При этом, страны Северной Европы существенно различаются по происхождению иммигрантов. В частности, в Исландии резко преобладают иммигранты из Европы — 69 %, прежде всего из Польши, большинство из которых прибывают в поисках работы. В Швеции, наоборот, самая многочисленная группа иммигрантов (30 %) — беженцы из стран Ближнего Востока [5].

Важным следствием интенсификации внешних миграций в страны Северной Европы, подавляющее большинство населения которого

исторически исповедовало протестантизм в его лютеранской форме, стало увеличение культурной и религиозной мозаичности населения. В настоящее время в регионе проживают значительные по численности группы католиков, представителей разнообразных восточных христианских церквей, буддисты, конфуциане, а также адепты таких экзотических и малочисленных религий, как бахаисты, алевиты, йезиды и мандеи. Однако, наиболее многочисленным и самым быстро растущим компонентом конфессионального пространства Северной Европы со середины 1990-х гг. стали адепты ислама. Большую скорость росту численности мусульман в регионе придал Европейский миграционный кризис, в результате которого Северная Европа приняла десятки тысяч беженцев преимущественно из мусульманских стран. Крупнейшая в регионе община адептов ислама сосредоточена в Швеции и включает около 1 млн человек, или примерно 10 % населения страны [3]. В Дании и Норвегии мусульмане составляют около 6 % населения, в Финляндии — менее 3 %, а в Исландии — около 1 %. По прогнозам, при сохранении современных темпов иммиграции к 2050 г. в Швеции доля приверженцев ислама может увеличиться до 30 % (4450 тыс. человек), в Норвегии — до 17 %, а в Дании и Финляндии соответственно до 16 и 15 % [7].

Государствам Северной Европы становится все сложнее интегрировать на своей территории мигрантов, значительная часть которых культурно отличается от принимающего их общества. Миграция приводит к обострению социальных проблем. Мигранты характеризуются более молодой структурой населения по сравнению с коренным, однако им сложно воспользоваться преимуществами возрастной структуры и найти на рынках труда, из-за плохого знания местных языков, низкого уровня образования и профессиональной квалификации. Уровень безработицы среди мигрантов в два раза выше, чем у остального населения. Так, например, в Швеции и Норвегии не имеют постоянной работы 31 % иммигрантов, а в Финляндии — 37 %. В результате значительная часть переселенцев всех возрастов, и особенно среди недавно прибывших (проживание в стране менее 3 лет), живет за счет социальных пособий из государственного бюджета, что провоцирует рост антимигрантских настроений среди местного населения [8].

Опасения вызывают также особенность размещения иммигрантов, для которых характерна концентрация в отдельных районах крупных городов региона. В результате их территориальной эксклюзии формируются районы, характеризующиеся бедностью, безработицей и высоким уровнем криминала, своеобразные «no-go-zone» или гетто.

В странах Северной Европы сложились две модели миграционной политики — шведская и датская. Именно эти две страны региона раньше

всего столкнулись с необходимостью контролировать миграционные потоки и интегрировать масштабные группы переселенцев в свое общество. При этом в Швеции сложилась наиболее либеральная по отношению к мигрантам практика, поддерживающая культурное многообразие населения и формирующая образ страны, как «мультикультурной гуманитарной сверхдержавы». В то же время, в Дании основной акцент миграционной политики направлен на ограничение численности переселенцев в страну и их активную интеграцию в датское общество. Другие страны Северной Европы заняли промежуточную позицию между двумя моделями миграционной политики. Однако Европейский миграционный кризис 2015 г. привел к принятию в странах Северной Европы целого комплекса мер по ужесточению их миграционной политики, с активным использованием для этого датского опыта. Был значительно урезан размер пособий, введены ограничения на воссоединение семей, усложнены условия для получения постоянного вида на жительство и т. д. Пристальное внимание в странах региона, особенно в Дании, было уделено профилактике эксклюзии инокультурного населения и расселения уже существующих мигрантских гетто [9]. Таким образом, можно констатировать, что миграционная политика стран Северной Европы постепенно трансформируется в сторону большей прагматичности, подразумевающей сдерживание миграции.

Библиографические ссылки

1. *Karlsson G.* History of Iceland. University of Minnesota Press, 2000. 418 p.
2. *Волков А. М.* Миграционные потоки в страны Северной Европы // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 1(23). С. 126–142.
2. *Agafoshin M. M., Gorokhov S. A.* Impact of external migration on changes in the Swedish religious landscape // *Balt. Reg.* 2020. Vol. 12, no 2. P. 84–99.
3. Immigrants in the Nordic countries [Электронный ресурс]. URL: <https://www.norden.org/en/statistics/immigrants-nordic-countries-0> (дата обращения 18.12.2023).
4. Origins of immigrants [Электронный ресурс]. URL: <https://www.norden.org/en/statistics/origins-immigrants> (дата обращения 18.12.2023).
5. *Agafoshin M. M., Gorokhov S. A., Dmitriev R. V.* Refugees from Syria and Iraq in Sweden: resettlement during the migration crisis // *Balt. Reg.* 2022. Vol. 14, no 4. P. 98–112.
6. Europe's Growing Muslim Population [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/> (дата обращения 18.12.2023).
7. *Агафошин М. М.* Миграционный фактор трансформации политического ландшафта в странах Евросоюза // *Геополитика и экогеодинамика регионов.* 2020. Т. 6, № 3. С. 116–125
8. *Kapitsyn V.M., Magomedov A. K., Shaparov A. E.* Immigration policy and integration of migrants in the Kingdom of Denmark at the beginning of the XXI century // *Balt. Reg.* 2022. Vol. 14, no 2. P. 98–114.

УДК 913 (314.83)

УКРАИНЦЫ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМУ: АССИМИЛЯЦИЯ И МИГРАЦИЯ

Т. Ю. Гусаков

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, пр. Вернадского, 82–84, 119571, г. Москва, Россия,
gusakov-ty@ranepa.ru*

В постсоветский период происходит резкое сокращение украинского населения на Крымском полуострове. Рассмотрены динамика численности украинцев и особенности формирования диаспоры в регионе. При исследовании вопроса использованы материалы переписей населения, проводимых в Крыму, в том числе 2021 г., а также полевые исследования автора в степной зоне региона.

Ключевые слова: география населения; этническое разнообразие; миграция населения; расселение; украинцы; ассимиляция.

UKRAINIANS IN MODERN CRIMEA: ASSIMILATION AND MIGRATION

T. Gusakov

*Russian Academy of National Economy and Public Administration, Vernadsky Ave., 82–84,
119571, Moscow, Russia, gusakov-ty@ranepa.ru*

In the post-Soviet period, there has been a sharp decline in the Ukrainian population on the Crimean Peninsula. The dynamics of the number of Ukrainians and the features of the formation of the diaspora in the region are considered. When researching the issue, materials from population censuses conducted in Crimea, including 2021, were used, as well as the author's field research in the steppe zone of the region.

Keywords: population geography; ethnic diversity; population migration; resettlement; Ukrainians; assimilation.

Появление украинского населения на Крымском полуострове связано с многочисленными набегами войск Крымского ханства на сопредельные территории. Воины привозили в Крым большое количество невольников (ясыров), захваченных в походах, и продавали их на невольничьих рынках региона с XV века [1]. Но численность украинцев была мала и не влияла на этносоциальную структуру Крымского ханства.

Масштабное заселение региона украинцами (малороссами) началось после ликвидации Крымского ханства и его присоединения к Российской империи в 1783 г. Территорию ханства включили в образованную в 1802 г.

Таврическую губернию, которая включала Крымский полуостров, населенный преимущественно крымскими татарами, и два (после 1843 г. – три) уезда, где тогда отсутствовали постоянные поселения и кочевали скотоводы — ногайцы [2].

Переселение украинцев в Крым

Этап	Временные рамки	Увеличение численности	Особенности
насильственная миграция ясыров	XV–XVIII вв.	неизвестно, например, в результате похода атамана Сирко было освобождено 7 тыс. христиан [3]	прибывали в результате набегов Крымского ханства на соседние территории, около 20 тыс. ясыров в год [1]
переселение казенных крестьян	1784–нач. XX в.	1805 г. — 1,3 тыс. ясыров [4] 1856 г. — 202,7 тыс. гос. крестьян [5] 1858 г. — 13,3 тыс.* [2]	размещение на казенных землях и участках уехавших крымских татар и ногайцев
миграция крестьян	кон. XIX в., 1917 г.	1897 г. — 64,7 тыс.* [6] 1921 г. — 45,7 тыс.* [7, с. 39]	приобретение земельных наделов за счет ссуд
«переселенцы»	1920 – 1976 г.	1926 г. — 77,4 тыс.* 1939 г. — 154,1 тыс.* 1989 г. — 625,9 тыс.* [6]	санкционировано государством, наиболее масштабная миграция

* – численность украинцев

Первоначально украинцы расселялись преимущественно на землях бывших ногайских кочевий в северных уездах Таврической губернии (современная Херсонская и Запорожская области), а также в примыкающих к ним северных волостях Крымского полуострова, наиболее благоприятные для земледелия. К 1926 г. в северных уездах проживало 762 тыс., а в Крыму только 77,4 тыс. украинцев [6].

Основной этап переселения украинцев в Крым пришелся на вторую половину XX в., особенно интенсивно после передачи региона в состав СССР. Их численность выросла до 625,9 тыс. чел. (1989) [6]. Новоселами

полуострова были преимущественно колхозники, переселяемые в рамках санкционированного государством переселенческого движения в бывшие хозяйства крымчан, депортированных в 1944 г.

В процессе миграции переселенцев сформировалось современное расселение со смешанной этнической структурой. Однако, если русское население преобладают повсеместно, то доля украинцев выше в северных районах, соседствующих с «украиноязычной» Херсонской областью [10].

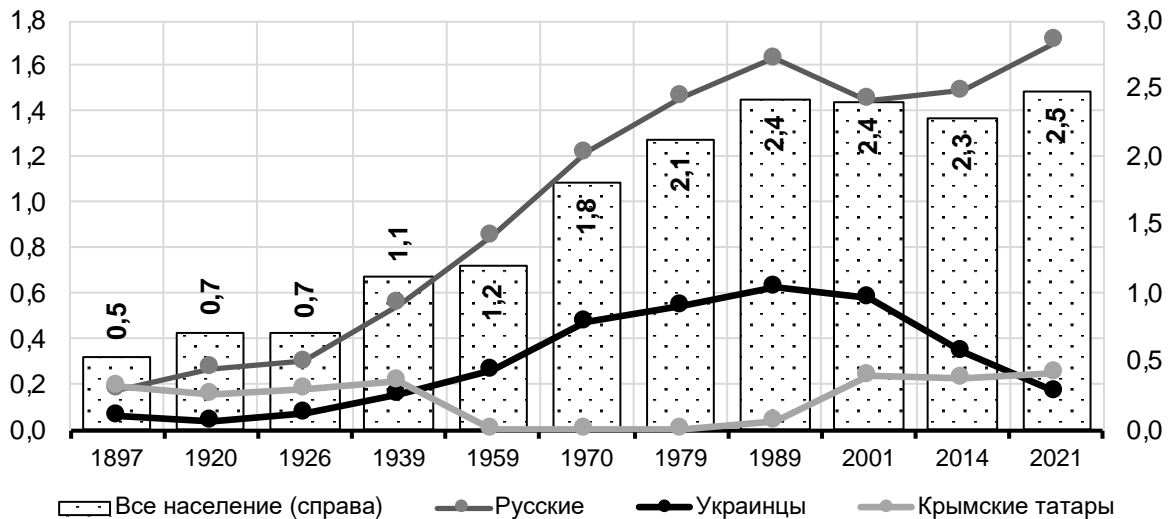

Рис. 1. Динамика численности основных этносов в Крыму, млн человек [6–9]

Наиболее весома доля украинцев в Раздольненском (19,6 %), Красноперекоском (18,1 %), Первомайском районах (15,1 %), а также в городских округах Армянск (16,7 %) и Красноперекоск (17,2 %). Меньше украинцев проживает в городах Керчь (3,4 %), Севастополь (4,6 %), Белогорском (4,5 %) и Кировском районах (5 %) [9].

Украинцы, преимущественно сельские жители, сохранили жизненный уклад, основанный на использовании атрибутов культуры в повседневности. В отличие от других этносов домовладения украинцев выделяются внешним (побеленные, покрашенные заборы и дома, соблюдение порядка внутри дворов) и внутренним убранством (украшение дома рушниками и другими национальными символами). Украинцы старшего поколения часто говорят по-украински в повседневной жизни, религиозны, соблюдают народно-обрядовый календарь, готовят блюда национальной кухни.

Но украинцы младших поколений подвержены ассимиляции со стороны русского населения, поскольку используют русский язык и не осознают важность сохранения этнической идентичности. Особенно процесс ассимиляции усилился после событий 2014 г. и исчезновения стимулов

изучения украинского языка. Украинцы являются владельцами двойной идентичности [11, 12]. Негативный информационный фон и суждения о якобы несостоятельности украинского народа и Украинского государства, тиражируемые СМИ, вызвал появление таких ответов в переписных листах крымчан как малороссы, русские украинцы.

Наряду с естественным приростом миграции являются определяющим фактором динамики численности украинской диаспоры на полуострове. До начала 1990-х гг. естественный и миграционный прирост способствовали стремительному увеличению численности украинцев. После распада СССР началась резкая депопуляция украинцев Крыма. В 1989–2021 гг. их численность сократилась в 4 раза при сохранении населения полуострова примерно на том же уровне.

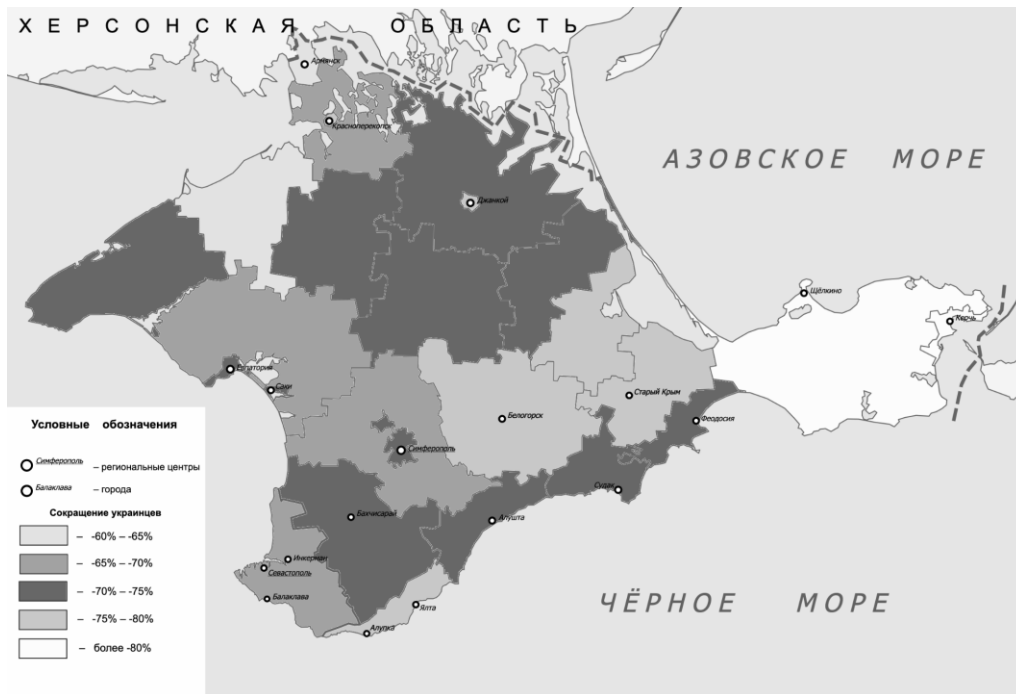

Рис. 2. Сокращение численности украинцев в муниципалитетах Крыма в 1989–2021 гг. [8–9]

Постсоветскую депопуляцию украинского населения можно условно разделить на три этапа по факторам, влияющим на процесс. Первоначально доминировала эмиграция переселенцев в регионы выхода, позже усилилась ассимиляция украинцев доминирующим русским населением и политические особенности развития Крыма.

- 1991-2000 гг. — эмиграция славянского населения (в том числе украинского) из-за социально-экономического кризиса и роста

межэтнической напряженности после начала репатриации крымских татар; переселенцы, испытывающие трудности с адаптацией к свободным рыночным отношениям, возвращались в регионы выхода; в 1991–2013 гг. эмигрировало более 100 тыс. русских, украинцев и белорусов [13]. Численность украинцев в 1989–2001 гг. сократилась на 8 % [6, 8].

• *2000-февраль 2014 гг.* — ассимиляция украинцев русским населением, доминирующим в социально-экономической, политической и культурной жизни Крыма; украинцы, не использующие украинский язык в быту, чаще используют русскую этническую идентичность, хотя не все исследователи с этим согласны [12, с. 82]; численность украинцев в 2001–2014 гг. сократилась на 40 % [9].

• *с 2014 г.* — ассимиляция украинцев усилилась из-за изменения принадлежности Крыма, «престижности» принадлежности к титульному русскому населению; усилилась миграция в Украину из-за невозможности принятия изменений 2014 г. и появления административного контроля за проукраинскими активистами; в марте 2015 г. украинскими властями было зарегистрировано 20,3 тыс. внутренне перемещенных лиц из Крыма; численность украинцев в 2014–2021 гг. сократилась на 50 % [9].

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографические ссылки

1. *Сегюр Л. Ф.* Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. СПб: Тип. В.Н. Майкова, 1865. С. 144.
2. Списки населённых мест Российской империи. Вып. 41: Таврическая губерния. СПб.: Изд-во ЦСК МВД, 1865. С. XXXVI–LV.
3. *Яцуржинский Х. П.* Южно-русские пленники в Крыму // ИТУАК. 1912. Т. 47. С. 158–166.
4. *Лашков Ф. Ф.* Сборник документов по истории Крымско-татарского землевладения (Окончание) // ИТУАК. 1897. Т. 26. С. 24–154.
5. *Романюк А.* Жертвы государственных крестьян Таврической губернии во время Крымской войны // ИТУАК. 1904. Т. 36. С. 43–47.
6. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=7
7. *Весь Крым. 1920–1925.* Симферополь: Изд. КрымЦИКа, 1926.
8. Национальный состав населения, гражданство / Всеукраинская перепись населения '2001. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/
9. Переписи и обследования / Управление ФСГС по Республике Крым и городу Севастополю. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/folder/26003>
10. *Киселев С. Н., Петроградская А.С.* Динамика численности и расселения украинцев в Крыму, по данным всеобщих переписей населения XIX–XXI вв. // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2008. № 1–2. С. 85–94.

11. *Баранов А. В.* Изменения этнической структуры населения Крыма в постсоветский период: дрейф идентичностей и миграционные процессы // *Геополитика и геоэкономика регионов*. 2018. Т. 4 (14). № 3. С. 351–360.

12. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2017. 216 с.

13. *Гусаков Т. Ю.* Вклад миграции в динамику численности населения Крыма // *Демография и глобальные вызовы. Материалы междунар. дем. форума*. Воронеж: «Цифровая полиграфия», 2021. С. 481–485.

УДК: 38.012

РОССИЙСКИЙ РЫНОК ЭЛЕКТРОМОБИЛЕЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

И. М. Гусейнов

*Северо-Кавказский Федеральный Университет, ул. Пушкина 1, 355017,
г. Ставрополь, Россия, sn1ckz1509@gmail.com*

В статье представлен анализ современного рынка электромобилей в России и мире: динамики численности автопарков электрокаров в странах мира и РФ, распределения мировых продаж электромобилей, изменения их доли в автопарке России и стран мира, перечислены основные производители и экспортеры автомобилей на электрической тяге. Целью является изучение его особенностей и перспектив развития.

Ключевые слова: электромобили; автомобили; автомобильный рынок; электрозарядная инфраструктура; развитие электротранспорта.

RUSSIAN ELECTRIC VEHICLE MARKET: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

I. M. Guseinov

*North-Caucasian Federal University, st. Pushkina 1, 355017, Stavropol, Russia,
sn1ckz1509@gmail.com*

This article presents an analysis of the modern market for electric vehicles in Russia and the world: the dynamics of the number of electric vehicle fleets in the countries of the world and the Russian Federation, the distribution of global sales of electric vehicles, changes in their share in the vehicle fleet of Russia and the countries of the world, the main manufacturers and exporters of electric vehicles are listed for the purpose of studying its features and development prospects.

Keywords: electric cars; cars; automobile market; electric charging infrastructure; development of electric transport.

В современном мире развитие электротранспорта стало одним из основных трендов развития городской среды. Он производит меньше шума, не выбрасывает вредных веществ, тем самым благоприятно сказывается на экологической обстановке и повышает качество жизни населения [1].

За последние 5 лет мировой парк электрических транспортных средств увеличился в 9,5 раза. Если по итогам 2018 г. во всем мире, по данным IEA (International Energy Agency), насчитывалось 1,9 млн электромобилей, то к концу 2022 г. их стало 18 млн единиц (рис.1). Свыше 90 % всех электрокаров сосредоточено в Китае, Европе и США [2]. Эти регионы

и являются основными производителями автомобилей на электрической тяге. Особенно стоит выделить Китай, который в 1 полугодии 2023 г. стал самым крупным экспортером электромобилей, обогнав Японию. Эта страна также является абсолютным лидером в производстве аккумуляторов для электрокаров и изготовлении их компонентов.

Мировые продажи электрифицированных автомобилей в 2023 г. выросли на 31 %, составив 13,6 млн единиц (9,5 млн. из них — «чистые» электромобили, остальное — гибриды), по данным британской консалтинговой компании. При этом на 2024 г. прогноз также составляет от 25 % до 30 %. Продажи «чистых» электромобилей выросли на 50 % в США и Канаде, на 27 % в Европе и на 15 % в Китае [3]

Несмотря на то, что в Россию этот тренд пришел позже многих западных стран, развитие электротранспорта в РФ идет быстрыми темпами. В 2023 г. в России реализовано 14 089 новых электромобилей. Это в 4,7 раза больше, чем годом ранее, и является рекордным показателем. Учитывая, что на 1 января 2023 г. в России было зарегистрировано 21 429 электромобилей, получается, что всего за 1 год их парк увеличился примерно на 65 % (рис.1).

Рис.1 Диаграмма численности автопарка электромобилей в России по годам

В структуре рынка легковых автомобилей доля автомобилей на электрической тяге также изменилась: если на декабрь 2022 г. электромобили и гибриды составляли 0,9 % и 1 % от всего рынка, то на декабрь 2023 г. эти показатели существенно изменились — 1,9 % и 3,6 % соответственно.

По состоянию на второй квартал прошлого года рубеж в 5 % на первичном автомобильном рынке преодолели почти все страны Западной Европы, а также Китай и США. Во втором квартале этого года к этим 19 странам присоединились Канада, Австралия, Испания, Таиланд и Венгрия. Если такие темпы экспансии сохранятся, то уровень в 25 % первичного авторынка электромобили в указанных странах преодолечат примерно за четыре года [4].

Более четверти (26,4 %) от количества новых электромобилей пришлось на китайский бренд Zeekr (3724 шт.), который официально свои модели в Россию не поставляет. А вот на втором месте находится российский Evolute, имеющий собственную дилерскую сеть. В число самых популярных марок электрокаров в РФ также попали Volkswagen, Tesla и Voyah [5].

Растут продажи подержанных автомобилей. В 2023 г. жители РФ купили 10 443 подержанных электромобилей, показатель на 20 % больше, чем в предыдущем году [6].

Рынок электромобилей в России стремительно развивается. Благодаря тесному сотрудничеству с Китаем, на рынок вышли бренды, о которых ранее российский потребитель даже не подозревал. 2023 г. можно также назвать первым годом полноценного серийного производства электромобилей внутри страны — по дорогам России начали ездить собранные в РФ Evolute и электрические «Москвичи». Благодаря действию параллельного импорта значительно расширилась линейка моделей электромобилей, в том числе за счет доставки электрокаров, не сертифицированных в России. Значительный прорыв в продаже «электричек» случится, когда основные бренды (Chery, Haval, EXEED и Geely) начнут поставлять их на российский рынок [8].

В стране действует Концепция по развитию производства и использования электрического транспорта на период до 2030 г., которая во многом субсидирует и регулирует развитие таких важных компонентов, как развитие электротранспортной инфраструктуры и льготы, действующие для владельцев электромобилей, делает рынок гибридов и электрокаров более цивилизованным и прозрачным.

Благодаря таким мерам и развитию рынка электромобилей в России, в последующие годы можно ожидать бурное повышение спроса на электрокары и этап существенного роста их парка.

Библиографические ссылки

1. Евдокимов Д. Ю., Пономарев Ю. Ю. Развитие электрозаправочной инфраструктуры в регионах России: сценарный анализ / Экономическое Развитие России – Москва: Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, 2022. С. 59-76.
2. Официальный сайт Международного энергетического агентства [Электронный ресурс] // <https://www.iea.org/news> (Дата обращения 12.01.2024)
3. Официальный сайт консалтинговой компании Rho Motion [Электронный ресурс] // <https://rhomotion.com/research/> (Дата обращения 17.01.2024)
4. Портал 3DNews [Электронный ресурс] // <https://3dnews.ru/1092151/v-23-stranah-mira-elektromobili-uge-zanimayut-bolee-5-pervichnogo-rinka> (Дата обращения 18.01.2024)

5. Официальный сайт аналитического агентства «Автостат» [Электронный ресурс] // Главная / Статьи / <https://www.autostat.ru/news/56565/> (Дата обращения 26.01.2024)

6. Официальный сайт аналитического агентства «Автостат» [Электронный ресурс] // Главная / Статьи / <https://www.autostat.ru/news/56703/> (Дата обращения 04.02.2024)

7. Официальный сайт аналитического агентства «Автостат» [Электронный ресурс] // Главная / Статьи / <https://www.autostat.ru/news/56378/> (Дата обращения 12.02.2024)

8. Информационно-аналитический портал «Зеленая Точка Старта» [Электронный ресурс] // <https://greenstartpoint.ru/> (Дата обращения 15.02.2024)

УДК 332.1

ВОЗМОЖНОСТИ ОЦЕНКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ РОССИИ

К. В. Демидова

*РАНХиГС, пр. Вернадского, 84, стр. 1, 119571, г. Москва, Россия,
demidova-kv@ranepa.ru*

Несмотря на достаточно большое количество исследований по оценке устойчивого развития регионов России, на уровне городов таковых крайне мало. В связи с этим актуальной целью исследования является оценка уровня устойчивости развития для крупных городов России, рассмотрение ограничений предоставляемой на муниципальном уровне статистики и проблем, возникающих как результат, в расчете индекса по официальной методике ЦУР ООН.

Ключевые слова: устойчивое развитие; индекс ЦУР; города России; показатели; ограничения оценки.

OPPORTUNITIES FOR ASSESSING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CITIES

K. V. Demidova

RANEPA, Vernadsky Av., 84, p. 1, 119571, Moscow, Russia, demidova-kv@ranepa.ru

Despite a fairly large number of studies assessing the sustainable development of Russian regions, their number is extremely small at the city level. In this regard, the actual purpose of the study is to assess the level of sustainability of development for large Russian cities, to consider the limitations of statistics provided at the municipal level and the problems that arise as a result of calculating the index according to the official methodology of the UN SDGs.

Keywords: sustainable development; SDG index; Russian cities; indicators; evaluation limitations.

Повестка устойчивого развития становится особенно актуальной в условиях кризисов, когда возникают возрастающие риски. При достаточно обширном опыте оценки уровня устойчивого развития в регионах России, для городов такие оценки крайне ограничены. В то же время, именно города являются основными локомотивами экономики страны. Крупные города России (свыше 500 тыс. чел.) концентрируют в себе более 30 % населения и 40 % промышленного производства. На них же приходится более 40 % инвестиций в основной капитал. В связи с этим, измерение уровня

устойчивого развития городов этой категории представляется актуальной задачей.

Среди наиболее известных рейтингов, оценивающих те или иные аспекты устойчивого развития регионов или городов в России, например, рейтинг регионов России по качеству жизни агентства «РИА-рейтинг», Рейтинг фундаментальной (эколого-энергетической) эффективности бизнеса агентства Интерфакс-ЭРА (эколого-энергетическое рейтинговое агентство), Эколого-экономический индекс регионов WWF России, рейтинг экологического развития городов России (Общероссийский народный фронт — ОНФ и Минприроды).

Сильной стороной многих из них является продолжительность — «РИА-рейтинг» рассчитывает его с 2013 г., Рейтинг ОНФ и Минприроды — с 2017 г., рейтинг Интерфакс-ЭРА — с 2000 г. По таким рейтингам возможно отслеживать динамику ситуации.

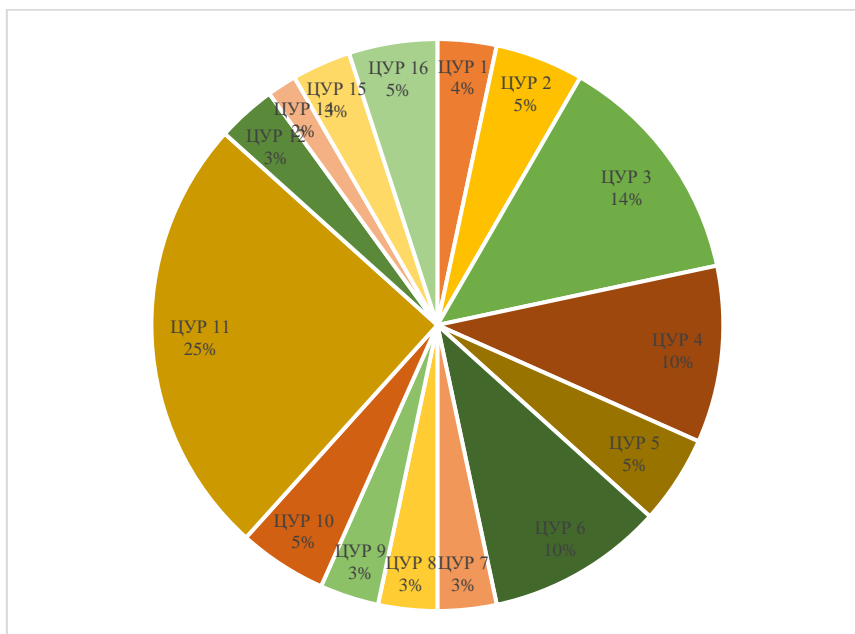
Одной из основных проблем является несопоставимость, сложность проверки или невозможность взять исходные данные для того, чтобы частично включить наиболее успешно анализируемые в них сферы в рамках одного более комплексного индекса.

Целью исследования стала оценка уровня устойчивого развития крупных городов по официальной методике расчета достижения целей устойчивого развития (ЦУР) ООН. Задачей являлся подбор показателей, демонстративно характеризующих каждую из ЦУР.

На международном уровне нет единого подхода к оценке ЦУР на уровне городов. Для России недоступность и ограниченность даже имеющихся показателей существенно снижает возможность оценки ЦУР на уровне даже крупных городов, что означает, что оценивать при текущем качестве статистики ЦУР для других, менее крупных, городов и районов, невозможно. Всего было собрано 60 показателей, из них 41 (или 68 %) собраны или рассчитаны на основе данных Росстата, прежде всего — Базы данных муниципальных образований (БД ПМО). Остальная часть основывается на базе данных Индекса качества жизни в городах от ВЭБ.РФ. Проблемой последней является предоставление данных только за один год.

Показатели, предоставляемые БД ПМО, также отличаются рядом недостатков, сильно ограничивающих их использование и возможности расчета индекса. Так, для ряда ЦУР показатели в официальной российской статистике на муниципальном уровне отсутствуют полностью. Среди них ЦУР 7, ЦУР 14, ЦУР 13, ЦУР 15, ЦУР 16, ЦУР 17. Ряд критически важных для оценки социальной сферы показателей не представлен на муниципальном уровне. Это, например, коэффициент младенческой смертности; ожидаемая продолжительность жизни.

Общая структура числа собранных по каждой из ЦУР показателей представлена на диаграмме (рисунок). Наибольшее число характерно для ЦУР 3, ЦУР 4, ЦУР 6, ЦУР 10. Для части ЦУР, например ЦУР 3, такое число набрано специально, поскольку показатели ограничены по представленному периоду. Другая ситуация, например, с ЦУР 11, обусловлена обширностью трактовки самой ЦУР («Устойчивые города и сообщества») — в связи с этим сюда включены показатели, характеризующие самые разные аспекты развития городов.

Структура собранных показателей по ЦУР.
Источник: построено автором.

Для собранных показателей одной из основных проблем является короткий доступный временной ряд, не позволяющий оценить динамику, а иногда и сопоставить отдельные субиндексы друг с другом по причине неактуальности доступных данных. Кроме того, рассматриваемые показатели не доступны для всего спектра даже крупных городов, что приводит к необходимости исключать некоторые города из рассмотрения и не сравнивать по некоторым субиндексам. К ним относятся, например, города федерального значения (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь), которые административно являются регионами.

Поскольку временной ряд выборки ограничен, часть показателей представлена за год, часть является архивными, а часть, наоборот, новыми, то оценивать динамику получаемого индекса невозможно. Для того, чтобы получить индекс, показатель осреднялся за период, за который он представлен. Это позволяет повысить устойчивость индекса, поскольку отдельные выбросы показателей будут сглажены.

Итоговый индекс ЦУР является наивысшим в южных городах, либо в крупных сибирских административных центрах со специализацией на менее экологически загрязняющих отраслях промышленности. Промышленный и административный секторы обеспечивают и экономический рост, и занятость населения, и его доходы.

Среди аутсайдеров выделяются города в пределах Московской агломерации (Балашиха), что обусловлено опережающим ростом населения: жилье здесь стоит дешевле, чем в Москве, но есть возможность ездить туда на работу. Работа в Москве статистически занижает занятость и доходы населения в таких городах. Другой особенностью является более медленное развитие инфраструктуры, которое не успевает за динамикой численности населения.

Другая группа аутсайдеров: вторые города регионов, уступающие в динамике социально-экономических показателей столицам. Причина заключается в том, что основные производственные мощности и административные ресурсы концентрируются в основном в столицах.

Третья группа: города-центры более периферийных регионов. Общей проблемой таких регионов является слабое экономическое развитие, обусловленное либо их более слабым социальным капиталом и удаленностью, что повышает издержки бизнеса.

В случае Московской агломерации, основное внимание должно быть уделено социальной и транспортной инфраструктуре, и для оперативного достижения результата необходимо разрабатывать и осуществлять проекты совместно с Правительством Москвы. В случае городов-центров периферийных районов, внимание необходимо уделить тем же мерам, что были указаны для таких регионов: расположению здесь массовых производств. Для второй группы городов требуются индивидуальные меры: для Новокузнецка — повышение экологической эффективности металлургических предприятий, для Тольятти — создание серии машиностроительных производств, которые позволят сократить численность занятых на АвтоВАЗе и повысить производительность предприятия.

Наиболее часто пониженные значения в случае городов наблюдались для ЦУР 2, что связано с более низкими доходами населения. Для улучшения ситуации в данном направлении, необходимо стимулировать создание в городах с такой проблемой производств и бизнесов, отвечающих текущим потребностям экономики страны. ЦУР 5 часто является пониженной для промышленных городов, и решением проблемы является стимулирование развития женского предпринимательства, в случае мусульманских республик это должно сопровождаться мерами, направленными на постепенную трансформацию культурных норм.

Выводы. Предоставляемая на муниципальном уровне статистика крайне ограничивает расчет индекса ЦУР по официальной методике ООН ввиду проблем не только с наличием показателей, но и с длительностью, а также территориальным охватом их представления. Полученный индекс не может быть представлен в динамике, а также уязвим в ряде сфер, поскольку в отдельных ЦУР есть возможность представить только 1-2 показателя, когда в других, ввиду их обширности, показателей, наоборот, слишком много. Среди рекомендаций для решения данного ряда проблем является организация регулярных выборочных обследований по вопросам затрагиваемых в ЦУР сфер, проведение опросов населения на данные темы, что также позволит получить большее число возможных для анализа показателей.

УДК 338.482.22

**ТРАНСФОРМАЦИИ В РАЗВИТИИ ТУРИЗМА
СУБЪЕКТОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Л. В. Деточенко

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
пр. Ленина, 27, 400005, г. Волгоград, Российская Федерация, Lillyad@rambler.ru*

Исследованы трансформации в развитии туризма субъектов России в условиях новых геополитических и экономических реалий. На основе комплексного анализа разнообразных источников информации, представлены изменения, произошедшие на современном этапе в международном и внутреннем въездном и выездном видах туризма в нестоличных регионах РФ и, конкретно, на примере Волгоградской области.

Ключевые слова: международный выездной и въездной туризм; внутренний туризм; Волгоградская область; трансформации развития туризма.

**TRANSFORMATIONS IN THE DEVELOPMENT OF TOURISM IN
RUSSIAN SUBJECTS IN THE CONDITIONS OF NEW
GEOPOLITICAL AND ECONOMIC REALITIES
(BASED ON THE EXAMPLE OF VOLGOGRAD REGION)**

L. V. Detochenko

*Volgograd State Social and Pedagogical University, Lenin Av., 27,
400005, Volgograd, Russian Federation, Lillyad@rambler.ru*

Transformations in the development of tourism in Russian regions in the context of new geopolitical and economic realities have been studied. Based on a comprehensive analysis of various sources of information, the changes that have occurred at the present stage in international and domestic inbound and outbound tourism in non-capital regions of Russian Federation and, specifically, using the example of Volgograd region, are presented.

Keywords: international outbound and inbound tourism; domestic tourism; Volgograd region; transformation of tourism development.

На этапе изменившихся геополитических и экономических реалий в современном мире произошли значительные трансформации в развитии туризма и в России в целом, и в каждом субъекте федерации. Общим для всех регионов РФ является сокращение доли и изменение пространственного рисунка международного туризма, взрывной рост внутреннего,

появление и растущая популярность новых видов внутрироссийского туризма, расширение географии туристских дестинаций. Охарактеризовать произошедшие изменения автор предполагает на примере относительно «стандартного» для туризма РФ — нестоличного, неприморского, негорного субъекта России — Волгоградской области.

Международный въездной туризм — сфера деятельности, больше всего пострадавшая в современный период в субъектах РФ. В 2022-2023 гг. среди туроператоров речь шла о том, что этот сегмент туристского рынка вообще выпал из индустрии туризма страны. Число организованных туристов, посещающих регионы России в составе туроператорских туров с экскурсионными или рекреационными целями, резко сократилось. Относительно стабильно развиваются в субъектах РФ *международный въездной деловой, событийный, научный и образовательный виды туризма*. Усугубляет положение малое количество и узкая география международных рейсов в провинциальных аэропортах.

В Волгоградской области можно говорить примерно о 5 000 иностранных туристах в 2023 г. [1]. Пространственный рисунок стран, откуда прибывают туристы, сильно изменился: почти отсутствуют гости из государств Европы, за исключением Беларуси, Сербии. Значительно более многочисленны посещения Волгограда представителями стран Азии: Китай, Индия, Иран. «Туристы» из Армении, Узбекистана, Азербайджана, Грузии — в основном, как и раньше, гостевые и рабочие визиты [2, с. 201]. В русле общероссийской тенденции «шага в Африку», организации Волгоградской области активизировали деятельность по различным направлениям сотрудничества с африканскими странами, соответственно, в области появились представители делового, научного, образовательного туризма с африканского континента.

Ближайшие перспективы развития в международном въездном туризме области «туристских» видов туризма — экскурсионного, рекреационного, возможно, бальнеологического — видятся авторам в окончательном урегулировании визовых и организационных вопросов для представителей Китая и Ирана. Обе страны являются дружественными для РФ; в обеих колоссальный «отложенный спрос» на туристские выезды (в КНР из-за закрытости во время пандемии, в Иране из-за санкций); страны имеют большую численность жителей с достаточно высокой долей населения, относящегося к среднему классу (основной поставщик туристов, поскольку есть финансовые ресурсы для путешествий); интерес в этих странах именно к познавательному туризму; относительная географическая близость, в частности, Ирана к Волгоградской области. Есть потенциал туристских связей между Беларусью и Волгоградской областью, но отсутствие прямого авиасообщения не позволяет ему реализоваться.

Международный выездной туризм всегда демонстрировал в России высокую степень восстанавливаемости. Важным моментом является то, что по сравнению с 2019 г., в выездном турпотоке из России выросла доля организованных туристов с 60 % до 84 %. В субъектах страны эта доля еще выше: пандемийные потрясения, ситуации в период СВО показали, что именно организованных туристов опекают в странах пребывания, для них организуют вывозные рейсы.

География международных выездов российских туристов ожидаемо стала другой: представлены преимущественно дружественные страны. Первая десятка лидеров туристских направлений россиян за январь-сентябрь 2023 г. непривычна (в порядке убывания показателей): Турция, ОАЭ, Абхазия, Таиланд, Египет, Китай, Мальдивы, Шри-Ланка, Куба, Сербия [3]. Европейские страны из числа лидеров исчезли, представлена только Сербия. При том, что, по данным АТОР, более четверти (26,4 %) всех зарубежных визитов россиян пришлось на 9 стран ближнего зарубежья, в том числе, на Беларусь, но поездок в них с целью туризма, предположительно, было менее 1/5. Вычленив туристские поездки от использования данных государств, как транзитных хабов, для поездок к родственникам, вылетов с целью временного или постоянного пребывания, практически невозможно. Значительная доля именно туристских посещений россиян характерна только для Грузии, которая уже на протяжении примерно 10 лет активно принимает туристов из России [4, с. 282].

В отдельных субъектах РФ пространственный рисунок международного выездного туризма может довольно существенно отличаться от общероссийского. На число и географию международных туристских выездов значительное влияние оказывает возможность прямой беспересадочной транспортировки туристов в принимающие страны: поставленные регулярные и чартерные вылеты из местных аэропортов, прямое железнодорожное сообщение, а также автобусные туры, возможность которых зависит от расстояния субъекта РФ до границы.

Первая девятка лидеров туристских направлений жителей Волгоградской области в 2023 г. следующая (в порядке убывания): Абхазия, Турция (с огромным отрывом от остальных), ОАЭ, Египет, Грузия, Армения, Азербайджан, Беларусь, Узбекистан. В эти государства осуществляется беспересадочная транспортировка туристов из Волгоградской области. Кроме Беларуси и Абхазии, в эти страны есть прямое авиасообщение. Особенности южного положения Волгоградской области и относительная географическая близость южных границ страны, способствовали тому, что важную роль, кроме авиатранспорта для международного туризма в области играют туроператорские автобусные туры для посещения Абхазии,

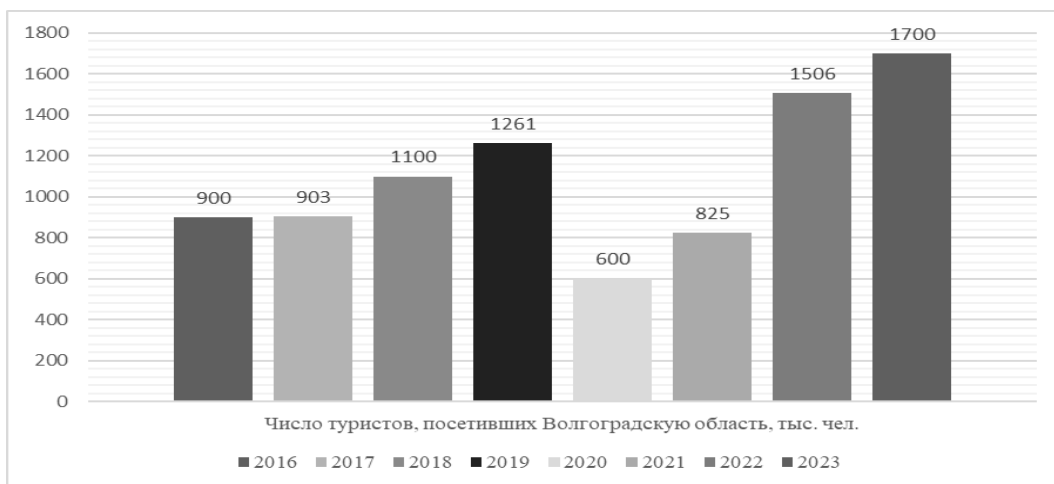

Грузии, Армении, в какой-то мере, Беларуси, но в данном случае удаленность страны делает эти туры менее популярными.

Трансформации в развитии выездного международного туризма жителей Волгоградской области четко проявились в значительно возросшей роли именно пяти стран ближнего зарубежья как принимающих государств. Используя аэропорты других городов (3-х основных: Москвы, Сочи и Минеральных Вод), волгоградцы путешествовали во все страны, доступные для поездок россиян на современном этапе, но число этих выездов несопоставимо с общим числом туристов в эти страны.

Внутренний туризм при резком снижении показателей международного демонстрирует в России и в отдельных субъектах федерации значительный рост.

Внутренний въездной туризм. Динамика туристского потока в Волгоградскую область с 2016 по 2023 гг. представлена на диаграмме (рисунок). Приводится очень ориентировочная цифра — 1,7 млн. туристов [5], посетивших Волгоградскую область в 2023 г. (рост на 12 % по сравнению с 2022 г.).

Динамика туристского потока в Волгоградскую область

По мнению автора, в реальности показатель выше. Связано это с тем, что произошла трансформация основного вида туризма в регионе. В рассматриваемый период им стал крайне сложно фиксируемый *самодетельный транзитный туризм*, включающий элементы экскурсионного, а также рекреационного, гастрономического. Значительно снизившиеся возможности россиян использовать для рекреационного пляжного приморского туризма побережья морей в зарубежных странах, неизбежно привели к огромному росту популярности курортов Черного и Азовского морей. Волгоград — транзитный узел на пути жителей, в первую очередь, Сибири и Урала, на морские курорты России и Абхазии. Это сезонный

туризм, но с достаточно растянутым пиком — с мая до середины октября. Всплеск патриотических настроений — фактор, способствующий туристскому интересу к Сталинградской битве. Такой интерес всесезонен, и позволяет Волгограду уменьшить фактор сезонности.

Типичный туристско-экономический «портрет» транзитного туриста в Волгоградской области: это самостоятельный турист на личном автомобиле, посещающий в основном областной центр на 1-3 сут., путешествующий в составе семейной группы (3-4 чел.), предпочитающий для размещения апартаменты или ночующий в автомобиле; предпочтительные расходы на 1 чел.: проживание 400-1000 р. за ночь, питание 600-1000 р. в день, + билеты в выбранные туристские локации, + покупка сувениров, + расходы на бензин, т. е. бюджетный туризм. Туристские интересы: посещение памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом Кургане, музея-панорамы «Сталинградская битва», осмотр Центральной Набережной, поездка на Скоростном подземном трамвае, водная прогулка по Волге, купание в Волге; для семей с детьми — посещение парка аттракционов (выгодно географическое положение ЦПКиО — колесо обозрения просматривается с Мамаева Кургана). Примечательно, что в 2023 г. в Волгограде выросло число туристов из регионов, для которых кратчайший транзит на морские курорты не проходит через Волгоград. Это говорит о возросшей популярности туристского продукта области.

Организованный въездной туризм во всех субъектах России демонстрирует высокие темпы развития. В Волгоградской области виды его более разнообразны: кроме самостоятельного, наряду с экскурсионным, популярны событийный, природно-экскурсионный туризм, этнографический, промышленный, бальнеологический, круизный. Произошла трансформация географии прибывающих туристов, она стала гораздо более широкой: в составе туров область чаще всего посещают туристы из Москвы, Санкт-Петербурга, соседних областей (Воронежской, Ростовской, Астраханской, Саратовской), также вырос поток и из отдаленных регионов (Кемеровской, Челябинской, Оренбургской, Орловской, Тамбовской, Нижегородской, Самарской, Липецкой, областей, Башкортостана, Татарстана и Чувашии) [1, 5].

Рост турпотока тесно связан с активным продвижением волгоградского турпродукта. Например, на Всероссийском портале главных достижений России представлены 8 проектов из Волгоградской области, среди которых Молодежный фестиваль «ТриЧетыре», Грандиозная инсталляция на Мамаевом кургане, «Свет Великой Победы», Волгоград — первая Столица детского туризма, «Волгоград Арена» — лучший стадион 2018 г. по мнению футбольных болельщиков и др.

В результате, в 2023 г. Волгоград ежемесячно входил в топ-10 популярных направлений для различных видов путешествий: семейных путешествий; патриотического туризма; отдыха на реках и озерах; отдыха не у моря; путешествий в бархатный сезон.

Внутренний выездной туризм характеризуется значительным ростом и расширением географии внутрироссийских и внутриобластных направлений. В субъектах РФ в *организованном туризме* заметно выросла роль региональных туроператоров, формирующих туры не только по области, но и по всей России. Проанализировав ситуацию с частотой и географией турвыездов жителей Волгоградской области, можно констатировать, что между расстояниями до основных турдестинаций, продолжительностью и востребованностью тура существует прямая зависимость.

Туры в пределах своей области. Наиболее популярны однодневные автобусные на предпочтительные расстояния до 150 км в одну сторону. Двухдневные туры пользуются намного меньшим спросом в силу значительного удорожания из-за необходимости оплаты средств размещения. По виду туризма это туры экскурсионные, а также промышленного, гастрономического, винного туризма.

Туры в соседние субъекты РФ. При увеличении расстояний до 250-500 км также популярны однодневные туры (без ночевки, но возможна ночь в автобусе), в основном экскурсионные : Астраханская область (соленое оз. Баскунчак, г. Астрахань, Сарай-Бату), Республика Калмыкия, Ростовская область (г. Ростов-на-Дону, Парк Лога), Воронежская область (ст. Вешенская: родина М. Шолохова). Из двухдневных популярны лишь два тура: «Астраханские лотосы» и «Астрахань и оперный театр».

Туры в отдалённые регионы РФ. Сформированы и приобрели большую популярность автобусные однодневные туры без использования средств размещения (но с двумя ночными переездами) и двухдневные (туры входного дня) на курорты Черного и Азовского морей, горнолыжные курорты Кавказа, термальные источники Ставропольского края. Значительно выросло число и востребованность, расширилась география многодневных автобусных туров. Ограничивающим фактором является расстояние: максимальное 1000 км от Волгограда; то есть, туры охватывают весь юг европейской России и в северном направлении, примерно, до широты Москвы. Выросло число предложений туров региональных и федеральных туроператоров на более дальние расстояния с использованием авиа- и железнодорожных перевозок, но эти туры, вследствие значительно более высокой стоимости, востребованы намного меньше (исключение составляют туры в Санкт-Петербург и Карелию). Во внутрироссийском выездном туризме велика доля самостоятельных туристов, география турвыездов которых очень разнообразна.

Ближайшие перспективы в развитии туризма для жителей субъектов РФ автору видятся в росте доли и расширении географии международного выездного туризма. В мире происходит определенное «привыкание» к геополитической ситуации, сложившейся вокруг России, и для туристов РФ открываются новые турнаправления, из регионов РФ ставятся прямые авиарейсы. В свою очередь, у россиян активно «работает» фактор «отложенного спроса» на зарубежные путешествия, и сформировалась готовность покупать туры по высоким ценам.

Библиографические ссылки

1. Агрегированные данные Администрации, аэропорта г. Волгограда, туроператоров, турагентов, опросов жителей Волгоградской области.
2. *Деточенко Л. В.* Особенности современного периода туристского взаимодействия России и Азербайджана //Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 7. – С. 199-208.
3. Туристический поток за рубеж в январе-сентябре 2023 года достиг 11 млн поездок [Электронный ресурс]. URL: <https://www.atorus.ru/node> (дата обращения: 18.01.2024).
4. *Деточенко Л. В.* Особенности развития туризма в Грузии как отрасли, способствующей экономическому росту страны //Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о земле. 2019. Том: 29. № 2. – С. 279-289.
5. Туристический поток в Волгоградскую область увеличился в 2023 году [Электронный ресурс] //Волга-Медиа. URL: <https://vlg-media.ru/2024/01/07/turisticheskij-potok-v-volgogradskuyu-oblast-uvlechilsya-v-2023-godu/> (дата обращения: 19.01.2024).

СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ В НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩИХ РАЙОНАХ С УЧЕТОМ ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ТЕРРИТОРИЙ

Е. А. Елисеева, Н. Е. Лобжанидзе

Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И. М. Губкина, пр. Ленинский, 65/1, 119991, г. Москва, Россия, eliseeva.elisaveta.eliseeva@yandex.ru, burgasova@yandex.ru

В системе расселения Россия в целом сосредоточен весь социальный и экономический потенциал, определяющий возможности как экономического, так и духовного развития региона. Нефтегазодобывающие районы сохраняют тенденцию формирования моногородов, существующих за счет отраслевой направленности или градообразующего предприятия. Формирование комплексной оценки систем расселения в нефтегазодобывающих районах позволит определить ключевые направления развития социально-экономического роста регионов с учетом геоэкологического состояния их территорий.

Ключевые слова: система расселения; территориальная организация населения; моногород; геоэкологические особенности; индикаторы состояния территории.

SETTLEMENT SYSTEMS IN OIL AND GAS PRODUCING AREAS, TAKEN INTO ACCOUNT OF GEOECOLOGICAL FEATURES OF THE TERRITORIES

E. A. Eliseeva, N. E. Lobzhanidze

National University of Oil and Gas «Gubkin University, Leninsky pr-t., 65/1, 119991, Moscow, Russia, eliseeva.elisaveta.eliseeva@yandex.ru, burgasova@yandex.ru

In the settlement system of Russia as a whole, all the social and economic potential is concentrated, which determines the possibilities for both economic and spiritual development of the region. Oil and gas producing areas maintain the tendency to form single-industry towns that exist due to the industry focus or the city-forming enterprise. The formation of a comprehensive assessment of settlement systems in oil and gas producing areas will make it possible to determine the key directions for the development of the socio-economic development of the regions, taking into account their geo-ecological state of the territories.

Keywords: settlement system; territorial organization of the population; single-industry town; geo-ecological features; indicators of the state of the territory.

В последние годы в России идет становление системы стратегического планирования, одним из важнейших документов которого должна быть стратегия пространственного развития (СПР) страны. Согласно

определению федерального закона «О стратегическом планировании в РФ», СПР должна не только определять приоритеты, цели и задачи регионального развития России, но и быть направленной на поддержание устойчивости системы расселения на территории страны. [1]

Важнейшей задачей стоит приоритет развития моноспециализированных городов с переводом фокуса внимания от крупных агломераций наиболее привлекательных для населения страны. Одними из таких являются города, сформированные за счет развития промышленного комплекса в регионе. Промышленность — важнейший районообразующий фактор, определяющий формы и особенности расселения населения, так как под его влиянием возникают и развиваются города, транспортные пути, экономические связи и пр. Городское расселение и его формы тесно взаимосвязаны с промышленной специализацией хозяйства регионов.

Развитие промышленности предопределяет спрос на факторы производства и обеспечивает соответствующий уровень предложения на ряд товаров личного потребления. Таким образом, территориальная организация населения (ТОН) и промышленное производство испытывают большое взаимное влияние. Территориальная организация населения оказывает прямое влияние на использование факторов производства (труд, земля, капитал, предпринимательские способности и научно-технический прогресс).

Важными системами территориальной организации населения являются промышленные узлы разного типа, для которых характерно наличие технологически и организационно взаимосвязанных производств. Промышленные узлы могут включать один город или несколько городских поселений. Границы промышленных узлов и районов не полностью совпадают с системами расселения. Как правило, территория промышленных узлов и районов более локальна, определяется только хозяйственными связями, а система расселения — еще и культурными, бытовыми и пр. Промышленные центры также оказывают большое влияние на формирование локальных систем расселения. [2]

В свою очередь, систему расселения определяют как исторически сложившуюся территориально организованную совокупность поселений, между которыми существуют устойчивые связи (производственные, социальные, бытовые, административные), а также присутствует распределение функций в соответствии с местом и ролью населенных пунктов в системе. Будучи итогом целенаправленной деятельности людей, система расселения отражает уровень развития общества, особенности его функционирования, и меняется вместе с изменением социально-экономической ситуации. Основными элементами системы выступают населенные

пункты, территория их локализации, население, природная, производственно-экономическая, социальная и культурная среда обитания. [3]

Общей особенностью территориальной организации населения и производства в осваиваемых регионах с суровыми природными условиями являются относительно слабые внутренние связи между предприятиями и населенными пунктами. Такие системы в основном нацелены на вывоз сырья и топлива. Размещение добывающей промышленности в этом случае не вызывает дополнительной экономической деятельности и негативно сказывается на устойчивости региональной экономики, напрямую зависящей от конъюнктуры сырьевых рынков.

Топливо-энергетический комплекс России играет особую роль в формировании и развитии ТОН, как важный фактор экономической и политической интеграции страны. Ведущей отраслью топливной промышленности является нефтяная промышленность. Основная особенность территориальной организации нефтяной промышленности — резкое территориальное несовпадение между районами размещения основных запасов и добычи нефти и районами переработки и нефтепотребления. Для нефтедобывающей промышленности в мире характерна концентрация в экономически слаборазвитых регионах, и Россия не является исключением.

Отрасль является высокоприбыльной, что объясняется высокой концентрацией запасов нефти, снижающей себестоимость, относительной дешевизной используемых трудовых ресурсов в России и высоким уровнем мировых цен на нефть. Не случайно, важнейшие нефтедобывающие регионы страны в числе лидеров по многим показателям социально-экономического развития. Вместе с тем, низкий уровень развития инфраструктуры, суровый климат затрудняют рост поселений, особенно крупно-городских в районах нового освоения. Эти регионы, как правило, ориентированы исключительно на добычу нефти, поэтому экономика чувствительна к колебаниям мировых цен на энергоносители.

В нефтедобывающих регионах возникло много моногородов, строившихся только для добычи нефти и газа. Ключевое свойство в понятии моногорода — зависимость от градообразующего предприятия, которая выражается в нескольких аспектах:

— зависимость местного рынка труда от основного градообразующего предприятия — самый острый тип зависимости;

— зависимость местного бюджета от налоговых поступлений от градообразующего предприятия;

— энергетическая зависимость жилищно-коммунального хозяйства монопрофильного городского поселения от поставок тепла и энергии от источников, находящихся на балансе градообразующего предприятия;

— зависимость некоторых объектов городской социальной инфраструктуры;

— экологическая зависимость состояния окружающей среды в городских поселениях от вредных выбросов предприятия.

Создание инфраструктуры в таких городах подчинено только интересам нефтегазового комплекса. Особенностью систем расселения в регионах развития нефтедобывающей промышленности является их большая рассредоточенность. [4]

С целью формирования устойчивости территории нефтегазодобывающих регионов необходимо выявление практических и измеряемых индикаторов устойчивого развития. Если исходить из того, что устойчивое развитие должно приводить к достижению трех основных целей — экологической устойчивости, эффективности экономической деятельности и благоприятного социального развития — следует выделять три вида показателей: экологические, экономические и социальные. Эти показатели должны связывать качество окружающей среды с экономическим и социальным развитием.

Наибольшее изменение от нефтегазодобычи испытывает экологическая сфера. Это происходит за счет влияния на окружающую среду (пути миграции организмов, трофические цепи, нарушение среды обитания, снижение биоразнообразия). Индикаторы оценки влияния нефтегазодобычи на окружающую среду могут иметь как количественные, так и качественные показатели.

К группе качественных индикаторов относится расстояние. Этот фактор важно учитывать для того, чтобы правильно оценивать экологичность и рентабельность разработки того, или иного месторождения.

Количественные индикаторы представляют собой систему показателей, которые можно рассчитать, и которые отражают в полной мере тенденции развития региона (социальная, экономическая и экологические сферы). [5]

Индикаторы устойчивого развития могут быть использованы как для оценки текущих итогов, так и для оценки качества экономического роста и тенденций устойчивости развития. Переход Российской Федерации в целом к устойчивому развитию возможен только в том случае, если будет обеспечено устойчивое развитие всех регионов.

Концепция геопланирования включает классификацию и систематику региональных и локальных систем расселения по параметрам, определяющим общий характер природопользования, хозяйственной деятельности и уровни антропогенно-техногенных нагрузок на природную среду. Стоит предположить, что разным типам систем расселения соответствуют специфические задачи планирования территорий.

Библиографические ссылки

1. *Кузнецова О. В.* Стратегия пространственного развития // *Население и экономика.* 2019. № 3. С. 53-62.
2. *Микрюков Н. Ю.* Факторы, проблемы и модели развития моногородов России: дис. канд. геог. Наук. Москва, 2016. 163 с.
3. *Яворская В. В., Дирин Д. А.* Теоретические аспекты изучения трансформации систем расселения // *География и природопользованию.* 2013.
4. Отраслевые особенности территориальной организации населения: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/9803979/page:5/> (Дата обращения: 10.02.2024)
5. *Верецагина В. Б.* Индикаторы устойчивого развития регионов нефте-газодобычи на шельф северных морей // *Вестник СПбГУ.* 2011. № 7. С. 107-113.

УДК 379.85:913(476)

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

А. Н. Есипович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, yesipovich.geo@gmail.com*

Представлены результаты интегральной оценки историко-культурных объектов Брестской области в разрезе административных районов на основе данных Государственного списка историко-культурных ценностей Республики Беларусь и методики оценки экскурсионных объектов И. И. Пирожника. Практические результаты оценки могут стать катализатором для развития региона, способствуя сохранению историко-культурного наследия и продвижения отдельных районов области.

Ключевые слова: историко-культурные объекты; интегральная оценка; туризм; регионы Беларуси.

INTEGRAL ASSESSMENT OF HISTORICAL AND CULTURAL OBJECTS OF THE BREST REGION

N. M. Yesipovich

Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, yesipovich.geo@gmail.com

The results of an integral assessment of historical and cultural objects of the Brest region in the context of administrative districts are presented based on data from the State List of Historical and Cultural Values of the Republic of Belarus and the methodology for assessing excursion objects by I.I. Pirozhnik. The practical results of the assessment can become a catalyst for the development of the region, contributing to the preservation of historical and cultural heritage and the promotion of individual areas of the region.

Keywords: historical and cultural objects; integral assessment; tourism; regions of Belarus.

Присутствие значительного количества объектов культурного наследия поспособствовало интенсивному развитию культурного туризма в Брестской области. Особенности пограничного (приграничного) положения, а также богатая событиями мирового, регионального и локального уровней история региона, предопределили насыщенность территории памятниками историко-культурного наследия: объектами оборонительного типа, дворцово-паркового искусства, сакральными сооружениями, а также памятниками градостроительства и археологии [1].

В Брестской области имеется 752 памятника, которые включены в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь [2].

Наиболее значимые и важные памятники истории и культуры на территории Брестской области: пункты Геодезической дуги «Струве», Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», Каменецкая башня и Костел в д. Чернавчицы отнесены к «0» категории ценности и составляют 0,5 % от общего количества; 14 памятников (1,6 %) относятся к первой категории, 137 (18,3 %) — ко второй категории, 597 (79,6 %) культурно-исторических памятников местного значения отнесены к третьей категории ценности [2].

В Брестской области самое большое распространение получили памятники архитектуры: 343 объекта (45,6 %). Затем располагаются памятники истории — 235 (31,3 %), археологии — 141 (18,7 %), искусства — 27 (3,6 %), менее многочисленны памятники градостроительства — 4 (0,5 %), комплекты и коллекции — 2 (0,3 %) [2].

Региональное распределение историко-культурных объектов представлено на рисунке.

Распределение историко-культурных объектов по административным районам Брестской области, единиц. Составлено по: [2]

Картограмма показывает региональные различия Брестской области по количеству исследуемых объектов. Наибольшее количество объектов находится в Брестском (99), Пружанском (74), Кобринском (70) районах, наименьшее — в Ляховичском (11), Лунинецком (19) и Ивановском (19) районах [2, 3].

В отечественной практике при оценке культурно-исторического потенциала историко-культурных объектов специалистами исплдбзуется перечень критериев, разработанный И. И. Пирожником. К ним относятся: познавательная ценность, известность, экзотичность, масштабность, фон, акустическая среда, комфортность сезонов [4].

Критерий познавательной ценности отображает информацию, которую несет объект. Оценивается в баллах от 1 до 3 (1 балл присваивается в том случае, если объект отображает информацию, представляющую интерес для местного населения, 2 балла — для населения всей страны, 3 балла — интересен за рубежом) [5].

Известность оценивается по аналогичной схеме по трехбалльной системе (1 балл — известен местному населению, 2 балла — известен в пределах страны, 3 балла — известен и за рубежом) [5].

Критерий экзотичности оценивается в пределах от 1 до 3 баллов, в зависимости от того, в пределах какой территории объект имеет аналоги (1 балл — аналоги встречаются в пределах данной местности, 2 балла — в пределах страны, 3 балла — известны только мировые аналоги данного объекта) [5].

Масштабность оценивает общий вид объекта, впечатление, которое он оставляет. Объекту присваивается 1 балл, если его можно увидеть только вблизи, 3 балла, если объект заметен и издалека (2 балла — промежуточное значение) [5].

По критерию *фон* объекту присваивается 1 балл, если объект теряется на общем фоне, 2 балла, если объект составляет контраст с фоном и 3 балла, если гармонирует [5].

Акустическая среда для объекта может быть благоприятной (когда экскурсию можно вести и вблизи объекта, не опасаясь сильных посторонних шумов, в этом случае ставится 1 балл) и неблагоприятной (когда экскурсию вблизи объекта проводить невозможно ввиду сильных шумов, тогда ставится 0 баллов) [5].

Комфортность сезонов оценивается в зависимости от того, как долго в течение года можно проводить осмотр объекта (1 балл — объект доступен для осмотра 3 месяца (1 сезон), 2 балла — доступен 6 месяцев в году, 3 балла — 9 месяцев и 4 балла, если осмотр возможен в течение всего года) [5].

После оценки объекта по всем перечисленным критериям подсчитывается общая сумма баллов, а в последующем суммируются баллы всех объектов в районе.

В таблице приведены суммарные баллы историко-культурных объектов Брестской области в разрезе административных районов.

**Суммарные баллы историко-культурных объектов административных районов
Брестской области (составлено автором)**

Ранг в области	Район	Сумма баллов
1	Брестский	1126
2	Пинский	896
3	Пружанский	857
4	Кобринский	829
5	Каменецкий	618
6	Дрогичинский	607
7	Столинский	591
8	Ивацевичский	524
9	Жабинковский	517
10	Малоритский	461
11	Ганцевичский	448
12	Барановичский	375
13	Берёзовский	299
14	Ивановский	254
15	Лунинецкий	227
16	Ляховичский	136

Очень большую сумму баллов историко-культурных объектов имеет Брестский район, высокую — Пинский, Пружанский и Кобринский районы. В них сконцентрированы основные объекты, имеющие наиболее высокие показатели познавательной ценности, известности и привлекательности. Наименьшая сумма баллов у Ляховичского и Лунинецкого районов. Это объясняется тем, что в данных районах сосредоточены объекты, в основном местного значения, также они менее выразительны и экзотичны, что имеет небольшой вес при оценке.

Развитие туризма через оценку и продвижение историко-культурных объектов, может способствовать продвижению самого региона как туристического направления, что в свою очередь привлечет больше инвестиций. Такая оценка помогает выявить и подчеркнуть уникальные и значимые историко-культурные районы Брестской области, которые могли бы стать привлекательными для туристов и служить ключевыми направлениями в туристических маршрутах.

Библиографические ссылки

1. Федорова И. Л. Географические аспекты организации культурного туризма в Брестской области / И.Л. Федорова, С. В. Артеменко // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 5, Хімія. Біялогія. Навукі аб Зямлі. 2011. № 1. С. 117-124.
2. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь [Электронный ресурс] / Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь. Режим

доступа: <http://gosspisok.gov.by/?AspxAutoDetectCookieSupport=1>. Дата доступа: 14.03.2023.

3. *Васильченко А. О., Демьянов С. А.* Анализ туристско-рекреационного потенциала административных районов Брестской области в контексте устойчивого развития туризма // Экономика и банки. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-turistsko-rekreacionnogo-potentsiala-administrativnyh-rayonov-brestskoy-oblasti-v-kontekste-ustoychivogo-razvitiya-turizma> (дата обращения: 29.01.2024).

4. *Потаева Г. Р., Федорцова Т. А.* Основы экскурсоведения. Минск: БГУ, 2011. 159 с.

5. *Пирожник И. И.* Основы географии туризма и экскурсионного обслуживания / И. И. Пирожник. Минск, 1985.

УДК 911.3:32

**ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ ПО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ ЦЕНТРА
ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ ИМИ МГИМО**

Л. С. Жирнова

*Московский государственный институт международных отношений МИД России,
пр. Вернадского, 76, 119454, г. Москва, Россия, l.zhirnova@inno.mgimo.ru*

Статья обобщает опыт ЦПАМО ИМИ МГИМО по созданию геоинформационных баз данных в сфере политической и электоральной географии, в том числе исследований пространственного распределения человеческого потенциала, математического отражения политико-экономических и интеграционных связей между государствами, а также сравнительных электоральных исследований. Представлено краткое описание баз, обозначены возможности их использования.

Ключевые слова: ГИС; геоинформационные базы данных; человеческий потенциал; электоральная статистика; матрица соседства.

**GEOINFORMATION DATABASES ON POLITICAL AND
ELECTORAL GEOGRAPHY BY CENTER FOR SPATIAL ANALYSIS
IN INTERNATIONAL RELATIONS OF MGIMO IIS**

L. S. Zhirnova

Moscow State Institute of International Relations, pr. Vernadskgo, 76, 119454, Moscow, Russia, l.zhirnova@inno.mgimo.ru

The article sums up the geoinformation databases in political and electoral geography produced by the Center for Spatial Analysis in International Relations of the MGIMO IIS. The databases cover a number of topics including the analysis of spatial distribution of human potential, the mathematical representation of political, economical and integration links among states, as well as comparative electoral research. The author provides a short description of databases as well as describes their potential use.

Keywords: GIS; geoinformation databases; human potential; electoral statistics; weights matrix; neighborhood matrix.

В последние десятилетия геоинформационные системы вступили в период бурного развития, однако их достижения пока еще не в полной мере используются в сфере политической и электоральной географии, а также смешанных дисциплинах. В то же время сохраняется устойчивый запрос на учет пространственных факторов при изучении политических процессов на национальном и международном уровне, отмеченный еще в начале 2000-х гг. [1, с. 37]. Наряду с обширным применением

пространственного статистического анализа в физико-географических исследованиях встречается все больше работ подобного характера в общественно-географических и смежных дисциплинах [2].

Для успешного применения методик пространственного статистического анализа, необходимы базы данных не только соответствующие задачам исследования, но и адаптированные для обработки в геоинформационных системах. Большая часть доступной статистики, в том числе социально-экономические, демографические и электоральные показатели, носит непространственный характер, то есть не привязана к географическим координатам, что делает невозможным анализ ее пространственного распределения [3, с. 37]. Центр пространственного анализа международных отношений (ЦПАМО) ИМИ накопил значительный опыт создания баз данных с пространственной привязкой статистики, причем эти базы на регулярной основе размещаются на российских и зарубежных онлайн-ресурсах. Настоящая статья представляет обзор баз данных ЦПАМО ИМИ с кратким описанием потенциала использования.

Первые три базы данных подготовлены коллективом ЦПАМО ИМИ в ходе работы над проектом «Пространственный анализ факторов регионального распределения человеческого потенциала в России и в мире», реализуемым в рамках исследовательской программы «Глобальные пространственные аспекты реализации человеческого потенциала» НЦМУ «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» (2020-2025 гг., грант Минобрнауки № 075-15-2020-930 в 2020-21 гг., № 075-15-2022-327 в 2022-24 гг.). Цель данного масштабного исследования — выявить и проанализировать тенденции пространственного распределения в странах-членах ООН ста факторов, характеризующих разные аспекты развития человеческого потенциала, от демографии и экономики, до равенства и экологии. Результаты исследования будут обобщены в издании «Атлас человеческого развития», которое готовится к публикации.

Для геоинформационного моделирования требуется не только собрать необходимые данные и привязать их к географическим координатам, но и задать матрицу соседства, то есть определить, какие объекты являются соседями. Новацией «Атласа человеческого развития» является применение не только геометрической матрицы соседства, в которой соседями являются страны, имеющие общую границу, но и геополитической, учитывающей принадлежность к одним и тем же интеграционным политико-экономическим объединениям. Авторская геополитическая матрица соседства, разработанная для проекта, зарегистрирована в качестве геоинформационной базы данных «Структура современных международных отношений: пространственные веса соседства, основанные на геополитической близости государств мира» [4] и доступна для скачивания в разделе проекта на сайте МГИМО [5]. Создание синтетических матриц соседства, отражающих те, или иные аспекты относительного

пространства, позволяет проверять новые гипотезы о роли не только интеграционных, но и, к примеру, постколониальных, лингвистических и других связей государств.

Еще одна база данных, разработанная в рамках проекта «Атлас человеческого развития», обобщает показатели человеческого развития в странах-членах ООН [6]. База включает сто показателей по десяти направлениям: демография, экономика, финансы, политика, равенство, образование и наука, здравоохранение, культура, мобильность и экология. Статистические данные привязаны к авторскому векторному слою, воспроизводящему границы 193 полноправных членов ООН. Использование базы позволяет проанализировать пространственное распределение указанных факторов. База также доступна для скачивания на сайте МГИМО [5].

Одним из направлений анализа в рамках проекта «Атлас человеческого развития» стали столицы, как ключевой элемент политико-географической структуры государств. Сведения о столицах стран-членов ООН с географическими координатами также обобщены в виде геостатистической базы данных [7] и дополнены рассчитанным авторами коэффициентом столичности. Материалы могут стать удобным инструментом для визуализации и анализа статистики при изучении столичных городов. Базу также можно скачать на сайте МГИМО [5].

Еще две базы, подготовленные коллективом ЦПАМО ИМИ, относятся к сфере электоральной географии. Одна из них обобщает региональную электоральную статистику РФ за 2007-2021 гг. [7], а вторая представляет результаты выборов в странах соседних с Россией за период 2007-2022 гг. [8]. В базу данных по России включены сведения о голосовании на выборах в Государственную думу РФ по партийным спискам в каждом из субъектов Российской Федерации, привязанные к векторному слою картографической основы. В базу данных по приграничным странам входят результаты общенациональных выборов в парламенты Абхазии, Беларуси, Грузии, Казахстана, Латвии, Литвы, Монголии, Норвегии, Польши, Украины, Финляндии, Эстонии и Южной Осетии за четыре избирательных цикла в указанный период. Базы представляют основу для внутривостранового и межстранового анализа электоральной статистики и доступны для скачивания в разделе пространственных данных ЦПАМО ИМИ [9].

Чтобы сделать наработки более доступными для международной аудитории, ЦПАМО ИМИ разместил базы данных в репозитории Гарвардского университета [10]. На данный момент на этом ресурсе размещены две базы: геополитическая и геометрическая матрицы соседства [11] и база показателей человеческого развития стран ООН [12].

Коллектив ЦПАМО ИМИ продолжает создание и тестировку новых баз данных в сфере политической и электоральной географии и надеется, что они станут опорой для новых научных разработок.

Библиографические ссылки

1. *Starr H.* Using geographic information systems to revisit enduring rivalries: The case of Israel // *Geopolitics*. 2000. 5(1). P. 37–56. doi:10.1080/14650040008407666
2. *Кузнецов, А. А.* Изучение электоральных процессов при выборах в III Государственную думу Российской империи с использованием геоинформационных систем / А. А. Кузнецов, Е. В. Баранова, Э. В. Иванков // *Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер*. 2016. № 45. С. 175-176.
3. *Окунев И. Ю.* Основы пространственного анализа. М.: Аспект Пресс, 2-ое изд., перераб. и доп. 2023. 255 с.
4. Авторское свидетельство № 2021621744 Российская Федерация. Структура современных международных отношений: пространственные веса соседства, основанные на геополитической близости государств мира / И. Ю. Окунев; Правообладатель: МГИМО МИД России. № 2021621393; заявл. 08.07.2021; опубл. 16.08.2021, Бюл. № 8.
5. Пространственный анализ факторов регионального распределения человеческого потенциала в России и в мире / Научные проекты ЦПАМО ИМИ. Портал МГИМО. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/structure/uchen-nauch/imi/geo/docs/geo-research/#3> (дата обращения: 11.02.2024).
6. Авторское свидетельство № 2022621830 Российская Федерация. Геоинформационная база данных показателей человеческого развития в государствах-членах ООН / И. Ю. Окунев, С. Л. Баринов, А. О. Доманов, Л. С. Жирнова, Е. А. Захарова, П. В. Осколков, М. И. Тисленко, М. Н. Шестакова, Л. П. Шматкова; Правообладатель: МГИМО МИД России. № 2022621575; заявл. 04.07.2022; опубл. 25.07.2022, Бюл. № 8.
7. Авторское свидетельство № 2023623209 Российская Федерация. Геоинформационная база данных региональной электоральной статистики Российской Федерации 2007-2021 гг. / Окунев И. Ю., Шестакова М. Н., Жирнова Л. С.; Правообладатель: МГИМО МИД России. № 2023622920; заявл. 12.09.2023; опубл. 25.09.2023, Бюл. № 9.
8. Авторское свидетельство № 2022623230 Российская Федерация. Геоинформационная база данных электоральной статистики 2007-2022 гг. в странах, граничащих с Российской Федерацией / И. Ю. Окунев; С. Л. Баринов, А. О. Доманов, Л. С. Жирнова, Е. А. Захарова, А. Э. Кушнарева, Г. И. Остапенко, Л. П. Шматкова; Правообладатель: МГИМО МИД России. № 2022623231; заявл. 29.11.2022; опубл. 05.12.2022, Бюл. № 12.
9. Пространственные данные ЦПАМО ИМИ / Портал МГИМО. Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/structure/uchen-nauch/imi/geo/docs/spatial-data/> (дата обращения: 11.02.2024).
10. *Geopolitics – Spatial Statistics Dataverse in Political Geography.* Geospatial data repository on political and electoral geography of the Center for Spatial Analysis in International Relations / Harvard Dataverse. [Electronic Resource] URL: <https://dataverse.harvard.edu/dataverse/Geopolitics/> (Accessed 11.02.2024).
11. *Okunev I.* Optimal Spatial Weights Matrix for the World Political Map / Harvard Dataverse. 2023 <https://doi.org/10.7910/DVN/BPOTZY>.
12. *Okunev I., Barinov S., Domanov A., Zhirnova L., Zakharova E., Oskolkov P., Tislenko M., Shestakova M., Shmatkova L.,* Human Development Indexes of the UN Member States: Geostatistical Database. Harvard Dataverse. 2023. <https://doi.org/10.7910/DVN/SAACGU>.

УДК 911.6

**ФРАГМЕНТАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ АРЕАЛОВ ЧЕРНОЙ
МЕТАЛЛУРГИИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВА
(НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ БАЗЫ)**

Н. Ю. Заляза

*Санкт-Петербургский государственный университет Университетская наб., 7–9,
199034, г. Санкт-Петербург, Россия, zalyaza2001@mail.ru*

Исследование посвящено вопросам фрагментации территориально-отраслевой структуры черной металлургии в пределах Уральской базы. Ввиду высокой монополизации отрасли в качестве ключевого фактора ареалообразования выступают крупные промышленно-металлургические компании, формирующие зоны технологического-производственной активности. На основе расчета потенциала поля производительности представлена иерархия холдинговых структур в центрально-периферийной системе Урала.

Ключевые слова: черная металлургия; промышленный ареал; зона технологического-производственной активности; промышленно-металлургические компании; Уральская металлургическая база.

**FRAGMENTATION OF INDUSTRIAL AREAS OF THE RUSSIAN
FERROUS METALLURGY IN THE CONTEXT OF THE SPREAD
OF MODERN FORMS OF ECONOMIC ORGANIZATION
(ON THE EXAMPLE OF THE URAL METALLURGICAL BASE)**

N. Yu. Zalyaza

*St. Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7-9,
199034, St. Petersburg, Russia, zalyaza2001@mail.ru*

The study is devoted to the fragmentation of the territorial and sectoral structure of ferrous metallurgy within the Ural base. Due to the high monopolization of the industry, large industrial and metallurgical companies that form zones of technological and industrial activity act as a key actor of area formation. Based on the calculation of the potential of the productivity field, the hierarchy of holding structures in the central-peripheral system of the Urals is presented.

Keywords: ferrous metallurgy; industrial area; zone of technological and industrial activity; industrial and metallurgical companies; Ural metallurgical base.

Введение. Металлургическая промышленность России является системообразующей и высокоэффективной отраслью: согласно данным Росстата, черная металлургия формирует 4–5 % ВВП страны, 6–7 % экспорта, порядка 360 тыс. рабочих мест [1]. Она играет значимую роль в

экономике, как отдельных промышленных центров, так и регионов в целом, что подтверждается статистически: ведущее значение имеют регионы, где расположены комбинаты полного цикла (КПЦ). Так, в 1990 г. доля Липецкой области в выпуске черных металлов в ЦФО составляла 77 %, Вологодской области в СЗФО — 91 %, Челябинской области в УрФО — 70 %, Кемеровской области в СФО — 92 %, Хабаровского края на Дальнем Востоке — 98 % [2]. Эти цифры остаются такими же высокими и сегодня.

На предыдущем этапе развития при осуществлении отраслевого анализа черную металлургию было принято рассматривать в рамках концепции металлургических баз [3], что значительно обобщало и упрощало ее территориально-отраслевую структуру. В то же время, деятельность крупных компаний фрагментирует традиционные металлургические базы на отдельные ареалы. Особенно четко это прослеживается в пределах Урала, где металлургическая промышленность является базовой отраслью экономики [4].

Таким образом, целью исследования является определение роли промышленно-металлургических компаний в формировании зон технологического производственной активности в пределах Уральской базы, и установление их места в центрo-периферийной системе.

В качестве объекта выступает черная металлургия, как вид экономической деятельности в пределах Уральской базы, предмет — территориальная дифференциация, связанная с формированием крупными металлургическими компаниями зон технологического производственной активности.

Материалы и методы. Информационной базой исследования послужил сайт Rusprofile.ru, официальные сайты промышленных площадок, что позволило уточнить список функционирующих предприятий в составе крупных промышленно-металлургических компаний в пределах Уральской базы, а также их пресс-релизы для определения производственной мощности, географии поставок в рамках межзаводской кооперации.

С целью выявления наиболее индустриализированных зон в пределах Уральской базы в методологическую основу исследования легло применение математических методов. Для установления степени взаимной близости (удаленности) предприятий и их взаимовлияния был рассчитан потенциал поля производительности на основе формулы, используемой при расчете потенциала поля расселения [5]:

$$V_i = P_i + \sum \frac{P}{D_{ji}},$$

где P_i – производственная мощность i -го предприятия; $\sum \frac{P}{D_{ji}}$ – отношение суммарной производственной мощности всех рассматриваемых предприятий к расстоянию между i -ым и j -ым предприятиями.

Результаты и их обсуждение. Территориальная организация черной металлургии в пределах Уральской базы носит отпечаток исторического развития отрасли. Но в то же время вынуждены констатировать, что высокий уровень монополизации в значительной степени повлиял на ее развитие в постсоветский период. Деятельность промышленно-металлургических компаний направлена на расширение географии присутствия, через установление тесных технолого-производственных связей в рамках межхолдинговой кооперации. Такие внутриотраслевые взаимодействия наряду с присутствием сразу нескольких компаний приводят к фрагментации Уральской базы на отдельные зоны технолого-производственной активности (рис. 1).

Всего в пределах Уральской базы свою деятельность осуществляют 13 промышленно-металлургических компаний, половина из которых выполняют ареалообразующую функцию (ПАО «ММК», «Мечел», «ТМК», ООО УК «ПМХ», ОАО «УГМК», АО УК «Металлинвест (ООО ПМХ «Тагильская сталь») и Evraz Group). Остальные компании представлены либо одним предприятием, либо несколькими производственными площадками, размещенными дисперсно, и обладающие горизонтально-интегрированной структурой. В свою очередь, компактное размещение предприятий черной металлургии, функционирующих в составе какой-либо промышленно-металлургической компании, приводит к выстраиванию между ними сбытово-сырьевых цепочек, что приводит к развитию зон технолого-производственной активности.

Самой крупной по площади и тесноте связей является зона, сформировавшаяся на западе и юго-западе Уральской базы под влиянием ПАО «Мечел». Головное предприятие холдинга — ПАО «ЧМК» обеспечивает большинство производственных площадок компании сырьем для дальнейшего передела. Кроме того, в зону технолого-производственной активности ПАО «Мечел» попадают сырьевые активы АО «Компания Эталон», которая выступает в качестве сопутствующей рудной базы для челябинского комбината. Несмотря на выраженную гипертрофированность зоны в ее пределах присутствуют элементы полицентричности. Для холдинга характерны технолого-производственные связи с иными крупными игроками рынка черных металлов в пределах базы. Так, например, ПАО «ЧМК» снабжает сырьем площадки АО УК «Металлинвест» (ООО ПМХ «Тагильская сталь») несмотря на их географическую близость к Нижнетагильскому комбинату.

На севере и северо-востоке Уральской базы сформировалась еще одна зона технолого-производственной активности, но уже под влиянием ОАО «УГМК». Пирометаллургический цикл черных металлов в ее пределах реализуется широко за счет наличия комбината полного цикла, ферросплавного, литейного производства, а также площадки, где представлены современные электрометаллургические технологии. В отличие от ПАО «Мечел», ОАО «УГМК» функционирует обособлено, используя собственные сырьевые ресурсы. В пределах этой зоны ярко выражена технолого-производственная стадийность. Самодостаточность зоны обусловлена полицентричностью и обеспеченностью сырьем. Отсутствие связей с предприятиями иных промышленно-металлургических компаний связано с меньшими объемами производственной деятельности, узким сортаментом выпускаемой продукции и, как следствие, низкими конкурентными преимуществами по сравнению с иными компаниями.

Крупнейшая по объемам деятельности зона технолого-производственной активности Уральской базы расположена на западе и юго-западе Свердловской области. Она сформировалась под влиянием Evraz Group. Для этой зоны характерна центрo-периферийность, выраженная в направлении и характере связей. Важной чертой является то, что Нижний Тагил, ядро рассматриваемой зоны, не только аккумулирует в себе сырьевые потоки, но и продуцирует сбытовые связи на периферию. Наличие собственной богатой рудной базы является отличительной особенностью и конкурентным преимуществом зоны. Главными внешними потребителями продукции исторически являются трубопрокатные заводы, функционирующие в составе ПАО «ТМК».

Производственную деятельность компания осуществляет в пределах буферной зоны, разделяющей технолого-производственную активность ПАО «Мечел» и Evraz Group. В пределах Уральской базы ПАО «ТМК» — еще один пример горизонтальной интеграции, поскольку компания представлена только трубопрокатными мощностями. Данная зона занимает выгодное положение, соседствуя с крупнейшими производителями трубной заготовки на пересечении сырьевых потоков. Также отмечается наличие тесной внутренней кооперации между предприятиями компании, на чем и основано их функционирование. Основным внешним поставщиком является Evraz Group (ПАО «НТМК»), который в виду отсутствия большого количества активов на Урале более ориентирован на межхолдинговые связи, чем ПАО «Мечел», обладающий большим количеством предприятий, причем верхних переделов, которые нуждаются в сырьевом обеспечении.

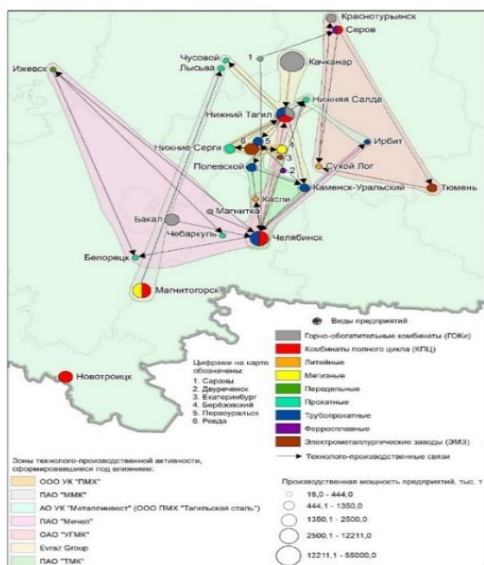

Рис.1. Зоны технологико-производственной активности промышленно-металлургических компаний в пределах Уральской базы

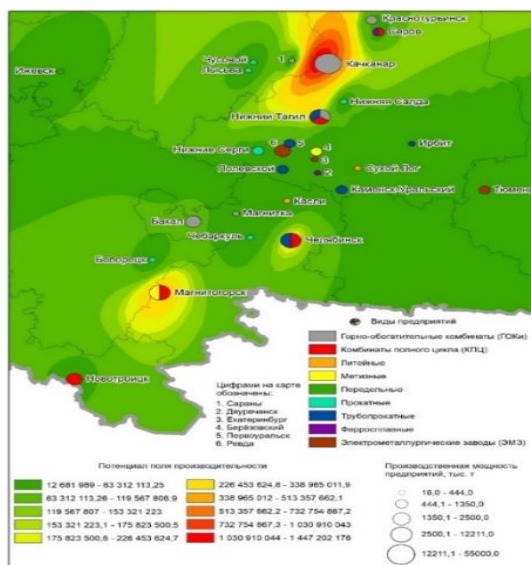

Рис.2. Потенциал поля производительности

Практически аналогичное положение в пространстве занимает зона, сформировавшаяся под влиянием ООО УК «ПМХ». Она представлена сортавыми заводами, которые до недавнего времени функционировали в составе ПАО «НЛМК». Уход одной из крупнейших вертикально-интегрированных холдинговых структур страны с уральского рынка обусловлен тем, что сортопрокатные мощности не выступают в качестве профильных активов для крупных производителей плоского проката. В свою очередь, приобретение заводов ООО УК «ПМХ» соответствует стратегии компании, заключающейся в увеличении доли собственной продукции на рынке Московского региона. Недавние трансформации практически никак не отражаются на уже существовавших технологико-производственных связях между предприятиями. Они функционируют в тесной кооперации и специализируются на выпуске продукции, ориентированной на потребительский рынок, расположенный за пределами Уральской базы. Этим и обусловлена внутренняя замкнутость зоны.

Зона технологико-производственной активности, отличающаяся отсутствием внутренних кооперационных связей, сформировалась под влиянием АО УК «Металлинвест» (ООО ПМХ «Тагильская сталь»). Ее границы расположены в пределах крупнейших зон Свердловской области. Здесь размещены небольшие по мощности центры по производству трубной и прокатной продукции, функционирование которых осуществляется исключительно за счет внешних поставок с комбинатов полного цикла в Челябинске и Нижнем Тагиле. Территориальная структура зоны включает в себя только промышленные пункты.

Вертикально-интегрированный холдинг ПАО «ММК» в пределах Уральской базы представлен лишь тремя производственными площадками: головным предприятием и метизным производством в Магнитогорске и прокатным заводом в Лысьве. Зона, сформировавшаяся в результате существующей технолого-производственной связи, характеризуется обособленностью и отсутствием межхолдинговых взаимодействий. Стоит отметить, что ПАО «ММК» больше ориентирован на внутренний рынок, в связи с чем на деятельности компании менее болезненно отразились последствия санкционного давления (70 % металлургической продукции потребляется в пределах Урала и Сибири). Слабая интеграция компании в сырьевой сектор создает определенные трудности и является причиной нестабильной загрузки производственных мощностей. Кроме того, около 2/3 продукции потребляет строительная отрасль и трубопрокатные предприятия. В перспективе ожидается, что ПАО «ММК» для обеспечения активов стабильными поставками сырья придется выстраивать межхолдинговые связи с теми компаниями, которые в свой состав включают крупные железорудные активы.

С целью определения места сформировавшихся зон технолого-производственной активности черной металлургии Урала в центрo-периферийной системе, произведен расчет потенциала поля производительности на основе использования формулы потенциала поля расселения (демографического потенциала).

В качестве ядер Уральской металлургической базы выступают промышленные узлы с комбинатами полного цикла в Нижнем Тагиле, Челябинске и Магнитогорске. Однако доминирующее положение в пределах рассматриваемой территории занимает крупнейшая железорудная база Урала — Качканарский ГОК. Большая часть зоны технолого-производственной активности Evraz Group имеет наибольшие значения потенциала поля производительности (рис. 2).

Полупериферия примыкает к наиболее производительным районам металлургической базы. Она представлена обширными территориями в пределах северной и южной границ. Здесь прослеживаются небольшие ареалы с наименьшим диапазоном значений потенциала поля производительности. В пределах северной части базы к ним относятся прокатные площадки на востоке Пермского края, основные активы ОАО «УГМК» на севере Свердловской области, на юге — АО «Уральская сталь» и АО «Белорецкий металлургический комбинат».

Буферная зона, сформировавшаяся в центральной части Уральской базы на границе Свердловской и Челябинской областей, отличается наибольшей концентрацией производственных мощностей. Несмотря на это, данная территория представляет периферию, поскольку в ее пределах развитие получили предприятия верхних стадий отраслевого энерго-производственного цикла с относительно невысокими объемами выпуска

металлургической продукции. Но главным фактором, повлиявшим на положение данной территории в центрo-периферийной системе Уральской базы, является гипертрофированность, которая связана с ее центральным положением между крупнейшими по объемам деятельности производственными зонами. Территория обладает выгодным экономико-географическим положением, на пересечении крупных сырьевых потоков. Такое положение способствует перераспределению производственного потенциала базы, интенсификации формирования полицентричной структуры.

В то же время, в пределах Урала в западной и восточной частях выделяются иные крупные территории с наименьшими значениями потенциала поля производительности. Они формируют границы металлургической базы. Для них характерна наименьшая плотность производственных мощностей при относительно небольших объемах деятельности. Таким образом, периферия Уральской металлургической базы делится на два типа: 1) с высокой концентрацией производственных мощностей, занимающая центральное положение между ядрами; 2) формирующая западные и восточные границы с выраженной деконцентрацией в территориальной структуре.

Место, занимаемое предприятиями в составе крупных промышленно-металлургических компаний в территориальной структуре черной металлургии Уральской базы, определяется их производственной мощностью, степенью диверсифицированности технолого-производственной структуры, наличием тесных кооперационных межхолдинговых связей (таблица).

Положение промышленно-металлургических компаний в центрo-периферийной системе Уральской базы

Положение в территориальной структуре	Промышленно-металлургическая компания	Объемы производимой продукции, тыс. т
Центр	Evrax Group	59900,0
	ПАО «Мечел»	5720,0
	ПАО «ММК»	12501,0
Полупериферия	ПАО «ТМК»	4702,9
	ООО УК «ПМХ»	3760,0
Периферия	ОАО «УГМК»	2480,0
	АО УК «Металлинвест» (ООО ПМХ «Тагильская сталь»)	416,0

Выводы. 1. Сложностью и неоднородностью территориальной структуры, а также тесными связями с иными промышленно-металлургическими компаниями обладают те зоны технолого-производственной активности, в пределах которых реализуется полный производственный цикл черных металлов на основе использования собственной сырьевой базы (ПАО «Мечел», Evrax Group).

2. За счет их деятельности развитие получили небольшие по площади зоны, как правило, обладающие технологической однородностью, реализующие верхние стадии отраслевого энергопроизводственного цикла (АО УК «Металлинвест» (ООО ПМХ «Тагильская сталь»).

3. Выгоды экономико- и транспортно-географического положения выступают в качестве ключевого фактора при формировании зон технологического-производственной активности черной металлургии, что характерно для ПАО «ТМК».

4. Напротив, обособленность и самостоятельность некоторых зон связана со стратегическими приоритетами компаний. Их деятельность ориентирована на поставки продукции предприятиям, имеющим тесные связи с металлургическим комплексом, или на внешний рынок, расположенный за пределами Уральской базы (ПАО «ММК», ООО УК «ПМХ).

5. Еще одной немаловажной причиной замкнутости зон технологического-производственной активности является относительно невысокие объемы деятельности и узкий ассортимент выпускаемой продукции, что ведет к снижению конкурентных преимуществ компании (ОАО «УГМК»).

6. Исследование носит практикоориентированный характер, поскольку может быть использовано крупными промышленно-металлургическими компаниями при разработке программ стратегического планирования, строительстве современных производственных мощностей, оценке рентабельности приобретения новых активов, а также рисков и конкурентных преимуществ с учетом географии существующих технологического-производственных связей, пространственной стратегии компаний.

Библиографические ссылки

1. Печенская-Плищук М. А., Малышев М. К. Особенности развития черной металлургии в России и мире в 2000–2019 гг. // Проблемы прогнозирования. 2022. № 1. С. 125–135.

2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002, 2012, 2020: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения – 03.02.2024).

3. Хрущев А. Т. География промышленности СССР. М., 1979. 436 с.

4. Лучников А. С., Заляза Н. Ю. К вопросу о территориальной дифференциации чёрной металлургии в пределах Уральской базы // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8. № 3. С. 171–180.

5. Евтеев О. А., Ковалев С. А. Карты населения // Социально-экономические карты в комплексных региональных атласах. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 168 с.

УДК 911.3(476)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ КАК ВИДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

С. А. Заруцкий

*Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина,
бульвар Космонавтов, 21, 224016, г. Брест, Беларусь, zarutski82@gmail.com*

На основе статистических данных изучено современное состояние развития отдельных направлений сферы культуры в экономике Брестской области. Определен потенциал использования учреждений культуры и объектов историко-культурного наследия региона в туризме и других видах экономической деятельности области.

Ключевые слова: сфера культуры; учреждения культуры и искусства; библиотеки; клубные учреждения и формирования; музеи; театры; культурные события.

CURRENT STATE OF DEVELOPMENT OF THE SPHERE OF CULTURE AS A TYPE OF ECONOMIC ACTIVITY IN THE BREST REGION

S. A. Zarutski

*Brest State A.S. Pushkin University, Kosmonavtov Boulevard, 21,
224016, Brest, Belarus, zarutski82@gmail.com*

Based on statistical data, the current state of development of certain areas of the cultural sphere in the economy of the Brest region has been studied. The potential for the use of cultural institutions and objects of historical and cultural heritage of the region in tourism and other types of economic activity in the Brest region has been determined.

Keywords: cultural sphere; cultural and art institutions; libraries; clubs and formations; museums; theaters; cultural events.

В настоящее время сфера культуры включает все виды экономической деятельности, связанные с удовлетворением потребностей общества в услугах культурного назначения, в развитии творческих способностей населения. Уровень развития культуры в регионе показывает сформировавшаяся сеть учреждений культуры [1].

В 2022 г. в Брестской области действовало 1179 государственных учреждений культуры и искусства. Это 536 клубных учреждений, 410 библиотек, 61 киноvideоустановка, 19 музеев, 8 парков культуры и отдыха, 3 театра, филармония, 3 средне-специальных учреждения образования, 85

детских школ искусств и 53 их филиала. Это свидетельствует о развитой сети учреждений культуры в регионе [2]. Регулярно услугами учреждений культуры пользуется более 40 % населения области.

В 2021 г. в Брестской области насчитывалось 437 библиотек, в которых сосредоточено 7,2 млн экземпляров книг (17 тыс. экземпляров на 1 библиотеку). Услугами библиотек воспользовались около 450 тыс. человек. Основная часть библиотек сосредоточена в сельской местности (85 %), в них сконцентрировано более 60 % библиотечного фонда региона.

Достаточно важное значение в удовлетворении потребностей населения региона в культурном отдыхе имеют клубные учреждения, особенно в сельской местности. В 2021 г. в Брестской области действовало 455 клубных учреждений, 85 % из которых располагаются в сельской местности [3]. Деятельность клубов связана с сохранением и развитием традиционной народной культуры, любительского творчества, поддержкой талантов и их развитием, содействием самообразованию, повышением духовности человека, организацией досуговых мероприятий. Большинство клубов являются комплексными по характеру деятельности. Более 100 клубов области специализируются на поддержке и развитии традиционной культуры, возрождении традиционных народных промыслов. В регионе насчитывается 11 домов фольклора, 9 центров народного творчества, 6 центров ремесел. Наиболее известными являются Центр культуры и народного творчества в г. Иваново, районный центр народного творчества в г. Малорите, Центр гончарства в д. Городная.

В Брестской области действует 2764 клубных формирования (28 тыс. участников), из них 1490 детских. 292 коллектива удостоены почетного звания «народный», 91 – «образцовый» и 8 – «заслуженный» любительский коллектив Республики Беларусь. Для улучшения обслуживания жителей отдаленных и малонаселенных пунктов создана сеть мобильных учреждений, регулярно обслуживающих более 500 населенных пунктов.

В 2021 г. в Брестской области осуществляли деятельность 21 музей, среди них 12 – комплексных, 7 – исторических, 2 – искусствоведческих. 6 музеев расположены в сельской местности. Музейный фонд Брестской области составляет 487,8 тыс. музейных предметов, в том числе 90 тыс. исторических и 21 тыс. искусствоведческих. В 2021 г. музеи области посетило 857,5 тысяч человек (второе место после Минской области). Ежегодно проводится более 3500 экскурсий, организуется более 400 мероприятий [3]. Наиболее известные и значительные музейные экспозиции находятся в г. Бресте: музей обороны Брестской крепости, филиал и «Музей 5 форт» ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», УК «Брестский областной краеведческий музей» и его филиалы Музей «Спасенные художественные ценности», археологический музей «Берестье», Каменецкая башня

(г. Каменец). Большой музейный фонд имеет ГУ «Музей Белорусского Полесья» в г. Пинске. Значительной популярностью пользуются Музей истории города Бреста, ГУ «Ивацевичский районный краеведческий музей» и его филиал музейный комплекс «Хованщина», ГУК «Жабинковский районный историко-краеведческий музей» в д. Малые Сехновичи, где отдельная экспозиция посвящена Тадеушу Костюшко, ГУК «Мотольский музей народного творчества», Музей народного творчества «Бездежский фартушок», Музей-усадьба «Пружанский палацик» и др.

Большое значение в культурной жизни региона имеют театры. На территории Брестской области работают три театра: Брестский театр драмы и музыки имени Ленинского комсомола Беларуси, Брестский театр кукол, Полесский драматический театр в г. Пинске. Ежегодно театры региона посещают более 70 тыс. человек.

Разнообразен календарь культурных событий Брестской области. Традиционно проводятся гражданские и народные обряды, праздники городов и деревень. Организуются чествования ветеранов, передовиков производства, семейных династий, мастеров народного творчества. Ежегодно проходят областные пленэры художников, резчиков монументальной скульптуры и других ремесел. С 2008 г. в д. Городная Столинского района проводится Международный пленэр гончаров.

Фестивальное движение области представлено международными форумами классической музыки «Январские музыкальные вечера» и театрального искусства «Белая Вежа», фестивалем «Берестейские сани», национальным фестивалем белорусских фильмов, международным фестивалем духовой музыки «Фанфары», областными фестивалями эстрады «Ритмы молодости», театрального искусства «Театральное Полесье», творчества ветеранов «Неспокойные сердца», регионального фольклора «Голоса Полесья», духовных песнопений «Пойте Богу нашему, пойте», ежегодно проводится всенародно любимый фестиваль-ярмарка «Дожинки» [4].

Брестская область богата историко-культурным наследием: насчитывается более 2 тыс. памятников архитектуры, археологии и истории, из которых 773 включены в Государственный список историко-культурного наследия Республики Беларусь. Преобладающая часть объектов историко-культурного наследия региона (80 %) относится к памятникам местного значения, 18 % – республиканского значения [5]. На территории области расположены 8 триангуляционных пунктов международного трансграничного объекта «Геодезическая дуга Струве», включенного в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Национальное значение имеют также мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», Каменецкая вежа, Троицкий костел (д. Волчин), дворец Пусловских и мемориальная усадьба

Т. Костюшко (г. Коссово), ансамбль бывшего монастыря францисканцев (г. Пинск).

По сравнению с другими регионами Беларуси, Брестская область отличается более высоким удельным весом памятников архитектуры и истории. Среди памятников архитектуры региона 83 % составляют памятники культовой архитектуры, из них выделяются 197 церквей (129 – деревянных), 25 костелов, 7 монастырских комплексов. 94 % памятников истории области являются мемориальными памятниками жертвам Второй мировой войны (1941–1945 гг.). В регионе также представлены 2 монументальных памятника войны 1812 г. (памятник в честь победы в войне 1812 г. в Кобрине и часовня на месте битвы в 1812 г. в д. Поддубно Пружанского района), 4 мемориальных памятника событий 1863–1864 гг. (могилы повстанцам в д. Осошники и д. Лососин Пружанского района, д. Новая Попина Дрогичинского района, памятный знак на месте усадьбы Р. Л. Траугутта в д. Шестаково Каменецкого района), 1 памятник жертвам Первой мировой войны и 4 памятника жертвам освобождения Западной Беларуси 1939 г. Среди памятников археологии 53 % составляют памятники раннего средневековья (IX–XIII вв.), из них 19 объектов – городища и селища. В Брестской области к группе памятников «исторические культурные ландшафты» относятся 4 городских планировочно-архитектурных комплекса (застройка исторических центров Бреста, Кобрина, Пинска (2 объекта)), 21 частично или полностью сохранившийся усадебно-парковый комплекс, в том числе 3 мемориально-музейные усадьбы (усадьба-мемориал «Заосье» А. Мицкевича, музей-усадьба Н. Орды в д. Вороцевичи, музей-усадьба Т. Костюшко в г. Коссово).

Сфера культуры является важным видом экономической деятельности в хозяйственном комплексе Брестской области. Широкая представленность учреждений культуры в регионе позволяет сохранять местные традиции, развивать творческие способности населения. Наличие многочисленных музеев, театров и богатого культурного наследия является базисом развития туризма и сферы услуг в регионе.

Библиографические ссылки

1. Геаграфія Брэсцкай вобласці / пад рэд. С. В. Арцеменкі, А. У. Грыбко – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2002. 388 с.
2. Регионы Республики Беларусь, 2022. Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь / под ред. И. В. Медведевой. Т. 1: Социально-экономические показатели. Минск, 2023. 732 с.

3. Брестская область, 2022. Статистический ежегодник / Отв. ред. В. А. Вилавская. – Минск : РУП «Информационно-вычислительный центр Национального статистического комитета Республики Беларусь», 2022. 369 с.

4. Культура / Брестский областной исполнительный комитет [Электронный ресурс]. URL: <https://brest-region.gov.by/ru/kultura-71-ru/>. (дата обращения: 10.02.2024).

Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь / склад. В. Я. Абламскі, І. М. Чарняўскі, Ю. А. Барысюк. Мінск : БЕЛТА, 2009. 684 с.

УДК [911.8+325](438)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ПОЛЬШИ ПОСЛЕ НАЧАЛА МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА⁴

И. А. Захаров

Институт Африки РАН, ул. Спиридоновка, 30/1, Москва, Россия, vanszax@yandex.ru

Рассматриваются тенденции в развитии миграционной политики Польши после начала европейского миграционного кризиса с фокусом на контроль нелегальной миграции и политику убежища. Определены инструменты, позволяющие польским властям влиять на общеевропейские подходы в соответствующих сферах миграционной политики. Полученные результаты имеют важное значение для определения закономерностей реконфигурации миграционных потоков и трансформации миграционной системы ЕС.

Ключевые слова: миграционная политика; миграционный кризис; Польша; вынужденная миграция; нелегальная миграция; политика убежища.

FEATURES OF POLAND'S MIGRATION POLICY DEVELOPMENT AFTER THE ONSET OF THE MIGRATION CRISIS⁵

I. A. Zakharov

*Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences 30/1 Spiridonovka Street,
Moscow, Russia vanszax@yandex.ru*

The article examines the trends in the development of Poland's migration policy after the onset of the European migration crisis, with a focus on asylum policy and combating illegal migration. Several instruments have been identified that allow Polish authorities to influence the overall European approaches in relevant areas of migration policy. The obtained results might be helpful in determining the patterns of reconfiguration of migration flows and the transformation of the EU migration system.

Keywords: migration policy; migration crisis; Poland; forced migration; illegal migration; asylum policy.

Стремительный рост вынужденных мигрантов и беженцев во время европейского миграционного кризиса 2015 г. стал серьезным вызовом для ЕС. Резко возросшая нагрузка на систему убежища и пограничные службы

---

⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

⁵ The research is supported by Russian Science Foundation under the grant № 22-18-00123: <https://rscf.ru/en/project/22-18-00123/>

обнаружила системные проблемы в реализации миграционной политики, как организации в целом, так и ее членов. Одной из ключевых сложностей, с которыми столкнулась Европа, стала невозможность оперативно согласовать действия стран для преодоления возникших проблем [5]. Отчасти это обусловлено тем, что Брюссель настаивал на реализации принципа солидарности, воспринимаемого рядом стран ЕС как угрозу национальному суверенитету.

Противоречия национальных и наднациональных интересов выразились в усиливающейся оппозиции отдельных политических блоков, прежде всего Вишеградской группы, выступающих против предлагаемых ЕС мер для нивелирования последствий миграционного кризиса [2]. Параллельно с распространением антимигрантского дискурса, в ряде стран Европы заметно возросла общественная поддержка популистских политических партий, выступающих за резкое ограничение миграции [1; 7]. В этом контексте особый интерес вызывает миграционная политика Польши, которая активно продвигает дискурс об использовании мигрантов, как инструмента гибридной войны [6] и оказывает все более заметное влияние на общеевропейские подходы к контролю нелегальной миграции и реформирование политики убежища ЕС [9]. В настоящей статье рассматриваются тенденции в развитии соответствующих аспектов польской миграционной политики и их потенциальное влияние на позицию ЕС. Разработка данной проблематики имеет важное значение для определения закономерностей реконфигурации миграционных потоков и трансформации европейской миграционной системы.

После начала миграционного кризиса Польша начала активно разрабатывать национальную миграционную политику. Судить о приоритетах позволяет диагностический документ, опубликованный в 2020 г. [8]. Особое место отведено контролю нелегальной миграции. Подчеркивается необходимость ужесточения контроля за соблюдением установленных правил пересечения польской границы путем обновления системы мониторинга внешних границ страны, ее интеграции со стандартами Евродак, Шенгенской информационной системы и т. д., а также реализации новых систем пограничного, полицейского, судебного сотрудничества.

Большое внимание уделено политике возврата нелегальных мигрантов, которые приобрели этот статус в связи как с незаконным пересечением границы, нарушением законодательства Польши, так и с истечением срока правовых оснований для пребывания на ее территории. Устанавливается процедура добровольной и принудительной высылки нелегальных мигрантов. Последнее может быть применено к лицу, которое не покинуло страну добровольно в установленный срок (обычно 15–30 дней); совершило уголовное правонарушение, или несет угрозу национальной

безопасности. При этом, угроза национальной безопасности понимается достаточно широко: сюда входят не только серьезные преступления такие как терроризм, шпионаж, нарушение уголовного кодекса, но и подозрение в этих преступлениях. Все перечисленное может быть основанием для задержания и ускоренной высылки нелегального мигранта. Для снижения финансовых и временных затрат, польские власти активно расширяют базу соглашений о реадмиссии с третьими странами. Предлагаемые меры позволят заметно ускорить высылку нелегальных мигрантов.

Некоторые положения документа носят дискриминационный характер по отношению к выходцам из ряда регионов мира. В качестве основания для «фильтрации» миграционных потоков, приводятся результаты социологического опроса 2015 г. Они свидетельствуют о том, что поляки скорее негативно воспринимают выходцев из стран Африки и Азии, отдельно отмечается Турция; позитивную ассоциацию вызывают мигранты из Беларуси, Вьетнама, Германии, США, Украины, Чехии и др. В связи с этим положение вынужденных мигрантов из «нежелательных регионов», стремящихся проникнуть на территорию ЕС через Польшу, становится еще более уязвимым. Особенно сильно возрастают риски в приграничных зонах, где в отсутствие общественного контроля права мигрантов нарушаются особенно часто [6].

Гораздо меньшее внимание уделяется политике убежища, что обусловлено относительно небольшим числом лиц, пользующихся международной защитой в Польше на момент подготовки документа. Выражается обеспокоенность по поводу реформы системы предоставления убежища в ЕС, в соответствии с которой расширяются полномочия наднациональных акторов, которые смогут гораздо активнее влиять на национальную систему убежища членов этой организации. Составители документа видят в этом угрозу не только для суверенитета государств-членов ЕС, но и для польской и общеевропейской безопасности. Резкое увеличение числа вынужденных мигрантов из Украины в 2022 г. и связанная с этим перегрузка системы убежища Польши, может заставить власти обратить на этот аспект миграционной политики больше внимания.

Таким образом, в миграционной политике Польши приоритизируется секьюритизация и ужесточение миграционной политики для снижения мощности и «фильтрации» миграционных потоков, в первую очередь нелегальных мигрантов и беженцев. Польские власти надеются снизить риски, связанные с потенциальным миграционным кризисом, тогда как соблюдение прав мигрантов третьих стран отходит на задний план. Активное участие Польши в обсуждении нового Пакта о миграции и убежище при поддержке других стран Вишеградской группы может, с одной стороны, замедлить его утверждение, с другой — повысить риски для

вынужденных мигрантов, особенно из развивающихся стран Азии и Африки. Еще одним инструментом влияния Польши на позицию ЕС является Будапештский процесс (1993), призванный ограничить нелегальную миграцию из стран Восточной и Юго-Восточной Европы, а затем из стран Азии. Впоследствии логика развития этой инициативы была использована ЕС в Рабатском (2006), Хартумском (2014) и других процессах, цель которых состоит в снижении миграционного давления на ЕС из развивающихся регионов мира (см. подробнее: [3; 4]). Ключевым механизмом для достижения этой задачи является экстернализация миграционной политики за счет создания буферной зоны в Балканских странах, Турции и государствах Северной Африки, на которые будет возложена функция фильтрации и сдерживания потоков вынужденных и нелегальных мигрантов.

Библиографические ссылки

1. *Андреева Л. А.* Радикальный исламизм в школах Франции и Германии // Современная Европа. 2021 № 3. С. 139–148.
2. *Басов Ф. А.* Вишеградская четверка и развитие европейской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 12. С. 87–95.
3. *Горохов С. А., Агафошин М. М., Дмитриев Р. В.* Миграционный кризис в регионе Восточной Африки // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. № 1. С. 50–62.
4. *Жерлицына Н. А.* Стратегия ЕС в отношении центрально-средиземноморского маршрута миграции и пострадавших транзитных государств Сахеля и Ливии // Геополитика и экогодинамика регионов. 2022. № 3. С. 51–59.
5. *Agafoshin M. M., Gorokhov S. A., Dmitriev R. V.* Refugees from Syria and Iraq in Sweden: Resettlement during the migration crisis // Baltic Region. 2022. № 4. P. 98–112.
6. *Lubiński P.* Hybrid warfare or hybrid threat – the weaponization of migration as an example of the use of lawfare – case study of Poland // Polish Political Science Yearbook. 2022. № 1. P. 43–55. Режим доступа: <https://doi.org/10.15804/ppsy202209>.
7. *Pickel G.* Perceptions of plurality: the impact of the refugee crisis on the interpretation of religious pluralization in Europe // Religion in the European Refugee Crisis / U. Schmiedel, G. Smith. Palgrave Macmillan, 2018. P. 15–37.
8. *Polityka migracyjna Polski – diagnoza stanu wyjściowego* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.pl/web/mswia/polityka-migracyjna-polski--diagnoza-stanu-wyjsciowego> (дата обращения 12.02.2024).
9. *Zakharov I. A., Agafoshin M. M.* Reform of asylum policy and control of illegal migration: pan-European and Polish approach // International Organisations Research Journal. 2023. № 3. P. 92–106.

УДК 911.3:32

ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСТРОВНЫХ РЕГИОНОВ МАТЕРИКОВЫХ СТРАН

Д. В. Заяц^{1,2)}

¹⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы,
1, 119991, г. Москва, Россия, ethnogeo@mail.ru

²⁾Московский педагогический государственный университет,
ул. Малая Пироговская, 1, 119991, г. Москва, Россия, dv.zayac@mpgu.su

По основным социально- и экономико-географическим характеристикам сравниваются между собой островные регионы материковых стран. Цель исследования — анализ проявлений изоляции островных регионов материковых стран и поиск стратегии более полной интеграции островных регионов в суверенное государственное пространство. Выявлено, что в целом по выборке параметры развития островных регионов не коррелируют с удаленностью от побережья материнского государства.

Ключевые слова: островной регион; изоляция; транспортная доступность; удаленность; сепаратизм.

SOCIO-GEOGRAPHICAL CHARACTERISTICS OF THE ISLAND REGIONS OF THE MAINLAND COUNTRIES

D. V. Zayats^{1,2)}

¹⁾Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991, Moscow,
Russian Federation, ethnogeo@mail.ru; ²⁾Moscow Pedagogical State University,
Malaya Pirogovskaya Str., 1, 119991, Moscow, Russian Federation, dv.zayac@mpgu.su

In this article island regions of the mainland countries compared by the main socio- and economic-geographical characteristics. The purpose of the study is an analysis of development markers of island regions and search for a strategy for more complete integration of island regions into the political and economic state space. It was revealed that, in the whole sample, the parameters of the development of island regions do not correlate with the distance from the coast of the mother state.

Keywords: island region; isolation; transport accessibility; remoteness; secessionism.

Стояла задача выявления своеобразия островных регионов стран, основная территория которых находится на континенте. Необходимо было ответить на следующие вопросы: в какой форме проявляется изолированность (от французского и итальянского *isola* — остров) этих регионов;

насколько сильно они отличаются от континентальных территорий своих стран; существует ли на них «печать островного положения»?

Интерес к исследованиям островов свойствен человечеству с глубокой древности. Издавна именно островные территории — реальные и мифические — служили моделями политического и социально-культурного развития [1, 2, 3]. Понятие «островной эффект» и вопросы изолированности островных природных экосистем достаточно подробно изучаются специалистами по физической географии (например, [4]). В общественных науках внимание уделяется главным образом правовым особенностям статуса островных регионов и институциональным взаимоотношениям с центральными властями государства [5, 6]. Нередко островные регионы анализируются как актуальные или потенциальные ареалы проявления дезинтеграционных процессов. Так, Ф. А. Попов выделил на островах, принадлежащих материковым государствам, 20 зон распространения сепаратизма [7].

В рамках исследования рассмотрены 30 островных регионов материковых стран во всех частях света, кроме Антарктиды (таблица). В имеющуюся выборку не вошли островные регионы: 1) входящие в состав стран, целиком расположенных на островах (Япония, Великобритания, Индонезия и др.); 2) входящие в страны с непропорционально большой островной частью (Дания); 3) в странах, разделенных на метрополию и колонию (Мартиника, Аруба, Пуэрто-Рико и др.); 4) не контролируемые центральным правительством (Тайвань, Сокотра); 5) имеющие слишком тесные связи с континентальными частями государства (Флеволанд); 6) включенные в более крупные единицы АД, имеющие и континентальные части (Сянган, Ньюфаундленд, Ванкувер, Рюген и др.); 7) крайне малонаселенные (Шпицберген, Баффинова Земля, Новая Земля и др.).

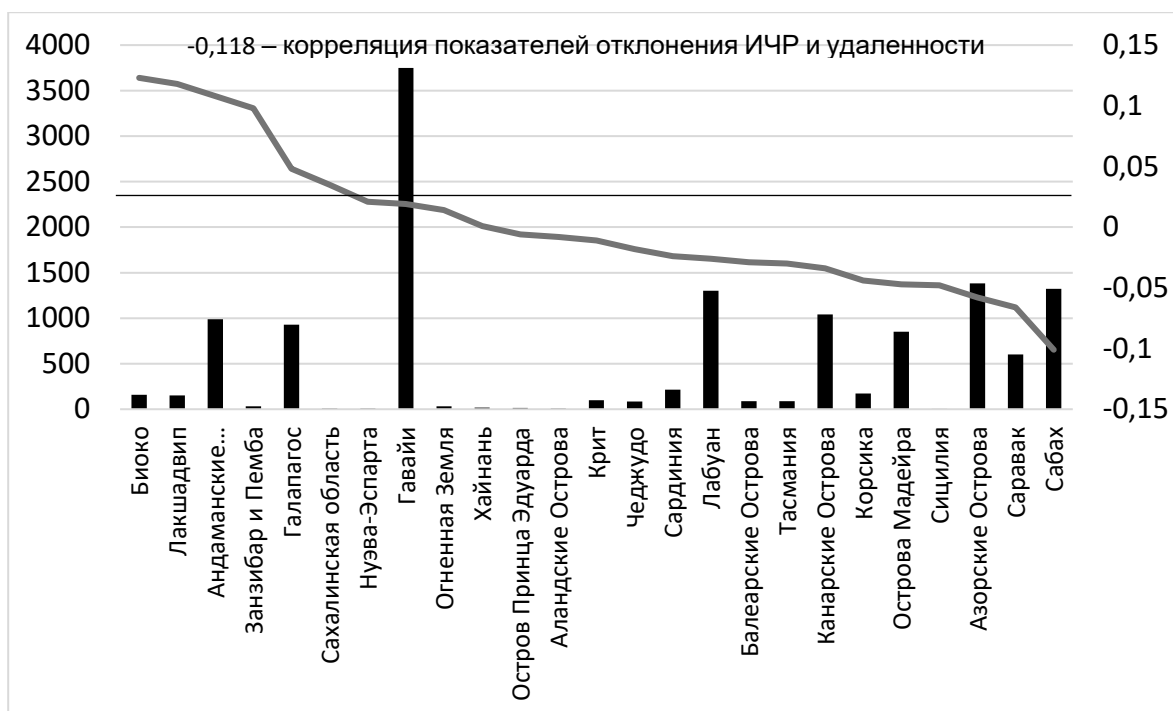
Для сравнения островных регионов между собой применялись следующие параметры: 1) доля в совокупном населении и площади территории государства, 2) удаленность от континентальной территории страны, 3) длительность пребывания в составе материнского государства, 4) доля в совокупном ВРП страны, 5) отклонение от среднего по стране значения показателя ВРП на душу населения, 6) отклонение от среднего по стране значения ИЧР, 7) транспортная связность с континентальной частью страны, 8) электоральные отклонения от средних значений по стране.

Согласно гипотезе исследования, те островные регионы, которые менее удалены от континентальной территории своих стран, будут более тесно интегрированы в их государственные пространства и более похожи на страну в целом, чем удаленные.

Основные показатели рассматриваемых островных регионов

Островные регионы	Доля от страны, %				Среднее электорально е отклонение за 3 последних электоральн ых цикла, п.п.
	Территория	Население	ВРП	ВРП на душу насе- ления	
Сахалинская область	0,51	0,31	1,0	306	7,9
Хийумаа	2,3	0,7	0,35	57,9	2,4
Сааремаа	6,4	2,3	1,8	68	1,2
Аландские острова	0,47	0,5	0,5	78,2	87,7
Готланд	0,7	0,6	...	...	2,3
Эланд	0,3	0,2	...	...	2,2
Корсика	1,6	0,5	0,7	72,8	12,9
Сицилия	8,5	8,3	4,9	61,0	11,7
Сардиния	8,0	2,8	1,7	73,3	6,8
Балеарские острова	1,0	2,3	2,5	101,9	2,4
Канарские острова	1,9	4,6	3,5	77,9	1,2
Острова Мадейра	0,87	2,4	2,3	107,2	7,0
Азорские острова	2,5	2,3	2,1	101,5	6,1
Крит	6,3	6,0	4,9	99,6	7,4
Лакшадвип	0,001	0,03	...	...	39,7
Андаманские и Нико- барские острова	0,25	0,01	0,05	49	22,9
Пхукет	0,1	0,6	...	...	1,4
Саравак	37,6	9,0	11,2	147,4	26,8
Сабах	22,3	10,5	6,8	65,6	9,1
Лабуан	0,03	0,29	0,46	148,8	10,8
Хайнань	0,35	0,7	0,56	78	–
Чеджудо	1,8	1,3	1,00	74	5,2
Биоко	7,2	27,3	>50	более 120	–
Занзибар и Пемба	0,26	3,1	5,3	226	...
О-в Принца Эдуарда	0,1	0,4	0,33	77,6	14,3
Гавайи	0,29	0,43	0,39	90,3	15,3
Нуэва-Эспарта	0,12	1,68	...	103	2,8
Галапагос	2,8	0,17	...	...	10,6
Огненная Земля	0,77	0,37	0,79	250	11,1
Тасмания	0,89	2,1	1,7	77	4,3

Примечание. полужирным шрифтом выделены субъекты федеративных государств, *полужирным курсивом* — автономные территориальные образования унитарных государств.

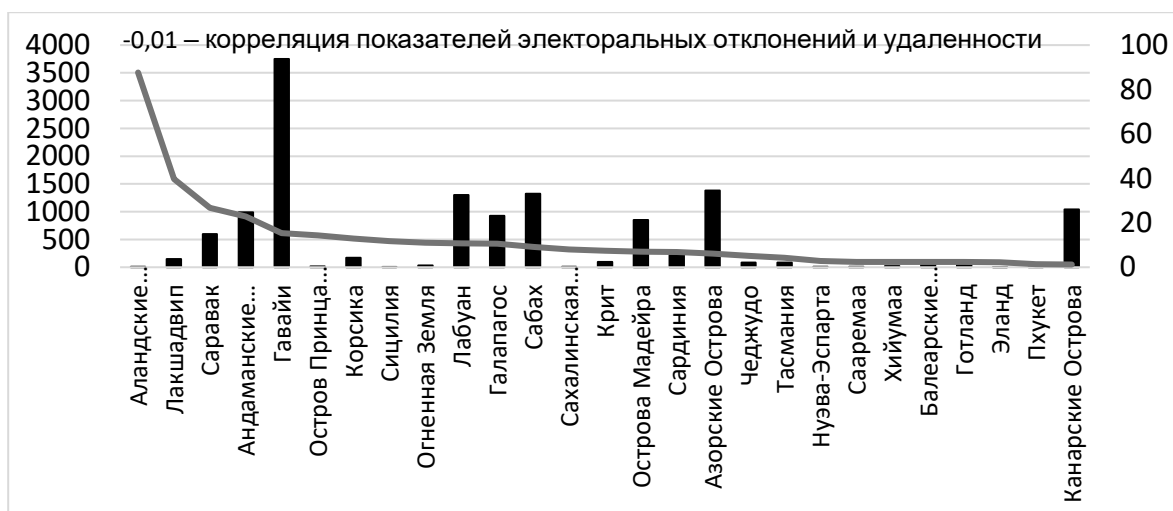

Шкала слева — удаленность островного региона от континентальной территории страны в км. Шкала справа — отклонение ИЧР островного региона от среднестранового в пунктах.

Рис. 1. Отклонение показателя ИЧР островного региона и удаленность его от континента.

В большей степени совпадают по социально-экономическим показателям с континентальными пространствами материнских стран островные регионы развитых государств: Испании, Австралии, Греции, США, Канады, Финляндии, Республики Корея. Исключения: Франция и Италия (наиболее «массивные» островные регионы), а в некоторых аспектах и Эстония. Островные регионы развивающихся государств (в особенности Малайзии, Индии, Танзании, Аргентины, Экваториальной Гвинеи) существуют в политическом и социально-экономическом контррезонансе со своими континентальными частями. Российский островной субъект федерации — Сахалинская область — занимает срединное положение в континууме подобных регионов в мире. Однако тревожит его разрыв от среднероссийского уровня душевого ВРП в 306 %.

В электоральном плане наиболее полярны предпочтения избирателей островной и континентальной частей на Аландских островах, в островных регионах Индии, в малайзийском штате Саравак (рис. 2).

Шкала слева — удаленность островного региона от континентальной территории страны в км. Шкала справа — среднее отклонение поддержки лидирующей в островном регионе партии/избирательного блока (в парламентских республиках и монархиях) или кандидата на пост президента (в президентских республиках) от их же поддержки в среднем по стране в процентных пунктах.

Рис. 2. Электоральные отклонения островного региона и удаленность его от континента.

Выводы исследования. Основные параметры развития островных регионов материковых государств не коррелируют с удаленностью от побережья материнского государства (рис. 1). Таким образом, выдвинутая перед исследованием гипотеза в целом не подтверждается. При этом, островные регионы в экономическом отношении, как правило, развиты хуже, чем континентальные в своих странах (для 14 из 24 подробно рассмотренных регионов доля в совокупном ВРП страны меньше, чем доля в общем населении).

Библиографические ссылки

1. Платон. Диалоги об Атлантиде. Москва : АСТ, 2022.
2. Мор Т. Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия. Москва : Эксмо-Пресс, 2019.
3. Свифт Дж. Путешествия Гулливера. Москва : Махаон, 2023.
4. Иванов А. Н. Островной эффект и его комплексная географическая оценка // Известия Русского географического общества. 2020. Т. 152, № 2. С. 17–30.
5. Погодин С. Н., Любина Д. Е. Особенности внутренней автономии Аландских островов в составе Финляндии // Управленческое консультирование. 2021. № 1. С. 88–96.
6. Муслимова Е. О. Канарские и Балеарские острова: особенности территориального управления ультрапериферийными регионами Испании // Испанистика в эпоху цифровизации : материалы V Международного Конгресса испанистов России, Восточной Европы и Центральной Азии, Москва, 20–22 октября 2021 года / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2023. С. 282–285.
7. Попов Ф. А. География сепаратизма в современном мире. Москва : Новый Хронограф, 2012.

УДК 911.9, 332.12, 332.143

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ИМПОРТА В РЕГИОНАХ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Д. Ю. Землянский^{1),2)}, В. А. Чуженькова^{2),3)}

¹⁾Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт прикладных экономических исследований, Центра пространственного анализа и региональной диагностики, пр. Вернадского, 84к3, 119571, г. Москва, Российская Федерация, zemlyanskiy-dy@ranepa.ru, chuzhenkova-va@ranepa.ru

²⁾Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России, Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Российская Федерация, geozema@mail.ru

³⁾Фонд «Центр стратегических разработок», Газетный пер, 3-5 стр.1, 3 этаж, 125009, Москва, v.chuzhenkova@csr.ru

В работе проведена оценка изменений в условиях санкций со стороны недружественных стран производственной зависимости от импорта на уровне регионов России в 2022 г. Производственная зависимость — один из видов зависимости экономики от зарубежных стран (наряду с импортом готовой продукции, технологий), выраженный через оценку доли импорта в общих затратах на сырье, оборудование и комплектующие предприятий отрасли/регионах. Установлено, что уровень производственной зависимости от импорта был достаточно высоким в регионах, специализирующихся на машиностроении, транспортном комплексе, а также в территориях реализации новых инвестиционных проектов.

В 2022 г. уровень зависимости вынужденно снизился в 2/3 регионов России, в том числе во всех регионах с повышенными показателями 2021 г. Сильнее всего это проявилось в регионах, где была остановлена (замедлена) реализация крупных инвестиционных проектов, для которых требовались поставки оборудования из недружественных стран. В то же время, ряд территорий сохраняют (например, Калининградская область), а некоторые даже нарастили зависимость от поставок из зарубежных стран не в последнюю очередь из-за общего увеличения стоимости доставки в Россию. Зафиксировано, что повышенный уровень производственной зависимости остается значимым фактором риска для ряда региональных экономик страны.

Ключевые слова: Регионы России; региональное развитие; импорт продукции; промышленность России; производственная зависимость от импорта; импортозависимость; импортозамещение; санкции.

PRODUCTION DEPENDENCE ON IMPORTS IN THE REGIONS OF RUSSIA UNDER SANCTIONS

D. Yu. Zemlianskii^{1),2)}, V.A. Chuzhenkova^{2),3)}

¹⁾*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Applied Economic Research, Centre of Spatial Analysis and Regional Diagnostics, Vernadskogo Av., 84k3, 119571, Moscow, Russian Federation, zemlyanskiy-dy@ranepa.ru, chuzhenkova-va@ranepa.ru*

²⁾*Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of Economic and Social Geography of Russia, Leninskiye Gory, 1, 119991, Moscow, Russian Federation, geozema@mail.ru*

³⁾*Foundation Center for Strategic Research, Gazetny lane, 3-5 b.1, 125009, Moscow v.chuzhenkova@csr.ru*

The work assessed changes in the conditions of sanctions from unfriendly countries in production dependence on imports at the regional level of Russia in 2022. Production dependence is one of the types of economic dependence on foreign countries (along with the import of finished products and technologies), expressed through an assessment of the share of imports in the total costs of raw materials, equipment, and components of enterprises in the industry/region. It was found that the level of production dependence on imports was quite high in regions specializing in mechanical engineering, the transport complex, as well as in areas where new investment projects are being.

In 2022, the level of dependence was forced to decrease in 2/3 of Russian regions, including in all regions with increased indicators in 2021. This was most pronounced in regions where the implementation of large investment projects, which required the supply of equipment from unfriendly countries, was stopped. At the same time, a few territories remain (for example, the Kaliningrad region), and some have even increased their dependence on supplies from foreign countries, not least because of the general increase in the cost of delivery to Russia. It was recorded that the increased level of production dependence remains a significant risk factor for a few regional economies of the country.

Keywords: Russian regions; regional development; import of products; industry of Russia; production dependence on imports; import dependence; import substitution; sanctions.

Санкции недружественных стран в отношении Российской Федерации обострили вопросы связанные с различными формами зависимости экономики от импорта сырья, комплектующих, оборудования, технологий. И хотя санкции проявлялись постепенно, а экономика смогла к ним достаточно быстро адаптироваться, не в последнюю очередь благодаря политике Правительства Российской Федерации, вопрос снижения зависимости от импорта сохраняется.

В целом, в научной литературе придерживаются мнения, что на уровне всей экономики, доступ фирмы к иностранным ресурсам и полуфабрикатам не является чем-то негативным: увеличивает ее

производительность и конкурентоспособность [1]. Однако, «эффект сцепления» между международным инвестором и фирмой-реципиентом технологий и прямых иностранных инвестиций будет положительным, только если для производства конечной продукции будут использоваться промежуточные товары, произведенные в стране-импортере иностранных инвестиций [2]. Кроме того, импортозамещение эффективно для экономики только в том случае, если продукция отечественного производства конкурентоспособна по отношению к импортной как по качеству, так и по цене [3].

Существует несколько форм зависимости от импорта:

- прямая зависимость от импорта готовой продукции: проявляется в секторах с высокой долей импортной продукции в конечном потреблении;
- производственная зависимость от импорта сырья и комплектующих: характерна для отраслей с повышенной долей импортного сырья и комплектующих, но локализованным внутри страны производством конечной продукции;
- технологическая зависимость от импорта оборудования, технологий, инноваций: может проявляться как в отраслях с высокой производственной зависимостью, так и в любых других отраслях национальной экономики.

В результате реализации долгосрочной политики в сфере импортозамещения предыдущих лет и реализации мер антикризисной политики (параллельный импорт, поиск поставщиков из дружественных стран, регулирование таможенных льгот) первый тип зависимости не оказал остро-негативного влияния на ситуацию в экономике страны в 2022-2023 гг. В то же время преодолеть второй и третий типы зависимости на предыдущих этапах не удалось.

Данное исследование посвящено только второму типу зависимости и не касается оценки влияния на развитие регионов зависимости от импорта конечной продукции и технологической зависимости.

Для оценки импортозависимости достаточно востребованы три подхода. Первый связан с использованием статистики Системы национальных счетов таможенной статистики. Вторым подход, предложенный предложенным О. Б. Березинской и А. Л. Ведевым, к оценке импортозависимости в российской экономике связан с оценкой доли затрат на импортные узлы и комплектующие [4]. Третий предложен исследователями НИУ ВШЭ «Рейтинг регионов России по импортозависимости их специализаций» через наложение информации об импорте на статистику занятости [5].

В данной работе в качестве основного подхода выбран второй метод, а именно анализ «производственной зависимости от импорта» (далее –

ПЗИ). Данный показатель рассчитывается как доля импорта в расходах предприятий на сырье, материалы, покупные полуфабрикаты и комплектующие изделия для производства и продажи продукции (товаров, работ, услуг). Этот показатель позволяет зафиксировать масштаб явления для отраслей, но не позволяет в полной мере выявить все возможные последствия от более тонких проблем, связанных с возможными технологическими блокировками — ограничениями на отдельных стадиях производственного процесса из-за зависимости от импорта. Подробнее о методике расчета показателя можно прочитать в [6].

ПЗИ в Российской Федерации быстро росла в 2006-2013 гг. одновременно с притоком прямых иностранных инвестиций и реализацией большого количества инвестиционных проектов иностранных компаний и совместных проектов российских и иностранных собственников. За этот период доля затрат на импорт в расходах на материалы и комплектующие по крупным и средним предприятиям выросла с 8,5 % до 14,6 %. Начиная с 2014 г. до 2016-2017 гг., на фоне общего инвестиционного кризиса [7] и постепенного перехода к политике импортозамещения вместо привлечения иностранных инвестиций [8], происходит существенное сокращение зависимости экономики страны от импорта. С 2016-2017 гг. вплоть до 2020 г. в стране наблюдался медленный рост ПЗИ. К концу 2021 г. уровень ПЗИ в Российской Федерации в целом составлял 11,9 %.

На протяжении 2010-х гг. ПЗИ оставалась высокой в рыболовстве и рыбноводстве, пищевой промышленности, текстильной и швейной промышленности, целлюлозно-бумажном производстве и издательской деятельности, производстве резиновых и пластмассовых изделий, производстве электрооборудования. Из отраслей социальной сферы она наиболее существенна в здравоохранении. При этом зависимость от поставок импортного сырья и комплектующих была низкой в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве, энергетике, строительстве, образовании.

Традиционно самая низкая ПЗИ характерна для регионов со специализацией на добыче топливно-энергетических полезных ископаемых (Тюменская область, ХМАО, ЯНАО, Кемеровская область), для которых важнее зависимость от импортных поставщиков технологий, а не масштабы закупки комплектующих и оборудования, и наименее развитых субъектов, слабо интегрированных в систему международной торговли (Республик Калмыкия, Мордовия, Алтай, Северная Осетия (Алания), Кабардино-Балкарской Республики и др.).

Высокий уровень ПЗИ характерен для регионов, специализирующихся на машиностроении (особенно автомобилестроении), либо субъектов РФ, на территории которых расположены международные порты, либо реализуются крупные инвестиционные проекты с участием

иностранный капитал и/или со значительными закупками иностранного оборудования: максимальный уровень ПЗИ был в Калининградской области (76,5 %), Приморском крае (36,2 %), Калужской (34,2 %), Ленинградской (23,0 %), Владимирской (19,1 %), Московской (18,7 %), Самарской (15,8 %), Ульяновской (15,5 %) областях за счет обрабатывающих производств, а в Магаданской (28,6 %), Сахалинской (25,0 %) областях, Чукотском автономном округе (23,6 %), Камчатском крае (15,5 %) за счет добывающей промышленности.

В 2022 г., на фоне введения санкционных ограничений и нарушения логистических цепочек, регионы с высоким уровнем ПЗИ оказались в худшем положении. Подробнее о влиянии ПЗИ на динамику промышленного производства в регионах России в [6].

Трансформация Российской экономики в 2022 г. привела к значительному общему снижению ПЗИ с 11,9 % до 8,0 %. Из значимых секторов, небольшое увеличение зависимости произошло в сфере информации и связи. В большинстве отраслей зависимость серьезно сократилась. В производстве автомобилей, компьютеров, электрического оборудования, научной деятельности показатель ПЗИ упал в 2 и более раз, в производстве лекарств, одежды, здравоохранении — на одну треть. Следует отметить, что в большинстве секторов сокращение было скорее вынужденным и происходило на фоне общего уменьшения поставок импортных комплектующих или значительного роста материальных затрат в целом.

Одновременно показатель ПЗИ сократился в 2/3 субъектов Российской Федерации (в 67 регионах⁶). При этом самые значительные изменения касаются регионов с невысокими показателями зависимости, где до начала специальной военной операции шла реализация крупных инвестиционных проектов. Например, в Амурской области (где возникли сложности с поставкой оборудования для газоперерабатывающего завода), Ямало-Ненецком автономном округе (сложности с поставками оборудования для проектов по сжижению природного газа), Еврейской автономной области (реализация проектов по добыче металлических руд) уровень ПЗИ сократился за год более чем на 60 %. На 40-50 % сократилась ПЗИ в крупных регионах обрабатывающей промышленности, например, в Калужской, Московской, Нижегородской областях, Татарстане. В Калининградской области (регионе с максимальным показателем среди регионов России) уровень ПЗИ сократился существенно (на 32,5 % с 75,0 %) но все равно остается существенным — 50,6 %.

В то же время, в нескольких регионах уровень зависимости существенно вырос. Прежде всего, это касается территорий, которые

---

⁶ Без учета Республики Тыва и Ненецкого автономного округа, по которым данные отсутствуют

поставляют сырье и комплектующие из дружественных стран, а также отраслей-регионов, которые не смогли отказаться от импортных поставок техники. Для них, также как и для всех остальных регионов, существенно выросла стоимость импорта за счет усложнения логистических цепочек и дополнительных затрат на обход санкций. Например, с 13,3 % до 18,9 % выросла ПЗИ в Ивановской области, с 14,8 % до 18,2 % в Карелии.

Важно отметить, что по 2022 г. все регионы, для которых отмечалась повышенная (более 20 %) зависимость от импорта в предыдущие годы существенно сокращали ее одновременно с уходом иностранных поставщиков. Вероятно, этот процесс стал одним из залогов общей устойчивости региональных экономик в 2022-2023 гг.

Библиографические ссылки

1. Симачев Ю. В., Федюнина А. А., Городный Н. А. Глобальные рынки передового производства – новая возможность для технологического обновления России // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1 (53). С. 202–212. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-53-1-10

2. *Rodriguez-Clare A.* Multinationals, linkages, and economic development // *American Economic Review*. 1996. Vol. 86 (4). P. 852-873

3. Фальцман В. К. Форсирование импортозамещения в новой геополитической обстановке // Проблемы прогнозирования. 2015. № 1. С. 22-32.

4. Березинская О. Б., Ведев А. Л. Производственная зависимость российской промышленности от импорта и механизм стратегического импортозамещения. Вопросы экономики. 2015;(1):103-115. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-1-103-115>

5. Рейтинг регионов России по импортозависимости их специализаций / Абашкин В. Л., Куценко Е. С., Тюрчев К. С. Экспресс-выпуски НИУ ВШЭ URL: <https://issek.hse.ru/news/821904285.html> (дата обращения: 23.03.2023 г.)

6. Землянский Д. Ю., Чуженькова В. А. Производственная зависимость от импорта в российской экономике: региональная проекция // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2023. Т. 87, № 5. С. 651–665.

7. Зубаревич Н. В. Региональная проекция нового российского кризиса. Вопросы экономики. 2015;(4):37-52. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-4-37-52>

8. Мантуров Д. В., Никитин Г. С., Осьмаков В. С. Государственное регулирование Российской промышленности в 2010-х гг. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 1. С. 50-70.

УДК 398.8

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОРНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛОКАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

А. А. Иванова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1, bratynia@rambler.ru

В статье на примере географических песен, последовательно опевающих деревни и их жителей, предпринята попытка показать эвристический потенциал анализа традиционного сельского культурного ландшафта с междисциплинарных позиций фольклористики, этнографии и географии.

Ключевые слова: локальный культурный ландшафт; репрезентация; песенный фольклорный путеводитель.

SONG FOLK GUIDE AS A WAY OF REPRESENTATION OF THE LOCAL CULTURAL LANDSCAPE

A. A. Ivanova

Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation, bratynia@rambler.ru

Using the example of geographical songs consistently singing villages and their inhabitants, the article attempts to show the heuristic potential of analyzing the traditional rural cultural landscape from the interdisciplinary positions of folklore, ethnography and geography.

Keywords: local cultural landscape; representation; song folklore guide.

Заметная тенденция развития научного знания последних десятилетий — нацеленность на междисциплинарность. Она предполагает ряд операций по определению общих для разнопрофильных специалистов «координат» в области объекта и предмета исследования, его теоретико-методологических и методических оснований, научного тезауруса. При соответствующей личностной установке исследователей и точной организации самого исследовательского процесса, этот шаг может завершиться созданием новой интердисциплины (этнолингвистика, лингвофольклористика, лингвогеография, культурная география, др.).

География, этнография и фольклористика имеют давнюю историю взаимодействия. Еще в конце XIX в. на базе историко-филологического

факультета Московского университета Д. Н. Анучиным создана кафедра географии и этнографии, которая впоследствии перенесена на физико-математический факультет. Расцвет русской географии, как культурно ориентированной научной дисциплины, пришелся на 1910–1920-е гг.: именно в этот период в отечественной и зарубежной науке сформировался взгляд на ландшафт как на сложный природно-культурный комплекс. В трудах Л. С. Берга, К. Sauer и др. появился термин *культурный ландшафт*, по-новому очерчивающий междисциплинарные объектные и предметные границы.

В наши дни под культурным ландшафтом (КЛ) понимается «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [1, с. 16]. Существуют разные исследовательские модели описания системной морфологии традиционных сельских КЛ. Согласно одной из них [2] в нее входят следующие компоненты: 1) природная среда обитания, 2) сообщество людей, проживающих в ней, 3) их хозяйственная деятельность, 4) селитьба (способ селенческого обустройства жизненной ойкумены: жилые, хозяйственные, культовые постройки, их экстерьеры, интерьеры, способ пространственной организации на местности), 5) язык, 6) материальная и духовная культура (рис. 1).

Рис. 1. Исследовательская модель культурного ландшафта

Язык и культура, будучи составными компонентами КЛ, являются также вербальными и паравербальными «языками» его описания [3]: по отношению к ним остальные компоненты выступают в качестве смысло-

и текстопорождающих референтных оснований. С наибольшей очевидностью это проявляется в фольклорных песнях, которые известный этнограф и фольклорист Д. К. Зеленин назвал *географическими*, поскольку в них опеваются реальные пространства и населяющие их этносообщества. Содержащаяся в ГП этнокультурная информация воспринимается певцами и слушателями как абсолютно достоверная (неслучайно такого рода тексты Д. К. Зеленин охарактеризовал как «голос народа о самом себе и соседях» [4, с. 61]).

Картографирование локусов опевания и анализ порядка их следования выявили «маршрутный» принцип текстообразования ГП: траектория развертывания песни обычно определяется реальным географическим объектом-конфигуратором — культурным (дорога, улица) и/или природным (река, озеро, море): «*Это один все складывал. Суворов Николай Александрович его звали, жил в Федоровском. И он пел про весь наш сельсовет, про все деревни, что по реке были. Все эти деревни стоят прямо по реке до Погорелки. А Новоселиха уже в сторонке, он про нее не пел*» (Вох., с. Спас, Ф. А. Борушкова, 49 лет). На этом основании ГП можно анализировать как своего рода фольклорный путеводитель по локальным КЛ. В момент исполнения песни певцы и слушатели совершают ментальное путешествие от деревни к деревне, сфокусировав внимание на наиболее приметных особенностях КЛ каждой из них. Характерно в этой связи, что многие из ГП начинаются с упоминания акта движения («*Шел Ванюша по угору*», «*Молодежь скоро подкатит*», «*Пойду-выйду на зеленые луга*», «*Я бежала по поженке*»), обозначают начало и конец пути («*От Варнавина в Урень сорок восемь деревень*», «*Мы от Суркова начнем до Економии кончём*») или содержат прощание с покидаемым местом («*Прощай, Лальский наш посад*», «*Прощай, славной Петербург*»).

Песенное путешествие может осуществляться с двух позиций: *внешней* и *внутренней*. В первом случае в качестве собирательного образа лирического героя выступают *чужие* (плотогоны, нищие, бурлаки и т. п.). Плохо осведомленные о внутренней жизни опеваемых этносообществ, они сориентированы на отражение в тексте визуальных особенностей мест их проживания:

*На Исадах (1) пароходы пристают,
На Мутовине (2) лесок не высок,
На Черменине (3) рассыпался песок.
Еще Кичуга (4) в логу, в логу, в логу.
Стоит Печерза (5) на самом берегу.
Офонасовец (6) – крутые берега.
А в Давыдовском (7) вода глубока.*

*Под Скорятином (8) река широка.
На Лодейке-то (9) вода велика.
Под Соловьёвым (10) приставала верхота,
На Прилуки-то (11) идут бережском.
На Каликине (12) угор велик.
На Красавине (13) дородно жить.
Что Сорочка (14) – деревня мала,
А на Власове (15) широкие поля.
На Глазатове (16) река глубока,
За Одомчином (17) зелененький лесок.
Благовещенье (18) далеко от реки,
А за рыбой все же ходят мужики.
А Гремячево (19) у самой у реки,
А живут-то там одни старики.
А в Осинове (20) малы берега,
Там спуститься можно в два шага [5, с. 48–49].*

Процитированная плясовая припевка, записанная в Великоустюгском районе Вологодской обл., является своеобразной речной навигационной картой, в которой последовательно перечисляются селения, расположенные вдоль р. Сухоны от д. Исады до д. Осиново (всего 20), (рис. 2).

Песня охватывает приречную территорию длиной примерно в 40 км и представляет ее с физико-географическими и визуально-пейзажными характеристиками: примечательное местоположение селения, архитектурные объекты, специфика рельефа, растительности. При этом в описании бассейна Сухоны акцент явно сделан на особенностях фарватера реки, что служит косвенным свидетельством о среде речников–сочинителей песни. В описании и оценке локусов и людей подобные ГП обычно объективны и нейтральны.

Принципиально иначе выстраивается *внутреннее* песенное путешествие. В сообщаемой информации акцент переносится с физико-географических на этнокультурные особенности опеваемых объектов (социальные, психические, языковые и другие), по которым группа людей осознает свою идентичность (одинаковость и единство) и отделяет себя от ближайших соседей. Поскольку эта информация носит «закрытый» характер, ареал создания и бытования данного типа ГП весьма ограничен: это территория, в пределах которой она способна «считываться».

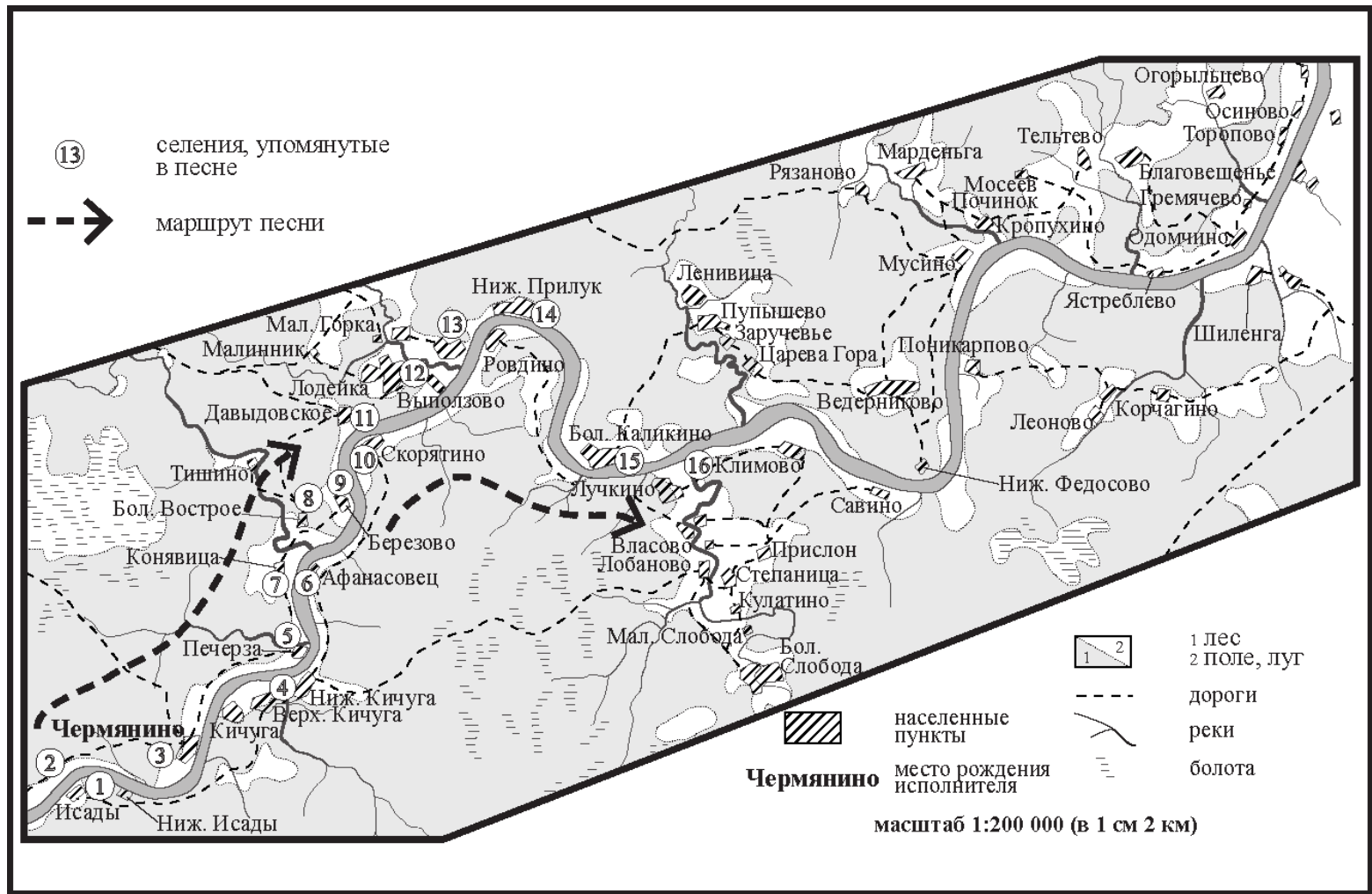

Рис. 2. Карта великоустюгской географической песни

В зависимости от ситуации исполнения песни (свадьба, съезжие праздники, молодежные гуляния, артельные работы) и социумной принадлежности исполнителя жители селений могут оцениваться позитивно или негативно (отчего песня приобретает величальный и/или корильный характер):

Каращела – тараканы, тараканы, (д. Карощелье)
Были едомцы богаты, вот они богаты, (д. Едома)
Усть-важане вороваты, вороваты, (д. Усть-Вашка)
Некорыстна молодежь — монастырцы, (д. Монастырщина)
Оборваны кушаки — то смоляны, (д. Смоленец)
Бородаты мужики — пылемчана, (д. Пылема)
Толстобрюхи мужики — то вожгоры. (д. Вожгора)
[5, с. 138]

Сокращения: Вох. — Вохомский район Архангельской области

Библиографические ссылки

1. *Веденин Ю. А.* Культурно-ландшафтное районирование территории Кенозерья // *Наследие и современность*. 2019. № 2(2). С. 20–34.
2. *Калуцков В. Н.* *Ландшафт в культурной географии*. М.: Новый хронограф, 2008.
3. *Иванова А. А.* Фольклор как форма репрезентации и интерпретации культурного ландшафта // *Культурные ландшафты России и устойчивое развитие*. Четвертый выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт» / под ред. Т. М. Красовской. М. : Геофак МГУ, 2009. С. 39–45.
4. *Зеленин Д. К.* Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (Этнографический и историко-литературный очерк) // *Он же*. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М. : Индрик, 1994.
5. *Иванова А. А., Калуцков В. Н.* *Географические песни в традиционном культурном ландшафте России*. М. : Изд-во ПФОП, 2006.

УДК 911.3

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АТЛАС РОССИИ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В. Н. Калущков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1, v.kalutskov@yandex.ru

В статье рассматривается опыт создания первого литературного атласа России. Издание содержит сведения о важнейших литературных местах страны и связанных с ними писателях и поэтах. Для каждого из 10-ти литературных регионов России — от Московского до Сибири — составлена литературная карта и подготовлен справочник, включающий имена литераторов и связанные с ними литературные места. В отдельном разделе книги рассмотрены литературные путешествия А. С. Пушкина, А. П. Чехова, В. И. Немировича-Данченко, С. В. Максимова, К. К. Случевского, А. Т. Твардовского, Дж. Стейнбека. Специальный раздел посвящен литературному ландшафту Пушкиногорья.

Ключевые слова: литературная география; литературное место; травелог; литературный ландшафт.

THE LITERARY ATLAS OF RUSSIA: THE EXPERIENCE OF CREATION AND FURTHER PROSPECTS

V. N. Kalutskov

Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation, v.kalutskov@yandex.ru

The article discusses the experience of creating the first literary atlas of Russia. The publication contains information about the most important literary places of the country and associated writers and poets. A literary map has been compiled for each of the 10 literary regions of Russia - from the Moscow Region to Siberia – and a reference book has been prepared, including the names of writers and related literary places. In a separate section of the book, the literary travels of A.S. Pushkin, A.P. Chekhov, V.I. Nemirovich-Danchenko, S.V. Maksimov, K.K. Sluchevsky, A.T. Tvardovsky, J. Steinbeck are considered. A special section is devoted to the literary landscape of Pushkinogorie.

Keywords: literary geography, literary place, travelogue, literary landscape

Великая русская литература обладает огромным недооцененным географическим потенциалом. Этот наработанный за столетия потенциал формировался постепенно в результате многочисленных путешествий русских литераторов. Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов,

Л. Н. Толстой, С. Т. Аксаков, А. П. Чехов, Н. С. Гумилев, В. В. Маяковский, А. Т. Твардовский и другие, исколесили всю Россию из края в край.

Вот почему русская литература — это литература-путешественница. Во время поездок литераторы «поглощали» пространство огромной страны, эмоционально осваивали его, создавая яркие запоминающиеся образы городов и регионов России. Как точно подметил Д. Н. Замятин, русская литература развивалась на ходу, «трясаясь в карете, в тарантасе, на телеге по пыльным проселкам и широким трактам» [1]. Тем самым, с помощью литературных произведений Россия осознавала и осмысляла свои огромные пространства

В таком контексте труд литератора схож с экспедиционной работой географа: и тому и другому для понимания своей страны нужно много ездить, знакомиться с разными краями и весями, учиться понимать разные народы России, любоваться красотой ее природы, осмыслять и переосмыслять ландшафты страны. Академик Д. С. Лихачев назвал Александра Сергеевича Пушкина по сути географом — «*Колумбом русской поэзии*», имея в виду не только то, что поэт в среднем проезжал 1000 километров в год, но и то, что эти поездки были литературно новаторскими и продуктивными [2]. Тем самым, и в географическом измерении наш национальный гений оказался первым среди поэтов.

Название работы «Литературная география России: атлас-справочник» предполагает, что в нем рассматриваются **творившие на русском языке писатели национального уровня**. Иначе, не этничность является критерием отбора писателя в корпус текстов издания, а его вклад в развитие русской литературы, включая и тех литераторов, которые жили на территории России и творили на других языках, но, имена которых, благодаря талантливым переводам, вошли в золотой фонд русской литературы. Поэтому в издании представлен и связанный с Калининградом известный немецкий писатель Э. Т. А. Гофман, и классик татарской литературы Габдулла Тукай, и уроженец Дагестана Расул Гамзатов.

Писатели и поэты регионального уровня, хорошо известные в своих регионах и много сделавшие для развития региональной культуры и формирования региональных идентичностей, в данном атласе-справочнике не рассматриваются. В спорных случаях, когда экспертные мнения относительно отнесения поэта или писателя к национальному или региональному уровню разделялись, имя автора включалось в корпус текстов.

Среди литературных мест, представленных на картах и в текстах атласа, в первую очередь описывались и картографировались **мемориальные литературные места**, т. е. места, связанные с жизнью и творчеством выдающегося литератора [3]. Как правило, в этих местах созданы и функционируют литературные музеи или музеи-заповедники. Наряду с

мемориальными, выявлялись и изучались **ассоциативные литературные места**, которые представляют собой локализованные литературные образы, к примеру, такие, как «Дворянское гнездо» и «Нехорошая квартира».

Выбор **временных рамок исследования** (XVIII–XXI вв.) связан с намерением охватить наиболее продуктивный период развития русской литературы.

Атлас-справочник «Литературная география России» состоит из введения, трех разделов и заключения [4].

Первый раздел «Литературные регионы России» включает десять региональных глав, каждая из которых посвящена крупному литературно-географическому региону России, включая Московский регион, окружающий его регион «Срединная Россия», Петербургский регион, Русский Север, Русский Юг, Русский Запад, Поволжье, Урал, Крымско-Кавказский регион и Сибирь.

При этом каждая из региональных глав состоит из четырех модулей — презентационного, исторического, картографического и справочного.

Первый — презентационный — модуль содержит 2–3 цитаты из литературных произведений, наиболее ярко передающих образ региона.

Второй модуль описывает историю литературного освоения региона.

Третий модуль представлен литературной картой, на которой нанесены важнейшие литературные места региона: их содержание раскрывает четвертый справочный модуль.

Справочный модуль выстроен в алфавитном порядке и содержит два типа текстов: тексты, описывающие литературные места, приведенные на региональной карте, и тексты, посвященные важнейшим литераторам, связанным с регионом жизнью и творчеством (при этом приводятся названия наиболее значимых произведений и фрагменты литературных текстов, содержащих наиболее яркие образы региона).

Второй раздел издания «Литературные путешествия по России» также решается в основном регионально. В нем представлены главы, отражающие важнейшие литературные путешествия на Русский Север, на Юг, по Уралу и в Сибирь, а также обзорная глава, посвященная путешествиям иностранцев по стране «Иностранцы в России: от сказаний через записки к литературному путешествию».

В атласе рассмотрены литературные путешествия А. С. Пушкина, А. П. Чехова, В. И. Немировича-Данченко, С. В. Максимова, К. К. Случевского, А. Т. Твардовского, Дж. Стейнбека.

При исследовании литературных путешествий основное внимание обращалось на:

- описание и картографирование маршрута литературного путешествия;
- соотнесение маршрута с историческими путями и дорогами;
- пространственно-временную периодизацию литературного путешествия.

Для каждого этапа характеризовались транспортные средства путешественника, характер погоды, бытовые условия и авторская реакция на условия путешествия. Важнейшей составляющей при описании путешествия является предъявление авторских образов мест, городов и регионов.

Третий раздел «Пушкиногорье — модельный литературный ландшафт России» посвящен исследованию сложного, но самого значимого для России литературного ландшафта. В нем представлены результаты многолетних комплексных исследований Пушкиногорья.

Рассмотрим перспективные направления литературно-географического атласного картографирования.

Во-первых, это разработка **региональных литературных атласов-справочников**, которые должны включать всех литераторов, работавших в данном регионе, вне зависимости от их национальности и языка и все литературные места. При этом региональные литературные атласы-справочники могут быть двух типов: первый, охватывающий территорию макрорегиона, например, литературный атлас-справочник Сибири или Кавказа, и второй — литературный атлас-справочник Субъекта Федерации (Татарстана, Орловской области или Красноярского края).

Во-вторых, при разработке региональных литературных атласов важно использовать возможности современных **ГИС-технологий**, создавая базы данных региональных писателей, региональных литературных мест и литературных карт разного типа.

К **перспективным направлениям** литературного картографирования: картографирование литературных и внелитературных пространств, связанных с литературными именами, и картографирование территорий — городов, регионов, отдельных стран [5]. Этим уровням соответствует две типологические группы литературных карт.

Картографирование пространств литератора может быть реализовано в таких направлениях, как:

- карты-иллюстрации литературных произведений избранного автора, включая карты реальных и воображаемых миров произведений;
- карты художественного мира литератора;
- карты его литературных путешествий;
- карты-биографии автора;
- карты общественного пространства литератора.

При литературном картографировании территорий перспективно создание таких специальных карт, как:

- карты-обзоры круга литераторов, связанных с определенной территорией;

- карты литературных художественных образов территории;

- карты литературных мест территории;

- карты литературных маршрутов по территории.

Очевидно, что возможно составление **комплексных литературных карт**, которые синтезируют выделенные выше направления картографирования.

Библиографические ссылки

1. *Замятин Д. Н.* Географические образы путешествий в русской литературе // География в школе, 2001. № 8. С. 26–29.

2. *Померанцев П. П.* Карта путешествий Пушкина // Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Вып. 5. С. 453–454.

3. *Веденин Ю. А.* Литературные ландшафты как объекты наследия // География в школе. 2006. № 8. С. 15–21.

4. Литературная география России: атлас-справочник / Ю. А. Веденин, В. Н. Калущков (науч. ред.). М.: Изд-во Московского университета, 2022.

5. *Калущков В. Н., Морозова М. М.* Литературные карты и их типологические репрезентации // Вопросы географии. Сб. 151. Российские литературы, окружающая природа и Географическое общество. М.: Медиа-ПРЕСС, 2020. С. 160–185.

УДК 911.3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ГОРОДА РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ⁷

А. П. Катровский

*Смоленский государственный университет, ул. Пржевальского, 4,
214000, г. Смоленск, Российская Федерация, alexkatrovsky@mail.ru*

Исследована проблема идентификации исторических населенных пунктов. Отмечается, что не столько наличие исторической среды, сколько роль в истории является главным критерием для статуса «исторический населенный пункт». Представлена, основанная на контент-анализе школьных учебников, методика выявления реальных исторических городов. Определены исторические города белорусской части Приграничья. Проанализированы возможности туристификации малых городов.

Ключевые слова: исторический населенный пункт; историческая память; реальная историчность города; туристификация.

HISTORICAL CITIES OF THE RUSSIAN-BELARUSIAN BORDER REGION

A. P. Katrovskiy

*Smolensk State University, Przhevalsky, st., 4,
214000, Smolensk, Russian Federation, alexkatrovsky@mail.ru*

The problem of identifying historical settlements has been studied. It is noted that not so much the presence of a historical environment, but rather the role in history is the main criterion for the status of “historical settlement”. A method for identifying real historical cities, based on content analysis of school textbooks, is presented. Historical cities of national significance in the Belarusian part of the border region have been identified. The possibilities of tourism in small towns are analyzed.

Keywords: historical settlement; historical memory; real historicity of the city; touris-tification.

Введение и постановка вопроса. История российской и белорусской государственности в значительной степени история городов, поскольку: «Города — это как бы командный состав страны, организующий ее во всех отношениях — и в хозяйственном, и в политико-административном, и в культурном» [1, с. 207].

---

⁷ Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 23-27-00357 «Малый город в приграничных с Белоруссией регионах России: новая миссия и функции в эпоху неоиндустриальных трансформаций».

Российско-белорусское приграничье (далее Приграничье) трансграничный регион в составе шести областей России и Беларуси, выполняющий роль пространственной скрепы Союзного государства.

Особое место в системе расселения занимают исторические города, которые выполняют миссию «вводить в историю». Одним из самых обсуждаемым в научной среде, является вопрос о критериях исторического населенного пункта. Среди географов наиболее значимый вклад в изучение данного вопроса внесли Ю. А. Веденин [2], А. П. Обедков [3]. Появились работы по историческим городам в Беларуси [4]. Главный критерий отнесения населенного пункта к категории «исторического» — наличие исторической застройки.

«Со многими российскими городами история поступила безжалостно. Поэтому города далеко не всегда могут предъявить материальные свидетельства своего долголетия и значимости в виде памятников культуры. Это не должно служить основанием для исключения таких городов из списка исторических» [5, с. 238]. Данное положение особенно актуально для населенных пунктов Приграничья, которые сильно пострадали в годы Великой Отечественной войны. Многие города были разрушены в ходе уличных боев и реализованной гитлеровцами стратегии «выжженной земли» более чем на 80 %. В Вязме было разрушено 94 % всех зданий, 13 из 14 церквей [6]. Какие аутентичные архитектурные свидетельства может предъявить Велиж, который был разделен линией фронта в течение почти 19 месяцев? Поэтому историческая память связана, не только с исторической застройкой, памятниками материальной культуры, но и с поселениями, в которых «вершилась» история. Эти поселения следует считать историческими [7]. Крупнейший знаток исторических городов, автор самой фундаментальной монографии по историческим городам России В. Р. Крогиус, будучи градостроителем, среди важнейших критериев исторических городов указывал «роль в истории» [8].

Сложность изучения исторических населенных пунктов в Приграничье связана с тем, что в Беларуси, в отличие от России, отсутствует их официальный перечень, закрепленный законодательно в нормативных государственных документах. Перечень исторических поселений в Российской Федерации неоднократно пересматривался. В 1970 г. список исторических городов РСФСР включал 115 населенных пунктов. В списке широко были представлены населенные пункты Приграничья: Смоленск, Вязма, Гагарин, Ельня (Смоленская область), Псков, Печоры, Порхов, Старый Изборск (Псковская область), Брянск, Севск, Трубчевск, Карачев, Мглин, Почеп, Стародуб (Брянская область).

Через десять лет ЦНИИП градостроительства подготовил перечень исторических городов СССР. Города были разделены на три класса. Из

белорусских городов Приграничья в класс «А» были включены Гомель и Полоцк, в класс «Б» — Могилев, Витебск, Мстиславль и Поставы, в класс «В» — Орша, Туров, Чечерск, Славгород. В российской части Приграничья к историческим городам класса «А» были отнесены Смоленск, Псков, Печоры и Изборск, к классу «Б» — Вязьма, Трубчевск, к классу «В» — Брянск, Гагарин, Ельня, Карачев, Мглин, Порхов, Почеп, Севск, Стародуб [9].

Перечень исторических поселений 1980 гг. являлся первым опытом иерархии исторических центров. В качестве критериев иерархии рассматривалась людность и насыщенность населенных пунктов объектами архитектурно-планировочного наследия.

Самый расширенный список исторических населенных пунктов был представлен РСФСР в 1990 г. Впервые в него вошли сельские поселения. В российской части Приграничья статус «исторического поселения» получило 38 населенных пунктов. Помимо городов в списке были Овстуг и Вшиж Жуковский район, Красный Рог Почепский район (Брянская область), Старый Изборск, Волышово Порховский район (Псковская область). До настоящего времени при оценке сети исторических поселений часто руководствуются их перечнем от 1990 г. В 2002 г. в связи с принятием целевой программы по сохранению и развитию архитектуры исторических городов опубликован новый список исторических городов России без сельских населенных пунктов. Перечень включал 478 городов. Из 33 исторических городских поселений российской части Приграничья, 24 или 73 % являлись малыми городами.

В 2010 г. список исторических поселений был сокращен более чем в десять раз. В настоящее время к историческим поселениям федерального значения в Российской Федерации относятся 45 населенных пунктов. Парадокс списка состоит в том, что в Приказе Министерства культуры РФ от 4 апреля 2023 г. «Об утверждении перечня исторических поселений, имеющих особое значение для истории и культуры Российской Федерации»⁸ к таким поселениям не отнесены: Москва, Казань, Великий Новгород. Бородино и многие другие. Судя по данному документу, вклад в отечественную историю и культуру Крапивны, Белева, Вольска, Тотьмы, Шуи выше. В российской части Приграничья статус «исторического поселения» сохранился только за Смоленском. В перечне нет Пскова, Печор, Трубчевска и др. Данный Перечень неоднократно подвергался критике, как со стороны ученых, так и со стороны законодателей. В ряде регионов России был введен статус «историческое поселение регионального значения».

---

⁸ Приказ Министерства культуры РФ от 4 апреля 2023 г. N 839 <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406915854/> (Дата обращения 21.01.2024 г.)

В Псковской области таким статусом в 2023 г. обладали 16 населенных пунктов, включая Псков, Великие Луки, Остров, Порхов, Себеж и др.

Любой губернский (областной) центр становился областным культурным гнездом, в котором благодаря концентрации образованного населения, культурных функций происходил особый культурный агломерационный эффект. Применительно к российско-белорусскому приграничью Смоленск и Витебск, Псков и Могилев, осуществляющие функции губернских центров на протяжении полутора веков, были в хорошем смысле «обречены» на роль исторических городов. В XX в. к ним добавились Брянск, Гомель. Но и каждый уездный (районный) центр выполнял особую историческую миссию по отношению к ближайшему окружению. В уездных городах был набор учреждений просвещения, общественного здоровья, суд, полицейское управление, казначейство, дворянское собрание и др. Уездные города выступали хранителями традиций и исторического наследия. Фактически во всех уездных центрах формировалось локальное культурное гнездо, к которому относились сельские населенные пункты. Поэтому Велиж, Рославль, Мстиславль, Лепель, Карачев, Порхов и др. играли историческую роль несколько иного масштаба.

При выявлении исторических городов Беларуси была использована оригинальная методика, основанная на частоте упоминания населенных пунктов в школьных учебниках по истории Республики Беларусь. К реальным историческим населенным пунктам национального значения были отнесены имевшие десять и более упоминаний. В данном перечне оказалось 16 городов и агрогородок Крево Гродненской области. Из 17 населенных пунктов 7 расположены в приграничных с Российской Федерацией областях Беларуси. Самым «историческим» городом Беларуси стал Полоцк, на 5 месте — Витебск, на 6 — Могилев. Кроме того, в перечень исторических населенных пунктов национального значения вошли Туров, Гомель, Бобруйск, Орша. Среднюю «историчность» по частоте упоминания имели Лесная, Мстиславль, Лоев [10].

«Историчность» белорусских населенных пунктов в значительной степени зависела от административных функций. Первые девять позиций в итоговом рейтинге занимают города, выполнявшие в прошлом государственные или региональные «столичные» функции. Первый опыт выявления реальной историчности населенных пунктов Беларуси в дальнейшем предполагается использовать и в России.

Неоиндустриализация требует от исторических населенных пунктов качественно нового человеческого капитала, которым они, очень часто, не располагают. Демографическое сжатие ограничивает варианты экономической санации. Небольшие сельские населенные пункты, большинство ПГТ и малых городов, особенно с минимальной и особо малой

численностью населения, если не являются частью агломерации, редко могут выступить в качестве места нового промышленного строительства. Но без экономической санации демографическое возрождение невозможно. Способность к экономической санации и экономическому развитию зависит от людности населенного пункта, но еще больше она определяется местом в системе расселения. Небольшой населенный пункт в составе крупной агломерации имеет больше шансов на появление промышленного предприятия, нежели малый город на географической периферии. Учитывая особую ценность среды исторических населенных пунктов необходимо особо тщательно подходить к выбору предприятия для подобной санации. Небольшие исторические «культурные гнезда» меньше всего испытывают потребность в промышленном освоении. В качестве одного из направлений их развития выступает туристификация. При имеющихся значимых рекреационных ресурсах и выгодном транспортно-географическом положении относительно центров формирования устойчивых туристских потоков, туризм может стать градообразующим видом деятельности. Однако, часто этому препятствуют слабое развитие социальной инфраструктуры, включая туристскую, труднодоступность места и менталитет местных жителей, не готовых к приему в своем населенном пункте туристов [11, с. 101]. Лишь небольшая часть малых городов российской части Приграничья (Печоры, Себеж, Гагарин, Порхов, Гдов, Сычевка, Ельня и ряд др.) обладают в настоящее время необходимой транспортной доступностью, неким историко-культурным и природным потенциалом для туристификации. При средних инвестициях в инфраструктуру эти города могут стать значимыми центрами туризма и рекреации. Туристский потенциал малых городов может быть повышен путем открытия уникальных музеев, памятников. Данный процесс Ю. А. Веденин назвал «насыщением города исторической памятью» [12, с. 69].

Исторические населенные пункты — особый тип населенных пунктов, среди основных критериев для их выделения, — наряду с наличием объектов историко-культурного наследия — роль в истории. Исключительная роль исторических населенных пунктов связана с их миссией по сохранению исторической памяти. Учитывая важность исторических городов как хранителей исторической памяти, необходимо разработать научно-обоснованный перечень исторических населенных пунктов Союзного государства.

Библиографические ссылки

1. *Баранский Н. Н.* Об экономико-географическом изучении городов //Избранные труды. Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980. С. 204-254.
2. *Веденин Ю. А.* Культурно-ландшафтный подход к изучению, сохранению и развитию исторических городов//Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2021. Т. 85. № 6. С. 952-960.
3. *Обедков А. П.* Критерии выделения и состав исторических городов России //Социально-экономическая география – 2011: теория и практика. 2011. С. 194-199.
4. *Должонюк А. А.* Из историографии определения исторического города как объекта наследия //Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 1 (35). С. 45-51.
5. *Лаппо Г. М.* Города России. Взгляд географа М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.
6. *Антонов Е. В., Бабурин В. Л. и др.* Города Запада России и Великая Отечественная война - Смоленск, 2021.- 408 с.
7. *Катровский А. П.* Исторические населенные пункты и туризм // Туризм и региональное развитие. 2023. № 1 (6). С. 3-15.
8. *Крогиус В. Р.* Исторические города России как феномен ее культурного наследия. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 312 с.
9. Руководство по планировке и застройке городов с памятниками истории и культуры. М.: Стройиздат, 1980. 141 с.
10. *Катровский А. П.* Исторические населенные пункты российско-белорусского приграничья: как с ними быть?// Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2023. С.100-123.
11. *Потапов И. А.* Проблемы и перспективы развития туризма в малых исторических городах Архангельской области // Географический вестник, 2016. №4. С. 100-109
12. *Веденин Ю. А.* Историческая среда в молодых городах // Проблемы расселения: история и современность. М., 1997. С. 67-70.

УДК 338. 146

**РЕГИОНАЛЬНОЕ ИНВЕСТИЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ В
УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)**

И. В. Комов

*Воронежский государственный университет, ул. Хользунова, д.40, 394068,
г. Воронеж, Россия, igrkom@bk.ru*

В статье показана роль инвестиционного развития региона в условиях геополитической нестабильности. Дана характеристика основных инвестиционных проектов на территории Воронежской области. Раскрыты основные стратегические приоритеты по улучшению инвестиционного климата, ведению бизнеса и развития особых экономических зон.

Ключевые слова: инвестиционное развитие; особая экономическая зона; резидент.

**REGIONAL INVESTMENT DEVELOPMENT UNDER
CONDITIONS OF GEOPOLITICAL INSTABILITY
(THE VORONEZH REGION IS AN EXAMPLE)**

I. V. Komov

*Voronezh State University, 40, Kholzulzunov str., 394068,
Voronezh, Russian Federation, igrkom@bk.ru*

The role of investment development of the region in the conditions of geopolitical instability has been showed. The main investment projects on the area of the Voronezh region have been characterised. The main strategic priorities for improving the investment climate, doing business and development of special economic zones have been disclosed.

Keywords: investment development; special economic zone; resident.

Региональное инвестиционное развитие имеет огромную актуальность в современном мире, так как оно способствует развитию экономики и улучшению качества жизни населения в различных регионах. Инвестиции играют ключевую роль в содействии налаживанию производства, развитию инфраструктуры, созданию рабочих мест и повышении конкурентоспособности регионов [1-2].

Благодаря инвестициям регионы могут развивать свои природные и человеческие ресурсы, создавать новые предприятия и компании, а также стимулировать инновации и развитие новых технологий. Это помогает

повышать экономическую активность в регионе, привлекать больше инвесторов и способствовать устойчивому экономическому росту.

Экономическое развитие Воронежской области характеризуется диверсифицированной многоотраслевой структурой с высоким уровнем комплексного развития [3]. Мощный потенциал, наличие крупных уникальных производств и технологий позволяют отнести регион к числу крупнейших индустриальных центров России. В 2022 г. объем валового регионального продукта Воронежской области превысил 1 трлн. рублей по сопоставимым ценам по сравнению с предыдущим годом, что позволило региону занять третье место в Центральном федеральном округе, уступая только Москве и Московской области. В структуре валового регионального продукта основные виды экономической деятельности включают торговлю, оптовую и розничную — 18 %, обрабатывающие производства — 16 %, сельское хозяйство — 15 %, операции с недвижимым имуществом — 9 % и строительство — 7 %.

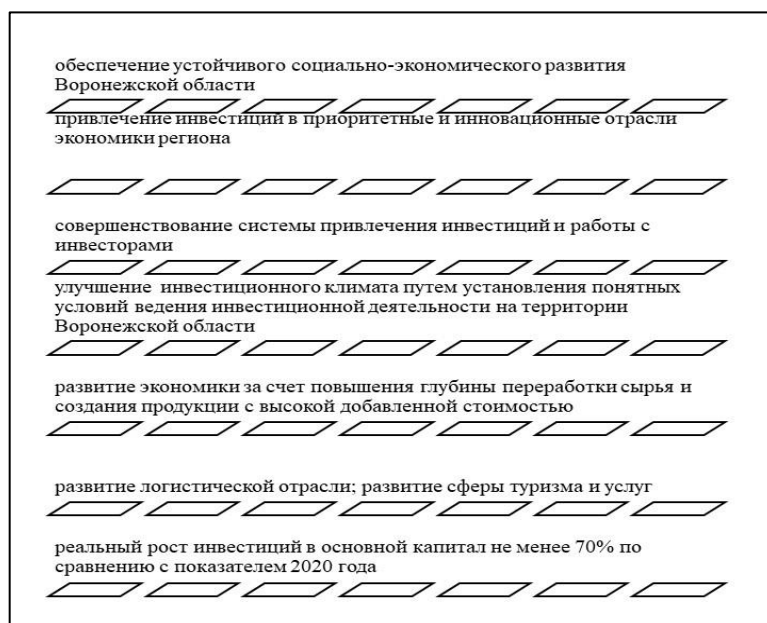
Воронежскую область отличает высокая инвестиционная привлекательность. Это подтверждается положительной динамикой объема инвестиций в основной капитал, федеральными инвестиционными рейтингами, оценками влиятельных независимых экспертов и стабильным потоком компаний-инвесторов.

По результатам исследования Национального Рейтингового Агентства о инвестиционной привлекательности регионов России в 2022 г. [4], Воронежская область подтвердила свой статус как регион с высоким уровнем инвестиционной привлекательности. Объем инвестиций в основной капитал (включая все предприятия и организации) в Воронежской области за 2022 г. увеличился на 58 млрд. рублей, достигнув рекордных 344 млрд. рублей. Этот показатель превышает данные за 2021 г. (285 млрд. рублей) на 20 %. Темп роста инвестиций в регионе составил 104,9 %, что превышает средний уровень по Центральному федеральному округу (99,8 %) и по всей Российской Федерации (104,6 %). По объему инвестиций за год Воронежская область непрерывно удерживает третье место в ЦФО, уступая только Москве и Московской области. За последние пять лет общий объем инвестиций составил почти 1,5 трлн. рублей.

В настоящее время в Воронежской области реализуется 70 особо значимых инвестиционных проектов на общую сумму 254 млрд. рублей. Среди 55 крупных инвесторов, которые приняли решение о размещении своих производств в регионе с 2018 по 2022 гг., 25 компаниям присвоен статус особо значимых. За последние пять лет в рамках реализации таких проектов было инвестировано 109 млрд. рублей, что привело к созданию более восьми тысяч новых рабочих мест. Среди выдающихся проектов следует отметить компании «Евралис» (сфера производства семян),

«Архбум» (производство гофрокартона), «РГМ-Нефть-Газ-Сервис» (производство колтюбинговых установок), «Кун-Восток» (производство сельскохозяйственной техники) и тепличные комплексы «Воронежский» и «Родина».

Главные цели инвестиционного развития Воронежской области представлены на рисунке. Региональные органы государственной власти прикладывают максимум усилий для поддержания высокого уровня инвестиционной активности в регионе и стараются оперативно реагировать на просьбы и инициативы представителей бизнеса. Для этого создана эффективная система поддержки инвесторов, включающая финансовые, организационные и инфраструктурные инструменты. В регионе создана эффективная система организационной поддержки инвесторов, которая включает в себя 14 институтов развития, обеспечивающих полный цикл сопровождения инвестпроектов.

Цели инвестиционного развития Воронежской области
(сост. авт.)

Еще один инструмент стимулирования инвестиционной активности — инфраструктурная поддержка. Уникальность Воронежской области заключается в комплексности инвестиционной инфраструктуры. ОЭЗ ППТ «Центр» создана на территории Новоусманского муниципального района Воронежской области, в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 30.12.2018 № 1774 [5]. Общая площадь особой экономической зоны составляет 220 га, полезная — 168 га. Логистическая характеристика ОЭЗ ППТ «Центр» позволяет обеспечить размещение предприятий по кластерному типу, сгруппировав их по отраслевой

принадлежности, по схожести технологий и сырьевой базы (расстояние до г. Воронежа — 1 км, до федеральной трассы М-4 «ДОН» — 10 км, до ж/д станции «Масловка» — 3 км, и 30 км до «Международного аэропорта Воронеж им. Петра I»). Планируемый объем инвестиций от резидентов Особых экономических зон (ОЭЗ) составляет 30 млрд. рублей. Резиденты ОЭЗ могут воспользоваться разнообразными льготами, включая сниженные ставки налога на прибыль (от 2 % до 15,5 % в зависимости от срока реализации проекта), освобождение от налога на имущество организаций на 10 лет, нулевую ставку налога на земельный участок на 5 лет, освобождение от транспортного налога на 10 лет, а также преимущества таможенного оформления в рамках свободной таможенной зоны (включая освобождение от НДС и таможенных платежей). Территория ОЭЗ «Центр» в Воронежской области специализируется на различных областях, включая атомную, радиоэлектронную, химическую, космическую промышленности, производство строительных материалов, логистику, машиностроение и металлообработку. На данный момент 12 компаниям с общим планируемым объемом инвестиций примерно 34 млрд. рублей присвоен статус резидентов ОЭЗ «Центр». Планируется создание более 3 000 новых рабочих мест на территории ОЭЗ.

В 2018 г. федеральное Правительство [6] поддержало еще одну инициативу — создание территории опережающего развития «Павловск» (ТОР), что способствовало диверсификации экономики моногорода. Федеральные средства в создание инфраструктуры ТОР составили 1 млрд. рублей. В настоящее время статус резидентов ТОР «Павловск» присвоен 5 компаниям, вложившим в реализацию проектов более 15 млрд. рублей и создавшим почти полторы тысячи новых рабочих мест. ТОР «Павловск» создана в границах Павловского муниципального района Воронежской области в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 16.03.2018 № 264. Площадь ТОР «Павловск» — 82,2 га.

Резидентам ТОР предоставляются различные льготы и преференции, которые включают: 1) сниженную ставку налога на прибыль в размере 5 % в течение первых 5 лет и 10 % в последующие 5 лет, которые направляются в региональный бюджет; 2) освобождение от налога на имущество на протяжении первых 5 лет и дальнейшее снижение ставки до 1,1 % в последующие 5 лет; 3) нулевая ставка земельного налога, что дает дополнительные выгоды резидентам ТОР.

Кроме этого, резиденты ТОР также могут пользоваться другими преимуществами, а именно: 1) упрощенная процедура получения разрешений и лицензий для осуществления своей деятельности; 2) предоставление земельных участков с пониженной арендной ставкой или без нее; 3) поддержка и содействие со стороны региональных и муниципальных

органов власти в решении различных вопросов, связанных с развитием бизнеса и инвестициями.

Все эти льготы и преференции направлены на привлечение инвестиций, развитие экономики региона и создание благоприятного инвестиционного климата для резидентов ТОРВ настоящее время на территории Воронежской области функционирует 2-х уровневая система промышленных парков: создано 4 государственных промышленных парка («Масловский», «Лискинский» и «Бобровский», «Подгоренский») и 2 частных промышленных парка («Перспектива» и «Воронеж») общей площадью более 1 500 га. Инвесторы (резиденты) промышленных парков получают конкурентное преимущество благодаря обеспечению инфраструктуры для размещения производств. Это включает: наличие готовой инженерной инфраструктуры, такой как электроснабжение, водоснабжение, канализация, системы отопления и вентиляции. Это позволяет инвесторам сэкономить время и ресурсы, которые обычно требуются для строительства и подключения инженерных систем; разработки транспортной инфраструктуры, включая дороги, железные пути и порты, что обеспечивает легкий доступ к промышленным паркам и эффективное транспортирование готовой продукции; наличие коммуникационной инфраструктуры, такой как сети связи и интернет, обеспечивает высокоскоростную связь и доступ к информационным технологиям; предоставление общественной инфраструктуры, такой как медицинские учреждения, образовательные учреждения, торговые и развлекательные центры, способствует комфортному проживанию и работе для сотрудников инвесторов; разработка экологических стандартов для промышленных парков, включая системы очистки и сбора отходов, обеспечивает экологическую безопасность производств и сохранение окружающей среды. Все эти меры по инфраструктурному обеспечению промышленных парков создают комфортные и готовые для использования условия для инвесторов, снижая риски и ускоряя процесс запуска производства. Это помогает создать привлекательную среду для инвестиций и поощряет развитие промышленности в регионе. На текущий момент в парках размещено 147 резидентов, объем уже вложенных инвестиций — 46 млрд. рублей, создано более 6 тысяч новых рабочих мест. В 2022 г. данные площадки пополнились еще двадцатью резидентами с объемом инвестиций более 4 млрд. рублей [7,8].

Воронежская область планирует обеспечить рост инвестиций в основной капитал путем реализации перспективных направлений.

1. Развитие и повышение конкурентоспособности промышленности путем развития промышленной инфраструктуры.
2. Развитие агропромышленного комплекса и обеспечение продовольственной безопасностью.

3. Комплексное развитие внутреннего и въездного туризма с учетом обеспечения экономического и социокультурного прогресса региона.
4. Создание благоприятного инвестиционного климата для реализации инвестиционных проектов в ключевых отраслях экономики. Это включает стимулирование инвестиционной и предпринимательской активности хозяйствующих субъектов, их административную поддержку и предоставление гарантий инвесторам.
5. Развитие внешнеэкономической деятельности и экспорта, сосредоточение на росте несырьевого неэнергетического экспорта и привлечение предприятий, ориентированных на экспорт, на международный рынок.
6. Развитие муниципальных образований с уровнем социально-экономического развития на уровне среднего значения.
7. Инфраструктурное развитие и повышение качества жизни населения региона, включая развитие и стабильное функционирование строительного и дорожно-транспортного комплекса.
8. Обеспечение надежного и качественного электроснабжения потребителей электроэнергии и ресурсоснабжающих организаций.
9. Развитие комфортной среды и благоустройства территорий, улучшение качества жизни населения через повышение качества и доступности жилищно-коммунальных услуг.

Таким образом, действующие механизмы финансирования строительства объектов инфраструктуры (инвестиционных площадок) на федеральном и региональном уровнях являются важным инструментом поступательного инновационного развития регионов, способствующим улучшению инвестиционного климата, созданию комфортных условий для ведения бизнеса, организации современных высокотехнологичных предприятий, что будет способствовать индустриальному развитию и повышению качества жизни граждан.

Библиографические ссылки

1. Яковенко Н. В. Концептуальные аспекты формирования и развития кластеров в социально-экономико-географической системе региона / Н. В. Яковенко, И. В. Комов, О. В. Диденко, Е. А. Дробышев // Проблемы региональной экологии. 2015. № 6. С. 61-66.
2. Яковенко Н. В. Кластерный подход и его применение для концептуирования и стратегирования социально-экономического развития депрессивного региона / Н. В. Яковенко // Научный поиск. 2011. № 2. С. 70-74.
3. Комов И. В. «Кластер» как сложная организационно-экономическая система: подходы к дефиниции понятия / И. В. Комов, Н. В. Яковенко // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. 2016. № 1. С. 188-196.
4. Национальный инвестиционный рейтинг. URL:<https://asi.ru/government-officials/rating/> (дата обращения: 22.01.2024)

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2018 № 1774 «О создании на территории муниципального образования Новоусманский муниципальный район Воронежской области особой экономической зоны промышленно-производственного типа». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315419/ (дата обращения:20.01.2024)

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.03.2018 № 264 «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Павловск». URL: <https://base.garant.ru/71901078/> (дата обращения:20.01.2024)

7. Закон Воронежской области от 19.08.2022 № 65-ОЗ «О перечне видов экономической (предпринимательской) деятельности, осуществляемой в целях обеспечения импортозамещения на территории Воронежской области, и о внесении изменения в статью 3 Закон Воронежской области «О государственной (областной) поддержке инвестиционной деятельности на территории Воронежской области». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3600202208230013> (дата обращения:20.01.2024)

8. Закон Воронежской области от 07.07.2006 № 67-ОЗ «О государственной (областной) поддержке инвестиционной деятельности на территории Воронежской области». URL: <https://docs.cntd.ru/document/802066596> (дата обращения:20.01.2024)

УДК 314.174

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ В ИТАЛИИ

У. В. Кот

*ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», ул. Сурганова, 1/2
220072, г. Минск, Беларусь, ulyankot@gmail.com*

Политика развитых стран в области старения населения сводится к концепции активного долголетия. Определены социальные, экономические, политические и демографические риски, с которыми сталкивается общество развитых стран в процессе старения населения. На примере Италии рассмотрены особенности реализации политики активного долголетия и выделены основные ее приоритеты.

Ключевые слова: старение населения; активное долголетие; Италия; демографические риски; регулирование рынка труда.

FEATURES OF POLICY IN THE FIELD OF POPULATION AGING AND ACTIVE LONGEVITY IN ITALY

U. U. Kot

*Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, st. Surganova, 1/2
220072, Minsk, Belarus, ulyankot@gmail.com*

The policy of developed countries in the field of population aging is reduced to the concept of active longevity. The social, economic, political and demographic risks faced by society in developed countries in the process of population aging are identified. Using the example of Italy, the features of the implementation of the active longevity policy are considered and its main priorities are highlighted.

Keywords: population aging; active longevity; Italy; demographic risks; labor market regulation.

Изменяющаяся возрастная структура населения влечет за собой определенные последствия и риски, из-за чего у правительства государств возникает необходимость в своевременном реагировании на данный процесс соответствующими мерами. Меры политики в области старения населения в развитых странах с высоким уровнем дохода сводятся к политике активного долголетия. Эти меры находятся на стыке здравоохранения, финансовой безопасности и социального благополучия пожилых людей. Значительное внимание уделяется дополнительному образованию, обучению, а также повышению уровня активности и трудоспособности.

Однако общество на фоне активного процесса старения населения сталкивается с определенными рисками, которые можно разделить на 4 группы. К *социальным* рискам можно отнести увеличение доли населения, нуждающегося в поддержке со стороны общества, Постоянное увеличение расходов бюджета на социальное обеспечение пожилых людей, увеличение нагрузки на социальную инфраструктуру государства, эйджизм и социальная изоляция (в особенности тех, кто утратил свою самостоятельность в передвижении), высокая стоимость медицинского страхования в некоторых развитых странах, что может обуславливать ограниченность доступа пожилых к всеохватывающей медицинской помощи. К *экономическим* рискам относятся: ухудшение структуры трудовых ресурсов и замедление процесса трудового замещения, сокращение прироста трудовых ресурсов, увеличение среднего возраста занятого населения, возрастание нагрузки на трудоспособных и занятых со стороны лиц престарелого возраста, изменение потребительского поведения, снижение устойчивости пенсионной системы и т. д. Среди *политических* рисков можно выделить необходимость периодической своевременной корректировки социально-экономической политики в соответствии с условиями и уровнем жизни жителей пожилого возраста, а также возможное повышение пенсионного возраста, что может иметь множество негативных последствий (например, ухудшение состояния здоровья пожилых и способность населения быть задействованными на рынке труда еще более длительный срок). И к *демографическим* рискам можно отнести трансформацию возрастной структуры, вследствие чего формируется более узкая база для процесса рождаемости и более широкая база для развития процесса смертности, разрыв межпоколенных связей и трансформация воспроизводства населения в сторону более суженного замещения поколений.

В 2020 г. показатель ожидаемой продолжительности жизни в Италии составил 82,4 года, а доля населения в возрасте старше 60 лет — 30 % [1]. Показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни в стране оценивается в 71,9 лет [2]. В ответ на интенсивные процессы старения разрабатывались различные планы и одним из последних проектов стала разработка, запуск и финансирование Департаментом семейной политики Италии Национального координационного проекта многоуровневой политики в области активного старения. Изначально это был трехлетний проект на период 2019-2022 гг., который регулировался соглашением между председательством Совета министров — Департаментом семейной политики и Национальным институтом отдыха и ухода за пожилыми людьми с целью создания многоуровневой координации политики в пользу активного старения. В настоящее время этот проект продлен еще на три года (2022-2024 гг.). Если в первые три года была создана и инициирована

многоуровневая национальная координация, то в нынешнем трехлетнем периоде цель состоит в том, чтобы укрепить эту национальную координацию. В мероприятиях участвуют все соответствующие заинтересованные стороны (регионы, министерства, гражданское общество, научные учреждения и т. д.) на различных уровнях [3].

Политика активного долголетия в стране является компонентом программ социального обеспечения, так как культурная и политическая осведомленность по этой теме недостаточна. Итальянская модель социального обеспечения также характеризуется своей семейной ориентацией, где роль семьи, как правило, является центральной в предоставлении ухода и поддержки своим пожилым членам семьи, вместо того, чтобы рассматривать их как ресурс для общества. Области, в которых в основном сосредоточена национальная политика, включают: трудовую жизнь, семью, участие в жизни общества, инклюзивность и здоровье. Образование и обучение на протяжении всей жизни являются важнейшими компонентами активного долголетия и в Италии эти аспекты в основном рассматриваются в программах, разработанных и координируемых Министерством образования.

В целом, политические инициативы активного долголетия в Италии в области участия пожилых работников в экономике и на рынке труда состоят в основном из реформ пенсионной системы, направленных на продление трудовой жизни, в сочетании со слишком малым количеством активных мер на рынке труда, прямо или косвенно ориентированных на пожилых работников. Более подробно политика активного старения в Италии традиционно включает в себя три основные области политики:

- 1) пенсионную систему;
- 2) участие на рынке труда;
- 3) обучение на протяжении всей жизни и непрерывную профессиональную подготовку.

На практике политика в области старения на рынке труда активно проводилась путем повышения установленного законом пенсионного возраста и противодействия возможностям досрочного выхода на пенсию. В то же время, гораздо меньше мер было предпринято для стимулирования процессов обучения (формального и неформального) и адаптации условий труда к потребностям пожилых работников. [4]

В обеспечении качества жизни, самостоятельной и здоровой жизни при Министерстве здравоохранения действуют программы, основной из которых является Национальный план профилактики, повторяющийся каждые пять лет. В нем рассматриваются приоритеты и мероприятия по профилактике и укреплению здоровья, разработка мер в области здорового образа жизни, первичной профилактики, раннего выявления и

диагностики заболеваний, самопомощи и интегрированного ведения пациентов с хроническими заболеваниями. Одной из целей является содействие активному и здоровому старению среди пожилых людей старше 65 лет для увеличения ожидаемой продолжительности здоровой жизни в соответствии с европейскими стратегическими целями. Неформальный уход — это вопрос, который постепенно вводится в рамки политики Италии с конкретными четкими положениями. В национальном законе определено, что к лицам, осуществляющим уход за членами семьи, относятся лица, помогающие и ухаживающие за партнером/супругом или близким членом семьи, который нуждается в длительном уходе (в случае полной инвалидности) и/или невозможности передвигаться самостоятельно. Основной целью была определена интеграция неформального ухода и ухода, предоставляемого частными работниками, с официальными службами здравоохранения и социального обеспечения [5].

Итальянская система здравоохранения обеспечивает всеобщий охват населения первичной медико-санитарной помощью (включая пожилых людей) благодаря своей обширной сети врачей общей практики. Доступ к услугам вторичной медицинской помощи (в основном оказываемым в больницах) предоставляется всем нуждающимся, включая лиц с низким социально-экономическим статусом, которые могут получать эту помощь бесплатно. Наблюдаются все более длинные списки ожидания, так что параллельный механизм оказания платных услуг вырос для удовлетворения потребностей населения, что делает его менее доступным для всех.

Государственные расходы на долгосрочный уход в Италии примерно на 20 % ниже, чем в среднем по Европе. Из этих расходов более половины (52 %) приходится на государственное пособие по уходу (денежный перевод в размере 500-800 евро в месяц людям, которые полностью зависят от других в повседневной жизни), которое выплачивается примерно 12 % населения старше 65 лет. Однако большинство пожилых итальянцев, нуждающихся в долгосрочном уходе, по-прежнему полагаются преимущественно на семью как на основной источник регулярной помощи. Нанятые частными лицами помощники по дому и работники по уходу с проживанием также являются широко распространенным источником поддержки. Менее частой является помощь, оказываемая государственными службами здравоохранения, а также помощь, поступающая от некоммерческих добровольных организаций [4].

В развитых странах с высоким уровнем дохода реализация мер в области старения населения и активного долголетия оказывает положительное влияние на здоровье, социальную активность и качество жизни пожилых людей. Пропаганда здорового образа жизни и физической активности, обеспечение доступа к медицинским услугам и долгосрочному уходу

и качество продуктов питания способствовали улучшению общего состояния здоровья пожилых людей, что, в свою очередь, приводит к увеличению продолжительности жизни, сохранению самостоятельности и более высокому качеству жизни в последующие годы. Помимо этого, концепция обучения на протяжении всей жизни — важный инструмент для реализации политики активного долголетия. В Италии был реализован национальный план действий по инновациям в образовании взрослых с рабочей группой, которая продвигает и координирует деятельность провинциальных центров образования взрослых и других образовательных программ [5].

Библиографические ссылки

1. World Population Prospects – Population Division – United Nations [Electronic resource]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (date of access: 06.12.2023).
2. Healthy life expectancy (HALE) at birth (years) [Electronic resource]. URL: <https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/gho-ghe-hale-healthy-life-expectancy-at-birth> (date of access: 06.12.2023).
3. Dipartimento per le politiche della famiglia Presidenza del Consiglio dei ministri [Electronic resource]. URL: <https://famiglia.governo.it/> (date of access: 06.12.2023).
4. *Sochi M., Principi A., Laura G.* Ageing policies – access to services in different Member States. Country study on Italy (Annex IV), Publication for the committee on Employment and Social Affairs, Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies, European Parliament, Luxembourg.
5. Active Ageing in Italy: A Systematic Review of National and Regional Policies [Electronic resource]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8744907/> (date of access: 12.05.2023).

УДК 314.74+325.14+327

**ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ
ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ ЕВРОСОЮЗА ПОСЛЕ
МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА 2022 г.**

Д. А. Кунгурцев

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
наб. реки Мойки, 48, 191186, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
mail@herzen.spb.ru*

Данная статья представляет собой сравнительный анализ региональной миграционной политики в странах Европейского союза в период миграционного кризиса 2022 г. В статье исследуются причины кризиса, проводится анализ количественных показателей, определяющих кризисные факторы и последствия на территории Европы. Кроме того, выявляются основные проблемы, связанные с различием интеграции украинских беженцев и беженцев из стран Африки и Азии. На данной базе автор представляет обзор основных мер по урегулированию кризиса, принятых правительствами большинства стран-членов ЕС, включая изменения в законодательстве, интеграционные программы и реформы системы приема беженцев. Оценивается эффективность общеевропейских практических мер.

Ключевые слова: миграционный кризис; Европейский союз; региональная миграционная политика; иммиграция; статус беженца; интеграция.

**PECULIARITIES OF REGIONAL MIGRATION POLICY IN THE
EUROPEAN UNION COUNTRIES AFTER
THE MIGRATION CRISIS IN 2022**

D. A. Kungurtsev

*Russian state pedagogical university of A. I. Herzen, emb. of the Moika River, 48, 191186,
St. Petersburg, Russian Federation, mail@herzen.spb.ru*

This article is a comparative analysis of regional migration policies in the European Union countries during the migration crisis of 2022. The article explores the causes of this crisis, analyzes its quantitative indicators, determining crisis factors and consequences on the territory of Europe. In addition, the article identifies the main problems related to the difference in integration of Ukrainian refugees and refugees from African and Asian countries. On this basis, the author provides an overview of the main crisis management measures taken by the governments of most EU member states, including legislative changes, integration programs and reforms of the refugee reception system. The effectiveness of pan-European practices is assessed and their migration management policies are compared.

Keywords: migration crisis; European Union; regional migration policy; immigration; refugee status; integration.

Миграционный кризис 2022 г. стал одним из наиболее серьезных вызовов для Европейского союза и самым масштабным после кризиса 2015 г. Тысячи мигрантов и беженцев искали убежище в Европе, надеясь на лучшие экономические возможности и безопасность, а миграционная волна потребовала срочных мер и реакции со стороны государств-членов Евросоюза и международного сообщества.

Одной из отличительных черт данного миграционного кризиса является слияние нескольких миграционных потоков в один: сохраняющийся поток беженцев из стран Центральной Азии, Северной Африки и Ближнего Востока, так же колоссальный поток из Украины, вызванный началом проведения специальной военной операции Россией на территории Украины.

Однако, несмотря на большое количество украинских беженцев, они в большинстве случаев не учитывались в данных о лицах, ищущих убежища в Европе, поскольку Совет Европейского союза на заседании в Брюсселе 4 марта 2022 г. проголосовал за применение «Директивы о временной защите» для украинских беженцев. Данная Директива была принята в 2001 г. в рамках миграционного кризиса, связанного с войнами в Югославии, но ни разу не применялась до этого момента. Она подразумевает предоставление особого правового статуса беженцев из стран, не входящих в ЕС, и применяется во избежание перегрузки системы предоставления убежища. Так, всем украинским гражданам предоставлялся статус беженца сразу же после въезда на территорию страны-члена ЕС, из-за чего отпадала необходимость подачи заявления о предоставлении убежища [1].

Вооруженные конфликты времен «Арабской весны» в Северной Африке и на Ближнем Востоке не спешили угасать: продолжались гражданские войны в Сирии, Ливии. Также в 2021 г. к власти в Афганистане пришел «Талибан». Поэтому статистически в 2022 г. сохранялись тенденции кризиса 2015 г. — большинство зарегистрированных просителей убежища по данным Евростата оставалось, по сути, прежним [2]. Выявлены высокие доли беженцев из таких стран как Сирия (14 %) и Афганистан (13 %), а также Турция (6 %), что связано с ухудшением политической и экономической ситуации в стране: ростом инфляции, нищеты и ограничением свободы слова на фоне начала президентской гонки (рис. 1).

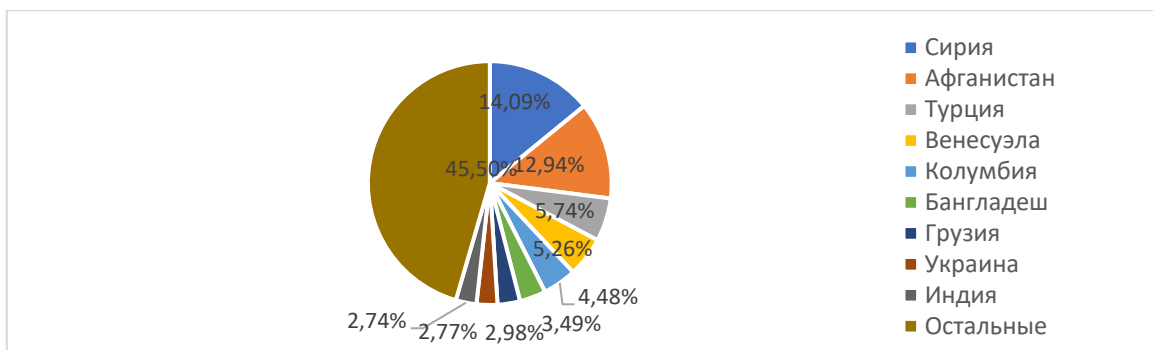

Рис. 1. Доля беженцев в 2022 г. в ЕС. Всего 965 665 чел.

Де-факто, количество беженцев в 2022 г. исчисляется миллионами (около 6 млн.), большинство составляют украинцы. Однако, их число может различаться в разных источниках, так, официальные данные разнятся с фактическим положением дел. Это связано с действием уже упомянутой «Директивы о временной защите». Так, по данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев на 6 декабря 2022 г. в ЕС въехало почти 4,5 млн. украинцев [3]. Из них более 1,5 млн. приняла Польша, так же большое количество беженцев приняла Германия (более 1 млн.). Выделилась и Чехия, приняв 468 тыс. человек (рис. 2).

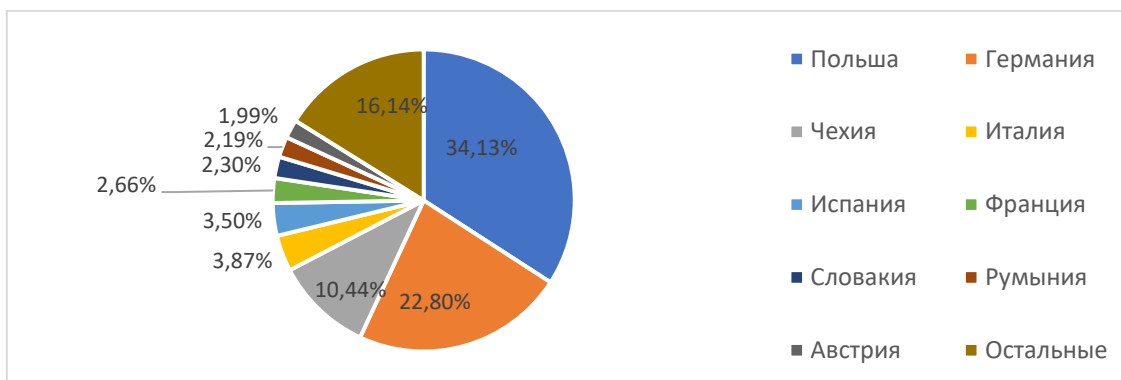

Рис. 2. Доля украинских беженцев в 2022 г. по странам ЕС. Всего 4 481 563 чел.

Представленные данные подтверждают тот факт, что организация приема украинских беженцев в сравнении с механизмом приема беженцев из других стран оказалась намного качественнее в условиях разницы численности мигрантов.

Стоит также отметить, что особенностью данного миграционного кризиса стало и то, что в отличие от предыдущих миграционных волн, большинством из числа беженцев в ЕС являлись женщины и дети [2]. Так, в половозрастной структуре преобладают дети (0-14) обоих полов, а также женщины (от 0-14 до 35-64), что связано с ограничением на выезд из

Украины лиц мужского пола призывного возраста от 18 до 60 лет в связи с всеобщей мобилизацией (рис. 3).

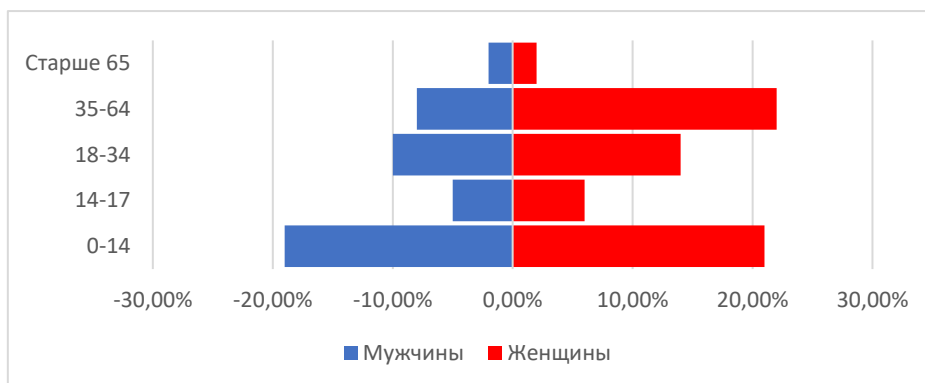

Рис. 3. Половозрастная пирамида беженцев в ЕС, 2022 г.

Данные показатели стали в целом благоприятны для Европы, поскольку украинцы, а особенно женщины и дети, оказались намного более интегрируемые, чем мигранты из стран Африки и Азии, так как жизненные ценности и традиции украинцев намного ближе общеевропейским. По этой же причине большую часть украинских беженцев приняли страны Восточной Европы (Польша, Чехия), занимающие протекционистскую роль в миграционной политике и ранее уклонявшиеся от приема беженцев, за что на первом же саммите стран-членов ЕС, посвященном Украине, президент Франции Э. Макрон осудил правительства этих стран за проявление «меньшей солидарности» в 2015 г., а также за дискриминацию мигрантов из одних регионов и приветствование беженцев из других [2].

Однако, в целом по ЕС количество беженцев из стран Африки и Азии продолжало расти с 2015 г., росла т. н. «критическая масса мигрантов». Об этом говорят данные Total Fertility Rate: средний уровень фертильности мусульман в Европе равняется 2,3 ребенка на женщину, в то время как уровень фертильности немусульман равняется 1,5 ребенка на женщину, что говорит о сохранении роста иммигрантского населения из стран Азии и Африки в Европе [6].

Также показательным является тот факт, что мигранты, исповедующие ислам, сохраняют характерные для них ценности и традиции не только в 1-м и 2-м поколениях, но и в 3-м, поскольку для них религия имеет большое значение в определении собственной идентичности. А так как большинство стран ЕС в плане миграционной политики отдавали предпочтение мультикультурализму, дети беженцев «усвоили» черты нетолерантного отношения как к представителям других религий, так и к либеральным ценностям западного мира в рамках учения «дар-аль-ислам». Дети мигрантов 2015 г. и новоприбывшие не желали учить язык и

работать, предпочитая жить на пособия, компактно расселяясь в городах и регионах. Так, бюджеты муниципалитетов и магистратов, на которые во многих странах ЕС возлагаются основные расходы на содержание мигрантов, слабо пополнялись налоговыми отчислениями из-за низкоквалифицированного иммигрантского населения, из-за чего они были вынуждены сокращать расходы на социальное обеспечение, что приводило к оттоку коренного населения и геттоизации определенных районов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Соответственно одна из главных проблем прошедшего кризиса в ЕС в целом оказалась по-прежнему нерешенной и прогрессирующей.

Можно сделать выводы. Во-первых, организация приема украинских беженцев оказалась осуществлена странами ЕС качественнее, чем прием сирийских беженцев в 2015 г., что произошло благодаря своевременной подготовке и либерализации легальных способов получения убежища для беженцев из страны со смежной культурой. Так, главными реципиентами беженцев в 2022 г. оказались страны Восточной Европы, находящиеся в непосредственной близости или граничащие с Украиной.

Во-вторых, проблема «Механизма солидарности» и равномерного распределения беженцев осталась нерешенной. Решив перехитрить Брюссель с политикой квотирования, Польша, Чехия и Словакия, приняв огромное число «удобных» украинских беженцев и задействовав максимальные силы своей инфраструктуры, стали сами требовать распределения беженцев и масштабного финансирования от европейских фондов. Из-за чего в ЕС прошла новая волна недовольства и роста евроскептицизма, нанеся урон как самому союзу, так и Шенгенской зоне.

В-третьих, сохранилась проблема интеграции беженцев-мусульман в европейское общество. Так, отказ многих стран Европы в 2015 г. от ассимиляции и сохранение политики мультикультурализма привели к накоплению «критической массы» мигрантов, и, как следствие, к росту самосегрегации беженцев, геттоизации городов, преступности и ксенофобии.

Библиографические ссылки

1. *Потемкина О. Ю.* Украинские беженцы в Евросоюзе: новый миграционный кризис? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2. С. 7-15.
2. Asylum applicants by type, citizenship, age and sex. EUROSTAT. (https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/migr_asyappctza/default/table?lang=en)
3. Refugees fleeing Ukraine (since 24 February 2022). (<https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine>)
4. *Арбатова Н. К.* Миграционная угроза безопасности ЕС: предрассудки и реальность // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 2. сс. 61-70.

5. *Гаджимурадова Г. И.* Миграционная политика стран Северной Европы в отношении иммигрантов из мусульманских стран (на примере Швеции и Финляндии) // *Исламоведение*. 2019. № 2. С. 5-21.

6. *Ведерников М. В.* Опыт Чехии по преодолению миграционного кризиса 2022 г. // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2022. № 6. С. 32-41.

7. . *Шумилов М. М., Шмидт О. И.* Миграционный кризис как нарастающая угроза европейской безопасности (2015–2023) // *Управленческое консультирование*. 2023. № 8. С. 9-3.

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ**

**Д. М. Медведникова^{1),2)}, Д. Ю. Землянский^{1),2)}, О. Е. Прусихин^{1),2)},
Л. В. Калиновский¹⁾, А. М. Абдуллаев³⁾, В. А. Чуженькова¹⁾**

¹⁾Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт прикладных экономических исследований, Центр пространственного анализа и региональной диагностики, пр. Вернадского, 84 к3, 119571, г. Москва, Российская Федерация, zemlyanskiy-dy@ranepa.ru, medvednikova-dm@ranepa.ru, chuzhenkova-va@ranepa.ru, prusikhin-oe@ranepa.ru, kalinovskiy-lv@ranepa.ru

²⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России, Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Российская Федерация, geozema@mail.ru, darina.medvednikova@yandex.ru, olegprus2000@mail.ru

³⁾Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет городского и регионального развития, ул. Мясницкая, 13 с4, 101000, г. Москва, Российская Федерация, aabdullaev@hse.ru

Проведена оценка воздействия Индивидуальных программ развития (ИПР) на социально-экономическую ситуацию в 10 регионах, где они реализуются, а также исследованы проблемы, сопряженные с их реализацией. Исследование проводилось с опорой как на статистические данные и сведения нормативно-правовых актов, так и на данные полевых исследований в ключевых регионах (экспертные интервью). Установлено, что статистически измеримые эффекты реализации программ невелики, однако отмечается важность косвенных эффектов реализации ИПР в смежных сферах. Кроме того, подчеркивается среднесрочный характер проявления эффектов от реализации программ.

Ключевые слова: региональное развитие; индивидуальные программы; социально-экономическое развитие; меры поддержки территорий; слаборазвитые регионы; регионы России; субъекты Российской Федерации.

INDIVIDUAL PROGRAMS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION AND IMPACT ASSESSMENT

**D. Yu. Zemlyanskiy^{1),2)}, D. M. Medvednikova^{1),2)}, O. E. Prusikhin^{1),2)},
L. V. Kalinovskiy¹⁾, A.M. Abdullaev³⁾, V. A. Chuzhenkova¹⁾**

¹⁾*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Applied Economic Research, Centre of Spatial Analysis and Regional Diagnostics, Vernadskogo Av., 84k3, 119571, Moscow, Russian Federation, zemlyanskiy-dy@ranepa.ru, medvednikova-dm@ranepa.ru, chuzhenkova-va@ranepa.ru, prusikhin-oe@ranepa.ru, kalinovskiy-lv@ranepa.ru* ²⁾*Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of Economic and Social Geography of Russia, Leninskie Gory, 1, 119991, Moscow, Russian Federation, geozema@mail.ru, darina.medvednikova@yandex.ru, olegprus2000@mail.ru* ³⁾*HSE University, Faculty of Urban and Regional Development, Myasnitskaya St., 13c4, 101000, Moscow, Russian Federation, aabdullaev@hse.ru*

An assessment of the impact of Individual Development Programs (IPR) on the socio-economic situation in 10 regions, where they are implemented, was carried out, as well as the problems associated with their implementation were investigated. The study was based on both statistical data and information from regulatory legal acts, as well as field research data, gathered in two key regions (expert interviews). It has been established that the statistically measurable effects of the implementation of programs are small, however, the importance of indirect effects of the implementation of IPR in related areas is noted. In addition, the medium-term nature of the effects of the implementation of programs is emphasized.

Keywords: regional development; individual programs; socio-economic development; measures to support territories; underdeveloped region; regions of Russia; subjects of the Russian Federation.

В 2020 г. утверждены распоряжения Правительства Российской Федерации об индивидуальных программах социально-экономического развития (ИПР) 10 регионов России с низким уровнем социально-экономического развития (рисунок). Эти программы направлены на развитие транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры, создание территорий с преференциальными режимами, финансирование разработки проектно-сметной документации, снятие институциональных ограничений и рассчитаны на срок 2020-2024 гг.

К настоящему моменту в России внедрено множество мер региональной политики (федеральные целевые программы, институты развития макрорегионов, многочисленные территории льготных режимов для инвесторов и др.). Большинство из них были широко проанализированы в работах исследователей [1, 2, 3, 4]. Также в научной литературе был подробно рассмотрен и зарубежный опыт поддержки отстающих

территорий [5, 6]. В то же время ИПР, как новый инструмент, еще не был подробно изучен. Краткий обзор этого инструмента пока представлен лишь в одной публикации тувинских исследователей [7].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью проведения оценки хода реализации Индивидуальных программ и их влияния на динамику и уровень социально-экономического развития субъектов Российской Федерации в связи с планами федеральных властей по продлению данных программ на следующий пятилетний период. Такая оценка может позволить подготовить предложения по дальнейшему использованию подобного механизма в рамках федеральной политики по развитию территорий. Целью исследования стало проведение оценки влияния индивидуальных программ на социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации с низким уровнем социально-экономического развития и выявление проблем и ограничений процесса реализации программ, которые препятствуют успешному их исполнению.

Субъекты Российской Федерации, для которых разработаны ИПР

Методология исследования основана на научных разработках в сфере риск-ориентированного подхода, а также на зарубежной методике оценки эффективности инструментов посредством измерения «эффектов дополненности» [8]. Реализация поставленных задач осуществлялась с применением социологических методов: экспертных интервью с ответственными исполнителями программ 3 регионов (Алтайского края, Республик Алтай и Марий Эл), а также проведения круглых столов с федеральными

и региональными органами исполнительной власти и контрольно-счетными органами регионов. Камеральный анализ данных проводился с использованием методов статистического анализа, количественного и качественного сравнительного анализа, методов оценки социально-экономических эффектов и прогнозирования, методов составления инфографики. Для оценки эффективности действия индивидуальных программ был использован дисперсионный анализ (ANOVA).

В ходе исследования удалось выявить ряд особенностей разработки и последующей реализации индивидуальных программ.

1. Процедура отбора регионов для разработки ИПР была недостаточно формализована и непрозрачна, что по итогу привело к спорным результатам отбора.

2. Установочные рамки разработки Индивидуальных программ не были утверждены заранее и неоднократно изменялись, что сделало процесс формирования ИПР изменчивым и непоследовательным.

3. Порядок финансирования ИПР из федерального бюджета существенно различается между регионами, что ставит их в неравные условия, обеспечивая одним регионам бóльшую гибкость при реализации Индивидуальных программ, чем другим.

4. Закрепление за регионами с ИПР кураторов-федеральных органов власти и различающегося набора главных распорядителей бюджетных средств чрезмерно усложняет систему управления реализацией программ и приводит к значительному росту затрат времени РОИВ на процедуры администрирования.

5. ИПР часто корректируются, что затрудняет оценку последствий их реализации, но позволяет поддерживать актуальность.

6. Для индивидуальных программ развития регионов характерна высокая доля нефинансовых мероприятий (в отдельных регионах до 87 %), не предусматривающих выделения бюджетных средств. Их реализация не всегда дает значимый результат, однако позволяет запускать более крупные проекты.

7. ИПР слабо увязаны с иными мерами поддержки регионального развития. В целом индивидуальные программы заняли место дополнительного инструмента, позволяющего финансировать проекты, не подходящие под условия иных программ поддержки.

Установлено, что регионы с ИПР в 2018–2022 гг. развивались быстрее, но по близкой к среднероссийской траектории. Их рост ускорился в 2022 г., однако в основном за счет меньшей включенности в глобальную экономику и, соответственно, меньшей подверженности внешним шокам. При этом влияние программ на рынок труда незначительно: результаты дисперсионного анализа показывают, что в регионах с ИПР не произошло

серьезного снижения уровней безработицы и бедности, по сравнению с другими регионами. Более того, реализация даже самых крупных по объему финансирования мероприятий ИПР, реализованных с превышением исходных целевых показателей, не меняет траекторию развития, а только замедляет спад занятости. Не отмечается серьезного воздействия и на инвестиционную активность, хотя оно оказывается выше, чем влияние на рынок труда. В то же время, ответственные за реализацию ИПР на местах отмечают высокую значимость программ для решения локальных специфических проблем регионов, а также важную роль косвенных эффектов от реализации мероприятий программ. В ходе интервью также неоднократно отмечался средне- и долгосрочный характер воздействия значительного числа мероприятий, что может объяснять отсутствие фиксируемого статистически влияния в настоящий момент.

Ответственными исполнителями также отмечается, что в большинстве регионов реализация программ позволила внедрить и реализовать специфические для регионов механизмы и меры, дополняющие действующие федеральные механизмы поддержки.

Поскольку эффект от отдельных мероприятий программ будет заметен только в среднесрочной перспективе, представляется рациональным провести повторную более широкую оценку результатов индивидуальных программ спустя несколько лет после окончания их реализации в 2024 г.

Библиографические ссылки

1. Кузнецова О. В. Современный этап региональной политики в России в контексте зарубежного опыта // Вопросы географии. 2016. №. 141. С. 134-150.
2. Кузнецова О. В. География особых экономических зон и их аналогов в России // Региональные исследования. 2020. №. 4. С. 19-31.
3. Бухвальд Е. М., Валентик О. Н. Территории опережающего развития: падение или иллюзия? // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. №. 2. С. 72-84.
4. Симачев Ю. В., Кузык М. Г., Иванов Д. С. Российские финансовые институты развития: верной дорогой? // Вопросы экономики. 2012. №. 7. С. 4-29.
5. Казакова С. М., Климанов В. В. Зарубежный опыт применения дифференцированного подхода в регулировании регионального развития // Региональная экономика. Юг России. 2018. №. 4. С. 55-68.
6. Becker S. O., Egger P. H., Von Ehrlich M. Effects of EU regional policy: 1989–2013 // Regional Science and Urban Economics. 2018. №. 69. P. 143-152.
7. Монгуш С. П., Кылыдай А. Ч. Индивидуальные программы социально-экономического развития проблемных регионов Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, №. 3. С. 45-72.
8. Симачев Ю. В., Кузык М. Г., Зудин Н. Н. Результаты налоговой и финансовой поддержки российских компаний: проверка на дополнительность // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. Т. 2, №. 34. С. 59-93.

УДК 910.1 + 314.04

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ В ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

Г. Н. Нюсупова, Г. Б. Айдарханова, Р. Ж. Келинбаева, Л. Б. Кенеспаева, Г. Б. Аубакирова

*Казахский национальный университет им. аль-Фараби, пр. аль-Фараби, 71,
050040, г. Алматы, Казахстан, gulnaran@mail.ru*

В статье рассматриваются основные тенденции демографических процессов населения Западно-Казахстанской области за последние 30 лет в разрезе районов. Проанализированы изменения показателей естественного и миграционного прироста населения 12 районов и г. Уральска за 1991–2022 гг. Определены региональные особенности «демографического поведения» населения области.

Ключевые слова: воспроизводство населения; естественный прирост; миграция; Западно-Казахстанская область; районы.

**REGIONAL FEATURES OF DEMOGRAPHIC PROCESSES
IN THE WEST KAZAKHSTAN REGION OF
THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

**G. N. Nyussupova, G. B. Aidarkhanova, R. Zh. Kelinbayeva,
L. B. Kenespayeva, G. B. Aubakirova**

*Al-Farabi Kazakh National University, al-Farabi Ave., 71, 050040,
Almaty, Kazakhstan, gulnaran@mail.ru*

The article examines the main trends in demographic processes of the population of the West Kazakhstan region over the past 30 years by districts. Changes in indicators of natural and migration growth of the population of 12 districts and Uralsk city for 1991–2022 were analyzed. Regional features of the “demographic behavior” of the region’s population are determined.

Keywords: population reproduction; natural growth; migration; West-Kazakhstan region; districts.

Введение. Многообразие территорий Республики Казахстан объективно обуславливает заметную пространственную дифференциацию как природно-экологических, так и социально-демографических, экономических процессов и явлений. Недостаточная изученность пространственных особенностей демографических процессов снижает эффективность проведения национальной региональной политики, главной задачей которой

является обеспечение целостности и устойчивого развития республики. Для действенного решения данных проблем необходимо проводить всесторонние исследования, направленные на обеспечение органов государственной власти своевременной аналитической информацией на всех территориальных уровнях. В данной статье проанализирована пространственная дифференциация демографического развития Западно-Казахстанской области на районном уровне, поскольку регион является приграничным регионом республики и за годы независимости демографический портрет населения региона кардинально изменился: от состояния близкого к депопуляции до восстановления всех основных демографических характеристик.

Изучение социально-демографических процессов началось в XIX в. благодаря работам европейских демографов. Л. Эйлер применил математический аппарат к анализу динамики массовых процессов: рождаемости, смертности, воспроизводства населения. До него этот математический аппарат использовали только для описания неживой природы. Этот прием Л. Эйлера позволил перейти от описания существующих демографических явлений, к их прогнозированию. Демографы перешли от описания существующих явлений к их прогнозу и моделированию. Демография стала наукой об управлении обществом.

Демографическому развитию Казахстана посвящены монографии Асылбекова М. Х. и Козиной В. В. [1]. Написанные авторами на основе материалов Всесоюзных переписей населения 1979, 1989 гг. и основных итогов переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан, освещают демографическое развитие республики в разрезе областей. Вопросы миграции населения и ее влияния на процессы воспроизводства, проблемы формирования национальной демографической политики, а также аспекты прогнозирования демографического развития Казахстана нашли отражение в трудах М. Б. Татимова [2]. Конец 90-х гг. ознаменовался появлением региональных исследований социально-демографических процессов. К ним относят монографии М. Н. Сдыкова «История населения Западного Казахстана» и «Население Западного Казахстана (1897-1989 гг.)» [3].

Анализ демографических процессов в районах Западно-Казахстанской области. Численность населения Западно-Казахстанской области на 1 января 2024 г. составила 693,2 тыс. человек, в том числе городского 391,8 тыс. человек (56,5 %), сельского — 301,5 тыс. человек (43,5 %). За период 1991-1999 гг. наблюдается уменьшение численности населения Западно-Казахстанской области на 41,9 тыс. человек с 651,1 тыс. человек в 1991 до 609,2 тыс. человек в 1999 г. результате большого оттока населения за пределы области. Начиная с 1999 г. наблюдается увеличение численности населения на 78,9 тыс. человек на 2023 г. Прирост численности

населения за 1999-2022 гг. наблюдаются в только Борлинском (+9,1 тыс. человек), Байтерекском (+3,9 тыс. человек) районах и г. Уральск (+133,6 тыс. человек). Наиболее низкие (отрицательные) показатели в Сырымской (-13,1 тыс. человек), Акжайыкской (-12,9 тыс. человек), Казталовском (-11,2 тыс. человек) районах [4].

Изменения численности населения области за исследуемый период характеризуют показатели общего прироста населения, который составляют естественный и механический прирост (таблица).

Показатели общего прироста населения Западно-Казахстанской области за 1991-2022 гг., тыс. человек

Районы	Естественный прирост		Механический прирост		Прирост/убыль	
	1991-1999 гг.	1999-2022 гг.	1991-1999 гг.	1999-2022 гг.	1991-1999 гг.	1999-2022 гг.
Западно-Казахстанская область	41,2	78,7	-50,2	-48,0	-9,0	30,7
Акжаик	6,8	7,3	-7,1	-14,6	-0,3	-7,3
Бокей орда	2,6	2,8	-1,8	-6,2	0,8	-3,4
Борли	3,1	7,6	6,0	-1,7	9,0	5,9
Жанакала	3,8	5,1	-2,1	-4,4	1,7	0,7
Жанибек	2,1	2,6	-3,1	-5,4	-1,0	-2,8
Байтерек	1,0	1,5	-7,5	-0,8	-6,5	0,7
Казталов	5,6	6,9	-4,6	-15,4	1,0	-8,5
Каратобе	3,3	3,4	-3,2	-8,1	0,02	-4,7
Сырым	3,9	4,0	-6,1	-14,8	-2,2	-10,8
Таскала	1,4	1,6	-2,0	-5,0	-0,6	-3,4
Теректи	3,2	4,1	-5,8	-10,9	-2,6	-6,8
Чингирлау	2,4	1,5	-4,6	-7,8	-2,2	-6,3
г.Уральск	2,0	30,4	-8,3	47,2	-6,4	77,6

Как видно из таблицы, демографическая ситуация в 1991-2022 гг. в районах области была различной. В целом по области и в большей части районов в 1991-1999 гг. отмечалась «миграционная напряженность», то есть миграционный отток перекрыл естественный прирост и население сокращалось. Причем сокращение населения в районе Байтерек было максимальным в связи с тем, что здесь, как и в г. Уральске, отмечались самые низкие показатели естественного прироста и высокие показатели отрицательного сальдо миграции.

На увеличение количества жителей Бурлинского района повлияла миграция, а в Бокейординском, Жангалинском, Казталовском и Каратюбинском — естественный прирост.

В начале XXI в. а рост экономики области способствовал улучшению демографических показателей. Демографическая ситуация в 1999-2022 гг. в области стала иной. Почти во всех районах увеличились показатели естественного прироста, а в г. Уральске выросли более чем в 15 раз. Сальдо миграции, кроме района Байтерек и областного центра, было отрицательным. Для большинства районов области была характерна «миграционная напряженность», в то время как население г. Уральска за счет внутриобластной миграции, увеличилось на 77,6 тыс. человек.

В 2009 г. в результате государственных мер, направленных на улучшение демографической ситуации, наблюдался рост показателей естественного движения населения области. Показатель естественного прироста в 2009 г. в области составил 9,25 ‰. Особо стоит отметить г. Уральск, где показатель естественного прироста в 2009 г. увеличился по сравнению с 1999 г. на 14,26 ‰ или в 4 раза. Максимальный показатель естественного прироста в 2009 г. отмечен в Жангалинском районе, а минимальный показатель в Байтерекском районе.

В 2022 г. естественный прирост населения в области составил 10,22 ‰. Самые высокие и низкие показатели естественного прироста населения в 2022 г. наблюдались в Бурлинском (7,15 ‰) и Байтерекском (5,21 ‰) районах, соответственно.

В результате миграции сельского населения в городскую местность в поисках благоприятных условий жизни, показатель естественного прироста населения в Уральске изменился, в 2022 г. достиг 14,2 ‰ и превысил средний показатель по области. Чингирлауский, Байтерекский и Теректинский районы, как и в прошлые годы, имели самые низкие показатели.

Анализ миграции населения за период 1999-2022 гг. показал, что в 2022 г. по сравнению с 1999 г. число прибывших в Западно-Казахстанскую область увеличилось на 14,6 тыс. человек и составило 21,5 тыс. человек. Основной миграционный обмен области приходился на межрегиональную миграцию. В 2022 г. наиболее высокий показатель прибывших был в г. Уральске (12 143 человек). За 2022 г. в Бокейординском (326 человек), Чингирлауском (415 человек) районах число прибывших наиболее низкое по сравнению с другими районами [5].

После распада СССР многие представители славянских национальностей уехали из Западно-Казахстанской области на историческую родину. И с 1993 г. в области было отрицательное сальдо внешней миграции. И только с 2002 г. в Западно-Казахстанской области наблюдается положительное сальдо миграции (420 человек) до 2010 г. (599 человек), в 2022 г. оно было отрицательным и составило -393 человек. В 2022 г. отрицательное сальдо миграции наблюдалось почти во всех районах области.

Таким образом, для области характерны региональные различия в демографических показателях. Анализ демографических показателей показал резкое снижение естественного прироста в конце XX в., вызванное демографическим фактором «второе эхо войны» и негативными тенденциями в экономике области. В числе причин обычно называют падение жизненного уровня населения, социальную и политическую нестабильность. Изменились показатели естественного прироста в период между первой и второй национальными переписями населения. Если с 2000-х гг. наблюдалось увеличение естественного прироста населения в целом по области, то с 2015 г. отмечается тенденция постепенного снижения показателя. Высокие и низкие показатели сохранили те же районы (Жангалинский — 15,81 ‰ и Байтерекский — 5,21 ‰, соответственно). «Демографическое поведение» населения области в основном относится к современному типу воспроизводства, который характеризуется преобладанием малодетных семей, старением населения. Такой тип воспроизводства сформировался в течение длительного периода. Современный тип воспроизводства населения быстрее распространяется в городах и сравнительно медленно в сельской местности. Сельские жители более привержены традициям и ценностям, которых придерживались предыдущие поколения. Но стоит учитывать, что наблюдается тенденция увеличения притока сельского населения в городскую местность, что может сказаться на росте рождаемости в городах. Заметное воздействие на рождаемость оказывает также национальный состав населения. Казахи, в большей степени, чем русские сохранили традиции многодетности и там, где доля их населения выше, выше и показатели рождаемости.

Исследование выполнено в рамках проекта Комитета Науки Республики Казахстан.

Библиографические ссылки

1. *Асылбеков М. Х., Козина В. В.* Демографические процессы современного Казахстана. Алматы: Атамура, 1995. 128 с.
2. *Татимов М. Б.* Демография и суверенитет. Алматы: Жеты Жаргы, 1999.
3. *Сдыков М. Н.* История населения Западного Казахстана. Алматы, 2005. 404 с.
4. *Сдыков М. Н.* Население Западного Казахстана: история формирования и развития (1897-1989 гг.). Алматы, 1995. 220 с.
5. Западно - Казахстанская область за годы независимости. Юбилейное издание. Уральск, 2006. 72 с.
6. Сайт Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/>

УДК 911.3:32

ПОТЕНЦИАЛ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ⁹

И. Ю. Окунев

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России, пр. Вернадского, 76, 119454, г. Москва, Россия, iokunev@mgimo.ru*

Электоральная география — это наука о пространственном измерении избирательного процесса. Базовая гипотеза электоральной географии состоит в том, что структура пространства оказывает самостоятельное (отдельное от других факторов) влияние на избирательный процесс и результаты голосования.

Ключевые слова: политическая география; электоральная география; пространственный анализ; пространственная статистика; пространственная эконометрика.

POTENTIAL FOR APPLICATION OF SPATIAL STATISTICAL ANALYSIS IN ELECTORAL GEOGRAPHY

I. Yu. Okunev

MGIMO University, Vernadsky Ave., 76, 119454, Moscow, Russia, iokunev@mgimo.ru

Electoral geography is the science of the spatial dimension of the electoral process. The basic hypothesis of electoral geography is that the structure of space has an independent (separate from other factors) influence on the electoral process and voting results.

Keywords: political geography; electoral geography; spatial analysis; spatial statistics; spatial econometrics.

Электоральная география стоит на стыке географических и социальных наук, а именно общественной (политической) географии, с одной стороны, и политологии, электоральной социологии и избирательного права — с другой. Иногда междисциплинарная область, связанная с изучением избирательных систем и процессов, называется псефологией, тогда электоральная география будет наукой, применяющей географические методы к объекту изучения псефологии. Так же как выборы являются центральной проблематикой политической науки, электоральную географию можно считать сердцевиной политической географии.

---

⁹ Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-327 от 22.04.2022г.).

Объектом исследования электоральной географии является избирательный процесс в политике — система взаимодействий избирателей и избираемых до, во время и после выборов в органы власти. Специальным предметом исследования электоральной географии является пространственное измерение избирательного процесса. Подобное пространственное измерение избирательного процесса изучается в одном из типов электорального пространства: 1) электоральном ландшафте — проекции физического (абсолютного) пространства, система координат которого соответствует поверхности Земли и измеряется в градусах и других физических единицах измерения (метры, футы и т. д.); 2) электоральном поле — проекции формального (относительного) пространства, являющегося математической абстракцией, система координат которого определяется структурой взаимодействий элементов в пространстве и их топологическими свойствами; 3) электоральном мировоззрении — проекции перцептивного (когнитивного) пространства, система координат которого определяется субъективным восприятием элементов в пространстве и отношений между ними. Электоральное мировоззрение является, таким образом, пространственно организованной системой образов, нарративов, дискурсов, восприятий, мифов, идентичностей и других субъективных точек зрения на электоральный процесс.

В современной электоральной географии можно выделить следующие ключевые направления и субдисциплины: 1) география голосований обобщает факторы и закономерности, лежащие в основе устойчивых территориальных различий в политической активности избирателей и распределении их голосов за партии и кандидатов по административно-территориальным единицам разного уровня, избирательным округам и участкам, а также географического фаворитизма и диспропорциональности избирательных систем, то есть предрасположенность электоральных процедур к территориальной дифференциации результатов выборов; 2) география представительства интересуется уровнем представленности территорий в исполнительных и законодательных органах власти различных уровней и негативным опытом плохого несправедливого распределения; 3) электоральная лимнология систематизирует влияние границ избирательных округов и участков на результаты выборов, в первую очередь анализирует негативный опыт изменения границ электорально-территориальных единиц в виде джерримендеринга и выявляет прозрачные и справедливые стратегии изменения таких границ; 4) география социальных размежеваний выявляет территориальное измерение идейно-политических расколов в обществе как фактора электорального поведения граждан; 5) электоральная география партий и партийных систем концентрируется на вопросах национализации и регионализации партий и партийных систем;

6) электоральная география политических кампаний изучает пространственные закономерности в проведении предвыборных кампаний; 7) пространственное моделирование голосования занимается математическим моделированием избирательного процесса в абстрактном пространстве; 8) электоральная география городов выясняет закономерности территориальных закономерностей избирательного процесса на городском и муниципальном уровнях; 9) международная электоральная география специализируется на географических закономерностях в голосовании стран в надгосударственных структурах (ООН, ВТО, МОТ, ЕС, Евровидении и пр.); 10) критическая электоральная география фокусируется на факторе идентичности в территориальной дифференциации электорального процесса у различных социальных групп в постпозитивистской парадигме (например, феминистическая электоральная география, эмоциональная электоральная география, расовая электоральная география и т. д.).

Несмотря на то, что электоральная география сегодня распадается на несколько независимых исследовательских направлений, узловой целью науки остается понимание факторов и закономерностей устойчивой электорально-географической неоднородности пространства. В этом фокусе можно выделить следующие основные этапы анализа электоральной дифференциации пространства: 1) оценка и нивелирование географического фаворитизма политической системы; 2) количественный и качественный анализ структуры партийной системы, числа и веса образующих ее сегментов; 3) оценка степени национализации/ регионализации партийной системы и склонности к территориальной дифференциации образующих ее партий; 4) выявление идеологической платформы сегментов партийной системы и сопряжение их с устойчивыми идейно-политическими расколами в обществе; 5) построение пространственной модели голосования, отражающей конфигурацию политических сил на идеологическом спектре и электоральном поле; 6) операционализация матрицы сравнения кандидатов и партий, основанной на устойчивых сегментах электорального поля (в случае межстранового или кросстемпорального исследования); 8) оценка общего уровня электорально-географической сегментации пространства и выявление устойчивых электорально-географических кластеров и аномальных территорий; 9) электорально-географическое районирование пространства за счет выделения в нем пространственных кластеров со схожим типом электорального поведения; 10) определение и верификация потенциальных факторов электорального поведения, выявление пространственной дифференциации уровня их валидности; 11) оценка эффектов электоральной географии и степени электорально-географической инженерии.

Как известно, избирательные предпочтения в ходе электорального процесса подвергаются ряду системных трансформаций, так что итоговый результат может сильно отличаться от изначального запроса. Таким образом, ключевой задачей электорального исследования является оценка степени деформации электорального запроса системой взаимосвязанных фильтров: 1) устойчивых идейно-политических размежеваний и опосредованной ими структуры партийной системы; 2) хода предвыборной кампании (в том числе скалярных эффектов электоральной географии); 3) эффекта соседства (т. е. векторного эффекта электоральной географии); 4) институционального фаворитизма избирательной системы (включая ее географический фаворитизм). Важной задачей электорально-географического анализа в таком разрезе выступает объяснение пространственного характера такой деформации электорального запроса.

В ходе исследований электоральная география опирается преимущественно на специальные географические методы: включенное наблюдение и интервьюирование в ходе полевых экспедиций, картографирование, районирование, моделирование и пространственный анализ.

Электорально-географическое картографирование — сопоставление результатов голосования с положением в пространстве различных объектов (населенных пунктов, пунктов размещения агитации, избирательных штабов, родных мест кандидатов и т. д.) и явлений (протестной активности, конфликтов и т. п.). Благодаря нанесению объектов исследования на карты появляется возможность представить расположение объектов относительно друг друга, далее происходит поиск ближайших объектов к заданному и анализ закономерностей такого взаимного расположения и, наконец, за счет наложения различных тематических слоев объектов и изменения масштаба карты можно получить новую информацию о закономерностях территориальных различий в электоральном поведении.

Электорально-географическое районирование — пространственная дифференциация территории по какому-либо признаку, явлению или условию (чаще всего по степени политической активности или уровню поддержки определенной партии или кандидата), степени его выраженности или сочетаемости с другими признаками. Получаемые части пространства (районы) или пространственно-временного континуума (хорионы) позволяют сделать выводы о структуре общества и электоральных процессах в нем.

Электорально-географическое моделирование — поиск пространственных связей, объясняющих свойства объектов и характер электоральных процессов. В ходе электорально-географического моделирования выявляются ключевые и второстепенные объекты анализируемого пространства, пространственные векторы зависимости и пространственные

барьеры, препятствующие зависимости, моделируются схемы взаимозависимости элементов и уровней пространственной организации.

Пространственный анализ в электоральной географии — оценка глобальной и локальной пространственной корреляции в электоральном поведении, замер уровня электорально-географической сегментации пространства, выявление устойчивых пространственно-континуальных статистических кластеров схожего электорального поведения и аномальных территорий, качественное и количественное определение пространственных факторов в распределении электоральных явлений.

Несмотря на то, что электоральная география в основном полагается на позитивистскую теоретико-методологическую парадигму и статистические методы обработки данных, в ее теории сегодня представлены и конструктивистские направления, расширяющие горизонт понимания электоральных процессов.

Библиографические ссылки

1. *Окунев И. Ю.* Основы пространственного анализа. М.: Аспект Пресс, 2020. 255 с.
2. *Окунев И. Ю.* Политическая география. М.: Аспект Пресс, 2019. 512 с.
3. *Окунев И. Ю.* Электоральная география. М.: Аспект Пресс, 2023. 312 с.
4. *Siegfried A.* Tableau politique de la France de l'ouest sous la 3e Republique. Paris: Armand Colin, 1913. 536 p.
5. *Taylor P. J., Johnston R. J.* Geography of Elections. London: Penguin Books, 1979. 528 p.

УДК 911.9:614.1

**МЕДИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК
ИНФОРМАЦИОННАЯ ОСНОВА ДЛЯ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ
И ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ)**

А. Р. Погорелов

*Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, ул. Радио, 7, 690041,
г. Владивосток, Россия, pogorelov_ar@mail.ru*

В обобщенном виде представлен научно-практический опыт медико-географических исследований, проводимых на примере регионов Дальнего Востока России. К настоящему времени медико-географические исследования проводятся по трем основным направлениям: комплексное; нозогеографическое и факториальное; картографическое. Полученная медико-географическая информация может быть использована в целях охраны здоровья и обеспечения качества жизни населения.

Ключевые слова: медицинская география; пространственный анализ; медико-географическое картографирование; здоровье населения; качество жизни; Дальний Восток России.

**MEDICAL-GEOGRAPHICAL RESEARCH AS AN INFORMATION
BASIS FOR HEALTH PROTECTION AND ENSURING THE
QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION (case OF REGIONS OF
THE RUSSIAN FAR EAST)**

A. R. Pogorelov

*Pacific Geographical Institute of the FEB RAS, Radio st., 7, 690041, Vladivostok, Russia,
pogorelov_ar@mail.ru*

The scientific and practical experience of medical and geographical research conducted using the example of regions of the Russian Far East is presented in a generalized form. To date, medical-geographical research has been carried out in three main areas: comprehensive; nosogeographical and factorial; cartographic. The obtained medical and geographical information can be used to protect the health and ensure the quality of life of the population.

Keywords: medical geography; spatial analysis; medical-geographical mapping; public health; quality of life; Russian Far East.

Одним из актуальных вызовов XXI в. во многих районах и странах мира остается недостаточный уровень желаемого общественного здоровья. Данная проблема значительно влияет на качество жизни населения и проявляется с разной степенью остроты не только между странами, но и

внутри них. Так на протяжении нескольких последних десятилетий для регионов Азиатской части России характерны низкие уровни и медленные темпы изменения общественного здоровья [1]. В частности, для Дальнего Востока России неоднократно отмечалась не только острота медико-демографических процессов [2, 3], но и наличие множества факторов риска и предпосылок, осложняющих улучшение ситуации [4, 5, 6]. Поэтому актуальным представляется использование методического и практического опыта, наряду с медицинской, и других наук. Комплекс медико-географических исследований позволяет не только использовать картографические методы для визуализации и представления в доступной форме пространственно-временной информации об отдельных блоках и в целом системе «окружающая среда — здоровье населения», а также анализировать ее и разрабатывать научно-информационные рекомендации.

За последние несколько лет на примере различных территорий Дальнего Востока России выполнен и реализуется ряд медико-географических исследований по трем основным содержательным направлениям, кратко охарактеризованным ниже.

Комплексные медико-географические оценки и исследования общественного здоровья. По данному направлению проводится комплексное медико-географическое изучение различных районов Дальнего Востока (Камчатка, Приморье и др.), ведется мониторинг общественного здоровья в разрезе субъектов Дальневосточного федерального округа. В последнее время значительное внимание уделяется приграничным регионам юга Дальнего Востока России, для которых общественное здоровье населения рассматривается неотъемлемой составляющей в достижении сопоставимого уровня и качества жизни населения, реализации национальной безопасности на Дальнем Востоке России [7].

Нозогеографические и факториальные медико-географические исследования. В рамках данного направления изучается распространение актуальных болезней и их потенциальные детерминанты, взаимосвязи с факторами внешней среды (основные модельные районы — Приморье, Приамурье, Камчатка, Якутия). Большое внимание уделяется широко распространенным в дальневосточных районах и обременяющим систему общественного здравоохранения болезням органов дыхания и системы кровообращения. Также исследуются иные классы и группы заболеваний с различной степенью детерминированности природно-экологическими и медико-социальными факторами. Традиционно продолжают работы по медико-географической оценке распространения природно-очаговых инфекций в приграничных и трансграничных районах юга Дальнего Востока России. В частности, на примере Приморского края проанализирована

нозогеографическая ситуация по ортохантавирусной инфекции и ее изменения за период накопленных наблюдений в XXI в.

Медико-географическое тематическое и атласное картографирование. Полученные результаты по данному направлению обсуждались ранее [7]. Необходимо отметить, что медико-географическое картографирование реализуется в двух вариантах: 1) как самостоятельных научно-практических (картографических) проектов; 2) в рамках решения вспомогательных методических задач при выполнении медико-географических и смежных исследований. Самостоятельные проекты предполагают реализацию геоинформационного мониторинга, создание целевых моделей или разработку атласных изданий.

Медико-географическая информация позволяет вырабатывать научно-практические рекомендации и может быть использована как целевая основа для решения задач по охране общественного здоровья, улучшению условий и качества жизни населения. Информационно-картографическая основа в виде медико-географических карт или геоинформационных продуктов — эффективный инструмент для принятия территориально-согласованных управленческих решений в сфере здравоохранения и санитарно-эпидемиологического благополучия населения, социально-демографической и экологической политики. Учитывая кризисные и депрессивные явления в состоянии здоровья, жизнедеятельности коренного населения Дальнего Востока России и отсутствие актуальных стратегий по решению накопленных проблем, начаты соответствующие работы на локальном уровне. Они включают сравнительную медико-географическую оценку районов проживания коренных малочисленных народов Севера на примере отдельных модельных территорий юга Дальнего Востока России. Ожидаемые результаты позволят подойти к разработке стратегического комплекса мер по улучшению качества жизни коренных малочисленных народов Севера в Приморском и Хабаровском краях.

Таким образом, научно-практический опыт медико-географических исследований на примере территорий Дальнего Востока России определяет необходимость его дальнейшего развития для фундаментального и многоаспектного изучения сложной системы «окружающая среда – здоровье населения». Полученные на основе современных методов и геоинформационных технологий результаты должны получать большее применение в обеспечении качества жизни, стабилизации и повышении уровней здоровья различных групп населения.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Оценка качества жизни коренных малочисленных народов юга Дальнего Востока России в современных социо-гео-экономических условиях: тенденции, факторы, пути решения для улучшения ситуации», проект № 24-27-00172.

Библиографические ссылки

1. *Shartova N., Tikunov V., Chereshnya O.* Health disparities in Russia at the regional and global scales // *International Journal for Equity in Health*. 2021. №20. Article number 163.
2. *Болотин Е. И., Лубова В. А.* Новые подходы к оценке комфортности территории российского Дальнего Востока для жизнедеятельности населения // *Экология человека*. 2014. № 1. С. 20-26.
3. *Киселев С. Н.* Медико-демографическая ситуация в Дальневосточном федеральном округе в начале XXI века // *Дальневосточный журнал инфекционной патологии*. 2009. №14. С. 113-118.
4. *Григорьева Е. А., Христофорова Н. К.* Биоклимат Дальнего Востока России и здоровье населения // *Экология человека*. 2019. № 5. С. 4-10.
5. *Погорелов А. Р.* Медико-географическая оценка распространенности болезней органов дыхания в северных и южных районах Дальнего Востока России (на примере Камчатского и Приморского краев) // *Здоровье населения и среда обитания - ЗНиСО*. 2023. № 4. С. 30-39.
6. *Суховеева А. Б.* Качество среды жизнедеятельности населения Дальневосточных регионов России: социально-экологический аспект // *Вестник Уральской медицинской академической науки*. 2019. Т. 16, № 2. С. 230-236.
7. *Baklanov P. Y., Romanov M. T., Moshkov A. V., Stepanko N. G., Lozovskaya S. A., Tkachenko G. G., Kornienko O. S., Churzina A. A., Pogorelov A. R.* On national security and the social - economic, ecological position in the Far Eastern region // *Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems*. 2018. Vol. 10. №2. Special Issue. P. 1187-1195.
8. *Погорелов А. Р.* Медико-географическое картографирование для целей охраны здоровья населения // *Молодежная наука Азиатско-Тихоокеанского региона: достижения и перспективы*. Владивосток: Медицина ДВ, 2023. С. 718-723.

УДК: 911.37

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАРКАСА УСТОЙЧИВОСТИ ГОРОДСКОГО РАССЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

Л. И. Попкова, А. А. Оломский

*Курский государственный университет, ул. Радищева, 33, 305000,
г. Курск, Россия, geopoli@mail.ru*

Исследована проблема оптимальности размещения городов на аграрных территориях. Выявлено разнообразие факторов, влияющих на устойчивость систем расселения, представленных городами разного генезиса. На основе корреляции статистических данных о динамике численности населения с наиболее значимыми факторами размещения городов, проанализирована каркасная модель, учитывающая приоритетные факторы расселения на разных этапах урбанизации.

Ключевые слова: городское расселение; устойчивость, опорный каркас, факторы размещения, урбанизация, моделирование.

MODELING THE SUSTAINABILITY FRAMEWORK OF URBAN SETTLEMENT IN THE CENTRAL CHERNOZEM REGION

L. I. Popkova, A. A. Olomsky

Kursk State University, st. Radishcheva, 33, 305000, Kursk, Russia, geopoli@mail.ru

The problem of optimal placement of cities in agricultural areas has been studied. A variety of factors influencing the sustainability of settlement systems represented by cities of different origins has been identified. Based on the correlation of statistical data on population dynamics with the most significant factors of urban location, a framework model is analyzed that takes into account the priority factors of settlement at different stages of urbanization.

Keywords: urban settlement; stability, supporting frame, placement factors, urbanization, modeling.

Исторически сложившийся рисунок опорного каркаса городского расселения Центрального Черноземья, представляющий собой сеть поселений с почти тысячелетней историей освоения и заселения, рассматривается как базис для оценки его устойчивости. Сочетание и взаимодействие географических форм расселения исследуемого региона создает сельско-городской континуум, представляющий сплошное поле, которое целесообразно исследовать на разных иерархических уровнях [1; 2].

Альтернативность вариантов сочетания городской и сельской местности придает неоднородность ландшафту и обеспечивает его разнообразие, учитывая тот факт, что «черноземная Россия имеет вообще более

сельский внешний облик городов, чем Нечерноземье» [3, с. 214]. Негородские черты урбанизации сохраняются до настоящего времени и подпитываются потоками миграции, наличием пригородных дачных поселков, деревенских усадеб, присоединением к городу близлежащих сел, преобразованием сельских поселений в городские. Эти процессы насыщены региональными различиями, что создает разнообразие не только рисунка расселения в целом, но и входящих в него городов, способствуя совершенствованию территориальной организации страны и ее частей, повышению эффективности ее экономики [4].

Центральное Черноземье — регион малых и очень малых городов, их в три раза больше, чем средних, больших, крупных, крупнейших и городов-миллионеров. Поверхностный взгляд увидит в малом городе неудачника, расположенного, как правило, на «задворках цивилизации», лишённого амбиций и перспектив. Вместе с тем, мир малых городов разнолик, каждый из них играет свою роль в создании урбанистического портрета территории. «И поэтому никак нельзя черты, свойственные какой-либо одной категории малых городов, распространять на всю их совокупность» [5, с. 152-153].

Эксперты от архитектуры рассматривают их как «негорода», «предгорода» и «недогорода», оценивая город, в том числе, по наличию публичного пространства и праздной толпы. «Город» — это вообще не понятие. Город остается романтическим мифом, произрастающим из свойственной нам увлеченности историей [6] и географией, добавим от себя.

По состоянию на 2024 г. в Центральном Черноземье насчитывается 52 города, размещенных крайне неравномерно. Помимо причин природного характера (рельеф, реки, почвы, климат), местоположение города обусловлено историческими (конфликты, революции, войны, реформы, особенности государственной политики, кризисы, приобретение транзитного или приграничного статуса) и социально-экономическими (потенциал и конкурентные преимущества, влияние макроэкономических процессов и явлений) факторами.

Следовательно, устойчивость городского расселения зависит от сложного совокупного влияния «физико-географических, исторических и экономических причин» [3, с. 218], к которым присоединяются такие случайности, «что никогда не было общей плановости в развитии городского благоустройства», а «общие критерии для сравнения отдельных городов, совершенно исчезают» [3, с. 216].

Строительство городских поселений откликалось на решение первоочередных задач развития общества и государства. Поселения возникали в узловых точках, обеспечивающих выполнение актуальных на время их возникновения функций [7]. Цепочка городов-крепостей на границах

Древнерусского государства; линии оборонительных сооружений, перекрывавших татарские шляхи; сеть городов, возникших в результате екатерининской административной реформы; города времен индустриализации; новые города, возникшие в XX в., — все эти разнородные субстанции и составляют микс из городских поселений исследуемой территории.

Центральному Черноземью, как и любому другому региону, присуща потребность в наборе городов определенного типа, категории, условий их формирования и функционирования. При этом остается загадкой, почему при прочих равных условиях одни города растут и процветают, а другие сжимаются и умирают.

Главными и почти всегда неизменными факторами их размещения были и остаются реки и тракты. Локально — место впадения одной реки в другую, на высоком правом берегу, желательно — на пересечении транспортных (торговых) путей. Города имеют разное происхождение: от крепостей и сельских поселений до поселков при промышленных предприятиях или железнодорожных станциях.

Города мозаичны по широкому набору концептов и их сочетаний: они возникали в разные исторические периоды, отличаются по генезису, выполняемым функциям. Среди них есть древние и молодые, возникшие из сел и основанные в чистом поле, ресурсные, энергетические, транспортные, аграрные, православные, исторические, туристические, что предоставляет широкий выбор возможностей для выявления их особенностей, типичности и индивидуальности [8].

Совокупное действие процессов градообразования не всегда согласовывалось с уже имеющейся сетью городов. Сформировавшаяся территориально-урбанистическая структура характеризуется особенностями, определяющими рисунок расселения и отражающими уровень ее зрелости. Необходимо учитывать, что определение урбанистической структуры в границах Центрально-Черноземного района весьма условно, поскольку он является составной частью системы расселения России. По образному выражению И. М. Маергойза, изучая город, «держишь в поле зрения всю страну» [9, с. 19-20].

Опорный каркас расселения развивает концепцию территориальных структур И. М. Маергойза и представляет собой полимасштабное единство узловых и линейных элементов, которые при переходе на «собственно региональный масштаб становятся полноправными объектами описания и анализа» [10, с. 435]. В частности, опорный каркас расселения Центрального Черноземья определяется как «решетка» узлов и магистралей [10, с. 441].

Особенности территориально-урбанистической структуры расселения Центрального Черноземья выражаются, например, различиями в

численности населения между первым и вторым городом. Они варьируют в очень широких пределах — от 1,6 раза в Белгородской, до почти 17 раз в Воронежской области.

В зонах влияния более крупных городов наблюдается наличие городов-спутников: у Тамбова – Котовск (13,2 км); у Воронежа – Семилуки (19 км); у Липецка – Грязи (32 км). В Белгородской области два города имеют в зоне своего влияния: Белгород – Строитель (25 км); Старый Оскол – Губкин (24 км). У Курска в зоне его влияния спутников нет. Ближе других расположен город Курчатов (41 км). Для укрепления социально-экономической устойчивости региона планируется строительство города-спутника Воронежа «Солнечный», на 26 тыс. человек, а расширение пригородной застройки Липецка осуществляется возведением города-спутника «Романово-Сити» (проектная численность населения — 130 тыс. чел.).

Для установления каркаса устойчивости городского расселения Центрального Черноземья необходимо выявить исторически сложившиеся тенденции в системе городского расселения, которые оказывают влияние на их демографическое и социально-экономическое развитие. Современный географический рисунок расселения Центрального Черноземья выглядит следующим образом.

Цепочки из городов с практически непрерывной зоной влияния расположены к югу и юго-востоку от Воронежа, к западу и северу от Липецка. Соприкосновение городских систем между Липецком и Тамбовом стало возможным благодаря значительной зоне влияния наукограда Мичуринска. Все областные центры собирают вокруг себя города, образуя зоны влияния различной людности, конфигурации, направленности осей распространения. Здесь располагается «созвездие городов», образующее треугольник: Железнодорожск-Дмитриев-Фатеж с преобладающей ролью Железнодорожска, рост и развитие которого происходило в значительной степени за счет более слабых близлежащих городских поселений проигравших в условиях конкуренции.

Вместе с тем, существуют значительные пространства, на которых практически отсутствуют города. Это территория, ограниченная ромбом, вершинами которого являются города Грязи-Бобов-Борисоглебск-Кирсанов. Внутри этого ромба ютятся три малых города: Эртиль, Жердевка и Уварово, однако их социально-экономического потенциала недостает для полноценного заполнения территории и создания ареала городских поселений. Недостаток городских поселений наблюдается также на границах областей, за исключением пространств вокруг Белгорода, Железнодорожска и Борисоглебска.

Города Центрального Черноземья развиваются в соответствии с преобладающими тенденциями и входят в систему расселения России,

поэтому важно определить, города каких типов оказались наиболее устойчивы к внешним воздействиям и сохранению внутренней структуры.

Логично, что наиболее устойчивыми к действию внешних факторов и внутренних трансформаций оказались многофункциональные города — административные, промышленные, транспортные узлы, воплощающие фундаментальные свойства урбанизации и являющиеся ее зеркалом. «Они — главная арена урбанизационных процессов, достигающих здесь своих вершин [5, с. 46]. Однако и средние, и малые города подпитывают каркас расселения, являясь источниками пополнения человеческого капитала «столпов» урбанизации и увеличивая «ребра жесткости» остова расселения. Появление новых городов кардинально не изменило центр тяжести и устойчивость городского расселения. Изменения, произошедшие за последние полтора столетия, практически не сказались на геодемографическом центре городского населения, лишь немного сместив его к западу от «столицы» Черноземья — города Воронежа.

Библиографические ссылки

1. *Трейвиш А. И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 376 с.
2. *Трейвиш А. И.* Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения. *Демографическое обозрение*, 3(1), 2016. С. 52-70.
3. *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Город и деревня в европейской России: очерк по экономической географии. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1910. IV. 212 с.
4. *Лаппо Г. М.* Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // *Известия РАН. Сер. геогр.* 2019. № 4. С. 3-23.
5. *Лаппо Г. М.* Города России. Взгляд географа. – М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.
6. *Глазычев В. Л.* Невозможные города – Le Citta Impossibile – Cities Impossible: [Электронный ресурс] URL: http://www.glazychev.ru/habitations&cities/1997-11-09_nevozmozhnyie_goroda.htm (дата обращения: 10.02.2024).
7. *Попкова Л. И.* Проблемы развития Центрального Черноземья // *Вопросы географии*. 2016. № 141. С. 381-403.
8. *Попкова Л. И.* Города Центрального Черноземья: критерии истинности // В сб.: *Современная Евразия: общественно-географический анализ. Материалы Международной научной конференции (XIV научная Ассамблея АРГО)*. Отв. редакторы А. Г. Дружинин, В. С. Батомункуев. Улан-Удэ, 2023. С. 334-336.
9. *Маергойз И. М.* Проблемы изучения экономико-географического положения крупного экономико-географического района // *Проблемы экономической географии социалистических и капиталистических стран*. 1975. – С.19–23.
10. *Полян П. М.* Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения / Предисловия: Г. М. Лаппо и А. И. Трейвиша. М.: Новый хронограф, 2014. 394 с.

УДК 911.3:332.14(476)

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В БЕЛАРУСИ В СИСТЕМЕ ГЕОПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ- ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Г. В. Ридевский

*НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь,
пр. Победителей, 23, корп. 2, 220004, г. Минск, Беларусь,
ridgeo@yandex.ru*

Регионализация осуществляется в результате взаимодействия двух групп геопространственных процессов-закономерностей: центр-периферийных и пространственной интеграции. Среди двух групп процессов для регионализации пространства внутри страны важнейшее значение имеют процессы регионополитизации и конгломерирования, формирующие социально-эколого-экономические районы как потенциальные объекты управления пространственным развитием.

Ключевые слова: регионализация; центр-периферийные процессы; процессы пространственной интеграции, регионополитизация, конгломерирование, социально-эколого-экономические районы, Республика Беларусь.

REGIONALIZATION IN BELARUS IN THE SYSTEM OF GEOSPATIAL PROCESSES-PATTERNS

H. V. Rydzeuski

*Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and
Social Protection of the Republic of Belarus, 23 Pobeditelej Avenue, 2 building,
Minsk 220004, Belarus, ridgeo@yandex.ru*

Regionalization is carried out as a result of the interaction of two groups of geoproceses-patterns: center-peripheral and spatial integration. Among the two groups of processes for the regionalization of space within the country, the processes of regionopolization and conglomeration, which form socio-ecological and economic regions as potential objects of spatial development management, are of crucial importance.

Keywords: regionalization; center-peripheral processes: spatial integration processes; regionopolization; conglomeration; socio-ecological and economic regions; Republic of Belarus.

Регионализация — процесс формирования регионов. Регионализация пространства может осуществляться под действием управляющего воздействия (институциональная регионализация) и в процессе самоорганизации населения (диссипативная регионализация). Типичным примером

институциональной регионализации являются единицы административно-территориального устройства, городские и сельские поселения, региональные организации, в том числе надстрановые и внутривосточные [1].

В результате институциональной регионализации формируются институциональные пространственные структуры, а в результате процессов самоорганизации населения, запускающих процессы хозяйствования и природопользования (наоборот может происходить только в районах нового директивного освоения), — диссипативные [2, с. 304]. Примеры диссипативных структур достаточно многочисленны — это СГК и сельские континуумы, городские и сельские агломерации, городские конурбации (ГК) и социально-эколого-экономические районы (СЭЭР).

Самоорганизация пространства осуществляется на основе двух групп процессов: центр-периферийных и процессов пространственной интеграции [3].

Центр-периферийные процессы (ЦПП) стали объектом специального научного изучения более 50 лет назад. Сегодня можно говорить об особом общенаучном центр-периферийном подходе к исследованиям. Среди ученых, стоящих у истоков зарождения центр-периферийного подхода, следует назвать: Иоганна фон Тюнена (1783-1850), Хэлфорда Джона Маккиннера (1861-1947), Вальтера Кристаллера (1893-1969), Августа Леша (1906-1945), непосредственными творцами ЦПП стали такие известные ученые как Гуннар Мюрдаль (1898-1987), Франсуа Перру (1903-1987), Торстен Хагерстранд (1916-2004) Стейн Роккан (1921-1979), Джон Фридман (1923-2017), Иммануил Валерстайн (1930-2019) и др. [3].

Изучение процессов пространственной интеграции до сих пор не сложилось в целостную научную теорию. Хотя процессы пространственной интеграции стали изучаться более 100 лет назад: Патрик Геддес (1854-1932) [4], Альфред Вебер (1868-1958), способствовавшие изучению городских (промышленных) агломераций и конурбаций [5]. В конце 20-х — начале 30-х годов изучение процессов пространственной интеграции дополнилось изучением сельско-городских континуумов (СГК): Питирим Сорокин (1889-1968), Карл Циммерман (1897-1983) и Роберт Редфильд (1897-1958). В современной России исследованию СГК большое внимание уделял экономист и социолог В. В. Пациорковский (1941-2021) [6].

ЦПП включают три основных процесса: поляризацию, фрагментацию и иерархизацию пространства и проявляются на глобальном (олигополизация), страновом (метрополизация) и внутривосточном (регионополизация и локополизация) уровнях [7].

Среди пространственно-иерархизированных ЦПП особое значение имеют процессы регионополизации, протекающие на уровне крупных

регионов площадью от 5 до 25 тыс. км². Такие регионы по отношению к Республике Беларусь являются субнациональными регионами, формирующими пространственные системы расселения, хозяйствования и природопользования или социально-эколого-экономические районы (СЭЭР). Регионополизация в Беларуси носит повсеместный и закономерный характер и ведет к концентрации населения, экономического потенциала и процессов природопользования в городских центрах СЭЭР — городах-регионополисах (табл.). Регионополизация — процесс-конфигуратор СЭЭР, позволяющий обозначить их границы [7].

**Доля в населении СЭЭР главных регионополисов
Беларуси в 1959-2023 гг. (в современных границах СЭЭР), %**

СЭЭР	1959	1970	1979	1978	1999	2009	2019	2023
Витебский	35,2	48,1	57,7	63,8	65,1	70,2	74,1	75,1
Полоцкий	9,6	21,2	28,4	35,5	39,1	44,4	48,2	49,1
Гродненский	15,4	25,2	34,9	44,6	47,8	55,0	61,0	62,7
Лидский	8,3	13,8	19,7	28,0	31,5	35,7	41,0	43,4
Минский	28,0	40,4	48,7	54,2	55,3	59,8	60,9	60,7
Оршанский	21,9	32,4	37,3	40,8	42,0	45,6	47,5	48,0
Могилёвский	25,7	38,8	51,9	59,6	61,8	66,5	69,0	70,1
Кричевский	6,0	8,7	11,8	14,1	14,5	16,1	17,1	17,4
Барановичский	11,1	18,4	23,7	28,7	30,1	33,8	38,1	38,9
Солигорский	6,1	9,1	15,6	22,1	24,6	28,3	30,3	30,6
Бобруйский	17,5	22,3	30,0	32,4	32,7	34,9	37,0	37,7
Брестский	14,4	21,6	29,4	38,2	40,2	44,9	48,9	50,1
Пинский	11,0	15,5	21,9	28,5	31,3	34,3	36,5	37,4
Мозырский	10,1	16,5	24,7	35,5	41,5	45,9	48,3	49,6
Гомельский	26,1	36,7	42,6	55,3	57,7	60,9	63,3	63,8
Все главные регионополисы	18,9	28,4	37,1	44,1	46,1	51,0	54,4	55,0

Примечания. 1. Доля регионополисов в населении соответствующих СЭЭР Беларуси в 2023 г. рассчитана по данным текущего учета населения. В остальные годы – по данным переписей населения. 2. В качестве главных регионополисов Мозырского и Полоцкого СЭЭР рассматривались парные города Мозырь-Калинковичи и Полоцк-Новополоцк, а общее число главных регионополисов – 17 городов Беларуси. 3. В 1959 г. Солигорский СЭЭР следует называть Слуцким. Слуцк был главным регионополисом Слуцкого СЭЭР. К началу 70-х годов XX в. Слуцкий СЭЭР трансформируется в Солигорский и его главным регионополисом стал г. Солигорск.

Данные таблицы позволяют утверждать, что урбанизация с середины XX в., однозначно, проявлялась в форме регионополизации. Развитие городских поселений с середины XX в. стало эпохой регионополисов в развитии Беларуси.

Процессы пространственной интеграции городских и (или) сельских поселений включают процессы континуализации (образования сельских и

СГК), агломерирования (образования городских и сельских агломераций) и конгломерирования (образования ГК) [3].

Рассмотрение ведущих регионополисов каждого СЭЭР в виде СГК существенно повышает их роль в развитии каждого СЭЭР. По числу городских поселений в Беларуси сложилось 200 СГК, в которых сконцентрировано 100 % городского, 79,5 % сельского и 95,4 % всего населения страны по данным переписи 2019 г. [1].

Процессы агломерирования в Беларуси получили значительное развитие. В стране можно выделить 21 городскую агломерацию (ГА), в которые входят 63 городские поселения или 31,5 % их общего числа. В 2019 г. городские агломерации концентрировали 72,8 % городского, 41,0 % сельского и 65,6 % всего населения страны [1]. Большинство из главных регионополисов образуют ГА, что еще более повышает их роль в развитии СЭЭР. Только в четырех СЭЭР Беларуси из 15 ГА, возглавляемые их главными регионополисами, не сложились. В их числе: Пинский, Лидский, Кричевский, Витебский СЭЭР.

Процессы конгломерирования, т. е. пространственного сближения городских и (или) сельских агломераций с СГК или только СГК формируют значимые ГК или города-регионы. Таким образом, процесс конгломерирования — это не формирование ГА с ярко выраженными центрами, а формирование и развитие полицентричной сети городских поселений. Крупнейшие ГК мира получили название мегалополисов и концентрируют десятки миллионов жителей. В Республике Беларусь подобных «пространственных монстров» нет, но крупнейшая Центрально-Белорусская конурбация — ярко доминирующая пространственная структура, включающая три ГА (Минскую, Борисовско-Жодинскую и Молодечненскую), а также восемь примыкающих к ним СГК. Всего Центрально-Белорусская конурбация включает 24 городских поселения или 12 % всех городов и городских поселков Беларуси [8].

Всего в Беларуси сложилось 26 ГК («сгущений населения»), из которых 16 можно отнести к числу конурбаций национального значения. В каждом СЭЭР сложилась своя ГК, а в Бобруйском — две ГК национального значения (Бобруйская и Жлобинская). Две конурбации Бобруйского СЭЭР — результат бицентричности его пространственной структуры, пока не приведший к формированию единого городского пространства. Вне ГК находится только 35 СГК и две ГА (Светлогорская и Столинская) Беларуси. Больше всего подобных СГК в регионах Беларуси с относительно редкой городской сетью, в Белорусском Полесье и Поозерье. В центральных регионах Беларуси подобные СГК — исключение (Березинский, Кричевский, Хотимский СГК).

Только в ГК национального значения в 2019 г. было сконцентрировано 84,4 % населения страны [1, с. 114]. ГК национального значения — основные очаги экономической жизни и устойчивого развития Беларуси. Это пространственный каркас страны и каждого СЭЭР.

Резюмируя, следует отметить, что ЦПП (поляризация, фрагментация, иерархизация) и процессы пространственной интеграции (континуализация, агломерирование, конгломерирование) ведут к регионализации пространства [9]. Семь вышеназванных процессов-закономерностей — основная причина трансформации систем расселения, хозяйствования и природопользования в Беларуси, а сближение институциональной и диссипативной регионализации пространства — ожидаемый итог адаптации системы государственного управления пространственным развитием к исторически сложившейся системе территориальной организации страны для повышения эффективности региональной политики.

Библиографические ссылки

1. *Ридевский Г. В.* Пространственные структуры современной Беларуси : новая социально-экономическая география страны : монография. Минск : Бел НИИТ «Транстехника», 2022.
2. *Доманьский Р.* Экономическая география : динамический аспект. М. : Новый хронограф, 2010.
3. *Ridevsky G. V.* Center-periphery and integration processes as key trends in the transformation of spatial structures / G. V. Ridevsky // *Social Novelties & Social Sciences: a View from Moscow*. 2023. – No. 1 (4). DOI: 10.31249/snsneng/2023.01.02
4. *Geddes P.* Cites in evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics. London, 1915.
5. *Вебер А.* Теория размещения промышленности. Л.-М.: Книга, 1926.
6. *Пацюрковский В. В.* Сельско-городская Россия. М. : ИСЭПН РАН, 2010.
7. *Ридевский Г. В.* Центр-периферийные процессы и развитие регионов Беларуси: монография. Минск : БелНИИТ «Транстехника», 2020.
8. *Ридевский Г. В.* Центральнo-Белорусская конурбация как географическое открытие // *Экономический рост Республики Беларусь : глобализация, инновационность, устойчивость : материалы XV Междунар. науч.- практ. конф. (Минск, 19-20 мая 2022)*. Минск : БГЭУ, 2022. – С. 127-128.
9. *Ридевский Г. В.* Атрибутивные свойства географического пространства и закономерности пространственного развития // *Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология*. 2023. № 1. С. 83-92. DOI: 10.33581/2521-6740-2023-1-00-00

УДК 325.1+911.3 (476.7)

МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

А. А. Сидорович

*Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина,
бульвар Космонавтов 21, 224016, г. Брест, Беларусь, brestsid@gmail.com*

На основе балансового метода определена роль миграции в динамике численности населения городских поселений Брестской области за межпереписной период 1999-2019 гг. Установлено, что численность городского населения региона возросла на 46,2 тыс. человек, или на 5,1 %. Указанный рост на 95,4 % был обусловлен естественным и на 4,6 % — миграционным приростом, основным источником которого послужила внутривластная миграция сельского населения.

Ключевые слова: миграция населения; Брестская область; городское население; динамика численности населения.

MIGRATION FACTOR IN THE DYNAMICS OF THE URBAN POPULATION OF THE BREST REGION

A. A. Sidorovich

*Brest State A.S. Pushkin University, Kosmonavtov Boulevard 21,
224016, Brest, Belarus, brestsid@gmail.com*

The role of migration in the population dynamics of urban settlements in the Brest region for the intercensal period 1999-2019 is determined based on the demographic balance equation. It was established that the urban population of the region increased by 46.2 thousand people, or by 5.1%. This growth of 95.4% was due to natural growth and 4.6% to migration growth, the main source of which was the intraregional migration of the rural population.

Keywords: population migration; Brest region; urban population; population dynamics.

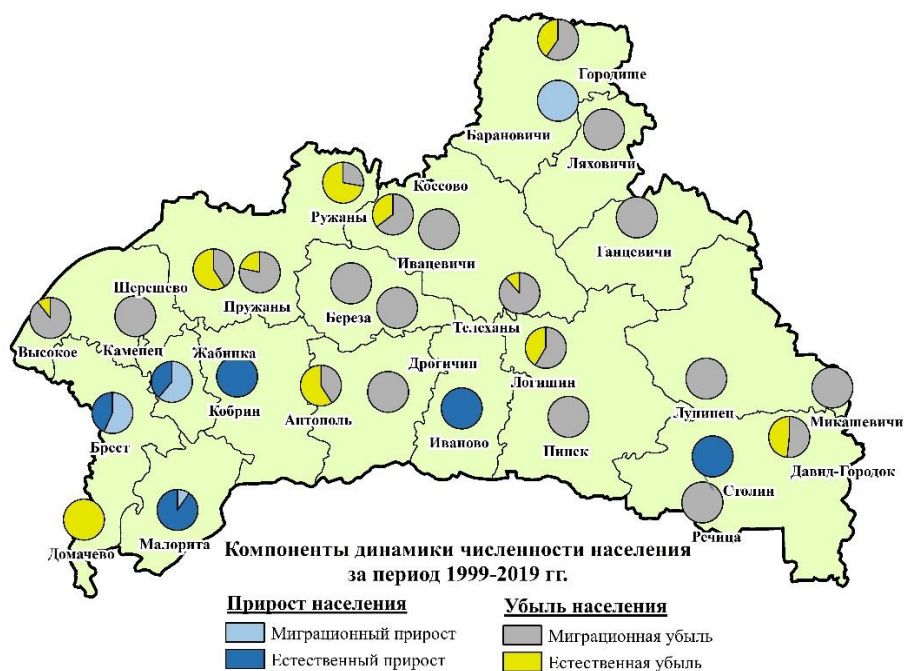
Миграционные процессы оказывают влияние на расселение и динамику численности населения, его половозрастную и образовательную структуры, что, безусловно, определяет актуальность соответствующих исследований. Источниками сведений о миграции выступают данные текущего учета и переписей населения. Однако существует и комбинированный подход, совмещающий в себе данные двух указанных источников. На основе уравнения демографического баланса рассчитывается абсолютный прирост, из которого вычитается естественный прирост населения. Получившаяся разность представляет собой миграционный прирост. Но

следует учитывать, что, по сути, это механический прирост, включающий в себя также изменения численности населения региона или страны в результате административно-территориальных преобразований [1–3]. В данном исследовании анализ миграционных процессов городских поселений Брестской области проведен по данным двух межпереписных периодов с 1999-2009 и 2009-2019 гг. В течение данного периода изменение численности населения городских поселений за счет административно-территориальных преобразований фактически имело место лишь в отношении городов областного подчинения Барановичей, Бреста и Пинска. Это обстоятельство следует учитывать при интерпретации результатов. Вклад территориальных преобразований может быть установлен посредством данных текущего учета о численности населения «поглощенного» поселения.

За два межпереписных периода 1999-2019 гг. в Брестской области численность городского населения возросла на 46,2 тыс. человек, или на 5,1 %. Возрастание людности на 95,4 % было обусловлено положительной разностью между числом родившихся и умерших и на 4,6 % — миграционным приростом, основным источником которого послужила внутриобластная миграция сельского населения. Однако, положительное миграционное сальдо сложилось далеко не во всех городских поселениях региона. Из 29 городских поселений миграционный прирост имел место только в пяти (рисунок). В Домачево миграционный прирост позволил лишь смягчить убыль населения за счет естественного движения. В городах Барановичи, Жабинка и Брест фактор миграции и административно-территориальных преобразований определил более 1/2 общего прироста людности. В то же время в Малорите на долю миграционного прироста пришлось около 10 % всего увеличения людности. Миграционный прирост, скорректированный на численность населения, свидетельствует о том, что роль данного фактора в динамике численности населения напрямую зависит от интенсивности миграционных процессов. Так, в первых трех указанных городах интенсивность миграционного прироста (относительный миграционный прирост) варьировала в пределах 2,3-4,9 ‰, т. е. 23-49 человек на 10 тыс. среднегодовой численности жителей. В Малорите данный показатель составил 0,5 ‰. Потенциал миграционного прироста тем больше, чем более многофункциональным и крупным является населенный пункт.

Большая часть городских поселений Брестской области характеризуется миграционным оттоком населения. В ряде из них (Иваново, Кобрин, Столин) отрицательное миграционное сальдо компенсировалось естественным приростом населения. Однако в 11 поселениях (Каменец, Пинск, Речица и др.) превышение числа родившихся над числом умерших не восполнило миграционные потери.

Компонентная структура динамики численности населения городских поселений Брестской области за межпереписной период 1999-2019 гг.

Достаточно нетипичная миграционная ситуация сложилась в г. Пинске, в котором среднегодовая интенсивность миграционного оттока составила 4,5 ‰ за период 1999-2019 гг. Относительно периферийное и транзитное расположение на юге Беларуси вне ключевых транспортных коридоров выступают теми факторами, которые определяют низкую миграционную привлекательность данного полесского города. Создание в 2006 г. Полесского государственного университета позволило смягчить демографическую ситуацию в Пинске [4]. В противном случае относительная миграционная убыль могла достигнуть максимальных значений не только в Брестской области, но и в Беларуси в целом.

О преобладающей роли миграционного фактора в динамике населения городских поселений Брестской области свидетельствует также тот факт, что, помимо 11 поселений с исключительно миграционным оттоком, еще в 7 наряду с миграционной убылью отмечалась и естественная убыль. Удельный вес миграционной убыли находится в пределах от 51,6 % в Давид-Городке до 89,3 % в Высоком. Объединяющим признаком этих поселений выступает их незначительный демографический потенциал, ввиду чего все они относятся к категории малых поселений и отличаются достаточно узкой экономической базой. Кроме того, анализ интенсивности миграционного оттока населения в поселениях с преобладающим миграционным фактором динамики людности позволяет установить закономерность усиления масштабов миграционной

убыли населения по мере сужения административных и экономических функций. Так, в поселках городского типа интенсивность миграционного оттока достигает наибольших значений, среди которых особенно выделяются Логшин, Городище, Телеханы, Речица с относительным миграционным оттоком около 10 ‰ в год. Вместе с тем в поселках городского типа с меньшей интенсивностью миграционного оттока снижается и роль миграционного компонента в динамике численности населения. В Антополе, Шерешево и Ружанах удельный вес миграционной убыли в общем оттоке населения равнялся 40,9 ‰, 40,8 ‰ и 27,9 ‰, а в расчете на среднегодовую численность жителей убыль составила 6,5 ‰, 5,4 ‰ и 2,3 ‰. Среди десяти поселений с одновременной миграционной и естественной убылью представлен лишь один районный центр — Пружаны, в котором 3/4 общей убыли населения определялось превышением числа выбывших над числом прибывших. Немаловажную роль в этом сыграло расформирование в 2015 г. 181-й боевой вертолетной базы, располагавшейся в пригородной деревне Новые Засимовичи (ранее — военный городок).

За межпереписной период 1999–2009 гг. в 20 городских населенных пунктах преобладающим компонентом динамики людности выступало механическое движение населения. В 4 поселениях отмечено положительное и в 16 — отрицательное влияние миграции. Для 9 городских поселений ключевая роль в формировании характера динамики численности населения принадлежит естественному движению. Однако за межпереписной период 2009–2019 гг. в силу увеличения рождаемости, как результата проводимой демографической политики, существенно изменилась структура компонентов динамики. Так, рост людности в первую очередь за счет положительного миграционного сальдо за данный период отмечен лишь в г. Барановичи, а убыль населения из-за миграционного оттока, как основного компонента динамики, отмечена в 15 поселениях, из которых в 10 имел место естественный прирост, т. е. на миграцию пришлось 100 ‰ общей убыли. Как правило, в последнем случае поселения относятся к промышленным, промышленно-аграрным и аграрным функциональным типам. Однако по типологии социально-экономических профилей среди таких поселений имеются мультифункциональные (Береза, Ивацевичи) и даже экстрамульти-функциональный (Пинск) [5]. Данный факт служит основанием для выдвижения гипотезы о доминирующем влиянии на демографическое развитие размещения субъектов реального сектора экономики. Минимальный вклад миграции в городах с ростом населения в 2010-е гг. зафиксирован в поселениях южной части региона, для которой в целом характерен более высокий уровень рождаемости.

Таким образом, из 29 городских поселений Брестской области в 4 наблюдался миграционный и естественный прирост населения, в одном

(Домачево) — естественная убыль превышала миграционный прирост. В 24 поселениях имел место миграционный отток населения, из которых в 3 — миграционная убыль была восполнена естественным приростом, в 11 — миграционная убыль полностью нивелировала естественный прирост, в 10 — имело место сочетание миграционной и естественной убыли с удельным весом миграции в общем сжатии демографического потенциала от 28 до 89 %. Так, в 18 городских поселениях миграционная компонента выступала доминирующей в убыли населения и в 3 — преобладающей в росте населения. Основным центром притяжения мигрантов в регионе является областной центр — Брест, на который пришлось 76 % всего миграционного прироста городских поселений с положительным миграционным сальдо. Значительным центром миграционного притяжения выступает также город областного подчинения Барановичи и город-спутник областного центра Жабинка.

Исследование выполнено в рамках задания ГПНИ на 2021–2025 гг. при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь (№ГР 20211332).

Библиографические ссылки

1. *Загорец В. С.* Методика определения объема и результата внешней миграции населения Республики Беларусь / В. С. Загорец, И. В. Загорец // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2011. № 4. С. 69–77.

2. *Сидорович А. А.* Миграция как фактор формирования регионального демографического пространства Беларуси: роль и оценка скрытых масштабов на основе переписей населения 1989–2019 гг. : монография / А. А. Сидорович ; М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-тим. А. С. Пушкина. Брест : БрГУ, 2023. – 232 с.

3. *Шахотько Л. П.* Социальная демография: переписи населения, методология, методика, результаты / Л. П. Шахотько. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. 61 с.

4. О создании учреждения образования «Полесский государственный университет» [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 5 апр. 2006 г., № 203 // Эталон. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

5. *Сидорович А. А.* Концепция социально-экономических профилей поселений: возможности применения при изучении системы расселения / А. А. Сидорович // Краеведение в учебно-воспитательном процессе школ и вузов: сб. материалов VI респ. науч.-практ. конф., посвященной 85-летию со дня рождения В. П. Сайгака, Брест, 2 дек. 2021 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: И. В. Абрамова [и др.]. Брест : БрГУ, 2022. С. 60–63.

УДК 338.48, 908, 991.9

ОТРАСЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ «НОВЫХ» ТУРИСТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Д. А. Ситкевич¹⁾ А. С. Коротков²⁾

¹⁾ИПЭИ РАНХиГС, пр. Вернадского, д. 82–84, к. 9, 119571, г. Москва, Россия, dasitkevich@gmail.com ²⁾МГУ им. М. В. Ломоносова, Экономический ф-т, Ленинские горы, д. 1, стр. 46, 119991, г. Москва, Россия, korotkov.andrey@geogr.msu.ru

За последние годы индустрия туризма на Северном Кавказе переживает бурное развитие. Этому послужила череда событий, связанная с переориентацией на внутренний рынок туризма. Однако, в некоторых республиках, для которых ранее не был характерен туристический спрос рост числа отдыхающих в несколько раз превышает средней по региону. При этом уровень технического и инфраструктурного оснащения курортов и поселков невысок. В статье рассматриваются особенности пространственного распределения туристического спроса, меры экономической политики со стороны государства и их последствия, социологические данные от представителей местного бизнеса, а также географическая интерпретация неравномерности развития отрасли.

Ключевые слова: индустрия гостеприимства; географическая концентрация; агломерационный эффект; туристический поток; Северный Кавказ; кластерная политика.

SECTORAL SPECIFICS OF «NEW» TOURIST REGIONS OF THE NORTH CAUCASUS: AN ECONOMIC AND GEOGRAPHICAL PERSPECTIVE

D. A. Sitkevich¹⁾, A. S. Korotkov^{2)*}

¹⁾IAER RANEPА, Vernadskogo Ave. 82-84-9, Moscow, Russia, dasitkevich@gmail.com

²⁾Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, Leninskie Gory 1-46, 119991, Moscow, Russia, korotkov.andrey@geogr.msu.ru

In recent years, the tourism industry in the North Caucasus has experienced rapid development. This has been driven by a series of initiatives related to the reorientation towards the domestic tourism market. However, in some republics, which were not previously associated with tourism demand, the growth in the number of tourists is several times higher than the average for the region. At the same time, the level of technical and infrastructural equipment of resorts and settlements is low. This paper considers the peculiarities of the spatial distribution of tourist demand, economic policy measures on the part of the state and their consequences, sociological data from local businesses, as well as geographical interpretation of the unequal development of the industry.

Keywords: hospitality industry; geographic concentration; agglomeration effect; tourist flow; North Caucasus; cluster policy.

Туристическая индустрия в республиках Северо-Восточного Кавказа (Ингушетии, Чечне и Дагестане), т. н. «новых» туристических регионах (в противовес «старым» туристическим Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии–Алании, имеющим долгую «курортную» историю [1]), как и во многих других регионах, стала рассматриваться как потенциальный драйвер развития. Перед ними все еще остро стоит задача экономической модернизации [2]. В Стратегии развития СКФО 2010 г. туристическая отрасль рассматривается как одно из наиболее перспективных направлений развития экономики региона [3]. Один из инструментов, присутствующих в Стратегии развития, является создание «туристических кластеров» — зон, в которых, по мнению государства, наиболее вероятно развитие горнолыжного или пляжного отдыха. Однако, как отмечается, даже несмотря на рост уровня безопасности на Северном Кавказе, а также активные инвестиции в создание туристической инфраструктуры, к 2020 г. национальные республики СКФО нельзя было назвать популярными направлениями отдыха [4].

Многое изменилось с закрытием для российских туристов иностранных курортов и достопримечательностей в связи с санитарными ограничениями 2020-2021 гг. и событиями 2022 г. Сложности с выездным туризмом (объемы которого, согласно Росстату, с 2019 г. сократились вдвое) привели к росту индустрии гостеприимства внутри России. Так, согласно данным Ассоциации туроператоров России (АТОР) [5], в 2022 г. во всех регионах-лидерах по величине туристического потока (кроме тех, которые были затронуты закрытием аэропортов) наблюдался существенный приток количества отдыхающих. Особенно рост затронул Дагестан: согласно данным АТОР, в 2022 г. наблюдался наиболее резкий прирост количества отдыхающих, практически в два раза (до двух миллионов человек). Значительный рост количества туристов на всем Северном Кавказе отмечался и представителями Ростуризма [6].

Исследование основано на гибридной методологии использования картографической информации о распространенности на Северо-Восточном Кавказе объектов коллективного размещения (рисунок) и общественного питания как сопутствующих туризму организаций, анализа официальной статистики по туризму [7], а также результатах проведенных во время полевых исследований в Дагестане интервью с представителями индустрии.

Распределение гостиниц на Северо-Восточном Кавказе
 Составлено авторами по материалам OpenStreetMap, Росреестра, JAXA, КАВКАЗ.РФ

Насколько прирост числа отдыхающих связан с кластерной политикой, проводимой государством? Для ответа на этот вопрос стоит понять, насколько локации, в которых особо активно формируется туристическая отрасль [8], совпадают с созданными федеральным центром особыми экономическими зонами, или же наблюдаемая в регионе концентрация бизнеса связана с иными причинами.

Проведенное в рамках работы исследование показало, что дислокация туристической инфраструктуры (являющихся признаком того, что место популярно среди туристов) в Северо-Восточном Кавказе (где до туристического бума 2020 г. отдыхающих было крайне мало) слабо связана с тем, определило ли государство данную территорию как кластер. Хотя в некоторых особых экономических зонах, созданных корпорацией «Курорты Северного Кавказа» (сейчас АО «КАВКАЗ.РФ»), присутствует

туристический бизнес. Это связано либо с уже имеющимися на момент создания кластеров гостиницами, либо с активной поддержкой проектов внутри особых экономических зон со стороны региональных властей [9].

При этом для Дагестана характерна отчетливая географическая концентрация туристического бизнеса, но связана она не с политикой государства, а с наличием достопримечательностей, транспортной инфраструктуры, предпринимательской культурой и уже сложившимися предпочтениями туристов.

Проведенное исследование показало, что с начала бума внутреннего туризма на Северо-Восточном Кавказе сложилось несколько туристических центров, в которых наблюдается повышенная концентрация мест коллективного размещения и общественного питания. Хотя частично Махачкала, Дербент и горные аварские районы стали популярными среди отдыхающих из-за базовых туристических ресурсов (природных и культурных достопримечательностей), значительную роль сыграли другие факторы: транспортная доступность, более развитая предпринимательская культура в этих муниципалитетах, предпочтения самих туристов по поводу содержания туристического продукта, а также агломерационный эффект. При этом, ни одна из территорий (за исключением Дербента, где за счет средств меценатов руководство города проводит серьезное обновление городской среды) не получала существенной поддержки от государства.

Проведенное исследование относительно создания государством ОЭЗ показало, что статус «особой зоны» или «кластера» не способствует развитию туристического бизнеса. Особенно это видно на примере «Каспийского прибрежного кластера». Согласно сведениям информантов, большинство пляжных гостиниц в Дагестане расположены вне пространства, которое государство выделило под создание новых курортов. Среди существующих на Северо-Восточном Кавказе ОЭЗ туристическая активность заметна лишь на курортах «Армхи», где гостиницы существовали до начала госполитики, и «Ведучи», которые дополнительно активно поддерживались региональными властями.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что для более эффективной кластерной политики выделения потенциально привлекательной территории в отдельный «кластер» недостаточно. Более того, оптимальным кажется создание условий, в которых не обособленные зоны, а весь регион, сможет реализовать свой туристический потенциал. Так, устранение недостатка транспортной и санитарной инфраструктуры могло бы снизить издержки на открытие туристического бизнеса в регионе, что в результате может также запустить агломерационный эффект, аналогичный тому, который наблюдается в аварских горных районах Дагестана.

Библиографические ссылки

1. *Аванесов С. С., Магомедов А. М.* Потенциал развития экстремального туризма в Дагестане // Вопросы структуризации экономики. 2014. Т. 1. С. 294–296.
2. *Батов Г. Х., Кандрокова М. М.* Модернизация экономики макрорегиона: проблемы и решения (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14, № 1. С. 27–42. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.1.27-42>
3. Распоряжение Правительства России от 6 сентября 2010 года N 1485-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105643/517741733b081df06def6b33102ee7434eda031c/
4. *Стародубровская И. В., Казенин К. И., Ситкевич Д. А.* Северный Кавказ: выбор стратегических ориентиров // Экономическая политика. 2021. No 3. С. 112–137. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-3-112-137>
5. АТОР подвела предварительные итоги туристического 2022 года // Ассоциация туроператоров России. URL: <https://www.atorus.ru/node/50839>
6. Ростуризм: турпоток на Северный Кавказ в 2022 году вырастет на 50 % к 2019 году // Интерфакс, 29 марта 2022. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/86431/>
7. Статистика по разделу «Туризм» // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm>
8. *Ситкевич Д. А., Коротков А. С.* Факторы географической концентрации туристической индустрии: опыт Северо-Восточного Кавказа // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. № 14 (2). С. 262–276. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.262-276>
9. *Фонотов А. Г., Бергаль О. Е.* Территориальные кластеры как механизм пространственного развития экономики России // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 4. С. 673–687. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-4.6>

УДК 911.375

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОСТРАНСТВА МАЛЫХ ГОРОДОВ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

И. П. Смирнов, А. А. Смирнова, П. С. Лебедев

*Тверской государственной университет, ул. Желябова, 33, 170001,
Тверь, Россия, smirnov.ip@tversu.ru*

Исследование посвящено трансформации пространства малых городов Центральной России. Несмотря на серьезные изменения (демографические, экономические, социальные), которые происходят с этой категорией населенных пунктов, пространственные аспекты развития малых городов редко находят отражение в научной литературе. Ключевые направления трансформации рассмотрены на примерах малых городов Тверской области с использованием двух концепций: социально-географического пространства и «третьих мест». Такой подход позволил наиболее полно выявить пространственные и функциональные изменения, происходящие в малых городах. В статье представлен свод основных направлений трансформации городского пространства малого города.

Ключевые слова: малый город; городское пространство; третье место; социально-географическое пространство; пространственное развитие; Тверская область.

KEY DIRECTIONS FOR TRANSFORMATION OF THE SMALL CITIES SPACE IN THE POST-SOVIET PERIOD

I. P Smirnov, A. A. Smirnova, P. S. Lebedev

Tver State University, Zhelyabova st., 33, 170001, Tver, Russia, smirnov.ip@tversu.ru

The study is devoted to the transformation of the small cities space in Central Russia. Despite the serious changes (demographic, economic, social) that are occurring with this category of cities, the spatial aspects of the changings are rarely reflected in the scientific literature. Key directions of transformation were examined using examples of small cities in the Tver region. Two concepts - socio-geographical space and “third place” were used. This approach made it possible to most fully identify the spatial and functional changes. The article presents a summary of the main directions of transformation of the urban space in a small city.

Keywords: small city; urban space; third place; socio-geographical space; spatial development; Tver region.

Малые города являются традиционным объектом географического изучения. Чаще всего эти исследования посвящены роли малых городов в региональных системах расселения, их функциям, демографическим и

социально-экономическим процессам, приводящим к комплексной трансформации [1, 2]. Несмотря на возросшую популярность тематики, вопросы внутригородского устройства малых городов почти не рассматриваются. Среди немногих примеров отметим работы М. С. Гунько с соавторами [3, 4].

В данном исследовании предпринята попытка уловить постсоветскую трансформацию городского пространства на примере городов-ключей. Ими стали малые города Тверской области, которые имеют как свою региональную специфику, так и иллюстрируют общие тенденции, характерные для многих российских городов. В исследовании использовались данные открытых картографических и информационных ресурсов (OpenStreerMap, Яндекс.Карты и др.) и материалах полевых исследований (серии экспертных интервью, анкетирования населения), проведенных авторским коллективом в городах Тверской области.

Теоретической базой исследования стали две концепции: социально-географического пространства (СГП) и «третьих мест». Первая дает представление об СГП как об особом «срезе» реального трехмерного географического пространства [5]. СГП состоит из территории города, объектов городской среды и системы социально-пространственных связей населения, реализуемых в этой среде.

Согласно концепции третьих мест [6], город можно разделить на три функциональных уровня: жилье, работа, общественные места. Совмещение двух теоретических подходов позволило максимально комплексно подойти к изучению современного внутригородского устройства. Еще одной рамкой исследования стала концепция постсоциалистического развития города, подробно освещенная в крупных коллективных работах [7, 8, 9].

Рассмотрение социально-географическое пространство произведено на трех уровнях: структурном, деятельностном и ментальном [10]. Первый (структурный) уровень позволяет получить «портрет» города. Для характеристики этого уровня необходимо рассмотреть территориальную структуру города и локализацию объектов – организаторов пространства. Второй (деятельностный) уровень касается пространственной жизни горожан. Третий (ментальный) уровень имеет дело с восприятием городского пространства жителями города. Для выбранных малых городов Тверской области рассмотрены отдельные сюжеты и составлены тематические карты (рисунки), отражающие каждый из уровней.

Анализ типов застройки и внутригородской плотности населения позволил выделить следующие ключевые черты городского развития: концентрация жителей в районах позднесоветской многоквартирной застройки; отсутствие нового коммерческого многоквартирного строительства; периферийное разрастание за счет улучшенного индивидуального строительства.

Современное размещение промышленных предприятий в малом городе повторяет структуру, сложившуюся в советское время. Новые производственные объекты появляются редко и обычно приурочены к уже существующим площадкам. Гораздо чаще можно наблюдать забрасывание и/или перепрофилирование таких площадок. Смена функции места — с производственной на сервисную — происходит в тех случаях, когда предприятия располагались в центре города, где сегодня земля представляет большую ценность.

Размещение общественных пространств в малых городах характеризуется рядом особенностей: рассредоточенностью, неравномерностью, низкой плотностью, отсутствием связанности между разными территориями.

Места притяжения населения в малых городах Тверской области

Ключевые черты современного СГП малого города

Уровень СГП	Функции		
	Жилье (первое место)	Места приложения труда (второе место)	Социальная инфраструктура (третье место)
Структурный	Концентрация населения в районах позднесоветской многоквартирной застройки	Забрасывание / пере-профилирование промышленных площадок	Трансформация центров исторических городов в виде смены функций – с жилой на сервисную
	Отсутствие нового коммерческого жилого многоквартирного строительства	Размещение новых промышленных предприятий сохраняет приверженность советской структуре	Концентрация (кластеризация) объектов рыночных услуг в центре и вдоль главных магистралей
	Социальное назначение нового многоквартирного жилья		Ликвидация части объектов социальной инфраструктуры, предоставляющих бюджетные услуги
	Пригородное разрастание за счет улучшенного индивидуального строительства, его фрагментарность		<p>Рассредоточенность и низкая плотность открытых общественных пространств, отсутствие связанности между ними</p> <p>Потери открытых общественных пространств за счет приватизации и/или забрасывания</p>
Деятельностный	Рассогласованность основных мест концентрации населения (жилых кварталов, рабочих мест, объектов социальной инфраструктуры).		
	Запустение переходных зон (между основными ядрами жизнедеятельности)		
	Интенсификация потоков в центральной части городов и вдоль основных транспортных магистралей		
	Приуроченность инициатив населения по преобразованию городской среды к жилым массивам		Приуроченность инициатив власти и бизнеса по преобразованию городской среды к общественным центрам
Ментальный	Укорененность представлений о ментальном пространстве города, сложившихся в советское время		
	Появление новых ментальных районов за счет изменений в городской среде (редевелопмента промышленных предприятий, создания новых объектов сферы услуг и др.)		
	Непривлекательность для жилья районов советской застройки, приуроченной к промышленным предприятиям, в то же время – усиление их самоидентификации		–

Если рассматривать общественные пространства не только как организованные зеленые зоны (сады, скверы, парки), а включать в их число дворовые (придомовые) территории, то основным процессом их трансформации в последние десятилетия является утрата коммуникационной функции, когда дворы, существовавшие как места взаимодействия соседей, превращаются в хаотичные парковки. «Потеря» открытых пространств происходит не только в ментальном плане (как в случае с дворами), но и в физическом — смена уклада и закрытие советских предприятий привели к тому, что многие общественные пространства оказались выведены из общественного использования, одна часть — за счет приватизации, другая — в силу забрасывания и отсутствия внешнего контроля.

Одна из основных черт развития малых исторических городов — «депопуляция» центра, обусловленная ветхостью застройки. Как следствие, жилая функция уходит из центра, сменяясь сервисной. Именно в центрах малых городов концентрируется большинство объектов рыночных услуг. Размещение объектов бюджетных услуг в малых городах преимущественно сохранилось с советского периода, однако возникший в конце 1990-х–начале 2000-х гг. тренд на «оптимизацию» привел к закрытию некоторых социальных объектов. Свертывание сети учреждений наблюдается, в основном, в сферах дошкольного и дополнительного образования.

Для описания СГП исследуемых городов наилучшим образом подходит термин «рассогласованность» (см. рисунок). Происходит обособление, разобщенность основных мест жизнедеятельности: население в основном концентрируется в местах средне- и многоэтажной советской застройки, услуги — в центральной части города, а промышленные предприятия — на окраинах. На ментальном уровне изучались представления местных жителей о разделении территории города на районы, суждения о свойствах этих районов, проявления локальной идентичности.

В результате установлено, что постсоветская трансформация ментального пространства проявляется в возникновении новых вернакулярных районов, связанных с изменениями городской среды и, как следствие, с иными практиками ее использования.

Взаимное использование концепций социально-географического пространства и третьих мест позволяет охватить единым взглядом разнородную территорию города (см. таблицу). Выделяются три основных уровня рассмотрения социально-географического пространства: структурный, деятельностный и ментальный, которые в свою очередь рассматриваются в трех функциональных уровнях (жилье, работа, сервисы). Набор рассматриваемых сюжетов и глубина их проработки зависят от конкретных исследовательских задач.

Библиографические ссылки

1. *Аверкиева К. В.* Малые города меж двух столиц: трансформация промышленной специализации и проблемы сохранения индустриального наследия // Трансформация социально-экономического пространства Евразии в постсоветское время. Том 1. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2014. С. 71-81.
2. *Савоскул М. С., Мозгунов Н. А., Пивовар Г. А.* Социально-экономическая трансформация малых городов Нечерноземья (на примере Калужской области) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2014. № 2. С. 62-67.
3. *Гулько М. С., Пивовар Г. А.* Регенерация или блажь: изменение среды малых городов // Сборник материалов 11-ой международной молодежной школы-конференции Меридиан. Москва: 2018. С. 50–53.
4. *Гулько М. С., Пивовар Г. А., Аверкиева К. В.* Ревитализация в малых городах Европейской России (на примере Боровичей, Выксы, Ростова) // Изв. РАН. Сер. географическая. 2019. № 5. С. 18 – 31.
5. *Ткаченко А. А.* Социально-географическое пространство крупного города: концептуальные основы исследования // Городское пространство: социально-географические подходы: сборник научных трудов / Научная серия «География и региональное развитие». Вып. 2. Тверь, 2002. С. 3–16.
6. *Ольденбург Р.* Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества /пер. с англ. А. Широкаковой. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.
7. *Hirt S., Stanilov K.* Twenty Years of Transition: The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union, 1989 – 2009. UnHabitat, Nairobi, 2009. 146p.
8. *The Post-socialist City: Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism.* Ed. by K. Stanilov. Dordrecht: Springer. 2007. 490 p.
9. *Urban Mosaic of Post-Socialist Europe: Space, Institutions, and Policy.* Ed. by Tsenkova S. and Nedovic-Budic Z. Heidelberg: Physica-Verlag. 2006. 390 p.
10. *Лебедев П. С., Смирнов И. П., Смирнова А. А., Ткаченко А. А.* Социально-географическое пространство малых городов Тверской области // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2022. № 2. С. 86–100.

УДК 913:314.9 (476)

**ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ 2019 ГОДА:
АНОМАЛИИ И ПАРАДОКСЫ**

А. С. Соколов

*УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
ул. Советская, 104, 246003, г. Гомель, Беларусь, alsokol@tut.by*

Исследуется динамика показателей этнолингвистической структуры населения Беларуси за 2009-2019 г., отраженная в результатах переписей населения. Показано, что результаты переписи 2019 г. выявили аномальную пространственно-временную динамику большого числа характеристик, чего не наблюдалась в результатах предыдущих переписей. Анализируются особенности и причины этих аномалий.

Ключевые слова: перепись населения; белорусский язык; русский язык; этнолингвистическая структура, население Беларуси, демографические характеристики.

**2019 BELARUS POPULATION CENSUS:
ANOMALIES AND PARADOXES**

A. S. Sokolov

*F. Skorina Gomel State University,
Sovetskaya str., 104, 246003, Gomel, Belarus, alsokol@tut.by*

The article is devoted to the dynamics of indicators of the ethnolinguistic structure of the population of Belarus for 2009–2019, reflected in the results of population censuses. It is shown that the results of the 2019 census showed anomalous spatiotemporal dynamics of a large number of characteristics, which was not observed in the results of previous censuses. The features and causes of these anomalies are analyzed.

Keywords: population census; Belarusian language; Russian language; ethnolinguistic structure, population of Belarus, demographic characteristics.

Результаты переписи населения Беларуси 2019 г. [1], характеризующие динамику этнолингвистического состава населения, показали наличие таких особенностей изменения большого количества показателей, которых не наблюдалось ни в одной из предыдущих переписей, и которые, по мнению автора, невозможно объяснить иными факторами, кроме целенаправленного искажения [2, 3]. О влиянии политических факторов на результаты переписей населения говорится в работах [4, 5], данное явление служит объектом исследований ряда других авторов.

Впервые наблюдалась выраженная разнонаправленная динамика большого количества показателей этнолингвистической структуры по регионам Беларуси (чего не было зафиксировано по результатам предыдущих переписей). Резкие изменения отдельных показателей в 1–2 областях обеспечивают небольшое изменение в ту же сторону этих показателей в целом по республике, несмотря на то что во всех остальных регионах изменение этих показателей направлены в противоположную сторону.

При этом такие аномальные изменения в 1–2 областях охватывали практически все административные районы соответствующих областей и почти полностью отсутствовали в районах других областей. Ярким примером является отраженная на рисунке 1 динамика доли белорусского языка как родного для белорусов по национальности среди городского и сельского населения в разрезе по административным районам Беларуси. Увеличение этого показателя в 2009–2019 гг. произошло в 15 из 16 районов (93,7 %), тогда как среди остальных районов Беларуси — лишь в 10 из 112 (8,9 %), а увеличение на величину более 20 % произошло в 9 (56,3 %) районах, при том, что во всех остальных областях такие районы полностью отсутствовали.

Схожие аномалии наблюдаются для других национальностей и родных языков, а также для языков домашнего общения. Так, сравнения изменения доли белорусского языка как языка домашнего общения для городского населения русских и белорусов (рис. 2) показывают, что для русских данный показатель в 2009–2019 гг. увеличился в 14 из 16 районов Брестской области (что радикально отличается от динамики в других областях), а для белорусов, наоборот, снизился в 15 из 16 районов.

Показатель доли родных языков для населения украинцев (рис. 3) также в 2019 г. демонстрирует описанные закономерности: в Могилевской и Брестской областях доля русского языка как родного ниже 55 % во всех районах за исключением одного (97 % районов обеих областей), в остальных же областях такие значения имеют лишь 19,8 % районов. Для украинского и белорусского языка в качестве родных имеет те же закономерности — резко отличающиеся значения в отдельных областях, охватывающие практически все районы этих областей.

Аномалии характерны не только для показателей доли отдельных языков, но и для доли лиц в целом и различных национальностей в частности, не указавших свой родной и домашний язык. Так, доля лиц, не указавших родной язык среди белорусов (рис. 4) в 100 % районов Могилевской области превышает 0,6 % (ни в одном другом районе страны такое значение не достигается). Среди русских во всех области только 2 человека не указало родной язык, а, к примеру, среди татар, доля не указавших родной язык выросла по сравнению с 2009 г. почти в 60 раз.

Ряд показателей в 2019 г. демонстрировал огромный рост (на сотни и тысячи процентов) при отсутствии предпосылок и факторов, способных обеспечить столь значительные изменения, например, численность белорусов г. Минска, указавшего белорусский язык домашним, выросла на 560 %, аналогичная численность русских Брестской области на 572 %, коэффициент детности для евреев Беларуси на 625 %, для русских Брестской области на 205 %, а для поляков Могилевской области на 380 %.

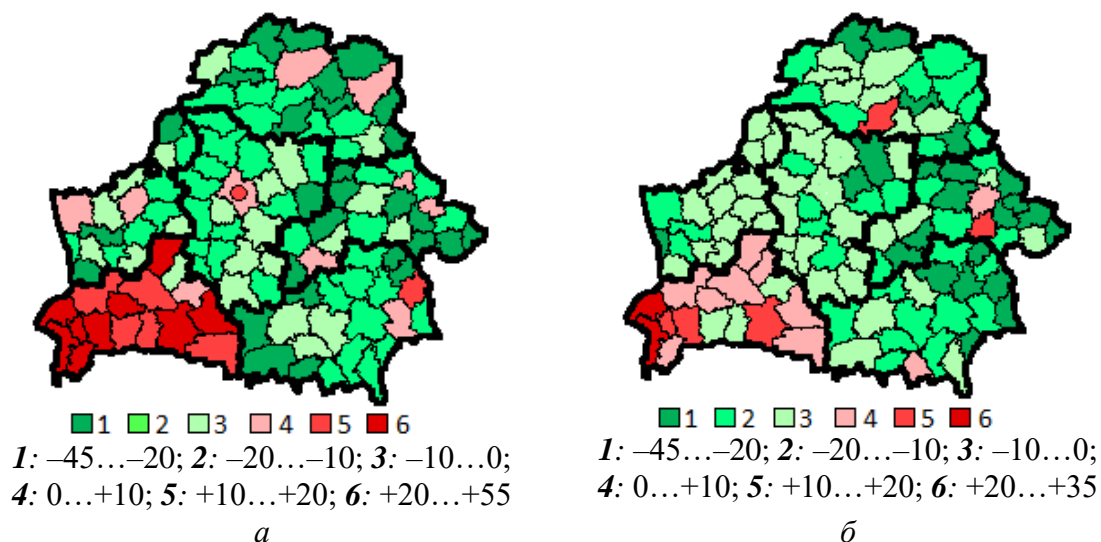

Рис. 1. Изменение доли белорусского языка как родного для белорусов среди городского (а) и сельского (б) населения в 2009–2019 гг.

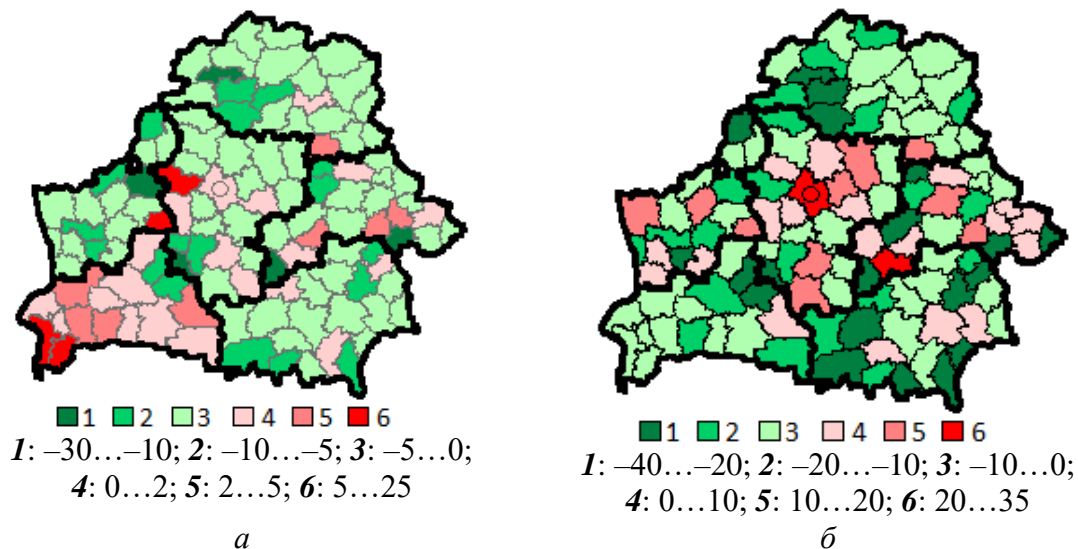

Рис. 2. Изменение доли белорусского языка как домашнего для русских (а) и белорусов (б) среди городского населения в 2009–2019 гг.

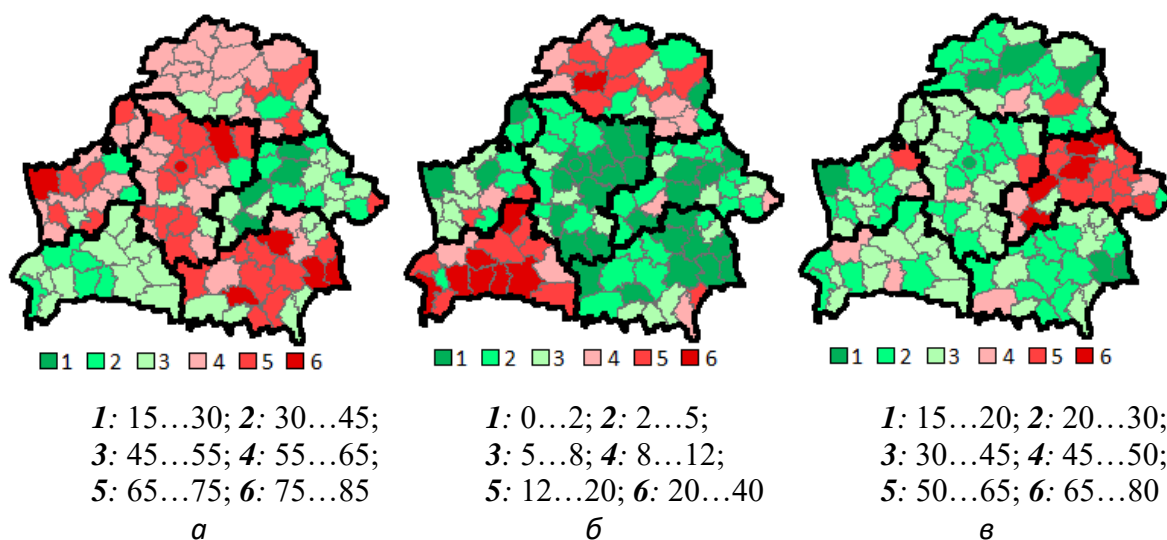

Рис. 3. Доля русского (а), белорусского (б) и украинского (в) языков как родных для городского населения украинцев в 2019 г.

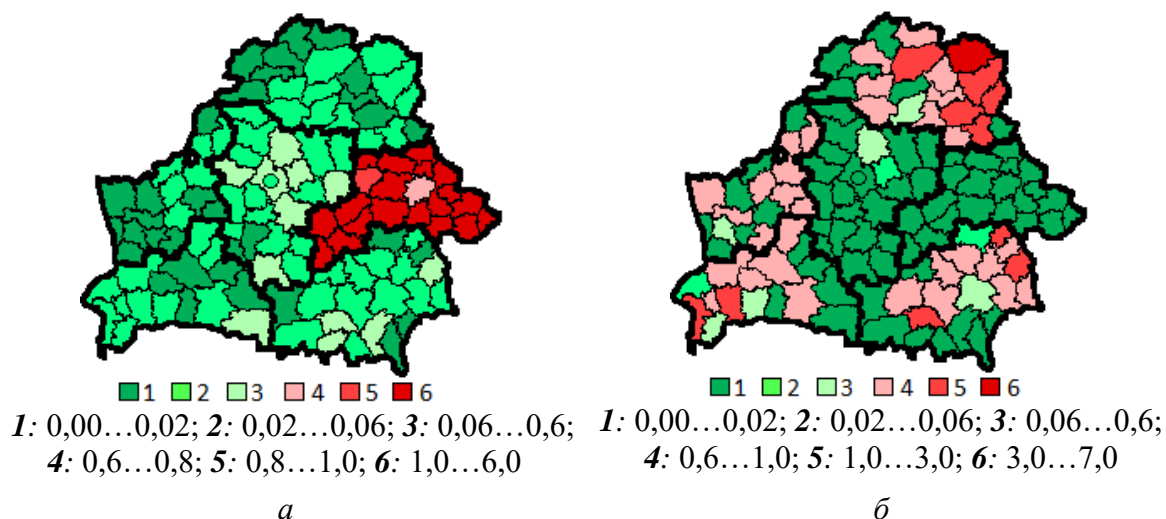

Рис. 4. Доля белорусов (а) и русских (б), не указавших родной язык в 2019 г.

Значительная часть аномальных изменений связана с резким увеличением численности населения моложе трудоспособного возраста, причем, как и в предыдущих случаях, такие изменения имеют строгую административную локализацию. Например, среди русских она увеличилась в Брестской области на 77 %, в Витебской области на 59 %; для белорусов в Минске на 38 % (ближайшее значение, лишь 14 % в Минской области, при том, что в Минске самые низкие показатели рождаемости); для поляков в Гомельской и Могилевской областях соответственно на 511 и 251 %; для украинцев в Витебской области на 481 %; для евреев в Минской области на 1000 %, для татар в Витебской области на 496 %.

В большинстве случаев аномальный прирост численности населения коррелирует с таким же аномальным приростом доли населения, назвавшего белорусский язык родным и домашним. Коэффициент линейной корреляции Пирсона между приростом численности населения белорусов по регионам Беларуси и приростом числа белорусов, назвавших белорусский язык домашним, составляет $r = +0,93$, $p < 0,01$. Между приростом численности русских по административным районам Брестской области и приростом числа русских, назвавших белорусский язык домашним, наблюдается достоверная ранговая корреляция — коэффициент Спирмена $R = +0,52$, $p < 0,05$. Коэффициент Пирсона между приростом численности польского населения в регионах и увеличением в них доли назвавших белорусский язык родным от общего количества польского населения довольно высок — $r = 0,79$, $p < 0,05$, а увеличением доли назвавших его домашним ещё выше — $r = 0,84$, $p < 0,05$. Тесная связь выявлена между ростом общего количества литовского населения по регионам и ростом доли литовцев, назвавших родным белорусский язык: $r = 0,93$, $p < 0,05$, также положительная связь наблюдается между ростом литовского населения моложе трудоспособного возраста и долей литовцев, назвавших белорусский язык языком домашнего общения: $r = 0,71$, $p < 0,05$.

Приведенные в настоящей работе примеры составляют лишь небольшую часть выявленных аномальных результатов переписи 2019 г. Можно сделать вывод, что результаты переписи не показывают реальных изменений численности и распределения языков населения Беларуси и отдельных национальностей, а являются результатом искажений, направленных на получение желаемого результата, в частности, искусственного завышения доли белорусского языка как родного и домашнего.

Библиографические ссылки

1. Итоговые данные переписей населения Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://census.belstat.gov.by> (дата доступа: 05.12.2023).
2. Соколов А. С. Оценка достоверности результатов переписи населения 2019 года в Белоруссии на основе анализа изменений в этнолингвистическом составе населения // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9. № 4. С. 61–103.
3. Соколов, А. С. Картографирование пространственных аномалий этнолингвистической динамики в результатах переписи населения Белоруссии 2019 года // Псковский регионологический журнал. 2023. Т. 19. № 2. С. 128–150.
4. Ванькина И. Н., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д. Территориальные различия между данными текущего учета населения и результатами Переписи-2020 // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 4. С. 15–25.
5. Ракачев В. Н., Халафян А. А. Оценка численности населения Кубани в 1930–1940-е гг. с использованием методов статистического моделирования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 5. С. 150–156.

УДК 502.211:502.17; 502.13(1-751.1)

РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В ЗАКАЗНИКЕ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ЗНАЧЕНИЯ «ВЫДРИЦА»

Н. Ю. Суховило¹⁾, А. А. Новик¹⁾, А. Н. Шутов²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь, sukhoviloNY@bsu.by, novika@bsu.by

²⁾ГПУ «Заказник республиканского значения «Выдрица»
г. Светлогорск, Республика Беларусь, zakaznik-vydritsa@mail.ru

В статье описаны природный и социально-экономический потенциал заказника республиканского значения «Выдрица» в области развития экотуризма, перечень местных партнеров по развитию экотуризма в регионе, определены ключевые группы потребителей туристических услуг заказника, приведен краткий анализ экологических туристских продуктов заказника «Выдрица», сформулированы мероприятия по охране природы и использованию ресурсов данной особо охраняемой природной территории, а также по развитию экологического туризма в заказнике.

Ключевые слова: заказник; экологический туризм; экологическая тропа; зеленый маршрут; туристическая инфраструктура.

THE DEVELOPMENT OF ECOLOGICAL TOURISM IN THE VYDRITSA RESERVE OF REPUBLICAN IMPORTANCE

N. Yu. Sukhovilo¹⁾, A. A. Novik¹⁾, A. N. Shutov²⁾

¹⁾Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus,
sukhoviloNY@bsu.by, novika@bsu.by

²⁾SEA "Reserve of republican significance "Vydritsa"
Soligorsk, Republic of Belarus, zakaznik-vydritsa@mail.ru

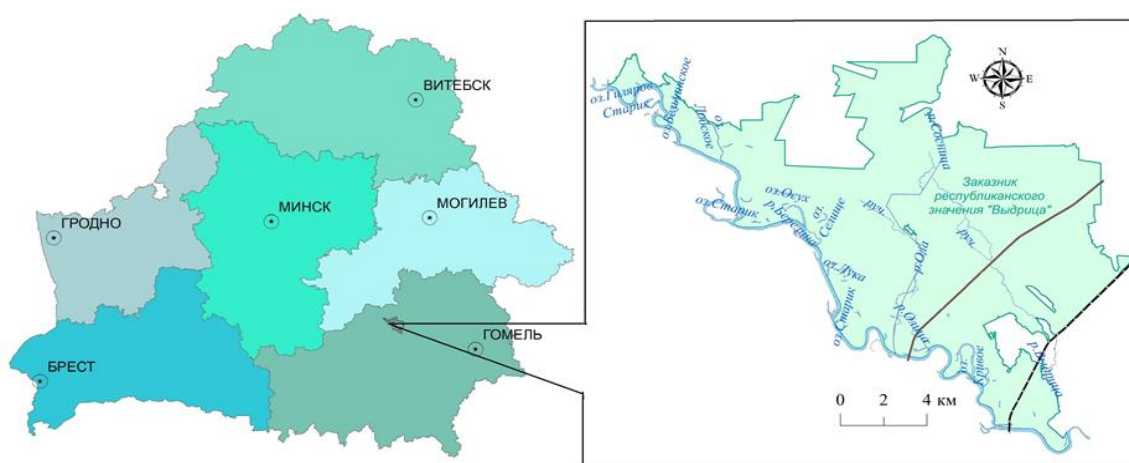
The article describes the natural and socio-economic potential of the Vydritsa reserve in the field of the development of ecotourism. Local partners for the development of ecotourism and key groups of consumers of the reserve's tourism services in the region were identified. A brief analysis of the ecological tourism products of the Vydritsa reserve, and formulates measures for the protection nature and the use of resources of this specially protected natural area, as well as the development of eco-tourism in the reserve were made.

Keywords: reserve; ecotourism; ecological trail; green route; tourism infrastructure.

Отсутствие в Беларуси выхода к морю, горных территорий, которые традиционно используются в качестве курортных зон, вызывают необходимость поиска и развития альтернативных направлений туризма, одним из которых является экологический туризм. Природное и ландшафтное

разнообразие территории республики создают благоприятные условия для развития данного вида туризма. Экологический туризм — это направление туризма, предполагающее посещение территорий, не затронутых хозяйственной деятельностью человека. Большинство из них расположено в пределах ООПТ. При развитии экотуризма важно сохранить в первозданном виде уникальные ландшафты и воспитать у людей бережное отношение к природе. Впервые понятие «экотуризм» было использовано на международной конференции ученым из Мексики Эктором Себальосом-Ласкурайном в начале 80-х гг. прошлого века. Термин означал, что окружающая среда и туризм должны находиться в гармонии. Эколог предлагал сделать упор не на активные формы рекреации, а на путешествия, объектами которых станут сохранение биocenozов, созерцание природы и поддержание культурного наследия посещаемых областей. [1].

Одной из перспективных ООПТ Беларуси для развития такого вида туризма является заказник республиканского значения «Выдрица», расположенный в Жлобинском и Светлогорском районах Гомельской области (рисунок). Более 89 % его территории занимают леса, также присутствуют пойменные луга (3,3 %) и низинные болота (1,6 %). Здесь произрастает 16 видов растений, и обитает 33 вида животных, включенных в Красную книгу Республики Беларусь [2]. Уникальность заказника подтверждается также наличием редких биотопов: пойменных дубрав и естественных эвтрофных и мезотрофных озер с погруженной и/или плавающей растительностью союзов *Magnopotamion* и/или *Hydrocharition* [3]. Исследуемая ООПТ имеет статус Рамсарской территории. Все это обуславливает актуальность ее использования в экологическом просвещении населения.

Картосхема расположения заказника республиканского значения «Выдрица»

В отличие от обширных территорий, преобразованных хозяйственной деятельностью человека, в заказнике сохранилось относительно богатое ландшафтное и биологическое разнообразие, благоприятное для развития экотуризма. Однако, при этом оно уязвимо и трудно восстанавливаемо. Поэтому необходимо сохранение аутентичной среды, и прежде всего ее природных компонентов.

Территория заказника используется в рекреационных целях в первую очередь населением Светлогорска и района. Близость расположения крупного промышленного центра, особенности ландшафтов (берег реки Березина, чередование различных типов поймы со старичными озерами и надпойменными террас), обуславливают большой интерес к заказнику для краткосрочного отдыха (как правило, в выходные дни).

По берегам водных объектов заказника оборудованы места отдыха, обслуживанием которых занимаются Светлогорский лесхоз и ГПУ заказника. С целью развития туристско-рекреационной деятельности при минимизации влияния на заказник, в пользование ГПУ заказника передан бывший детский оздоровительный лагерь с комплексом строений возле н. п. Судовица, на месте которого создана экотуристическая база «Уречье». В настоящее время осуществляется поэтапная модернизация и реконструкция объекта. База используется для организации отдыха, преимущественно в выходные дни. Здесь имеются помещения для проживания, площадки для установки палаток, оборудованы беседки, навесы и другая инфраструктура для проведения массовых рекреационных мероприятий. В 2023 г. Экотуристическую базу «Уречье» посетили 3750 человек.

В заказнике республиканского значения «Выдрица» разработаны и успешно функционируют ряд «зеленых» маршрутов и экологических троп: «Дикий калейдоскоп», «Березинский сплав», «Великан урочища Тесновля», «Бронекатер БКА-205», «Озеро Белогорское», а также единственный в Беларуси эколого-патриотический маршрут «Сцежка да Алы» [4]. Первых посетителей принял туристический маршрут на озеро Синее (Мертвое). Отличительной чертой маршрутов, разработанных на территории заказника, является то, что на многих участках они проложены по тропам диких животных. Отсутствие деревянных настилов, участков с выкошенной луговой растительностью, способствует сохранению местной флоры. В 2023 г. пешеходные маршруты посетило около 350 человек, байдарочный маршрут «Березинский сплав» — 400. Увеличению количества отдыхающих и туристов в значительной степени препятствует отсутствие в штате заказника квалифицированного экскурсовода.

Среди ключевых групп потребителей услуг заказника есть как квалифицированные потребители, например, исследователи, так и любители отдыха на природе, учащиеся школ и учебных заведений, ивент-туристы и

др. В настоящее время по абсолютной численности преобладают последние. В декабре на экотуристической базе «Уречье» открывается «Поместье Деда Мороза», которое пользуется большой популярностью у жителей района. Экотурбаза также используется для проведения турслетов и корпоративов.

В заказнике разработано и успешно функционируют водные и пешие зеленые маршруты, а также экологическая тропа. При разработке стратегии развития экотуризма были предложены пешеходный маршрут «Долина р. Ола» для посетителей мемориального комплекса «Ола» (с аудиогuidaми) и велосипедный маршрут от экотуристической базы «Уречье» до озера Синее. Это позволит увеличить привлекательность экотурбазы и заказника, а также диверсифицировать предлагаемые туруслуги. В перспективе возможно создание водных маршрутов по рекам Выдрица и Ола, но для этого необходима расчистка их русел от упавших деревьев. Создание новых экологических троп и «зеленых» маршрутов позволит увеличить привлекательность заказника и среднюю продолжительность пребывания отдыхающих.

Мероприятия по продвижению бренда могут проводиться в направлении создания слогана заказника, доработки демоверсии мобильного приложения с треками маршрутов и информацией о произрастающих растениях, обитающих животных и природных объектах, которые встречаются на пути следования. Для этого возможно проведение конкурса на лучший слоган среди местного населения, школьников, туристов и др.

Среди предложений по развитию инфраструктуры заказника можно выделить несколько направлений:

- 1) реконструкция старых жилых корпусов, многие из которых в настоящее время находятся в аварийном состоянии, беседок, перепланировка дорожек;
- 2) закупка спортивного инвентаря и снаряжения для обслуживания туристических маршрутов;
- 3) строительство территории экотурбазы глэмпинга, утепленных зимних беседок, веревочного городка, крытой многофункциональной спортивной площадки, столовой или кафе;
- 4) разработка, утверждение и оборудование новых туристических маршрутов.

Анализ антропогенной нагрузки на территории заказника показал, что в целом экосистемы ООПТ находятся в естественном состоянии, но в отдельных местах (озера Белогорское, Кривое, эколого-патриотический маршрут «Сцежка да Алы») отмечены скопления бытового мусора. Для решения этой проблемы рекомендуется установка достаточного количества контейнеров для сбора твердых бытовых отходов с последующим регулярным их вывозом.

Также среди результатов негативного антропогенного воздействия на природную среду заказника следует отметить деятельность черных копателей, браконьерство, кострища рыбаков и отдыхающих на берегах водоемов. Для предотвращения негативного воздействия антропогенного фактора на природу заказника необходимо строгое соблюдение мер в области охраны природы и Положения и заказнике.

План действий для выполнения Стратегии развития экотуризма состоит из 19 пунктов [5]. Кроме предложений по развитию инфраструктуры экотуристической базы «Уречье», описанных выше, он включает расширение штата сотрудников заказника, передачу водно-болотного заказника местного значения «Мох Озерский» под оперативное управление ГПУ «Выдрица», налаживание сотрудничества с местными партнерами по развитию экотуризма. Все это должно способствовать росту популярности заказника «Выдрица» среди любителей отдыха на природе, увеличению доходов от реализации туруслуг и дальнейшему развитию экотуризма в регионе.

Для популяризации экологического туризма в заказнике «Выдрица» необходимо постоянное информирование населения республики и зарубежных стран о предлагаемых экотуристических услугах через сайт заказника, социальные сети, рекламные буклеты, средства массовой информации, участие в профильных выставках. Важным сервисным условием является реализация возможностей по упрощению процедур онлайн-бронирования, предварительной записи и оплаты услуг через сайт заказника.

Библиографические ссылки

1. Экологический туризм [Электронный ресурс] / cleanbin.ru. Режим доступа: <https://cleanbin.ru/terms/ecological-tourism>. (дата обращения: 05.07.2023).
2. Разработка плана управления государственного природоохранного учреждения «Заказник республиканского значения «Выдрица»: отчет о НИР (заключ.). БГУ; рук. Б. П. Власов. Минск, 2021. 172 с. №ГР 20213274.
3. Редкие биотопы Беларуси / А. В. Пугачевский [и др.]. Минск: Альтиора - Живые Краски, 2013. 236 с.
4. Туристические маршруты [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://zakaznik-vydritsa.by/eko-tur-uslugi/tur-marshruty/> (дата обращения: 05.07.2023).
5. Разработка стратегии развития экологического туризма для заказника республиканского значения «Выдрица»: отчет о НИР (заключ.). БГУ; рук. Н. Ю. Суховило. Минск, 2023. 75 с. № ГР 20231240.

УДК 911.3:338.45:621.31(476)

РАЗВИТИЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В БЕЛАРУСИ: ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ АСПЕКТ

Л. О. Сушкевич, В. В. Чарковский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, zhigalsk.geol@mail.ru, geo.charkovs@bsu.by*

В статье рассматриваются пространственно-временные особенности развития возобновляемой энергетики в Беларуси за период начиная с 2000-х гг. до настоящего времени. Проанализированы динамика и структура производства электроэнергии за счет использования возобновляемых энергоресурсов в стране в целом и в разрезе областей. Сделан вывод о тенденции к территориальной деконцентрации установленных мощностей возобновляемой энергетики на уровне областей и административных районов на основе расчета и интерпретации индекса Херфиндаля–Хиршмана.

Ключевые слова: возобновляемая энергетика; пространственно-временная динамика; региональная структура; территориальная концентрация; производство электроэнергии.

DEVELOPMENT OF RENEWABLE ENERGY IN BELARUS: SPATIAL AND TEMPORAL ISSUES

L. O. Sushkevich, V. V. Charkovsky

*Belarusian State University, Nezalezhnosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, zhigalsk.geol@mail.ru, geo.charkovs@bsu.by*

The article deals with the spatial and temporal features of renewable energy development in Belarus over the period from the 2000s to the present. It analyzes the dynamics and structure of electricity production through the use of renewable energy resources in the country and in the regions. It is concluded that there is a tendency to territorial deconcentration of installed renewable energy capacities at the level of regions and administrative districts based on the calculation and interpretation of the Herfindahl-Hirschman index.

Keywords: renewable energy; spatial and temporal dynamics; regional structure; territorial concentration; power generation.

Возобновляемая энергетика представляет собой динамично развивающуюся сферу энергетики: на глобальном уровне за последние 20 лет производство электроэнергии из возобновляемых энергоресурсов увеличилось с 3,0 трлн кВт·ч в 2001 г. до 8,3 трлн кВт·ч в 2021 г., что способствовало росту доли ВИЭ в мировой выработке электроэнергии с 19 до 29 % [1].

Значение возобновляемых энергоресурсов в глобальном энергетическом секторе видится важным, в первую очередь, как альтернативный ресурс для снижения зависимости от традиционных ископаемых топливно-энергетических ресурсов, таких как уголь, нефть и природный газ, а также цен на них. Кроме того, технологии использования ВИЭ в энергетических целях способствуют научно-техническому прогрессу в энергетике: появление новых способов генерации энергии, повышению энергоэффективности энергетических установок, развитие интеллектуальных энергетических систем и т. д.

Активное развитие возобновляемой энергетики в Беларуси видится перспективным с точки зрения диверсификации производства электроэнергии, экологизации энергетического комплекса, снижения зависимости от импорта энергоресурсов, а также регулирования суточных нагрузок в энергосистеме. В связи с этим значимым является понимание общих трендов и пространственных особенностей развития возобновляемой энергетики в стране.

Необходимо отметить, что согласно Закону Республики Беларусь «О возобновляемых источниках энергии» под ВИЭ понимается «энергия солнца, ветра, тепла земли, естественного движения водных потоков, древесного топлива, иных видов биомассы, биогаза, а также иные источники энергии, не относящиеся к невозобновляемым» [2], а под энергией, производимой из ВИЭ — «электрическая энергия, производимая на установках по использованию возобновляемых источников энергии» [2]. Таким образом, в Республике Беларусь на законодательном уровне регламентируется использование ВИЭ для производства именно электрической энергии, поэтому далее в статье возобновляемая энергетика будет рассмотрена как часть электроэнергетического комплекса страны.

В целом на протяжении рассматриваемого периода (2005-2020 гг.) для Беларуси характерен устойчивый стремительный рост производства электроэнергии из ВИЭ (рис. 1), что вполне объяснимо новизной отдельных подотраслей возобновляемой энергетики, которые появились относительно недавно и еще находятся на начальном этапе своего развития. Ежегодные темпы роста производства электроэнергии на основе ВИЭ демонстрируют пару резких «скачков»: 2012/2013 гг. (годовой прирост составил 56,1 %) и 2016/2017 гг. (98,4 %), что объясняется вводом в эксплуатацию крупных для Беларуси гидроэлектростанций (Гродненской — в 2012 г., Витебской и Полоцкой — в 2017 г.). Отдельно стоит отметить рост доли производства электроэнергии из ВИЭ в общем объеме производства с 0,12 % в 2005 г. до 3,45 % в 2020 г. Несмотря на то, что значение данного показателя невысокое, для Республики Беларусь это свидетельство существенного шага в развитии возобновляемой энергетики.

Рис. 1. Производство электроэнергии за счет использования ВИЭ в Республике Беларусь, 2005–2020 гг. (составлено автором по [3])

Еще одной важной тенденцией в развитии ВИЭ является диверсификация используемых возобновляемых энергоресурсов для генерации электроэнергии: так, до начала XXI в. из ВИЭ в Беларуси функционировали только ГЭС; а с начала XXI в. активно начинает развиваться биоэнергетика — появляются биогазовые энергетические установки и установки, работающие на энергии биомассы, при этом развитие именно биоэнергетики в первую очередь обусловлено переводом ряда мини-ТЭЦ в рамках широкомасштабной модернизации энергокомп-лекса Беларуси на возобновляемые энергоресурсы. В настоящее время доля ГЭС в структуре производства возобновляемой электроэнергии (рис. 2) составляет 30 %, остается высокой доля биоэнергетических установок — 43 %, паритетные позиции у ветровой и солнечной энергетики — 13–14%, несмотря на то, что ветровые установки появились в стране (в 2003 г.) значительно раньше солнечных (в 2011 г.).

Неоднородно территориальное развитие возобновляемой электроэнергетики в Беларуси. Вначале 2000-х гг. по объему установленных мощностей ВИЭ лидировала Могилевская область за счет нахождения здесь на тот момент крупнейших ГЭС Беларуси — Осиповичской и Чигиринской ГЭС. В настоящее время лидером среди областей по выработке электрической энергии из ВИЭ является Гомельская область — 380 млн кВт·ч в 2020 г., за счет концентрации здесь одной из крупнейших в стране солнечной электростанции — Солнечной электростанции на головных сооружениях РУП «ПО «Белоруснефть» г. Речица мощностью 55,2 МВт [4]. При этом Гомельская область является ведущей в доле электроэнергии, производимой за счет ВИЭ, — 10 % от общего объема производства в области, за которой следуют Гродненская и Могилевская области (табл. 1).

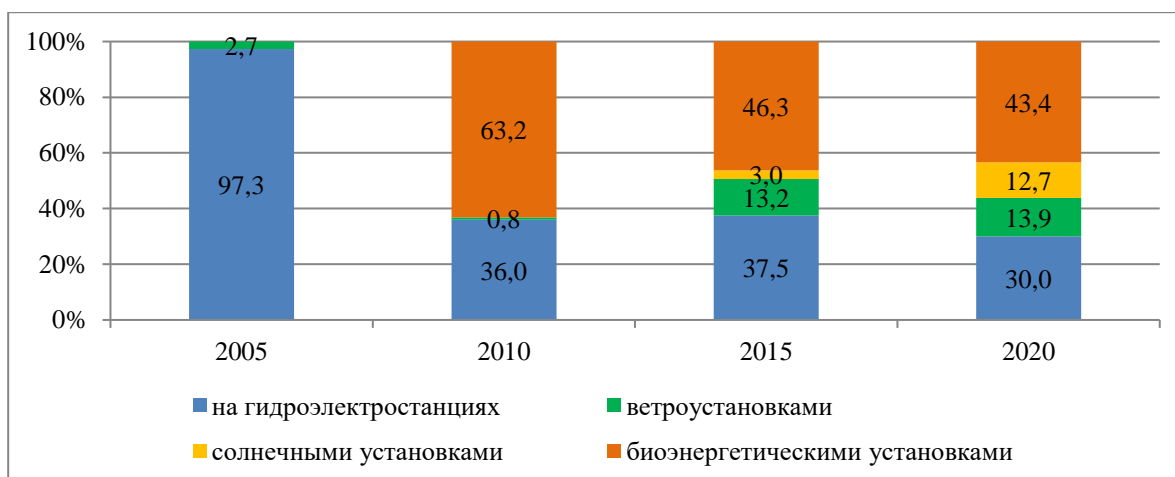

Рис. 2. Структура производства электроэнергии на установках, использующих ВИЭ, %, 2005–2020 гг. (составлено автором по [3])

Таблица 1

Производство электроэнергии за счет использования ВИЭ в разрезе областей Республики Беларусь, 2005–2020 гг. [3]

Области	2005 г.		2010 г.		2015 г.		2020 г.	
	*	**	*	**	*	**	*	**
Брестская	1	0,03	34	1	48	0,92	102	1,74
Витебская	3	0,02	8	0,05	19	0,19	310	2,49
Гомельская	–	–	–	–	10	0,32	380	10,01
Гродненская	6	0,6	6	0,35	85	3,25	231	7,03
Минская (вкл. г. Минск)	10	0,1	42	0,48	57	0,51	152	1,39
Могилевская	17	1,0	35	1,59	77	3,85	159	6,64

* – производство электроэнергии за счет использования ВИЭ, млн кВт·ч; ** – доля производства электроэнергии за счет использования ВИЭ в общем объеме производства электроэнергии в области, %.

Важное значение в пространственном развитии возобновляемой энергетики в Республике Беларусь за период с 2005 г. по настоящее время является территориальная деконцентрация отрасли, как на уровне областей, так и на уровне административных районов, что подтверждают значениями индекса Херфиндаля–Хиршмана (табл. 2), рассчитанного на основе установленной мощности энергетических установок, локализованных в тех или иных областях или административных районах. При этом стоит отметить переход за исследуемый период от высокой к относительно умеренной концентрации отрасли в разрезе областей (по состоянию на 2020 г. значение индекса составило 1982 (менее 2000 — умеренная концентрация [5])), при этом на уровне административных районов отрасль демонстрирует неконцентрированное состояние (значение индекса — менее 1000), которое имеет тенденцию к деконцентрации.

Таблица 2

Территориальная концентрация установленных мощностей возобновляемой энергии в Республике Беларусь (индекс Херфиндаля–Хиршмана)

Год	Территориальный уровень	
	Области	Административные районы
2005	3178	887
2010	2717	719
2015	2188	653
2020/2023*	1982	581

* – индекс Херфиндаля–Хиршмана для областей рассчитан на 2020 г., для административных районов – на 2023 г.

Таким образом, в пространственно-временной динамике развития возобновляемой энергетики Беларуси за период начало 2000-х гг. до настоящего времени наблюдаются следующие тенденции: устойчивый рост производства электроэнергии, диверсификация производственной структуры, территориальная деконцентрация установленных мощностей ВИЭ.

Библиографические ссылки

1. Energy Statistics Data Browser // International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-tools/energy-statistics-data-browser?country=%5Bobject%20object%5D&energy=Electricity&year=2001> (date of access: 04.03.2024).
2. О возобновляемых источниках энергии: Закон Респ. Беларусь, 27 дек. 2010 г., № 204-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: [https://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2011-2/2011-2\(026-035\).pdf&oldDocPage=1](https://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2011-2/2011-2(026-035).pdf&oldDocPage=1) (дата обращения: 02.03.2024).
3. Энергетика // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/energeticheskaya-statistika/> (дата обращения: 04.03.2024).
4. Государственный кадастр возобновляемых источников энергии // Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды. URL: <http://195.50.7.239/Cadastre/Map> (дата обращения: 04.03.2024).
5. Толмачев М. Н. Методология расчета показателей концентрации сельскохозяйственного производства // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2010. Т. 10. Вып. 2. С. 103-111.

УДК 911.375(476)

ВЕРНАКУЛЯРНЫЕ РАЙОНЫ В БЕЛОРУССКИХ ГОРОДАХ С ПРОМЫШЛЕННОЙ ФУНКЦИЕЙ

А. Н. Титов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, antitov@tut.by*

В статье отражены результаты проведения вернакулярного районирования моноиндустриальных городов Республики Беларусь по исследованию специфики их внутригородских топонимов и особенностей развития городской инфраструктуры. Исследование проводилось в трех ключевых городах Жабинка, Жлобин и Кричев, в ходе чего были установлены закономерности развития их городского пространства.

Ключевые слова: вернакулярный район; топоним; моноиндустриальный город; функционально-планировочная структура; городское пространство; урбанистика.

VERNACULAR REGIONS IN BELARUSIAN TOWNS WITH INDUSTRIAL FUNCTION

A. N. Titov

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, antitov@tut.by*

The article reflects the results of vernacular zoning of single-industry towns of the Republic of Belarus to study the specifics of their intraurban toponyms and features of the development of urban infrastructure. The study was carried out in three key towns Zhabinka, Zhlobin and Krichev, during which the patterns of development of their urban space were established.

Keywords: vernacular region; toponym; single-industry town; functional planning structure; urban space; urban studies.

Выделенные местными жителями части города, которые существуют в их сознании в виде образа определенной территории, обладающей названием и специфическими качествами, в науке принято называть вернакулярными районами [1, 2]. По большому счету, они являются внутригородскими топонимами и могут иметь различное происхождение: географическое (по сторонам света и положению на карте), историческое (по ранее закрепившимся топонимам, названиям сел, вошедших в городскую черту), а также по инфраструктурным, производственным, социальным и другим ориентирам или объектам [3].

Целью данного исследования было проведение вернакулярного районирования в белорусских городах с промышленной функцией (моноиндустриальных городах) для того, чтобы получить представление об истории формирования этих населенных пунктов, уровне развития их городской инфраструктуры и сферы услуг. Исследование такого рода позволяет показать внутригородскую структуру в восприятии горожан, выявить ареалы социальной сегрегации, определить привлекательность отдельных частей городов и т.п. [4]. Выявление вернакулярных районов в имеющихся границах указанных городов предоставляет возможность проследить наблюдающиеся в постиндустриальную эпоху тенденции джентрификации, а также ревитализации городского пространства.

Моноиндустриальными городами-ключами выступили Жабинка, Жлобин и Кричев, которые различаются как по промышленной специализации экономики, так и относятся к разным группам городов в соответствии с показателем людности (таблица).

Основные показатели развития моноиндустриальных городов-ключей [по 5, 6]

Показатель	г. Жабинка	г. Жлобин	г. Кричев
Численность населения (тыс. чел., 01.01.2023)	14,2	77,0	23,6
Доля занятого населения в промышленности, %	57,1	52,7	50,6
Площадь города, га (по генплану)	1071	3841	1937
Доля промышленных территорий, %	21,9	7,0	13,9
Промышленная специализация города (согласно ОКРБ 005-2011 «ВЭД»)	Производство продуктов питания, напитков и табачных изделий	Металлургическое производство. Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	Производство резиновых и пластмассовых изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов
Градообразующее предприятие	ОАО «Жабинковский сахарный завод»	ОАО «Белорусский металлургический завод»	ОАО «Кричев-цементношифер»
Количество вернакулярных районов	9	13	10

В Жабинке были выделены 9 вернакулярных районов, при этом 3 из них расположены по одну сторону главной железнодорожной магистрали

города, в том числе обслуживающей градообразующее предприятие, и 6 остальных — по другую. Локализация вернакулярного района «Сахарный» совпадает с местонахождением ОАО «Жабинковский сахарный завод», формируя также близлежащий жилой сектор. Еще одним внутригородским топонимом Жабинки, имеющим производственный генезис, является вернакулярный район «Нефтебаза», где расположен комплекс зданий и сооружений по хранению и перевалке нефтепродуктов. Исходя из этого, можно констатировать, что названные части города являются не чем иным, как промзонами. Вернакулярные районы Абрамовичи, Галиново, Мыщицы представляют собой бывшие сельские населенные пункты, вошедшие в городскую черту Жабинки, ввиду роста города и близкого их расположения. Все они представлены преимущественно усадебной застройкой. Генезис топонимов «Мухина яма» и «Жабиночка» непосредственно связан с историей города и его физико-географическими особенностями. Район «Центр» занимает соответствующее место в планировочной структуре города, где сконцентрировано большинство объектов сферы услуг различного функционала. «Микрорайоном» местные жители называют часть города, где преимущественно размещается существующая многоквартирная застройка и где ведется строительство нового жилья. Это типичный спальный район Жабинки, выполняющий селитебную функцию.

В Жлобине были выделены 13 вернакулярных районов. При этом, как и в Жабинке, железнодорожные пути выступают границами тех или иных внутригородских топонимов. В то же время важно отметить, что градообразующее предприятие ОАО «Белорусский металлургический завод» расположено за пределами городской черты и примыкает к юго-юго-западной оконечности Жлобина, в результате чего соответствующий вернакулярный район в настоящее время находится в стадии развития. Промзоны, расположенные в теле города его северо-западной и южной частях, в значительно меньшей степени подверглись процессам вернакуляризации в сравнении с зонами жилой застройки. К примеру, «Третий микрорайон» и «Новые микрорайоны» являются ядрами новостроек многоквартирного жилья. Внутригородские топонимы «Лебедёвка», «Карпиловка», «Вирский» и «Рабочий поселок» в прошлом являлись отдельными сельскими населенными пунктами, которые со временем вошли в состав города. Большая их часть представлена усадебной застройкой и жильем малой этажности. Сугубо географическое происхождение имеют два вернакулярных района Жлобина, раскинувшиеся по обе стороны ул. Шоссейной, одной из главных транспортных артерий города, которые среди местных жителей известны как «Северная» и «Южная». Внутригородской топоним «Подол» походит от названия электрифицированной железнодорожной

станции «Жлобин-Подольский», расположенной в южной части города, формируя одноименный жилой массив. Генезис вернакулярных районов «Болото» и «Днепр», прежде всего, связан с физико-географическими особенностями города и их соответствующей локализацией. В северной части населенного пункта находится т. н. «Царское село», где концентрируется элитная усадебная застройка Жлобина. Вернакулярный район «Центр» занимает относительно центральное положение в городском пространстве Жлобина с определенным смещением к востоку, в сторону реки Днепр. Здесь концентрировано большинство объектов обслуживания и сферы услуг различного профиля.

В ходе проведения вернакулярного районирования в Кричеве было выделено 10 отдельно локализованных внутригородских топонимов. Вернакулярный район «Цементный завод» выделен по местонахождению в его границах одного из производственных объектов, принадлежащих градообразующему предприятию ОАО «Кричевцементношифер», большая часть производственных мощностей которого в настоящий момент расположена за пределами города. Районы «Гончаровка», «Забельшино», «Воронево» являются бывшими сельскими населенными пунктами, вошедшими в городскую черту Кричева, ввиду роста города и близкого их расположения. Все они представлены преимущественно усадебной и малоэтажной многоквартирной застройкой. Генезис внутригородских топонимов «Сож» и «Роща» непосредственно связан с физико-географическими особенностями данного моноиндустриального города. Однако, если первый из двух названных представлен многоквартирной застройкой в центральной части города, то второй — усадебной застройкой на севере Кричева. Район «Депо» походит от одноименного железнодорожного остановочного пункта, формируя одноименный жилой массив. Часть города, которая среди местных жителей известна под названием «Пригородное», находится в южной его оконечности, представленная усадебной застройкой. Вернакулярный район «Комсомольский» является основным местом расположения многоквартирного жилья в центральной части Кричева, генезис которого относится к советскому периоду, что отражено в его названии. «Центр» занимает относительно центральное положение в городе со смещением к югу ввиду меридиональной вытянутости Кричева, где сконцентрировано большинство объектов обслуживания и сферы услуг (рисунк).

Вернакулярные районы ключевых моноиндустриальных городов: *a)* – Жабинка, *б)* – Жлобин, *в)* – Кричев [сост. авт.]

Таким образом, в ходе проведения вернакулярного районирования в трех белорусских моноиндустриальных городах удалось установить, что чем большей людностью и площадью характеризуется город, тем большим количеством вернакулярных районов он обладает. В пределах городов с промышленной функцией выделяется вернакулярный район, имеющий индустриальный генезис, локализация которого приурочена к важнейшему градообразующему предприятию. Такие участки города, как правило, характеризуются недостаточной обеспеченностью объектами социально-бытового обслуживания и низким уровнем развития третичного сектора, в то время как все выделенные «Центры» выступают своего рода антиподами. В целом, в большинстве случаев выделенные внутригородские топонимы представлены селитебной зоной (68,8 %), реже – производственной и коммунально-складской либо общественно-деловой зонами (по 9,4 %), ландшафтно-рекреационной зоной либо зоной инженерно-транспортной инфраструктуры (по 6,2 %). Для большинства вернакулярных районов моноиндустриальных городов Беларуси свойственно недостаточное развитие городской инфраструктуры и озелененности. Их функционально-планировочная структура характеризуется инертностью, замедленным протеканием процессов деиндустриализации, что не предполагает активной ревитализации городского пространства и наличия тенденций джентрификации.

Библиографические ссылки

- 1 Социально-экономическая география: понятия и термины: словарь-справочник. Отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
2. Павлюк С. Г. Вернакулярные районы в постиндустриальную эпоху / С. Г. Павлюк // Постиндустриальная трансформация социального пространства России: сб. докл. Шестых Сократических чтений. Москва: Эслан, 2006. С. 94-115.
3. Казаков С. Г. Вернакулярное районирование как основа геодемографических и геомаркетинговых исследований (на примере г. Курска) / С.Г. Казаков, А.О. Харченко, А.А. Чернышев // Электронный научный журнал Курского государственного университета. Сер. Науки о Земле. Курск, 2015. № 1. С. 22-33.
4. Карлова Е. В. О связи географических границ городских вернакулярных районов с природными рубежами (на примере крупных городов центральной России) / Е. В. Карлова, С.В. Харченко // Региональные исследования. Москва, 2014. № 2 (44). С. 122-123.
5. Архивные материалы НП РУП «Белниипградостроительства» / генеральные планы и пояснительные записки городов: Жабинка (№ об. 91/91, № об. 50/14); Жлобин (№ об. 89/88, № об. 55/06); Кричев (№ об. 62/76, № об. 50/08).
6. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Публикации, сборники // Минск, 2023. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation /. – Дата доступа: 12.02.2023.

УДК: 330.341.1

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

А. В. Томашевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, angeliha@mail.ru*

На современном этапе развития Республики Беларуси стремительно возрастает роль человеческого капитала. Этот фактор является ключевым в инновационной активности. Основным показателем развития и формирования человеческого капитала в условиях конкурентоспособности экономики является образование. Рассмотрено понятие инновационной экономики, как экономики знаний, «человеческого капитала».

Ключевые слова: инновационная экономика; человеческий капитал; инновационное развитие; образование; учреждений высшего образования; отрасли наук.

THE ROLE OF HUMAN CAPITAL IN THE INNOVATION ECONOMY

A. V. Tomashevich

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, angeliha@mail.ru*

At the present stage of development of the Republic of Belarus, the role of human capital is rapidly increasing. Human capital is a key factor in innovation activity. The main factor in the development and formation of human capital in a competitive economy is education. The concept of an innovative economy as an economy of knowledge, “human capital” is considered.

Keywords: innovative economy; human capital; innovative development; education; higher education institutions; branches of science.

Инновационное развитие является приоритетом современной экономики. Основой перехода на такой путь развития и фактором нового качества экономического подъема служат инновации, обеспечивающие рост конкурентоспособности национальной экономики. Главным элементом процесса развития инновационного производства является творческий человек, а человеческий капитал становится ключевым ресурсом инновационного производства на основе генерации новых знаний. Особенность производства на основе инноваций заключается в том, что производственный процесс становится творческим процессом преобразования знания в новый продукт [4].

Тенденции экономического развития в XXI в. характеризуются рядом основных факторов. Во-первых, это быстрый технологический прогресс, который приводит к изменениям в структуре экономики и требует постоянного обновления знаний и навыков со стороны работников. Во-вторых, глобализация усиливает конкуренцию на мировом рынке и требует от стран адаптации к новым условиям и развития инновационных производств. В-третьих, особенности демографических изменений, связанных с увеличением доли населения пожилого возраста, а также изменением структуры семьи и роли женщин в обществе.

Именно человеческий капитал, его способность осуществлять творческую деятельность и неизбежная необходимость осуществления такой деятельности, становятся главными условиями роста инновационного производства, как основы экономики. Следовательно, определив экономическую сущность человеческого капитала, детально изучив процесс его воспроизводства, установив законы движения человеческого капитала, можно ответить на современные вызовы.

Человеческий капитал играет ключевую роль в развитии инновационной экономики страны. Он представляет собой совокупность знаний, умений, навыков, опыта и творческого потенциала людей, которые могут быть использованы для создания и внедрения новых технологий, продуктов и услуг. Развитие человеческого капитала способствует повышению производительности труда, улучшению качества и инновационности продукции, снижению затрат на производство и в целом повышению конкурентоспособности страны на мировом рынке.

Политическая экономия и экономическая политика играют важную роль в формировании и реализации стратегий развития инновационной экономики. Они должны обеспечивать условия для развития человеческого капитала, стимулировать инвестиции в инновационные проекты, создавать благоприятную бизнес-среду и регулировать отношения между государством, бизнесом и населением. Экономическая политика должна также учитывать социальные аспекты развития, обеспечивая равноправие и справедливость в доступе к образованию, здравоохранению и другим ресурсам.

Человеческий капитал представляет собой накопленные знания, навыки и квалификацию работников, которые используются для повышения производительности труда и стимулируют инновационное развитие экономики страны. Он играет ключевую роль в развитии инновационной экономики, предоставляя необходимые знания и навыки для создания и применения новых технологий, идей и процессов.

Важность человеческого капитала в развитии инновационной экономики страны проявляется в нескольких аспектах.

1. Образование и подготовка: чтобы стать инноватором, работник должен иметь не только базовое образование, но и конкретные знания и навыки в своей области. Инвестиции в качество образования и профессиональную подготовку способствуют формированию человеческого капитала и могут повысить производительность труда.

2. Непрерывное обучение: в условиях постоянно меняющейся и развивающейся экономики работники должны обладать возможностью адаптироваться к новым технологиям и требованиям рынка. Программы непрерывного обучения и повышения квалификации способны обновить и расширить человеческий капитал, улучшая конкурентоспособность экономики.

3. Инновации и предпринимательство: человеческий капитал является важным источником новых идей, инноваций и предпринимательства. Обладая необходимыми знаниями и навыками, работники могут создавать новые продукты и услуги, улучшать существующие и вносить положительные изменения в экономику.

Перед системой образования Республики Беларусь стоит ряд задач, сформулированных в программе «Образование и молодежная политика» на 2021-2025 гг. В настоящее время в нашей стране функционирует 42 государственных учреждения высшего образования (31 университет, 9 академий, 2 института), находящиеся в подчинении 12 министерств и ведомств, а также 8 учреждений высшего образования частной формы собственности. Подготовка кадров осуществляется по 387 специальностям I ступени и по 159 специальностям II ступени [2].

Сведения о государственных учреждениях высшего образования приведены в табл. 1, об отраслях науки и количестве студентов за период с 2010 по 2022 гг. в табл. 2. [1, 2, 3].

Таблица 1

Количество учреждений высшего образования в Республике Беларусь

Учреждения высшего образования	Учебный год						
	2010/11	2015/16	2018/19	2019/20	2020/21	2021/22	2022/23
Университеты	32	33	34	34	34	33	31
Академии	7	9	9	9	9	9	9
Всего	55	52	51	51	50	50	50

Составлено по: [1, 2, 3]

Таблица 2

Количество обучающихся студентов по отраслям наук, тыс. человек

Отрасли наук	Учебный год						
	2010/11	2015/16	2018/19	2019/20	2020/21	2021/22	2022/23
естественные	13,5	12,3	9,9	10,3	10,2	9,9	9,3
гуманитарные	17,5	14,2	13,3	13,3	13,3	12,7	11,5
технические	82,9	66,3	55,7	55,2	54,9	53,5	48,9
экономические и юридические	180,6	117,5	82,7	78,1	74,3	69,3	64,0
здравоохранение	19,6	21,4	20,3	20,2	20,3	20,6	20,8
сельскохозяйственные	27,8	25,5	24,1	22,8	22,1	21,0	19,2
всего	442,9	336,4	268,1	260,9	254,4	243,0	228,0

Составлено по: [1, 2, 3]

Экономическая политика государства сосредоточена на эффективности и качестве, что количественно должно отразиться на росте показателей производительности труда, рентабельности, доле инвестиций в основной капитал в ВВП, удельном весе отгруженной инновационной продукции, снижении энерго- и материалоемкости на единицу выпущенной продукции.

Обеспечение устойчивого развития ависит от уровня и качества образования граждан. Индекс образования в Беларуси составил 0,838 и удерживает лидирующие позиции (Испания 0,831, Казахстан 0,830, Россия 0,823, Франция 0,817, Украина 0,799, Италия 0,79). Это 32 место среди 189 стран мира [1].

Развитие человеческого капитала, учет тенденций экономического развития в XXI в. и правильная политическая экономия и экономическая политика являются необходимыми условиями для достижения инновационного развития страны и укрепления ее позиций на мировой арене.

Библиографические ссылки

1. Рейтинг стран мира по уровню образования / Гуманитарный портал: Исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2023 (последняя редакция: 14.10.2023). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index> (дата обращения: 25.01.2024).

2. Национальный стат. комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/5d6/5d62c11490270d88d396c8788f28b95d.pdf> (дата обращения: 25.01.2024).

3. Бюллетень Образование в Республике Беларусь – 2016 – 2017.pdf [Электронный ресурс]. URL: https://bolognaby.org/images/uploads/2017/01/Obrasovanie_Belarus_2016_2017.pdf (дата обращения: 25.01.2024).

4. Терешков, А. И. Экономика знаний : пособие / А. И. Терешков, Ю. Г. Абакумова. Минск : БГУ, 2018. 140 с.

5. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, 2022. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/statisticheskie-izdaniya/index_56718/ (дата обращения: 25.01.2024).

УДК 911.3:32

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АНКЛАВНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

А. М. Тошпулатов¹⁾, Ш. З. Жумаханов²⁾

¹⁾Андижанский государственный университет, ул. Университетская, д. 129, 170100, г. Андижан, Республика Узбекистан, abduqodir_dsc@gmail.com

²⁾Наманганский государственный университет, ул. Уйчи, д. 316, 1601119, г. Наманган, Республика Узбекистан, shavkat_72@mail.ru

В статье анализируются этапы формирования, геополитические особенности географического положения и значение в межгосударственных отношениях территорий анклавов/эксклавов, являющихся одним из характерных проявлений государственной разграниченности в мире. Также освещается текущий геополитический ландшафт анклавов/эксклавов, возникших в Ферганской долины.

Ключевые слова: анклав; эксclave; географическое положение анклава; классификация анклавов; основное государство; окружающее государство; межгосударственные отношения.

ECONOMIC-GEOGRAPHICAL AND POLITICAL-GEOGRAPHICAL STUDIES OF ENCLAVE TERRITORIES OF THE FERGANA VALLEY

A. M. Toshpulatov¹⁾, Sh. Z. Jumakhanov²⁾

¹⁾Andijan State University, st. University, 129, 170100, Andijan city, Republic of Uzbekistan, abduqodir_dsc@gmail.com

²⁾Namangan State University, st. Uychi, 316, 1601119, Namangan city, Republic of Uzbekistan, shavkat_72@mail.ru

This article analyzes the stages of formation, the geopolitical features of the geographical location, and the significance in interstate relations of the territories of enclaves and exclaves, which are one of the characteristic manifestations of state delimitation in the world. It also highlights the current geopolitical landscape of enclaves/exclaves that have emerged in the Fergana Valley.

Keywords: enclave; exclave; geographical location of the enclave; classification of enclaves; main state; surrounding state; interstate relations.

В мире быстрый рост народонаселения, развитие международных связей способствуют ускорению социально-экономического развития, формированию специальных территорий и осложнению совместного

использования трансграничных ресурсов. Приоритетное внимание уделяется исследованиям в данном направлении, в частности, выявлению факторов формирования анклавных/экславных территорий и разработке их принципов и критериев как территориальной категории, оценке экономических показателей эффективного совместного использования ресурсов анклавных/экславных территорий. При этом большое значение имеют исследования, относящиеся к моделированию векторных отношений между основным и окружающим государствами, определению формирования и периодического изменения, оценке экономико- и политико-географического положения, определению хозяйственной специализации в связи с природными условиями, стабилизации социально-экономической ситуации анклавных/экславных территорий в различных макрорегионах мира.

В республике Узбекистане реализуются реформы, направленные на проведение открытой и прагматичной, основанной на добрососедстве, взаимном доверии и уважении внешней политики и достигаются ощутимые положительные результаты [1]. На сегодняшний день существует множество научных работ и статей, связанных с изучением существующих проблем анклавных/экславных территорий как отдельного объекта исследования с политико-географической точки зрения.

В исследовании этой проблематики значимыми представляются работы таких ученых, как С. Аламанов [2], Р. М. Алимов [3], Р. Габдулхаков [4], М. Гласснер [5], С. Журавский [6], Х. Катудал [7], А. Койчиев [8], В. Маслов [9], Н. Мегоран [10], А. Меламид [11], Ж. Минги [12], Д'Оливье Фарран [13], Ж. Прескотт [14], П. Ратон [15], Г. Робинсон [16], Ю. Рожков-Юрьевский [17], И. Сидентоп [18], А. С. Солиев [19], А. Тейлор [20], Ф. Ф. Толипов [21], Б. Уайт [22], М. Виноградов [23], Ю. Винокуров [24], В. Зайцев [25], Т. Зверинцева [26] в которых основное внимание уделено геополитическому положению и правовому статусу анклавных/экславных территорий.

В статье анализируются анклавы образовавшийся в Ферганской долине. Все полные анклавы в Ферганской долине образовались в регионе с ограниченными природными ресурсами, большой «демографической нагрузкой» и большим разнообразием этнического состава населения. В частности, в Баткенской области Киргизии сложились 4 узбекских (Сохский, Шахимарданский, Чунгарский, Джангаильский) и 2 таджикских (Ворухский, Гарбий Калача) эксклава. В Наманганской области Узбекистана находится таджикский эксclave Сарвак.

Эксclave Узбекистана на территории Кыргызстана. Сох («прекрасный» на согдийском языке) — крупнейший полный анклав в Ферганской долины. Этот эксclave, принадлежащий Узбекистану, расположен в северной части Алайского хребта и западной части хребта Катрантау. Как

анклав, он окружен со всех сторон Кадамжайским и Баткенским районами Кыргызстана. Анклав расположен в верхнем и среднем течении реки Сох, его территория вытянута почти на 40 км с севера на юг, на 2-12 км с запада на восток.

Площадь 221 км², протяженность границы с окружающим государством 135 км. Хотя ближайшее расстояние до основного государства составляет 11 км, он соединяется с материнским государством автомобильными дорогами по двум маршрутам: 35-километровому маршруту «Риштан-Сох» (таможенный контрольный пост «Кайтпас») и 71-километровому маршруту «Вуадиль-Кадамжай-Сох» (таможенный контрольный пост «Кызыл-Кия»).

Из карт 1950-х гг. видно, что Сох был непосредственно соединен с территорией Узбекистана [27]. С присоединением Москвой северной части Сох к Киргизской Советской Республике в 1955 г. он был отрезан от основного государства, став анклавом. Несмотря на многочисленные меры, предпринятые правительством, долгое время отделенность Соха от основного государства было причиной возникновения социально-экономических проблем в экономике анклава.

В целях дальнейшего развития анклава 8 августа 2020 г. принята Программа комплексных мер по социально-экономическому развитию Сохского района на 2020-2021 гг. В результате были достигнуты ощутимые позитивные сдвиги в социально-экономическом развитии анклава. В частности, в Сохском анклав в 2021 г. промышленное производство выросло на 103,6 %, объем строительных работ на 107,4 %, объем платных услуг на 108,0 %, розничный товарооборот на 101,7 %, освоенные инвестиции в основной капитал почти в 2,4 раза [28, с. 45].

Сохский район обладает достаточным потенциалом развития. При его системном использовании повысится уровень жизни населения территории, улучшится социально-экономическое положение, устранится проблема анклавности, а также он станет одним из «полюсов роста».

Шахимардан (по-персидски «царь храбрых») — эксклав Узбекистана, расположенный в Кадамжайском районе Баткенской области Кыргызской Республики. Расположен на северном склоне Алайского хребта, в долине слияния рек Аксу и Коксу, образующих Шахимардансай. Анклав окружен хребтами Бель-Мазаром с востока, Куру-Салаа с запада, северными склонами Алайского хребта с юга и открыт только с северной стороны, где вытекает Шахимардансай. Площадь 90 км², население более 6 тыс. человек.

Ближайшее расстояние до основного государства составляет 14,8 км, он связан с материнским государством через контрольно-пропускной

пункт «Кызыл-Кия», который работает круглосуточно по маршруту «Вуадиль-Кадамжай-Шахимардан» (автотрасса R-144a).

Бывшее село Хамзаабад в Киргизии образовано в 1930 г. как узбекский эксклав. В течение многих лет статус де-юре долины Шахимардан, которую называют «Швейцарией Узбекистана», был спорным. В 2004 г. аспекты принадлежности анклава были исторически проанализированы официальными лицами двух стран и пересмотрены с юридической точки зрения.

В настоящее время в анклаве проводится системная работа по увеличению потока паломников и экотуристов, а также по улучшению инфраструктуры. В результате соглашения о стратегическом партнерстве, подписанного между основной и окружающей странами, многие проблемы в анклаве нашли свое решение.

Чонгара (по-киргизски «земля знатных людей») — эксклав Узбекистана в Баткенской области Кыргызской Республики площадью 261 га с населением около 1,5 тыс. человек.

На картах национально-территориального размеживания 1924 г. и на общесоветских картах 50-х гг. территория села также непосредственно примыкала к Узбекистану в составе Сохского района. В результате процессов разграничения, не имеющих легитимной основы, в 1955 г. село Чонгара вместе с Сохским районом отделяется от Узбекистана и становится анклавом. Административно анклав относится к Риштанскому району Ферганской области. В течение нескольких десятилетий из-за закрытия таможенно-пограничного поста на участке Риштан-Сох проезд из райцентра в село Чонгара и, наоборот, из анклава в райцентр был проблемным. В частности, до таможенно-пограничного поста Вуадиль надо было проехать 100 км в объезд и еще 40 км пересечь по территории Узбекистана. Такие неудобства негативно сказались на социально-экономическом развитии селения Чонгара. В апреле 2021 г. возобновление движения по маршруту Риштан-Сох через контрольно-пропускной пункт «Кайтпас» привело к возможности соединения с основным государством 24-километровой автомагистралью.

Джангаил («новое селение (аул)» по-киргизски) — эксклав Узбекистана, расположенный в Баткенской области Кыргызской Республики. Географически он расположен в западной ветви конуса выноса Шахимарданская. Площадь 42 га, население более 150 человек. Ближайшее расстояние до материнского государства 0,76 км по автодороге «Таштепа-Юкары Вуадиль» (R-148).

Согласно протоколу № 7 Пленума Среднеазиатской комиссии по разграничению границ от 17 марта 1925 г. селение Таштепа на месте анклава отмечается как территория Узбекской ССР. Впоследствии развитие

киргизских хозяйств вокруг села, привело к его отрыву от основной территории Узбекистана. В 1955 г. селение Таштепа стало анклавом в соответствии с принципом проведения границы Паритетной комиссией с учетом фактического землепользования. Он расположен очень близко к материнскому государству. Из-за малонаселенности в этом анклаве нет существенных проблем «геополитического островного положения».

Эксклавы Таджикистана на территории Кыргызстана. Ворух («крепость» по-согдийски) — это анклав Таджикистана, расположенный в Баткенской области Кыргызской Республики, в долине реки Кшемыш, правого притока реки Караушин. Площадь 130 км², Население более 45 тыс. человек. Хотя ближайшее расстояние до материнского государства составляет 3,7 км, он соединяется с материнским государством через 28-километровую дорогу Чоркух-Ворух.

Район имеет древнюю историю. В частности, З. М. Бабур упомянул его под названием Ворух в своих мемуарах «Бабурнамэ» и отметил, что он является одной из четырех составных частей Исфаринской области [29]. По религиозному составу полностью состоит из мусульман. На северо-западе района находится захоронение под названием «Гури Муг», которую жители особенно почитают. Кроме того, в Ворухе находятся гробницы исламских ученых и праведников (Мазори Шимиргоний, Мазори Балогардон и другие). В результате появился внутренний религиозный туризм. В ходе археологических раскопок в селе (Карабулак, Тура-тош, Исфара, Ворух) обнаружена керамика с характерным красным орнаментом. Все это свидетельствует о том, что анклав издавна был заселен.

Учитывая вышеперечисленные обстоятельства, наиболее приемлемым решением представляется осуществление равноправного сотрудничества, проявляя политическую волю в дружественных отношениях [30, с. 118].

Западная Калача («Крепость на Западе» по своей топологии) — анклав на северо-западе Лейлекского района Баткенской области Кыргызской Республики, относящийся к Джаббор-Расулевскому (бывшему Пролетарскому) району Республики Таджикистан. Площадь 0,88 км², ближайшее расстояние до материнского государства 2,36 км.

Экслав расположен в 7 км к югу от райцентра Джаббор-Расулевского района Мехрабада и в 14 км к северу от города Сулюкта Лейлекского района. Он состоит из станции Карагач на железнодорожной линии Мехрабад-Сулюкта. На территории размещены пункты железнодорожного обслуживания и хозяйственные объекты. До второй половины XX в. Западная Калача не являлась спорной территорией. Поскольку в этом районе расположены объекты транспортной инфраструктуры, построенные таджикскими представителями, он был определен как зона,

принадлежащая Таджикской ССР, в процессе повторного разграничения после 1950-х гг. А именно как анклав эта территория была оформлена в 1959 и 1989 гг. по решению паритетной комиссии при правительствах Киргизской ССР и Таджикской ССР и отмечен как «участок номер один Московского колхоза Пролетарского района Ленинабадской области Таджикской ССР».

Экслав Таджикистана на территории Узбекистана. Сарвак («лучший» по-пуштунски) — расположенный в западной части Папского района Наманганской области Республики Узбекистан, в бассейне Сарвакская экслав Таджикистана, считается населенным пунктом с самой большой численностью узбеков в джамоате Ориен Аштского района, расположенного на севере Таджикистана.

Площадь 8,4 км², население более 560 человек, ближайшее расстояние до материнского государства 1,2 км. Анклав связан с основным государством автомагистралью Чарогон-Навбунед через контрольно-пропускной пункт «Навбунед» на расстоянии 30 км.

Близость к этому таджикскому экславу стратегически важной автомобильной и железной дороги, соединяющей Ферганскую долину с другими частями Узбекистана, а также близость к этому таджикскому экславу перевала Камчик, имеющего международное значение, привели к тому, что анклавный характер Сарвака еще больше обострился на долгие годы [28]. В связи с потеплением узбекско-таджикских межгосударственных отношений за последние пять лет, достигнутым главами правительств двусторонним соглашением о статусе территории анклава, устранены многие сложности доступа от анклава к материнскому государству и стабилизированы отношения с окружающим государством.

Бывший экслав Кыргызстана на территории Узбекистана. Барак («благословенный» по-арабски) — экслав, существовавший в 1953-2018 гг. в Кургантепинском районе Андижанской области Республики Узбекистан, относящийся к Карасуйскому району Кыргызской Республики. Площадь 230 га, население 625 чел. (2014), расстояние до материнского государства составляло 3,5 км. Жители анклава связаны с основным государством дорогой, ведущей в город Ош через круглосуточный таможенный контрольно-пропускной пункт «Достук» в Ходжаабадском районе.

В 1940-1950-е гг. в результате расселения группы киргизских крестьян на юго-востоке Кургантепинского района Андижанской области в виде аула в составе Узбекской ССР населенный пункт Барак сформировался в виде топологического фрагмента и на этой территории, основанной на орошаемом земледелии, возникло множество социальных конфликтов, ирригационных и транспортных проблем с населением окружающего государства [1].

После обретения странами независимости вышеуказанные проблемы обострились. Когда социально-экономическая ситуация в анклаве начинает обостряться, главным вопросом стало преодоление проблемы анклавности между властями двух стран. В частности, в ходе официального государственного визита Президента Республики Узбекистан в Кыргызскую Республику 5-6 сентября 2017 г. рассмотрены проблемы и вопросы делимитации-демаркации между двумя государствами. Между Узбекистаном и Кыргызстаном достигнута договоренность о решении проблемы путем обмена землями равной площади вместо анклава Барака. В результате соглашений по пограничным вопросам, в частности по анклаву, в августе 2018 г. подписано соглашение о передаче Барака Узбекистану для делимитации и демаркации кыргызско-узбекской границы. При этом анклав Барак был разменен на земельный массив, расположенный на границе двух государств на территории села Бирлашган Кургантепинского района Андижанской области. Было также запланировано переселение жителей бывшего анклава на территорию, предоставленную Узбекистаном Кыргызстану взамен Барака. Благодаря этому на политической карте Центральной Азии исчез единственный киргизский эксклав, и связанные с ним проблемы были решены.

В отличие от других анклавов мира, анклав Ферганской долины имеет уникальный характер из-за крайне тонких векторных отношений. Можно сказать, что анклав окружен странами с разными интересами и часто создают конфликтные ситуации.

В данной исследовательской работе, посвященной проблемам, сложившимся в анклавных/эксклавных территориях Ферганской долины, можно сделать следующие выводы:

этимология названий микроанклавов с низким территориально-демографическим потенциалом, именуемых по-разному, уточнена исторически, семантически, лингвистически, лексико-географически. На примере анклава Барак изучен прецедент решения существующей проблемы, устраненной с помощью межгосударственного соглашения об обмене равных площадей. Однако научно обосновано, что крупные анклавные территории, имеющие стратегическое значение (такие как Сох, Ворух, Шахимардан), будут существовать и в будущем как «геополитические острова»;

география анклавов проанализирована теоретически, и на основе существующих методологических взглядов была освещена экономико-географическая и политико-географическая картина анклавов в Ферганской долине. Выделены отрасли их специализации с учетом природных, социально-экономических факторов и проанализированы интеграционные связи стран региона с точки зрения нового времени.

Библиографические ссылки

1. *Jumakhanov Sh. Z., Toshpulatov A. M.* Geopolitical view of the Central Asian region: Uzbekistan's geographical location in the region and its relationship // ISJ Theoretical & Applied Science. The USA, Philadelphia, 2019. vol. XI, no. 79, p. 515-519.
2. *Аламанов С.* Анклавы в Центральной Азии: История вопроса и современные проблемы // Постсоветские исследования. Бишкек, 2018. т. I, № 5. С. 451-459.
3. *Алимов Р. М.* Проблемы формирования новой архитектуры региональной безопасности в условиях глобализации (на примере Центральной Азии) // Автореф. дисс... на соис. учен. степ. д-ра. полит. наук. Т.: «УМЭД», 2006. – 23 с.
4. *Gabdulhakov R.* Geographical enclaves of the Fergana Valley: Do good fences make good neighbors? // Journal CA security policy brief. №14, 2015. P. 1-7.
5. *Glassner M. I.* Political Geography. New York: «Wily», 1996. – P. 744.
6. *Журавский С. В.* Российский анклав: Возникновение, состояние и тенденции социально-политического развития (на примере Калининградской области РФ) // Автореф. дисс... на соис. учен. степ. кан. полит. наук. – Москва, 2000. 32 с.
7. *Catudal H. M.* The Exclave problem of Western Europa. The USA: «University of Alabama Press», 1979.
8. *Койчиев А.* Национально-территориальное размежевание в Ферганской долине (1924-1927). Бишкек, КГУ, 2001.
9. *Маслов В. И.* Региональная безопасность: история и проблемы новых независимых государств Центральной Азии // Дисс... на соис. учен. степ. кан. полит. наук. – Бишкек: Илим, 2001. 276 с.
10. *Мезгоран Н.* Центральная Азия: Безопасность и опасности // Центральная Азия и Кавказ, т. 14, № 3. Швеция, 2011. Стр. 7-21.
11. *Melamid A.* Enclaves and Exclaves // International Encyclopedia of the Social Sciences, №5. P. 60-62, 1968.
12. *Minghi J. V.* Point Roberts, Washington – the problem of an American enclave // Association of Pacific Coast Geographers, 1962. – Pp. 29-34.
14. *D'Oliver F.* International Enclaves and the Question of State Servitudes // in International and Comparative Law Quarterly, 1955. №4. P. 297-307.
15. *Prescott J.* Political Frontiers and Boundaries. London: «Unwin human», 1987. P. 332.
16. *Raton P.* Les Enclaves // Annuaire français de Droit International, 1958. P. 186-195.
17. *Robinson G. W.* Exclaves // Annals of the Association of Americal Geographers, 1959. P. 283-295.
18. *Рожков-Юрьевский Ю. Д.* Понятия «анклав/экслав» и «экслав» и их использование для политико-географической характеристики Калининградской области. Научные сообщения. Стр. 149-161, 2013. DOI 10.5922/2074-9848-2013-2-11.
19. *Siedentop I.* Büsingen und Verenhof in der Schweiz. – Frankfurt: «Verlag Moritz Dietsterweg», 1938.
20. *Солиев А. С., Жумаханов Ш. З., Мирзаахмедов Х. С.* Марказий Осиё мамлакатларидаги анклав ва экслав худудлар муаммоси // Фарғона водийси табиатидан фойдаланиш ва муҳофаза қилишнинг долзарб муаммолари. Республика илмий-амалий конференция материаллари. Наманган, июнь 2014. – Б. 6-9.
21. *Taylor A.* The victims of the world's weirdest border dispute vote for the first time. The Washington Post [Electronic resource]. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/05/06/the-victims-of-the-worlds-weirdest-border-dispute-vote-for-the-first-time/> [date of access: 06.06.2016].

22. *Толипов Ф. Т.* Центральная Азия: геоэкономика, геополитика, безопасность / Редакторы: Р. Алимов, Р. Арифханов. Т.: Изд. «Шарк», 2002. с. 208.
23. *Whyte B. R.* Waiting for the Esquimo: An Historical and Documentary Study of the Cooch Behar Enclaves of India and Bangladesh(1 ed.). Melbourne, Australia: School of Anthropology, Geography and Environmental Studies, University of Melbourne. [Report]. Melbourne: University of Melbourne, 2019. P. 502. ISBN 9780734022080.
24. *Виноградов М. В.* Восточнопруссский анклав в межвоенный период (1918-1939) // Автореф. дисс. на соис. учен. степ. д-ра ист. наук. Санкт-Петербург, 2003. 24 с.
25. *Винокуров Е.* Теория анклавов. – Калининград, Изд: «Терра Балтика», 2007. – 342 с.
26. *Зайцев В., Токарева А., Федуненко Е., Чернышева Е., Шкуренко Ю.* Все анклавы мира, 2018. [Electronic resource]. URL: [_](#)
27. *Зверинцева Т., Ханкишиев И.* Анклавы в Центральной Азии: история и современные проблемы // Новая эпоха. [Electronic resource]. URL: <https://novayaepocha.com/anklavy-v-centralnoy-azii-istoriya-i-s/270761/>
28. *Жумаханов Ш. З., Тошпўлатов А. М.* Сўх анклавининг комплекс географик ва геосиесий манзараси // Ўзбекистон География Жамияти Ахбороти, №57. – Т., 2020. – Б. 88-94.
29. *Жумаханов Ш. З.* Методологические основы экономико-географических и политико-географических исследований анклавных/экславных территорий Центральной Азии. Ташкент, 2023. Стр. 28-56.
30. *Заҳриддин Муҳаммад Бобур. Бобурнома* / Мухаррир: А.Ўқтам. Т.: «Юлдузча», 1989. 368 с.
31. *Абдуллаев О.* Фарғона водийси: ижтимоий-иқтисодий ривожланиш жараенлари / Мухаррир: З. М.Акрамов. Наманган, 2000. 292 б.

УДК 338.48

ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА «БРАСЛАВСКИЕ ОЗЕРА»

И. К. Трифонова, М. В. Горошко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, trifonovaik@gmail.com, matvej.goroshko@bk.ru*

В статье представлен информационный срез о состоянии туристско-рекреационного потенциала природных экосистем Национального парка «Браславские озера». На основе собранных данных о природных ресурсах, которые послужили основой развития территориальной рекреационной системы на базе Браславской группы озер, проведен анализ современного состояния и использования рекреационных ресурсов.

Ключевые слова: туристско-рекреационный потенциал; рекреационные ресурсы; природные ресурсы; охрана природы; национальный парк; ландшафты; экологический туризм; инфраструктура экотуризма.

TOURIST AND RECREATIONAL POTENTIAL OF THE BRASLAV LAKES NATIONAL PARK

I. K. Trifonova, M. V. Goroshko

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, trifonovaik@gmail.com, matvej.goroshko@bk.ru*

The creation of an information section on the state of the tourist and recreational potential of the natural ecosystems of the Braslav Lakes National Park. Collecting materials on natural resources that served as the basis for the development of a territorial recreational system based on the Braslav group of lakes. Analyzing the current state and use of recreational resources.

Keywords: tourism and recreational potential; recreational resources; natural resources; nature protection; national park; landscapes; ecotourism; ecotourism infrastructure.

Глобальные тенденции развития общества приводят к усилению процессов урбанизации, росту влияния человека на среду его жизнедеятельности, все чаще обостряются проблемы экологического характера. Довольно высокими темпами происходит развитие туризма, который является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей в мировой экономике. Однако, прямо пропорционально темпам роста туристских посещений, возрастает антропогенная нагрузка, как на природные, так и на культурно-исторические ресурсы туризма, и приоритетной задачей человечества становится устойчивое развитие.

Экологический туризм предлагает именно такой подход, где основной акцент делается на сохранении и устойчивом развитии природных ресурсов. Экологический туризм является приоритетным и перспективным видом туризма в Республике Беларусь. Территория Беларуси богата уникальными природными ресурсами и живописными ландшафтами и привлекательна для развития туристической деятельности.

Сохранение естественных экосистем и ландшафтов достигается, в том числе, путем создания особо охраняемых природных территорий (ООПТ), а также путем установления правового режима специальной охраны на их территории. В Республике Беларусь создана система с уникальными, эталонными и иными ценными природными комплексами и объектами, имеющими особое значение. Она урегулирована Законом Республики Беларусь «Об особо охраняемых природных территориях от 15 ноября 2018 г. № 150-З». Так, на 1 января 2023 г. система ООПТ включает 1335 объектов, общей площадью 1,9 млн.га. (9,1 % территории Беларуси). В нее входят: 1 заповедник, 4 национальных парка, 99 заказников республиканского значения, 275 заказников местного значения, 322 памятника природы республиканского и 634 местного значения [1].

Важная роль в сохранении природных комплексов Белорусского Поозерья принадлежит национальному парку «Браславские озера», который был создан в 1995 г. Его площадь составляет 64 216,33 га. Национальный парк расположен в Браславском районе и занимает около трети его территории, он является комплексным природоохранным, хозяйственным и научно-исследовательским учреждением. В его задачи входит сохранение природного комплекса Браславской группы озер, как исторически сложившегося ландшафта, и генетического фонда растительного и животного мира, типичного для Белорусского Поозерья. Важную роль парк играет в сохранении культурного наследия, организации рекреационной деятельности, а также организации экологического просвещения и воспитания населения [2].

Территория парка разделена на четыре зоны: заповедная, зона регулируемого использования, рекреационная и хозяйственная (рис. 1). Заповедная зона (3407,2 га. или 5 %) предназначена для сохранения ценных природных комплексов и объектов в нетронутом состоянии и обеспечения естественного течения природных процессов, здесь запрещены все виды деятельности, кроме научных исследований и мероприятий по охране заповедного режима. Наибольшую долю занимает зона регулируемого использования (44 814,1 га. или 70 %), в ней ограничена лесохозяйственная и охотно-хозяйственная деятельность, и проводится в установленных объемах. Здесь сохраняются и восстанавливаются экосистемы. Для осуществления рекреации, туризма, отдыха и оздоровления населения

создана рекреационная зона (2974,8 га. или 5 %). В ней разрешена туристическая деятельность, размещение объектов рекреационного обслуживания в соответствии с природоохранным законодательством РБ. А для создания условий функционирования национального парка предназначена хозяйственная зона (13020,23 га. или 20 %), она занята административными зданиями и сооружениями национального парка. Важной составляющей является охранная или буферная зона, площадью 84224,16 га, созданная вокруг парка для предотвращения и смягчения вредных воздействий извне. Стоит отметить, что Национальный парк находится на территории, с достаточной хозяйственной освоенностью и заселенностью, что усложняет функциональное зонирование и природоохранную деятельность.

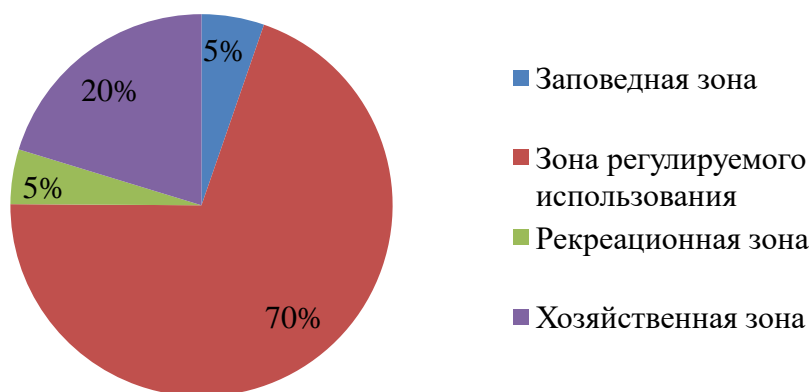

Рис. 1. Структура функционального зонирования Национального парка «Браславские озера». Составлено по: [3]

Туристско-рекреационный потенциал парка сформирован озерно-ледниковыми ландшафтами. Они характеризуются широким распространением озер, моренных гряд, холмов, понижений и котловин, сформированных в результате деятельности ледника. Он оставил множество камов и озов, представленных группами холмов относительной высотой до 25-30 м., с уникальными объектами флоры и фауны. Приоритетным рекреационным ресурсом парка является гидрографическая сеть, представленная озерными водоемами и небольшими по величине реками, ручьями, мелиоративными каналами. Жемчужиной парка являются озера, здесь их учтено 76, общей площадью 12487,1 гектар. Озера Национального парка являются привлекательными для купания и подводного плавания, гребли на байдарках и катания на лодках, прогулочного парусного спорта. Они используются также для промышленного и любительского рыболовства.

Национальному парку в безвозмездное пользование передано 40 водоемов и водотоков, на которых организуется вылов рыбы. На 29 объектах организовано платное, а на 11 — бесплатное рыболовство. Для любительского вылова рыбы наиболее привлекательными являются озера Дривяты, Снуды, Струсто, Богинское. На них приходится больше 60 % общего вылова рыбы и около половины реализованных путевок. Туристско-рекреационный потенциал также представлен 8 родниками и источниками, 6 из которых являются гидрологическими памятниками природы местного значения [4].

Территория Национального парка «Браславские озера» относится к подзоне дубово–темнохвойных лесов Западно-Двинского лесорастительного района. Лесные экосистемы естественного происхождения занимают 84,5 % от лесопокрытой площади. По состоянию на 2022 г. в породном составе лесов преобладают сосна (46 %) и береза (27,5 %). В список флоры Национального парка «Браславские озера» входят 1244 вида высших растений, из них: 76 видов растений и грибов, включенных в Красную книгу Республики Беларусь; 45 видов, нуждающихся в профилактической охране; 11 видов растений, охраняемых в Европе [4].

Национальный парк также отличается богатством животного мира, здесь зарегистрировано 320 видов позвоночных животных, около 20 % всего видового состава занесены в Красную книгу Республики Беларусь, это 55 видов птиц, 8 видов млекопитающих, 2 вида амфибий и 1 вид рыб. Уникальное сочетание природных условий делает «Браславские озера» особенно ценным местом для сохранения и изучения биологического разнообразия. В соответствии с программой комплексного мониторинга экосистем Национального парка «Браславские озера», создана локальная сеть пунктов наблюдений. Она включает в себя 124 пункта, распределенных в лесных, луговых, водных и болотных экосистемах. Постоянно ведутся научные наблюдения в местах произрастания популяций охраняемых и инвазивных видов растений [4].

Туристский потенциал парка выражается, также в его историческом наследии. Многовековая история развития региона отражена в разнообразных памятниках культуры, это памятники археологии, истории, архитектуры, исторических типах поселений, традициях быта, народных промыслах. На территории Браславского района находится 50 недвижимых историко-культурных ценностей, из них 19 памятников архитектуры, 23 памятника археологии, 8 памятников истории [5]. Но главным туристским центром стоит считать административный центр — город Браслав, расположенный на северном берегу озера Дривяты. В письменных источниках впервые он упоминается в 1065 г. На месте детинца, вероятно сожженного поселения кривичей, располагалась самая укрепленная точка города,

называемая «Замковая гора». Сейчас это самый посещаемый туристский объект в городе. Также функционируют Браславский историко-краеведческий музей и Браславский музей традиционной культуры [6].

Основу туристской инфраструктуры Национального парка составляют 4 базы отдыха: Дривяты, Золово, Слободка, Леошки и дом рыбака «Богино» общей вместимостью 162 места. Оборудовано 68 заказных и 12 туристических стоянок общего типа, располагающихся в рекреационной зоне. В 2022 г. гостиничным комплексом национального парка принято 6111 туристов, из них 979 — иностранные граждане. Стоит отметить, что по сравнению с 2015 г. численность принятых туристов выросла в 2 раза (рис. 2). Заполняемость гостиничного комплекса в 2022 г. составила 41 %. Количество принятых туристов на туристических стоянках 19 335 человек. Количество посетивших обзорную вышку на горе Маяк — 30 027 человек.

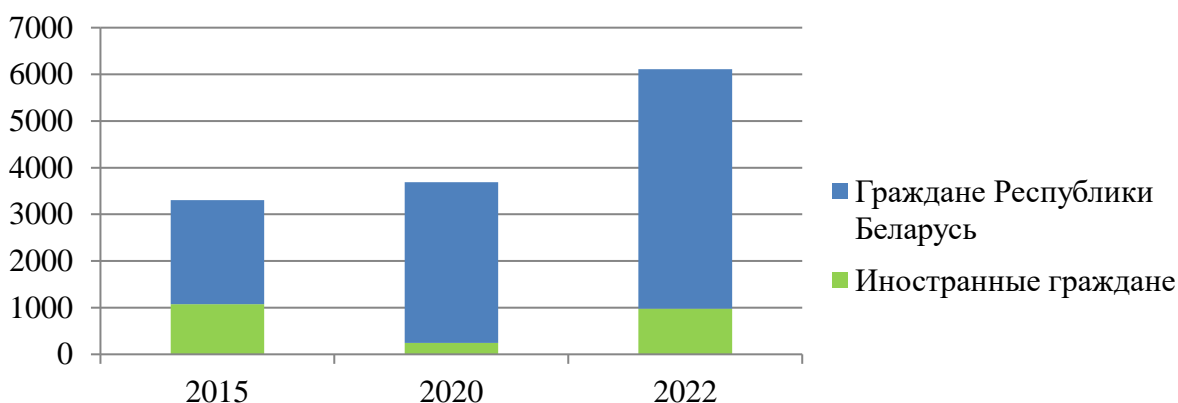

Рис. 2. Динамика численности туристов, принятых гостиничным комплексом Национального парка «Браславские озера». Составлено по: [4])

Национальный парк «Браславские озера» также предлагает посетителям широкий спектр услуг активного отдыха. Здесь можно заняться рыбалкой, катанием на лодках, каноэ или водных велосипедах. Туристы могут отправиться в походы по окружающим озерам и посетить многочисленные смотровые площадки, откуда открываются захватывающие виды на парк и его окрестности.

Библиографические ссылки

1. Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь [Электронный ресурс] URL: <https://minpriroda.gov.by/ru/> (дата обращения: 02.02.2024)
2. Заповедные территории Беларуси / Сост. П. И.Лобанок. Минск: Беларус. Энцикл. імя П. Броўкі, 2008. 416с

3. *Мицюн В. А.* История создания и развития особо охраняемой природной территории / Современное состояние и перспективы развития особо охраняемых природных территорий (ООПТ): сборник научных статей. Минск: 2019. 280 с.

4. «Мониторинг явлений и процессов в природных комплексах Национального парка «Браславские озера». «Летопись природы» Браслав 2016-2022 .109 с.

5. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь [Электронный ресурс] URL: <http://gosspisok.gov.by> (дата обращения: 09.02.2024)

6. Туристская энциклопедия Беларуси / редкол. : Г. П. Пашков [и др.]; под общ.ред. И. И. Пирожника. Минск: БелЭн,2007. 648 с.

УДК 338.48

ГОСТИНИЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ТУРИЗМА

И. К. Трифонова, Е. А. Рыгаль

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, trifonovaik@gmail.com, lizarygal@gmail.com*

Произведен анализ состояния и развития гостиничного хозяйства Республики Беларусь в период с 2005 по 2022 гг. На основе данных Национального статистического комитета с помощью статистических методов и метода картирования проанализирована географическая структура единовременной вместимости гостиниц и аналогичных средств размещения, рассчитана обеспеченность коечным фондом в разрезе 118 административных районов Республики Беларусь. Определена значимость гостиничного сектора в повышении конкурентоспособности национального туристского комплекса.

Ключевые слова: гостиничная индустрия; единовременная вместимость гостиниц; звездность гостиниц; коэффициент загрузки гостиниц; мотели; аналогичные средства размещения; туристско-гостиничный комплекс.

HOTEL INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF TOURISM

I. K. Trifonova, E. A. Rygal

Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4, 220030, Minsk, Belarus, trifonovaik@gmail.com, lizarygal@gmail.com

An analysis of the state and development of the hotel industry of the Republic of Belarus in the period from 2005 to 2022 has been carried out. Based on data from the National Statistical Committee, using statistical methods and the mapping method, the geographical structure of the one-time capacity of hotels and similar accommodation facilities was analyzed, and the availability of beds has been calculated in the context of 118 administrative regions of the Republic of Belarus. The importance of the hotel sector in increasing the competitiveness of the national tourism complex has been determined.

Keywords: hotel industry; one-time hotel capacity; star rating of hotels; hotel occupancy rate; motels; similar accommodation facilities; tourist and hotel complex.

Формирование и развитие высокоэффективного конкурентоспособного туристского сектора является одним из приоритетных направлений Национальной стратегии развития туризма в Республике Беларусь до 2035

г. Согласно государственным программам развития туризма, планируется повысить конкурентоспособность страны на мировом туристском рынке. Увеличить долю Республики Беларусь в мировых туристических доходах с показателя 0,047 % в 2019 г. до 0,06 % к 2025 г., и 0,1 % к 2035 г. Повысить рейтинг страны в мировом рейтинге по индексу конкуренто-способности в сфере путешествий и туризма [1].

Конкурентоспособность национального туристского комплекса в значительной степени зависит от уровня развития туристской инфраструктуры. Туристская инфраструктура включает комплекс действующих сооружений и сеть производственного, социального и рекреационного назначения, используемых для обеспечения жизнедеятельности туристов. Гостиничное хозяйство является ключевым элементом туристской инфраструктуры, и во многом определяет общий уровень развития туризма в стране.

Грамотно проводимая эффективная экономическая политика в сфере туризма оказывает существенное влияние на совершенствование туристской инфраструктуры и увеличение гостиничной сети.

В 2022 г. в Республике Беларусь функционировало 1066 коллективных средств размещения с номерным фондом 40 097 единиц. Из них, сеть гостиниц и аналогичных средств размещения, по данным Национального статистического комитета, включает 592 объекта, из которых: 375 — гостиницы, гостиничные и туристско-гостиничные комплексы, 5 — мотелей, 212 — прочие средства размещения [2]. По сравнению с 2005 г., общее число коллективных средств размещения увеличилось на 43,7 %, номерной фонд увеличился на 29,5 %. Гостиничный номерной фонд составляет около 50 % от общего номерного фонда [3].

В Беларуси представлены гостиницы различного уровня сервиса и ценового диапазона. В настоящее время сертификация гостиниц проводится на добровольной основе установлением категории от одной до пяти «звезд» и только 14 % от общего количества гостиниц имеют категорию (таблица). С 2025 г. сертификацию гостиниц планируется сделать обязательной. С этой целью введен новый государственный стандарт — СТБ 2577-2020 «Услуги гостиниц и аналогичных средств размещения. Общие требования и классификация», разработанный Белорусским государственным институтом по стандартизации и сертификации (БелГИСС).

**Категории гостиниц и гостиничных комплексов Республики Беларусь
(составлено автором по [2,3])**

Категории	2010	2015	2019	2020	2021	2022
*****	2	3	4	4	4	4
****	3	6	7	7	7	9
***	31	34	33	32	34	33
**	4	12	9	9	9	8
*	3	1	-	-	-	-
Без категории	267	327	332	334	322	321
Мотели	3	5	8	9	6	5
Другие виды	46	151	204	218	210	212

Несколько гостиниц прошли сертификацию на соответствие уровню «одна звезда» и «две «звезды», это гостиницы, которые были построены еще в советское и постсоветское время. Для них характерен не очень высокий уровень сервиса. Больше половины сертифицированных гостиниц (33 отеля) соответствуют уровню «три звезды». В большинстве из них есть парковка, ресторан, фитнес-центр и др. Такие гостиницы обычно расположены в областных центрах страны. Категорию «четыре звезды» получили только 9 отелей. В большинстве своем это крупные гостиницы, с большими залами для приема гостей, специальными отделами обслуживания и услугами коридорных. Как правило, они соответствуют международному уровню отеля бизнес-класса (отель «Минск», «Виктория», «Губернский» (г. Минск), отель Hermitage (г. Брест), отель Замковый (г. Гомель), отель Altrium (г. Могилев) и др.). К гостиницам класса «пять звезд» относятся четыре отеля. Все они расположены в столице, некоторые из них принадлежат к известным международным гостиничным сетям (отель Marriott).

Развитие гостиничного хозяйства в разрезе регионов Беларуси позволяет выявить значительную степень неравномерности (рис 1.). В столице сконцентрировано 18,7 % общей емкости средств размещения. Международный опыт показывает, что высокая концентрация туристских функций в столичной агломерации, как правило, характерна для стран с недостаточно развитой туристской индустрией, в которых деловой, инвестиционной и туристской привлекательность обладают лишь крупные столичные города. В целом для Беларуси характерна концентрация отелей в областных центрах и национальных парках.

Малые и средние города, как правило, не имеют гостиниц высокого туристского класса. В этой связи требуется активизация развития туристской индустрии в регионах Беларуси с учетом особенностей их экономического и туристского потенциала.

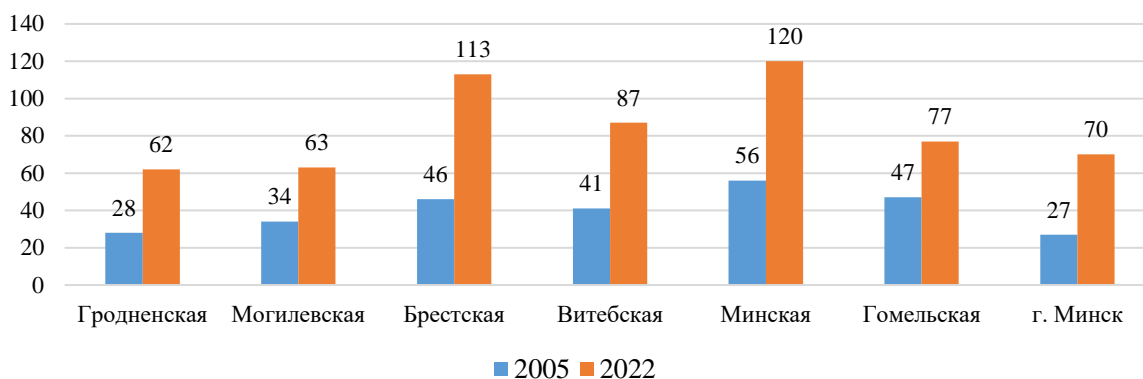

Рис. 1. Гостиницы и аналогичные средства размещения в разрезе областей Республики Беларусь и г. Минске в 2005, 2022 гг., ед. Составлено по: [2,3]

Важным показателем, характеризующим развитие гостиничного комплекса, является единовременная вместимость. Ее структура полностью сопоставима с территориальной организацией гостиничного хозяйства. На структуру влияют те же факторы, что и на географию размещения количества организаций (рис. 2).

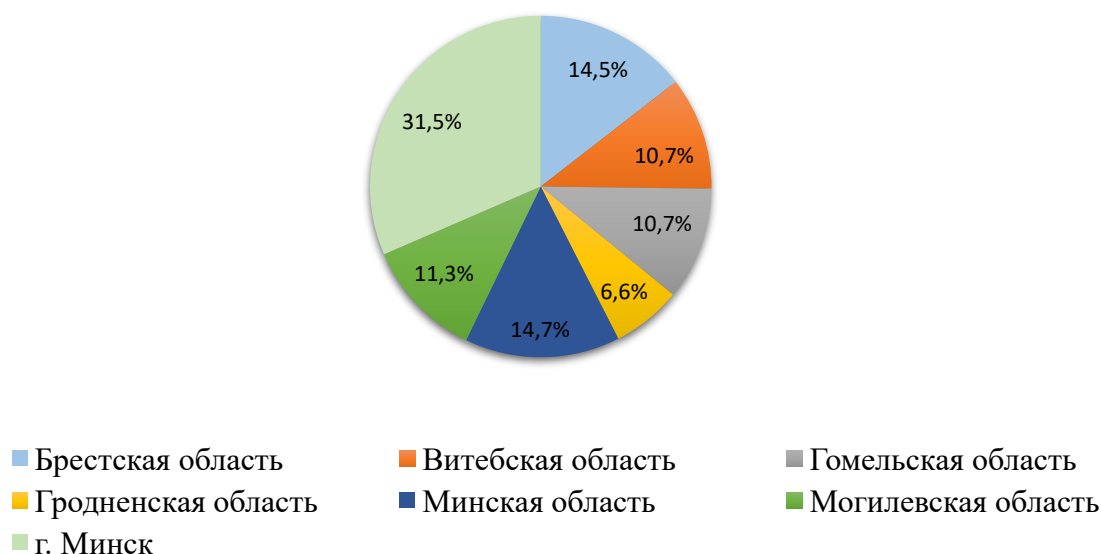
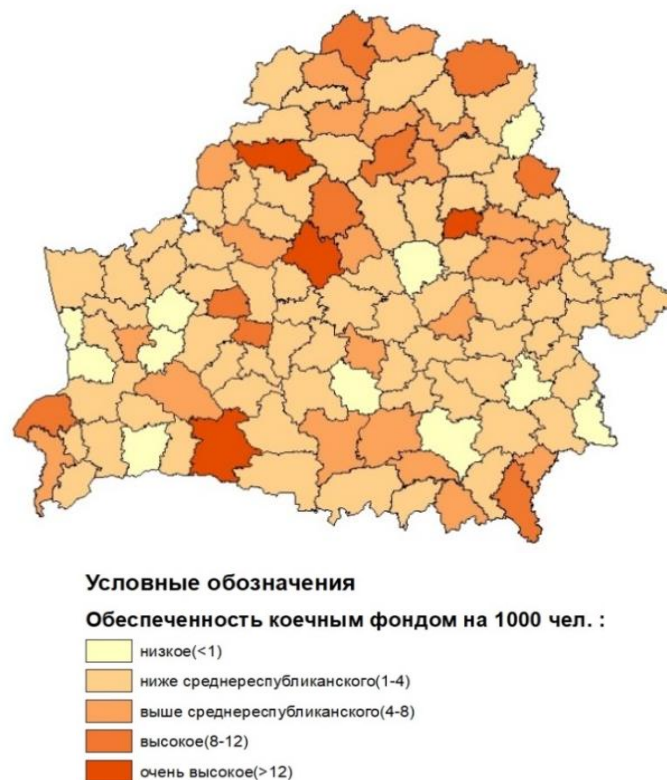

Рис. 2. Географическая структура единовременной вместимости гостиниц и аналогичных средств размещения в Республики Беларусь, 2022 г. Составлено по: [2]

Обеспеченность коечным фондом, как и общее состояние гостиничного комплекса в регионах, формируется под влиянием спроса на услуги размещения. Они, в свою очередь, зависят от уровня экономического развития и уровня развития туризма в районе (рис. 3).

Рис.3. Обеспеченность коечным фондом гостиниц и аналогичных средств размещения в разрезе административных районов Республики Беларусь, койко-мест на 1000 чел., 2022 г. Составлено по: [1, 5])

Удельная емкость гостиничного фонда Беларуси составляла в 2005 г. 2,8 места в расчете на 1 тыс. жителей, в 2022 г. — 4,1 места в расчете на 1 тыс. жителей. Несмотря на то, что показатель вырос на 1,5 %, он является низким по сравнению со странами Центрально-Европейского региона и выступает важным фактором, сдерживающим возможности массового развития внутреннего и въездного международного туризма [4].

Существующая сеть гостиничных предприятий не в полной мере отражает интересы развития туристского комплекса. Так, например, Гродненская область, со своим богатым историко-культурным потенциалом отстает по емкости гостиничного фонда и в большинстве районов области этот показатель ниже, чем средний по республике.

Можно сделать вывод, что неравномерное развитие гостиничного хозяйства является сдерживающим фактором в развитии туристского сектора Республики Беларусь. В этой связи требуется активизация туристской индустрии в регионах, с учетом их туристско-рекреационного потенциала и формирующегося спроса.

Библиографические ссылки

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by>. (дата обращения: 09.02.2024)
2. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь: статистич. буклет / науч. ред. И. В. Медведева [и др.]. Минск: Белстат, 2023. 28 с.
3. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь: статистич. сборник / науч. ред. Е. И. Кухаревич [и др.]. Минск: Белстат, 2012. 131 с.
4. Решетников Д. Г. География туризма Беларуси : пособие для студентов фак. междунар. отношений, обучающихся по спец. 1-26 02 02 «Менеджмент (по направлениям)», направление специальности 1-26 02 02-06 «Менеджмент (с сфере международного туризма)». Минск : БГУ, 2012. 303 с.
5. Регионы Республики Беларусь Основные социально-экономические показатели областей, городов и районов: статистический сборник / науч. ред. И. В. Медведева [и др.]. Том 2. Минск, 2023. 584 с.

УДК 332.1

АГЛОМЕРАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ¹

А. А. Угрюмова¹), М. В. Савельева²)

¹)РАНХиГС, 119571, пр. Вернадского, д. 82, г. Москва, Российская Федерация, ugryumova-aa@ranepa.ru; ФГБНУ ВНИИ «Радуга», 140483, пос. Радужный, д.38, Московская обл., г. о. Коломна, Российская Федерация feminaa@mail.ru

²)РАНХиГС, 119571, пр. Вернадского, д. 82, г. Москва, Российская Федерация, marina.savelyeva@gmail.com

Авторами приводится краткая характеристика развития агломераций России, как условия создания технологического суверенитета страны. Представленное исследование позволило распределить агломерации по значимым кластерам, обосновать роль агломераций в условиях санкционного давления, сформулировать предложения по совершенствованию управления агломерационным развитием России в целях решения стратегических задач, стоящим перед ее современным развитием.

Ключевые слова: агломерационное развитие; технологический суверенитет; высокотехнологичные рабочие места; санкционное давление; технологическое развитие; рабочая сила.

AGGLOMERATION DEVELOPMENT AS A CONDITION FOR THE FORMATION OF TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA

A. A. Ugryumova¹), M. V. Savelyeva²)

¹)RANEPA, 119571, Vernadskogo Avenue, 82, Moscow, Russian Federation, ugryumova-aa@ranepa.ru, FGBSO RSRI «Raduga», 140483, Kolomna, Raduzhny settlement, 38, Moscow region, Russian Federation, feminaa@mail.ru

²)RANEPA, 19571, Vernadskogo prospect, 82, Moscow, Russian Federation, marina.savelyeva@gmail.com,

The authors provide a brief description of the development of Russian agglomerations as a condition for creating the country's technological sovereignty. The presented study made it possible to distribute agglomerations into significant clusters, substantiate the role of agglomerations in conditions of sanctions pressure, and formulate proposals for improving the management of agglomeration development in Russia in order to solve the strategic problems facing its modern development.

---

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

Keywords: agglomeration development; technological sovereignty; high-tech jobs; sanctions pressure; technological development; labor force.

В 2023 г. Правительством Российской Федерации подготовлено два документа, формирующих нормативную основу технологического суверенитета страны, а именно: «Приоритетные направления проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации», «Концепция технологического развития на период до 2030 года». Актуальность разработки и принятия данных документов напрямую связана со сложившейся экономической ситуацией в Российской Федерации, во многом формирующейся под влиянием западных санкций и вызванной необходимостью противостояния этому негативному воздействию.

Территориальные масштабы страны и недостаточное количество рабочей силы, необходимой для рационального их использования, выдвигают на первое место обоснование «точек роста» национальной территории, как возможных генераторов социально-экономического развития страны [1, с. 98]. По мнению авторов, к таким точкам с уверенностью можно отнести поддержку развития агломераций страны, сконцентрировавших на своих территориях наиболее эффективные экономические факторы: капитал и рабочую силу. Подтверждением данного вывода является выполненное авторами исследование, которое позволило обозначить факторы, способствующие увеличению высокопроизводительных рабочих мест (ВРМ): уровень заработной платы и фондовооруженность в регионах Российской Федерации¹.

Значительный рост ВРМ, во многом формирующий технологический суверенитет страны, чаще всего отмечается в регионах, на территории которых располагаются крупные городские агломерации, представляющие собой значительные скопления населенных пунктов вокруг больших городов, соединенных в общую сеть многочисленными взаимосвязями. В первую очередь данный эффект обусловлен тем, что агломерации характеризуются высокой концентрацией организаций, различных отраслей и сфер, квалифицированных специалистов, инфраструктуры и ресурсов, что способствует созданию и повышению количества ВРМ на данных территориях.

Проведенный исследователями анализ, показал, что максимальной эластичностью по отношению к численности населения отличаются сферы финансовых, ритейлерских, торговых и других услуг, а также высокотехнологичные отрасли промышленности, для работы в которых необходима высокая квалификация. Минимальная (и в некоторых случаях отрицательная) эластичность отмечается в сельскохозяйственной и

---

¹ Угрюмова А. А., Савельева М. В. Влияние крупных агломераций на формирование высокопроизводительных рабочих мест в регионах // Международная торговля и торговая политика. Том 9, № 4 (2023). С.6-19.

добывающей сферах, то есть связанных с природными ресурсами Павлов Ю. В. [2, с. 447], Растворцева С. Н., Снитко Л. Т. [3, с. 48]. При этом смешанные эффекты агломерационных процессов (рис. 1) могут возникать в том случае, если эффект имеет разнонаправленное воздействие на социально-экономическое развитие. Так, административный ресурс, эффект цикличности, «эффект домашнего рынка» и др. могут оказывать на экономику агломерации как позитивное, так и негативное воздействие.

Городские агломерации, в национальной экономике, испытывающей серьезнейшее санкционное давление, обладают максимальными возможностями экономического роста и условиями для создания технологического суверенитета, становятся важнейшим ресурсом управления социально-экономическим развитием страны, позволяющим справиться с негативными внешними условиями. На наш взгляд, необходимо тщательно отслеживать все изменения, касающихся возможных траекторий их развития в целях контроля тенденции формирования технологического суверенитета России.

В этой связи, авторами за период с 2000-2019 гг. был проведен кластерный анализ, позволивший выявить наиболее существенные тенденции в агломерационном развитии страны, которые сопряжены с выводами, сделанными более ранними исследователями Пономарева В. А., Сережкина И. И. [4, с. 226].

Нумерация кластеров проводилась по убыванию удельного веса ВРП.

Структура агломерационных эффектов (закономерностей) (построено авторами)

Кластеры и их профили с 2000-2019 гг.

Регион	2000 год		2005 год		2010 год		2015 год		2019 год	
	Кластер	Кластерный профиль	Кластер	Кластерный профиль	Кластер	Кластерный профиль	Кластер	Кластерный профиль	Кластер	Кластерный профиль
г. Москва	1	21,0	1	22,3	1	22,2	1	20,6	1	29,9
Московская область	2	3,27	2	3,85	2	4,7	2	5	2	5
г. Санкт-Петербург	2	3,27	2	3,85	2	4,7	2	5	2	5
Ленинградская область	5	0,97	5	1,23	5	1,2	5	1,1	5	1,1
Уфимская область	3	2,7	4	1,95	4	1,8	4	1,8	4	1,8
г. Казань	2	3,27	3	2,7	3	2,75	3	2,8	3	2,8
Нижегородская область	4	2	4	1,95	4	1,8	4	1,8	4	1,8
Самарская область	3	2,7	4	1,95	4	1,8	4	1,8	4	1,8
Свердловская область	3	2,7	3	2,7	3	2,75	3	2,8	3	2,8
Челябинская область	4	2	4	1,95	4	1,8	4	1,8	4	1,8
Новосибирская область	5	0,97	5	1,23	5	1,2	4	1,8	4	1,8
Омская область	5	0,97	5	1,23	5	1,2	5	1,1	5	1,1

Примечание. Расчеты авторов

Анализ таблицы показал, что:

1) г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская, Нижегородская, Челябинская, Омская, Новосибирская и Свердловская области в рассматриваемые годы оставались в том же кластере (т. е. номера их кластеров не изменялись);

2) Уфимская и Самарская области в 2000 г. находились в 3-м кластере, а в последующие годы перешли в 4-й кластер в результате уменьшения удельного веса ВРП;

3) г. Казань в 2000 г. находился во 2-м кластере, а в последующие годы перешел в 3-й кластер в результате уменьшения удельного веса ВРП.

Последующий анализ изменения кластерных профилей в динамике с 2005-2019 гг. продемонстрировал, что:

1) профиль 1-го кластера с 2000 по 2005 гг. увеличился на 1,3 %, с 2005 по 2010 гг. уменьшился на 0,1 % — кризис, с 2010 по 2015 гг. уменьшился на 1,6 %, а с 2015 по 2019 гг. увеличился на 9,3 %;

2) профиль 2-го кластера с 2000 по 2005 гг. увеличился на 0,58 %, с 2005 по 2010 гг. увеличился на 0,85 %, с 2010 по 2015 гг. увеличился на 0,3 %, а с 2015 по 2019 гг. не изменялся;

3) профиль 3-го кластера с 2000 по 2005 гг. уменьшился на 0,75 %, с 2005 по 2010 гг. уменьшился на 0,3 %, с 2010 по 2019 гг. не изменялся;

4) профиль 4-го кластера с 2000 по 2005 гг. уменьшился на 0,05 %, с 2005 по 2010 гг. уменьшился на 0,15 %, с 2010 по 2019 гг. не изменялся;

5) профиль 5-го кластера с 2000 по 2005 гг. увеличился на 0,26 %, с 2005 по 2010 гг. уменьшился на 0,03 %, с 2010 по 2015 гг. увеличился на 0,6 %, а с 2015 по 2019 гг. не изменялся.

Заметим, что мировой финансовый кризис 2008-2010 гг. существенно повлиял на высокий профиль 1-го кластера (удельный вес ВРП г. Москвы уменьшался с 2005 по 2015 гг. и увеличился только к 2019 г.), в меньшей степени он повлиял на профили 3-го, 4-го и 5-го кластеров. Влияние международного кризиса в большей степени сказалось на Московской агломерации.

Таким образом, проведенное авторами исследование позволило сформулировать следующие основные выводы: для распространения положительного эффекта развития агломераций на другие территории необходимо выстраивать коридоры развития между первыми и вторыми через разработку и реализацию межрегиональных инфраструктурных и экономических проектов. Результаты данного исследования могут быть применены в разработке путей социально-экономического развития как страны в целом, так и регионов.

Библиографические ссылки

1. Угрюмова А. А., Савельева М. В. Роль высокотехнологичных рабочих мест в развитии регионов // *Управленческие науки*. 2019. № 9 (1). С. 96-112.

2. Павлов Ю. В. Совершенствование правового регулирования развития городских агломераций // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2018. 10 (3). С. 466-488.

3. Растворцева С. Н., Снитко Л. Т. Региональная специализация и агломерационные эффекты в экономике России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. 13 (3). С. 46-58.

4. Пономарева В. А., Серезкина И. И. Влияние агломераций на инновационное положение регионов // *Инновационные научные исследования*. 2021. 3-2(5). С. 227-231.

5. Угрюмова А. А., Савельева М. В. Влияние крупных агломераций на формирование высокопроизводительных рабочих мест в регионах // *Международная торговля и торговая политика*. 2023. Том 9, № 4. С. 6-19.

УДК 911.375

**ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
ПРОБЛЕМ г. КАЗАНИ КАК ЭЛЕМЕНТЫ КОНЦЕПЦИИ
«КОМПАКТНЫЙ ГОРОД»**

В. А. Федорова, Г. Р. Сафина

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская 18,
420008, г. Казань, Россия fva_14@mail.ru, safina27@mail.ru*

Возрастающие темпы урбанизации, высокая нагрузка на инфраструктуру и снижение ее эффективности, увеличение количества автотранспорта обуславливают дефицит территорий, препятствующий развитию городских систем. Ориентация на принципы «компактного города» позволит реализовать различные градостроительные решения, приводящие к эффективному использованию внутреннего территориального потенциала города посредством уплотнительной застройки, реновации, редевелопмента, активного использования подземного пространства и неудобных земель, увеличения этажности зданий, создания искусственных земельных участков. Авторы рассматривают процессы включения внутренних резервов в градостроительную практику на примере города Казани. Подобные решения минимизируют негативные последствия, проявляющиеся при территориальном разрастании городов.

Ключевые слова: урбанизация; компактный город; уплотнение; реновация; редевелопмент.

**URBAN PLANNING SOLUTIONS TO TERRITORIAL PROBLEMS
OF KAZAN AS ELEMENTS OF THE “COMPACT CITY” CONCEPT**

V. A. Fedorova, G. R. Safina

*Kazan (Volga Region) Federal University, st. Kremlin 18,
420008, Kazan, fva_14@mail.ru, safina27@mail.ru*

The increasing pace of urbanization, high load on infrastructure and a decrease in its efficiency, and an increase in the number of vehicles cause a shortage of territories that impede the development of urban systems. Orientation to the principles of a “compact city” will make it possible to implement various urban planning solutions leading to the effective use of the internal territorial potential of the city through compact development, renovation, redevelopment, active use of underground space and inconvenient land, increasing the number of storeys of buildings, and creating artificial land plots. The authors consider the processes of including internal reserves in urban planning practice using the example of the city of Kazan. Such solutions minimize the negative consequences that appear during the territorial expansion of cities.

Keywords: urbanization; compact city; compaction; renovation; redevelopment.

Развитие городских территорий в современном мире характеризуется высокой интенсивностью. Увеличение темпов урбанизации влечет за собой потребность в эффективном использовании городских пространств, т. к. земельные ресурсы ограничены. Принципы «компактного города» ориентированы на увеличение плотности застройки, сосредоточенную планировочную структуру, отсутствие разрывов, что позволяет воплотить градостроительные решения, характеризующиеся максимально эффективным использованием внутреннего территориального потенциала города посредством уплотнительной застройки, реновации, редевелопмента, активного использования подземного пространства и неудобных земель, создания искусственных земельных участков, увеличения этажности зданий [1, 2].

В рамках данной статьи рассмотрены такие эффективные способы оптимизации городского пространства, как уплотнение, реновация и высотное строительство на примере города Казани.

Казань — город с 1000-летней историей, имеющий развитую промышленную и социальную сферы. Территория города делится на 7 административных районов, которые сильно разнятся набором выполняемых функций.

Исходным материалом послужили данные онлайн-сервиса Дом.МинЖКХ (dom.mingkh.ru) и портала Фонда развития территорий (<https://фрт.рф>), на основе которых был создан реестр (почти 6000 жилых домов г. Казань (за период 1860 – 2019 гг.)), позволяющий дать пространственно-временной анализ реализации мероприятий по уплотнению застройки, потенциальной реновации, а также высотному строительству.

Уплотнительная (точечная) застройка характерна для всей территории города Казань. Однако процесс уплотнения городской ткани происходит неравномерно – наиболее интенсивен он в привлекательной, с точки зрения инвесторов, центральной, исторической части города (преимущественно Вахитовский район), в которой сконцентрировано значительное количество различных культурных, образовательных, научных учреждений и других социально-значимых объектов. Свободные территории под застройку здесь практически отсутствуют и единственным возможным вариантом строительства новых объектов в пределах центральной части г. Казань является реализация принципов уплотнительной застройки [3].

Городские территории, приближенные к периферии и границам Казани, характеризуются более низкими потребностями в уплотнении (Авиастроительный, Кировский и Советский и Приволжский районы), что связано с меньшей рентабельностью строительства, незначительным спросом среди горожан, а также наличием свободных территорий [4].

Наибольшая интенсивность точечной застройки фиксируется в период 2001-2019 гг. Так, в этот временной интервал было построено 33,9% от общего количества жилых домов Вахитовского района, причем, значительная их часть «включается» в существующую планировочную структуру и относится к уплотнительной застройке. Множество объектов точечной застройки реализовано на территориях зеленых зон, дворовых пространств и пустырей.

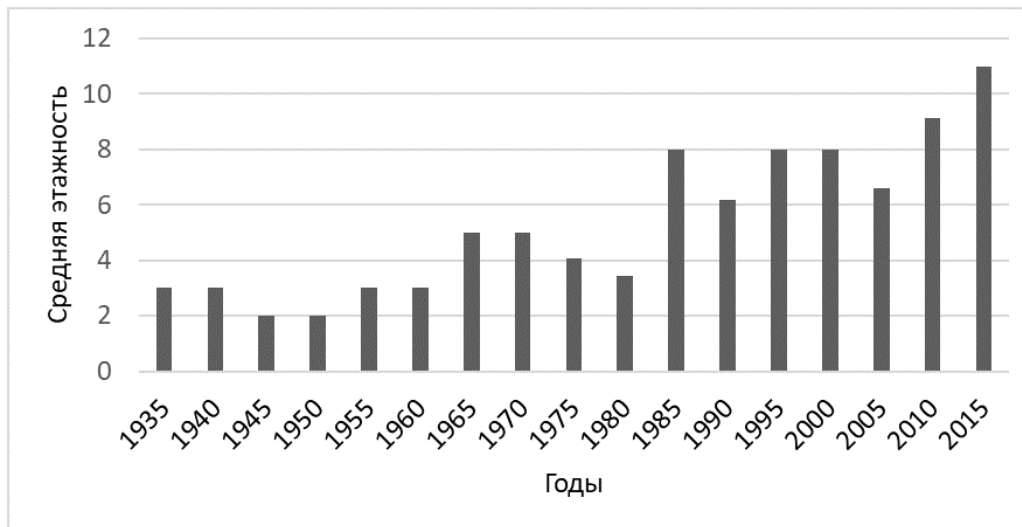
Город Казань имеет значительный реновационный потенциал развития, обусловленный возрастной структурой жилого фонда. В городе, особенно в центральной, исторической части имеется «старая» застройка, которая может быть рассмотрена в качестве потенциального реновационного резерва. К таким объектам могут быть отнесены дома с износом более 65 % (441 объект, что соответствует 8 % от всего жилого фонда города). Среди этих жилых зданий особо следует выделить жилой фонд до-революционной постройки (43 объекта или примерно 1 % от общего жилого фонда города). В случае, если здания представляют историко-культурную ценность, то они должны подлежать охране.

Жилые дома, возведенные в период 1917-1955 гг., имеющие износ более 65 %, составляют 235 объектов (или 4 % от общегородского жилого фонда). Как правило, к ним относятся типовые «сталинские» дома. На типовые хрущевки с высокой степенью износа, построенные в период 1956-1973 гг., приходится 163 жилых дома (или 3 % общего жилого фонда города). Именно жилые дома указанных двух периодов (1917-1955 и 1956-1973 гг.) в первую очередь могут быть подвергнуты реновационным процессам в случае принятия соответствующих административных решений.

Пространственный анализ показал, что наибольшее количество домов со степенью износа более 65 % отмечается в Вахитовском районе (133 дома или 14 % от общего количества) поскольку это исторический центр, где находятся историко-культурные и архитектурные объекты, построенные в конце XIX-начале XX вв. с высокой степенью износа. На территориях Кировского, Авиастроительного и Московского районов на жилые дома с высокой степенью износа в общей структуре застройки приходится 10-12 % всех жилых зданий. В Приволжском и Советском районах на сильно изношенные жилые дома приходится по 5 % от общего количества жилых зданий. На территории Ново-Савиновского района отсутствуют дома, степень износа которых превышает 65 %, что обусловлено молодостью данного территориального образования.

Увеличение этажности зданий в крупных городах позволяет обеспечить рациональное использование земельных ресурсов, высокую плотность освоения пространства и повышенную вместимость жителей на единицу площади, что можно отнести к положительным последствиям

«компактного города», реализуемого в т. ч. и при «вертикальном» векторе развития. В российской типологии жилых зданий по этажности наиболее распространенной является следующая: малоэтажные (1-2 этажа); средней этажности (3-5 этажей); многоэтажные (6-10 этажей); повышенной этажности (11-16 этажей); высотные (17 и более этажей). Изменение показателя средней этажности многоквартирных домов в г. Казани, построенных за период 1935-2015 гг., представлены на рисунке.

Динамика средней этажности возводимых жилых многоквартирных домов г. Казани за период 1935-2015 гг.

В период 1935-1955 гг. в пределах г. Казани строились малоэтажные многоквартирные дома. Малоэтажные «сталинки» начали возводиться после Великой Отечественной войны и их строительство продолжилось до 1960-х гг. Показатель средней этажности в этот период составлял величину в 3 этажа (рисунок). Следующий период 1955-1985 гг. характеризуется массовым строительством типовых панельных домов — «хрущевок» (обычно 5-этажных). Начиная с середины 1980-х гг. отчетливо проявляется тенденция увеличения этажности жилых многоквартирных домов вследствие активного возведения многоэтажных (6-10 этажей) домов и зданий повышенной этажности (11-16 этажей). Очевидно, что существующий тренд сохранится в ближайшем и отдаленном будущем.

Пространственные различия этажности жилых зданий имеют, как правило, четко выраженную историческую обусловленность и административное высотное регулирование. Так, периферийные, относительно молодые районы Казани (Ново-Савиновский, Советский, Приволжский) характеризуются показателями средней этажности возводимых зданий в пределах 12-14 этажей, на этих территориях отсутствуют специфические требования к параметрам высотности возводимых объектов. В

центральной же части города (Вахитовский район) указанный показатель значительно ниже — 8 этажей, что связано с ограничениями высотности, призванными сохранить уникальный архитектурный облик исторической застройки [5].

Развитие жилой застройки в условиях дефицита городской территории является актуальной проблемой. Решение вопроса нехватки свободных территорий в пределах городов возможно посредством применения различных методов, позволяющих максимально использовать городские резервы, наиболее важными из которых являются уплотнительная застройка, реновация, увеличение этажности возводимых зданий. Реализацию мероприятий, способствующих компактности города, необходимо проводить при условии сохранения природного каркаса и бережного отношения к экологической ситуации.

Библиографические источники

1. *Safina G. R, Fedorova V. A, Sirotkin V. V, Gasanov I. M.* Territorial reserves of major cities: Challenges, experience, solutions. *International Journal of Pharmacy and Technology*, 2016. V.8, Iss.3. P. 14864-14871.

2. *Medvedeva R. A, Safina G. R, Fedorova V. A.* Urban densification: Features, environmental problems, and prospects. *International Journal of Green Pharmacy*, 2017. V.11, Iss.4. P. S868-S871.

3. *Федорова В. А., Сафина Г. Р.* Уплотнение городской застройки: особенности, экологические проблемы и перспективы. *Землеустройство, кадастр и мониторинг земель*. 2018. № 6 (161). С. 67-71.

4. *Федорова В. А., Сафина Г. Р., Зарипова С. Н.* Точечная застройка объектов жилого назначения как способ решения территориальных проблем (на примере города Казань) // *ИнтерКарто. ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий*. 2021. Т. 27. Ч. 4. С. 244–259. DOI: 10.35595/2414-9179-2021-4-27-244259.

5. *Федорова В. А., Сафина Г. Р.* Увеличение этажности жилых зданий как элемент концепции «Компактный город» (на примере Казани) // *ИнтерКарто. ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий*. 2023. Т. 29. С. 437-453.

УДК 572.021/.022+911.7: 796.032.2

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРАН ЕВРОПЫ ПО ВОПРОСАМ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОЙ ИНДУСТРИИ

Д. А. Хруль

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186, г. Санкт-Петербург, Россия, mail@herzen.spb.ru

В статье исследованы особенности специализации стран Европы в олимпийских видах спорта, а также уровень поддержки и развитости спортивной инфраструктуры в регионе. В рамках исследования собраны данные о заработанных национальными сборными медалях в XXI веке и данные финансирования спорта в Европе и оценена роль различных географических факторов в формировании спортивной специализации стран. В заключение делается вывод, что роль географического и культурного факторов не позволяют экономически сильным странам монополизировать спорт.

Ключевые слова: олимпийские игры; медальный зачет; спортивная индустрия; спортивная специализация; моноспортивные нации; полиспортивные нации; Европа.

REGIONAL FEATURES OF EUROPEAN COUNTRIES ON THE ISSUES OF SPORTS INDUSTRY DEVELOPMENT

D. A. Khrul

Russian state pedagogical university of A. I. Herzen, emb. of the Moika River, 48, 191186, St. Petersburg, Russia, mail@herzen.spb.ru

The features of the specialization of European countries in Olympic sports, as well as the level of support and development of sports infrastructure in the region, have been researched. The study collected data on medals earned by national teams in the 21st century and data on sports financing in Europe and assessed the role of various geographical factors in the formation of countries' sports specialization. Finally, it is concluded that the role of geographical and cultural factors do not allow economically strong countries to monopolize sports.

Keywords: Olympic Games; medal standings; sports industry; sports specialization; single-sports nations; multi-sports nations; Europe.

Введение. Спорт — одна из наиболее важных сфер жизни человека. Для спортсменов, которые своей целью ставят обновление существующих мировых рекордов, а также преодоление себя, созданы специальные спортивные соревнования различных уровней и классификаций, а центром крупнейших спортивных соревнований в мире считается Европа, так как

именно здесь зародилось первоначально, а потом возродилось вновь крупнейшее международное спортивное движение — олимпийское.

На современном этапе, кажется, что научно-технический прогресс выравнивает все страны по условиям, ведь любые географические и климатические условия можно воссоздать внутри продвинутых спортивных комплексов. И последние достижения северных стран в летних видах спорта — прямое тому подтверждение.

Вопросами развития видов спорта в Западной Европе занимались как зарубежные, так и российские авторы. Например, Харьков В. Е. в своей статье «Особенности специализации стран Западной Европы в олимпийских видах спорта» анализирует особенности специализации стран Западной Европы в олимпийских видах спорта и их влияние на спортивные достижения, или же Бойс П. Дж. и Келли Дж. в книге «Переосмысливая спорт и национальную идентичность: Случай Шотландии» исследуют взаимосвязь между спортом и национальной идентичностью на примере Шотландии, и другие.

Целью данного исследования является выявление особенностей развития спортивной индустрии в странах Европы.

Основные результаты. В настоящее время Олимпийские игры являются основными международными спортивными соревнованиями и мнение о мастерстве представителей страны в определенном виде спорта строится главным образом по итогам Олимпиад. Для более объективной оценки современного развития спорта в странах Европы нами рассмотрены олимпийские результаты последних 20 лет.

Ниже изображены гистограммы с накоплением, которые представляют итоги медальных зачетов летних и зимних Олимпийских игр, а также общий медальный зачет всех Олимпийских игр в XXI в. (рис. 1, 2, 3). На графиках размещены страны, которые получили более одной медали.

Для ранжирования стран использовалась система *неофициального командного зачета*. В данном случае приоритет отдается золотым медалям (страна, имеющая всего одну медаль, но золотую, будет располагаться в таблице выше страны, у которой несколько серебряных и ни одной золотой), а при равном количестве золотых медалей выше располагается страна, у которой больше серебряных медалей. При равном количестве золотых и серебряных медалей более высокое место занимает страна с большим количеством бронзовых медалей.

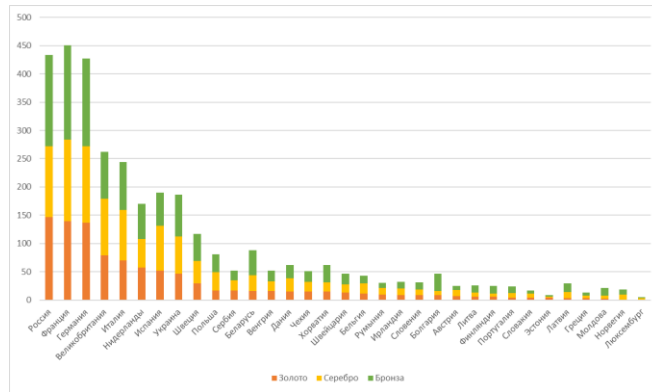

Рис. 1. Медальный зачет по всем летним Олимпийским играм в XXI в. Данные для инфографики взяты из открытого источника: <https://olympteka.ru/olymp/country.html>

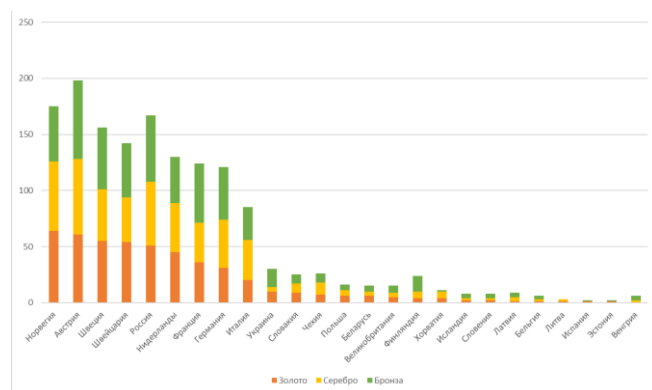

Рис. 2. Медальный зачет по всем зимним Олимпийским играм в XXI в. Данные для инфографики взяты из открытого источника: <https://olympteka.ru/olymp/country.html>

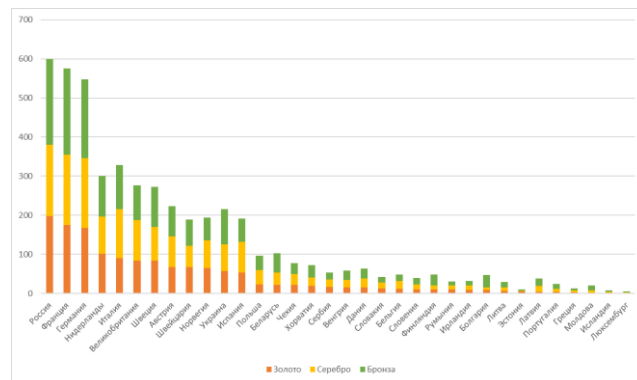

Рис. 3. Общий медальный зачет по всем Олимпийским играм в XXI в. Данные для инфографики взяты из открытого источника: <https://olympteka.ru/olymp/country.html>

Анализируя данные можно заметить, что успешнее всего на летних Олимпийских играх выступают (входят в топ-10) представители из стран следующих субрегионов Европы (страны распределялись согласно классификации ООН): Восточная Европа — 3, Западная Европа — 3, Северная Европа — 2, Южная Европа — 2; на зимних Олимпийских играх

представители стран субрегионов: Западная Европа — 5, Северная Европа — 2, Восточная Европа — 2, Южная Европа — 1.

В общем медальном зачете XXI в. лидерами являются представители из стран субрегионов: Западная Европа — 5, Северная Европа — 3, Восточная Европа — 1, Южная Европа — 1.

Ориентируясь на итоги анализа, можно прийти к следующим выводам. Регион, основываясь на успехах национальных сборных, можно поделить на более успешный северо-запад, чьи страны добиваются успехов и в летних, и в зимних играх, и менее успешный юго-восток, чьи страны могут составить конкуренция только лишь на летних играх. Можно предположить, что адаптация к летним условиям у выходцев из северных странах проходит намного легче, чем адаптация к зимним условиям у выходцев из южных стран, и что подготовка к зимней Олимпиаде дается намного сложнее в стране с жарким климатом, ввиду отсутствия снега, чем подготовка к летней Олимпиаде в стране с холодным климатом.

Однако, более явной причиной является экономическая дифференциация севера и юга. До сих пор экономический дисбаланс севера и юга наблюдается на всех уровнях: от глобального до регионального. И европейский регион не является исключением. Если обратиться к статистике, то окажется, что европейские страны выделяют не больше 2 %, за исключением Исландии, которая выделяет порядка 3 % своего бюджета. Тем не менее, в абсолютных значениях это не так много, ведь 3,3 % бюджета Исландии составляют в абсолютных значениях 355 млн. евро. В то же время 0,9 % бюджета Франции составляют 13,2 млрд. евро, что делает Францию лидером по вложениям в спорт среди европейских стран [1].

Но стоит отметить, что в большинстве стран Европы частные инвестиции преобладают над государственными. Так, в начале XXI в., доля государственного спортивного бюджета Германии, Великобритании, Финляндии, Швеции, Дании составляла менее 20 % от суммы местных спортивных бюджетов, а в бывших соцстранах государственный спортивный бюджет, как правило, превышает суммы, выделяемые по линии местных бюджетов. Так, в Венгрии эта доля составляет 60 и 40 % соответственно [2, с. 53].

В итоге, можно отметить две тенденции. Во-первых, страны, не входящие в группу экономических лидеров региона, выделяют большие доли госбюджета, чем экономические лидеры региона. Во-вторых, географические факторы оказывают значительное влияние на формирование профиля олимпийских атлетов, но страны, которые имеют возможность вкладывать средства в развитие спортивной инфраструктуры, могут это преимущество нивелировать.

Рассматривая результаты стран в конкретных видах спорта, еще отчетливее прослеживается дифференциация между развитыми и менее развитыми государствами Европы. Но все же это тенденция доминирования прослеживается не везде.

При анализе стран-лидеров в отдельно взятом виде спорта можно условно разделить страны на три группы по критерию специализации: полиспортивные, моноспортивные и смежные.

К полиспортивным относятся страны, которые имеют успешные результаты в нескольких спортивных дисциплинах и не зависят от какого-либо отдельного географического фактора. К этой группе можно отнести страны, лидирующие по экономическим показателям в Европе, с прогрессивной и разнообразной спортивной структурой. На территории этих стран встречаются различные формы рельефа. Сюда относятся: Россия, Великобритания, Германия и Франция.

К моноспортивным отнесем те страны, которые добиваются успехов в одной спортивной дисциплине или нескольких спортивных дисциплинах и связаны одним географическим фактором. К этой группе относятся страны, имеющие определенную географическую уникальность, и данный фактор формирует узкую спортивную специализацию отдельно взятой страны, которая позволяет одерживать победы в определенных видах спорта. Это Венгрия, Сербия и Румыния в водных видах спорта, и причиной тому может быть проходящая через эти страна вторая крупнейшая река Европы, Дунай; Австрия, Швейцария, Чехия в горнолыжных видах спорта, ввиду наличия горных систем на территориях данных стран, но тут выделяется Беларусь со 2-ым местом во фристайле за XXI в., хотя территория Беларуси в основном равнинна и болотиста и рациональное объяснение данному достижению дать сложно; Норвегия, Швеция, Финляндия и Нидерланды в спортивных дисциплинах на снегу и на льду; Дания, Украина в спортивных дисциплинах, характерных для равнинного ландшафта, и тут выделяются Швейцария со 2-ым местом в теннисе, хотя этому определенно могут способствовать альпийские луга и Норвегия со Швецией со 2-ым и 3-им местами соответственно в футболе, которые продолжают тенденцию успешных выступлений стран скандинавского региона в футболе; Польша и Литва в видах спорта на пересеченной местности, что объясняется наличием обширных лесных массивов на территории стран; Греция в тяжелой атлетике, продолжающая традицию своих дальних предков; Венгрия, Болгария и Швеция в боевых искусствах, что объединяется фактором местной культуры и традиций, однако причиной может быть и наличие горных массивов, так как победителями в данных спортивных дисциплинах становятся выходцы из горных районов (район

Северного Кавказа в России, район Стара-Планины в Болгарии, район Средневенгерских гор в Венгрии).

Отдельно можно выделить страны, которые тяготеют к обеим группам. В смежную группу, можно отнести страны, которые занимают призовые места во многих спортивных дисциплинах, которые не связаны одним географическим фактором, либо же специализирующиеся на одном/нескольких видах спорта, связанных с одним географическим фактором, но при этом занимают призовые места и в других спортивных дисциплинах, связанных с другими географическими факторами. К этой группе можно отнести страны Северной Европы, а именно Норвегию и Швецию, а также Нидерланды и Швейцарию.

Выводы. Если сравнивать список лидеров в медальном зачете за все время и список лидеров в медальном зачете за XXI в., то будут заметны явные изменения среди прошлых и сегодняшних лидеров. Очевидно, с последними техническими достижениями в медицинской и спортивной областях, в растущей роли спортивной аналитики, тенденция «неожиданно выстреливающих команд» на международных и региональных спортивных событиях и соревнованиях лишь продолжится. Экономическая дифференциация внутри европейского региона позволяет выделить 3 типа стран по спортивной специализации: моноспортивные, полиспортивные и смежные. Страны, не обладающие особо выраженной экономической мощью, за счёт концентрации на определённых видах спорта и используя благоприятное влияние форм рельефа на своей территории, могут составить конкуренцию фаворитам международных соревнований. Помимо этого, особую роль играет культурно-исторический фактор, как, например, с Нидерландами и их успехами в конькобежном спорте, ведь именно в этой стране коньки приобрели особую популярность в XIII в.

Данное исследование не охватило все факторы, влияющие на результаты выступления национальных сборных и отдельных атлетов, однако критическая роль географических, а вместе с ними и культурно-исторических факторов очевидна, так, как только они могут составить конкуренцию спортивной монополии экономических лидеров региона.

Библиографические источники

1. Government expenditure on recreational and sporting services 2023. Eurostat Statistics Explained [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/38mNJ4>
2. Деньги счет любят // Спорт для всех. Международный журнал спортивной информации на русском языке № 1, 1997.
3. Мичуда Ю. П., Жуляев В. Н. Особенности финансирования массового спорта в Европе в начале XXI века, 2013

4. *Харьков, Е. В.* Особенности специализации стран Западной Европы в олимпийских видах спорта // Молодой ученый, 2017, № 42, 307-309.
5. *Boyse, P. G., & Kelly, J.* Rethinking Sport and National Identity: The Case of Scotland, 2019.
6. *Маркова А. С.* Аспекты государственного управления в сфере физической культуры и спорта в ряде зарубежных стран // Ученые записки университета Лесгафта, 2022, № 7.
7. *Калугина О. А., Мифтахов А. Ф.* Финансирование различных видов спорта в разных странах мира // Экономические науки, 2017, № 10
8. *Колесникова Ю. А.* Влияние географических факторов на развитие спорта в г. Самара // Старт в науке, 2020, № 1
9. Олимпийская история, новости спорта, статистика. Olymppteka.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://olymppteka.ru/>
10. Как финансируется спорт в странах-лидерах медального зачёта? // Информационно образовательный портал о спорте. Sportdiplom.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/38mNM9>

УДК 913(476.4):383.483

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

С. В. Чубаро, О. Д. Строчко, Е. В. Шаматульская

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, пр. Московский, 33, 210038, г. Витебск, Беларусь, chubarosv@vsu.by

В статье предложена методика определения территориальной дифференциации туристско-рекреационного потенциала регионов с использованием балльно-рейтинговой оценки. На основе количественной оценки компонентов туристско-рекреационного потенциала составлена группировка административных районов Могилевской области.

Ключевые слова: туристско-рекреационный потенциал; балльно-рейтинговая оценка; территориальная дифференциация; административные районы.

TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF TOURIST-RECREATIONAL POTENTIAL OF THE MOGILEV REGION

S. V. Chubaro, O. D. Strochko, E. V. Shamatulskaya

Vitebsk State University named after P.M. Masherova, Moskovsky Av., 33, 210038, Vitebsk, Belarus, chubarosv@vsu.by

The article proposes a methodology for determining the territorial differentiation of the tourist and recreational potential of regions identified using the rating score. Based on a quantitative assessment of the components of tourism and recreational potential, a grouping of administrative districts of the Mogilev region was compiled.

Keywords: tourist and recreational potential; rating score; territorial differentiation; administrative regions.

Туризм является одним из направлений социально-экономического развития Республики Беларусь. Для формирования конкурентоспособного рынка туристских услуг принята и функционирует государственная Программа «Беларусь гостеприимная» на период с 2021 по 2025 гг., в соответствии с которой одним из приоритетных направлений выступает региональный туризм [1].

Оценка туристско-рекреационного потенциала (ТРП) региона — важная основа для разработки конкурентоспособных региональных туристских продуктов. Рационально используя природные, культурно-

исторические, социально-экономические ресурсы, можно создать эффективную туристскую отрасль.

Проведенное исследование позволило проследить территориальную дифференциацию ТРП административных районов Могилевской области.

В работе мы исходим из представления о ТРП как комплекса, включающего природный, культурно-исторический и инфраструктурный компоненты. Информационной базой исследования послужили статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь [2], статистического сборника «Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь» 2022 г. [3], а также данные Управления спорта и туризма Могилевского облисполкома [4].

На основе анализа подходов С. А. Хомича [5] для выполнения количественной оценки компонентов ТРП административных районов Могилевской области взяты следующие показатели: индексы территориальной и душевой локализации объектов каждого компонента ТРП; их территориальная (ед./100 км²) и душевая (ед./100 жителей) концентрация по административным районам — характеристики отражающие территориальную дифференциацию компонентов ТРП и общие структурные особенности.

Каждый из компонентов ТРП оценивался по балльно-рейтинговой шкале. Рассчитанные показатели ранжировались, по сумме рангов определялся итоговый ранг, на основании которого осуществлялась группировка административных районов по степени концентрации каждого компонента. Выделено три группы: высокая степень (1-7 место), средняя степень (8-14 место), низкая степень (15-21 место). На основе рейтингов компонентов определялся итоговый ранг административных районов по концентрации ТРП. Аналогичным образом проведена итоговая группировка административных районов Могилевской области [5].

Количественная обеспеченность объектами природного компонента ТРП рассчитывалась на основе количества в каждом административном районе: национальных парков, заповедников, заказников, природных памятников, уникальных природных объектов, охотничьих хозяйств.

Предложенная группировка районов Могилевской области по степени обеспеченности природными объектами ТРП отражена на карте (рис.1).

Рис. 1. Группировка районов Могилевской области по степени обеспеченности природными объектами ТРП

Количественная обеспеченность объектами культурно-исторического компонента ТРП рассчитывалась на основе количества в каждом административном районе: археологических, архитектурных, культурно-исторических памятников, центров прикладного искусства, театров, музеев, выставок. Предложенная группировка районов Могилевской области по степени обеспеченности культурно-историческими объектами ТРП отражена на картосхеме (рис.2).

Рис. 2. Группировка районов Могилевской области по степени обеспеченности культурно-историческими объектами ТРП

Количественная обеспеченность объектами туристской инфраструктуры рассчитывалась на основе количества в каждом административном районе: объектов питания и размещения, гостиниц, кафе и ресторанов объектов придорожного сервиса, спортивных сооружений, туристских предприятий, туристических предприятий; санаторно-курортных организаций. Предложенная группировка районов Могилевской области по степени обеспеченности инфраструктурными объектами ТРП отражена на картосхеме (рис.3).

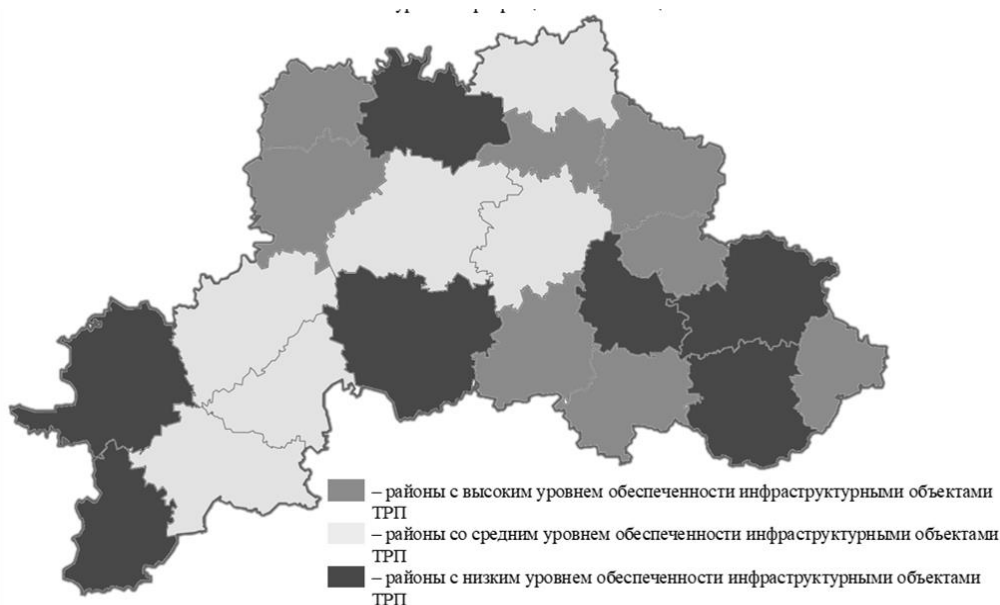

Рис. 3. Группировка районов Могилевской области по степени обеспеченности инфраструктурными объектами ТРП

На основе проведенных расчетов, составлена итоговая группировка районов Могилевской области по обеспеченности объектами всех компонентов туристско-рекреационного потенциала:

1 группа — районы с высокой степенью обеспеченности: Дрибинский, Бельничский, Хотимский, Чериковский, Мстиславский, Круглянский, Быховский, Глусский, Кличевский;

2 группа — районы со средней степенью обеспеченности: Краснопольский, Горецкий, Кировский, Чаусский, Бобруйский, Осиповичский, Славгородский;

3 группа — районы с низкой степенью обеспеченности: Кричевский, Шкловский, Могилевский, Климовичский, Костюковичский (рис. 4).

В исследовании выявлено наличие территориальной дифференциации ТРП по административным районам Могилевской области.

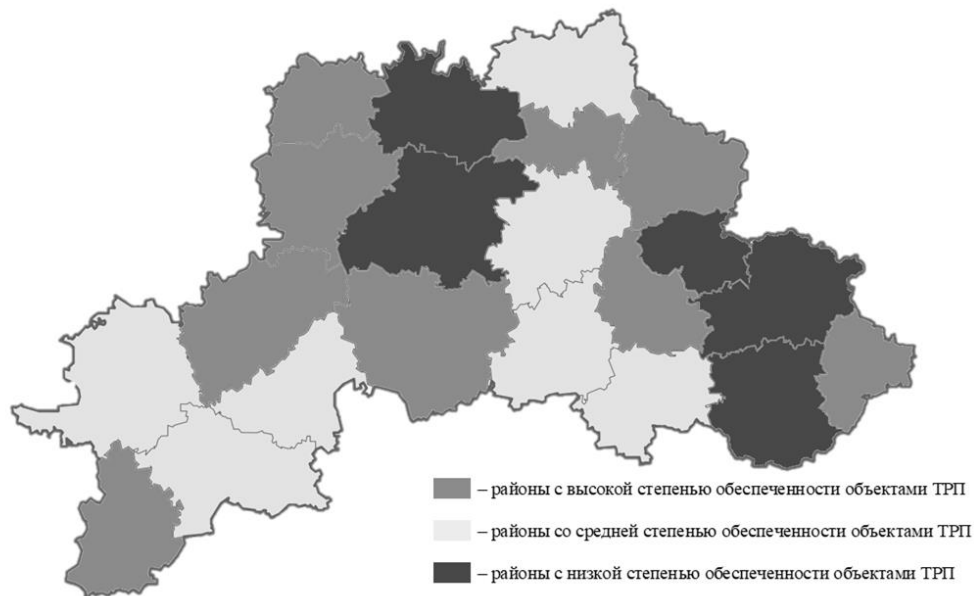

Рис. 4. Итоговая группировка районов Могилевской области по уровню обеспеченности объектами ТРП

Районы с низкой обеспеченностью объектами ТРП характеризуются слабым развитием инфраструктуры, малой концентрацией значимых туристско-рекреационных объектов, влиянием последствий Чернобыльской аварии, что не позволяет эффективно использовать их рекреационный потенциал. Для районов-лидеров характерна обратная картина — более высокая концентрация объектов ТРП и относительно хорошо развитая инфраструктура. Полученные результаты могут быть использованы государственными и общественными организациями, работающими в сфере туризма в определении перспектив развития отрасли.

Библиографические ссылки

1. Государственная программа «Беларусь гостеприимная» на 2021-2025 гг: Министерство спорта и туризма Республики [Электронный ресурс].: URL: <https://pravo.by/> (дата обращения: 07.12.2023).
2. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения 21.12.23).
3. Управление спорта и туризма Могилевского облисполкома [Электронный ресурс]. URL: <https://fst.by/tourism> (дата обращения 23.12.23).
4. Хомич С. А. Система сбалансированных показателей как инструмент геоэкологического проектирования ТРС / С. А. Хомич, Е. Н. Карчевская // Весці БДПУ. 2007. № 2. Серыя 3. С. 71-75.
5. Строчко, О. Д. Туристская освоенность административных районов Витебской области / О. Д. Строчко, С. В. Чубаро // Туризм и гостеприимство Сер. 1, Туризм в регионах. 2018. № 1. С. 75–81.

УДК 332.1

АДАПТАЦИЯ ГРАДООБРАЗУЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ МОНОГОРОДОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА К МЕНЯЮЩИМСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ

В. А. Чуженькова^{1),2)}, А. Р. Мизинова^{1),3)}, Е. А. Черепанова^{1),3)}

¹⁾Фонд «Центр стратегических разработок», Газетный переулок, д. 3–5 стр. 1, 3-й этаж, 125009, г. Москва, Российская Федерация,

v.chuzhenkova@csr.ru, e.cherepanova@csr.ru, a.mizinova@csr.ru

²⁾Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт прикладных экономических исследований, Центр пространственного анализа и региональной диагностики, пр. Вернадского, 84к3, 119571, г. Москва, Российская Федерация,

chuzhenkova-va@ranepa.ru

³⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России, Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Российская Федерация,

anyuta.mizinova@mail.ru, ek.cherepanowa2016@yandex.ru

Исследованы основные механизмы адаптации градообразующих предприятий Уральского федерального округа к ухудшению геополитической ситуации. Исследование проводилось методом контент-анализа открытых данных о градообразующих предприятиях с марта 2022 по сентябрь 2023 г. Большинство предприятий преодолели наиболее сложный кризисный период 2022 г. и выходят на досанкционный объем производства. В то же время, предприятия испытывают кадровый кризис. Внедряемые меры кадровой политики не дают результата так же быстро, как меры по преодолению санкционного давления.

Ключевые слова: моногорода России; градообразующее предприятие; Уральский федеральный округ; адаптация; социально-экономическое развитие; кадровая политика; изменение производственных цепочек.

ADAPTATION OF CITY-FORMING ENTERPRISES OF SINGLE- INDUSTRY TOWNS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT TO THE CHANGE OF GEOPOLITICAL CONDITIONS

V. A. Chuzhenkova^{1),2)}, A. R. Mizinova^{1),3)}, E. A. Cherepanova^{1),3)}

¹⁾The Center for Strategic Research, 3-5 bld. 1, Gazetny lane, 125009, Moscow, Russian Federation, v.chuzhenkova@csr.ru, e.cherepanova@csr.ru, a.mizinova@csr.ru

²⁾Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Applied Economic Research, Centre of Spatial Analysis and Regional Diagnostics, Vernadskogo Av., 84k3, 119571, Moscow, Russian Federation, chuzhenkova-va@ranepa.ru

³⁾Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of Economic and Social Geography of Russia, Leninskie Gory, 1, 119991, Moscow, Russian Federation, anyuta.mizinova@mail.ru, ek.cherepanowa2016@yandex.ru

The main mechanisms of adaptation of the city-forming enterprises of the Ural Federal District to the deterioration of the geopolitical situation are investigated. The study was conducted by the method of content analysis of open data on city-forming enterprises from March 2022 to September 2023. Most enterprises have overcome the most difficult crisis period of 2022 and are reaching pre-sanction production volumes. At the same time, enterprises are experiencing a personnel crisis. The implemented personnel policy measures do not produce results as quickly as measures to overcome sanctions pressure.

Keywords: single-industry towns of Russia; city-forming enterprise; Ural Federal District; adaptation; socio-economic development; personnel policy; change in production chains.

В Уральском федеральном округе (УрФО) находится 37 моногородов согласно Распоряжению Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р [1]. В данных городах 43 действующих градообразующих предприятий (далее – ГРОП). Роль моногородов Уральского федерального округа (УрФО) в индустриальном развитии России очень значима, что подтверждается рядом исследований [2, 3]. Многие градообразующие предприятия являются лидерами отрасли как на уровне страны, так и мира. Особенно высоко значение ГРОП уральских моногородов в таких отраслях промышленности, как черная и цветная металлургия, машиностроение, атомная промышленность.

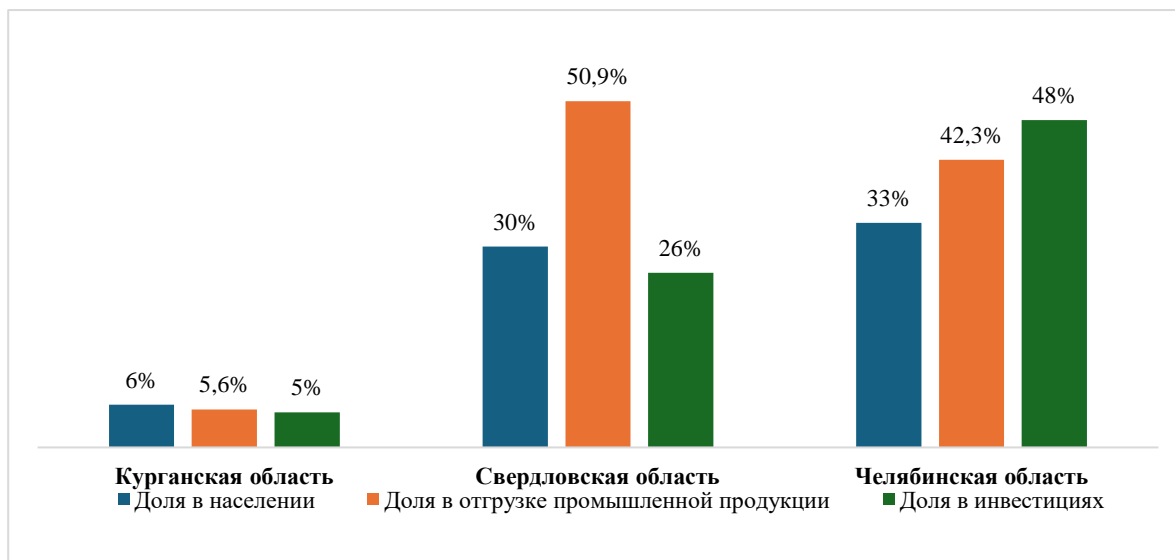

Рис 1. Доля моногородов в социально-экономическом развитии регионов УрФО в 2022 г.

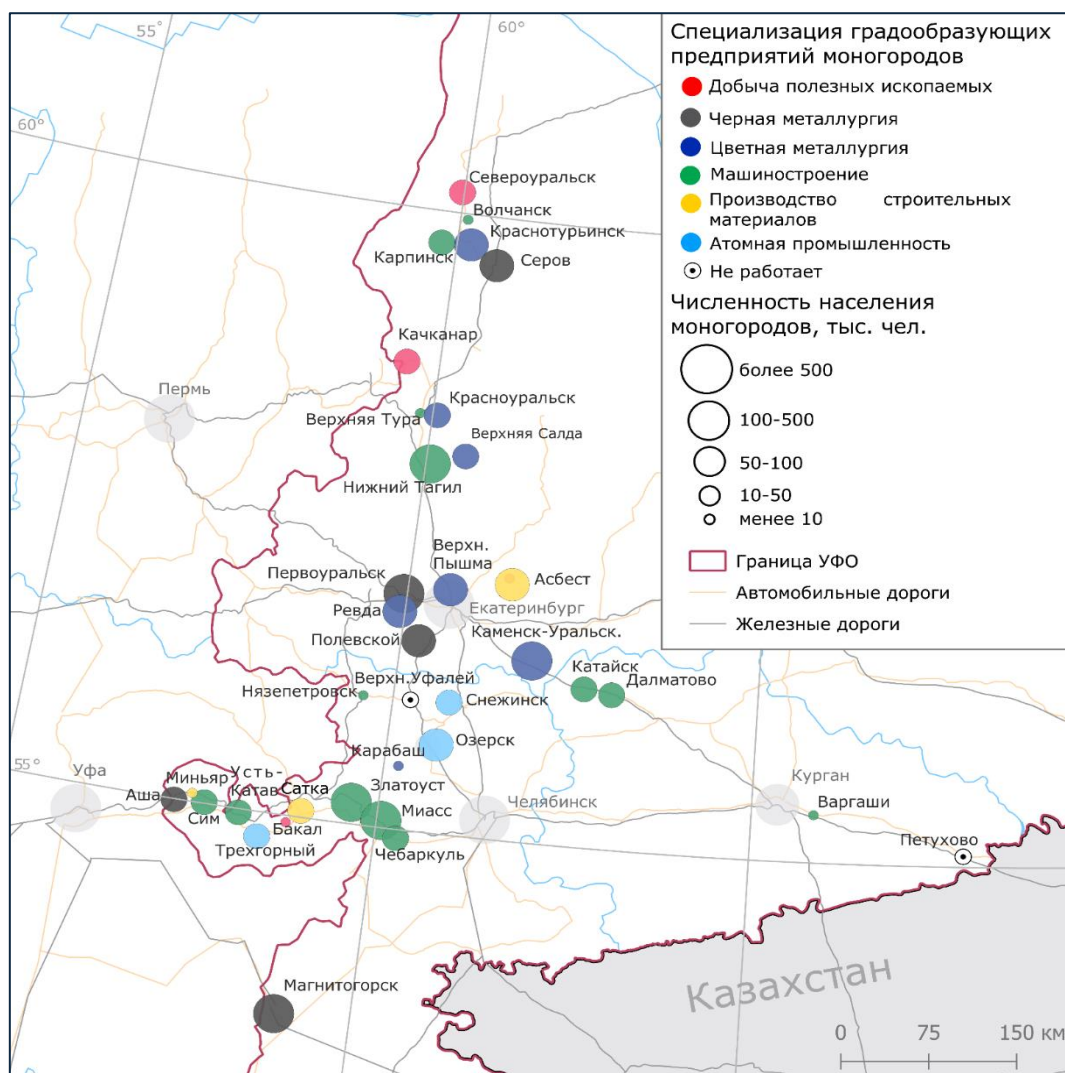

Рис. 2. Отрасль специализации градообразующих предприятий моногородов УрФО

В 2022 г. эксперты Фонда ЦСР обращались к теме влияния ухудшения геополитической ситуации на ГРОП моногородов России [4, 5]. В 2023 г. проведена актуализация исследования с акцентом на моногорода УрФО. Многие градообразующие предприятия моногородов УрФО столкнулись в 2022–2023 гг. с множеством проблем, связанных с ухудшением геополитической ситуации таких, как прямое и косвенное санкционное давление, разрывы торгово-экономических связей, изменение логистических цепочек, рост цен на сырье и комплектующие, дефицит сотрудников и многое другое. 24 из 37 действующих градообразующих предприятий оказались под прямыми секторальными и/или персональными санкциями. Подобные условия вызвали необходимость поиска механизмов адаптации к новым реалиям. В результате контент-анализа открытых данных выделено 5 основных адаптационных механизмов к санкциям. 38 предприятий использовали хотя бы один адаптационный механизм.

Основные используемые адаптационные механизмы градообразующих предприятий УрФО в 2022–2023 гг.

Адаптационный механизм	Число градообразующих предприятий, использовавших данный механизм, ед.
Расширение мер кадровой политики	27
Расширение номенклатуры производимой продукции	20
Переориентация кооперационных цепочек для сохранения производства	15
Новые рынки сбыта готовой продукции	8
Использование мер государственной поддержки	6

Если в начале 2022 г. наиболее серьезной проблемой было санкционное давление, которое привело к разнообразным последствиям, то в конце 2022–начале 2023 гг. вызовом для предприятий стал усилившийся кадровый дефицит. В период с июля 2022 по август 2023 гг. 27 предприятий заявляли о различных мерах борьбы с кадровым дефицитом. Наиболее частой мерой является расширение взаимодействия со средними специальными и высшими учебными заведениями. Эффективность применяемых механизмов частично ограничивается отсутствием роста заработной платы: всего 6 предприятий сообщали о росте заработных плат в указанный период.

20 предприятий в попытке адаптироваться к изменившимся экономическим условиям расширили номенклатуру производимой продукции. В первом полугодии 2022 г. в УрФО таких предприятий было всего 10. Наиболее активно освоение производства новых видов продукции происходит в машиностроении и металлургии. Это связано как с импортозамещением продукции ушедших западных производителей, так и с госзаказом.

15 ГРОП были вынуждены переориентировать свои производственные цепочки. Наиболее активны в этом направлении были предприятия машиностроения, цветной металлургии, добычи полезных ископаемых, что можно связать с высокой зависимостью этих отраслей от поставок оборудования из западных стран. Чаще других новыми партнерами градообразующих предприятий Урала становятся производители оборудования из КНР, Турции, Республики Корея.

Градообразующие предприятия УрФО в условиях разрыва связей с западными странами активно ищут новые рынки сбыта готовой продукции. 8 предприятий заявили о появлении новых покупателей продукции. У 5 предприятий расширились рынки сбыта как в России, так и за рубежом. Восточный вектор остается основным в переориентации рынков сбыта: основными покупателями являются КНР, страны Центральной и Юго-Восточной Азии.

Растет востребованность мер государственной поддержки. 6 предприятий заявили об использовании государственной поддержки. Чаще всего пользуются мерами государственной поддержки в Свердловской области, что можно связать с более благоприятной институциональной средой.

Таким образом, на сегодняшний день большинство предприятий преодолели наиболее сложный кризисный период 2022 г. с использованием разнообразных адаптационных механизмов и выходят на досанкционный объем производства. Предприятия черной и цветной металлургии смогли выйти на альтернативные рынки сбыта в странах Азии. Предприятия машиностроительной специализации нарастили объемы производства благодаря расширению портфеля заказов и необходимости импортозамещения.

В то же время, сегодня предприятия испытывают кадровый кризис из-за сочетания неблагоприятной демографической ситуации, низкого престижа рабочих профессий и т. д. Внедряемые меры кадровой политики не дают результата так же быстро, как меры по преодолению санкционного давления.

Библиографические ссылки

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р (ред. от 21.01.2020)
2. Анимца Е. Г., Новикова Н. В. Проблемы и перспективы развития моногородов России //Управленец. 2009. №. 1-2. С. 46-54.
3. Тургель И. Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. Directmedia, 2014.
4. Караваева Т. И., Комкова М. С., Чуженькова В. А., Черепанова Е. А., Мизинова А. Р. Градообразующие предприятия моногородов: механизмы адаптации к рискам первой половины 2022 г. –Фонд «Центр стратегических разработок» (ЦСР). 2022. 21 с.
5. Караваева Т. И., Комкова М. С., Чуженькова В. А., Черепанова Е. А., Мизинова А. Р. Риски 2022: градообразующие организации и моногорода. –Фонд «Центр стратегических разработок» (ЦСР). 2022. 21 с.

УДК 551.5+515.9(476)(043)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ БЕШЕНКОВИЧСКОГО РАЙОНА

Р. В. Шек, Н. П. Бабура

*Государственное предприятие «Белгеодезия», г. Минск, пр. Машерова, 17,
220029, г. Минск, Беларусь, yk@belgeodesy.by*

Актуальность выбранной темы определяется недостаточностью знаний о проблеме изменения географических наименований во времени.

Цель работы — проанализировать топонимы Бешенковичского района за период 1790–2024 гг., изучив проблему трансформации географических наименований во времени и определить перспективы применения полученных результатов.

Ключевые слова: топонимика; топонимы; наименование; этимология; трансформация географических наименований.

TRANSFORMATION OF GEOGRAPHICAL NAMES OF THE BESHENKOVICHI REGION

R. V. Shek, N. P. Babura

*The State enterprise «Belgeodesia», Minsk, Masherova ave., 17,
220029, Minsk, Belarus, yk@belgeodesy.by*

The relevance of the chosen topic is determined by the lack of knowledge about the process of changing geographical names over time.

The purpose of the work is to analyze the toponyms of the Beshenkovichi district for the period 1790-2024, studying the problem of the transformation of geographical names over time and determining the prospects for applying the results obtained.

Keywords: toponymy; toponyms; names; etymology; transformation of geographical names.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования использована актуальная информация, представленная в Государственном каталоге наименований географических объектов Республики Беларусь (далее – каталог). Каталог послужил эталоном для анализа этимологии и трансформации наименований в Бешенковичском районе на протяжении многолетнего периода. Сравнительный анализ проводился на основе картографических материалов, включая топографические карты (1936 г.), одноверстные карты (1910 г.), трехверстные карты Шуберта-Тучкова (1862 г.), планы генерального межевания Лепельского и Сенненского уезда (1790 г.). Также в исследовании задействованы — «Краткий топонимический

словарь Белорусии» В. А. Жучкевича и «Этимология местных названий Витебской Губернии» Ю. Ю. Трусмана.

В исследовании использованы методы: картографический, сравнительно-аналитический, статистический, описательный.

Результаты и их обсуждение. Трансформация географических наименования представляет собой изменения, происходящие в топонимах в течении времени. Такие трансформации отражают динамику развития общества и окружающей среды, что делает их предметом изучения топонимики и истории.

Изучение географических наименований имеет довольно широкое научно-практическое значение. Наименования важны для картографии, исследований географов и историков. Топонимы является источниками знания и дополнительными документами, отражая историю и эволюцию местности.

В ходе исследования для проведения сравнительного анализа этимологии и трансформации наименований по каждому сельсовету Бешенковичского района за период 1790-2024 гг. с использованием эталонных данных каталога и просмотра картографических материалов за 1936, 1910, 1862 и 1790 гг. была составлена сводная таблица трансформации географических наименований (таблица.).

**Сводная таблица трансформации географических наименований
Бешенковичского района за период 1790-2024 гг. (фрагмент)**

2. Бочейковский с/с

№	Трансформация топонимов во времени				
	2024 г.	1936 г.	1910 г.	1862 г.	1790 г.
1	Богданово	Богданово	Богданово	Богданово	Богданова
2	Бочейково	Бочейково	Бочейково	Бочейково	Бочейково
3	Быцево	Быцово	Быцово	Быцово	Быцево
4	Высокая Гора	Высокая Гора	Высокая Гора	Высокая Гора	Высокая Гора
5	Грицьковка	Грицково	Грицково	Грицкова	Грицковка
6	Грудиново	Грудилова	Грудилова	Грудацлова	Грудинова

Анализируя сводную таблицу, установлено, что за исследуемый период 173 из 239 (72,4 %) эталонных географических наименования района претерпели одну и более трансформацию.

Сопоставив эталонные наименования каталога с картографическими материалами с целью выявления тенденции количества трансформаций за многолетний период, выявлено, что за 1790-1867 гг. произошло 97 трансформаций, за 1868-1910 гг. — 69, 1911-1936 гг. — 40, 1937-2024 гг. — 73 (рис. 1).

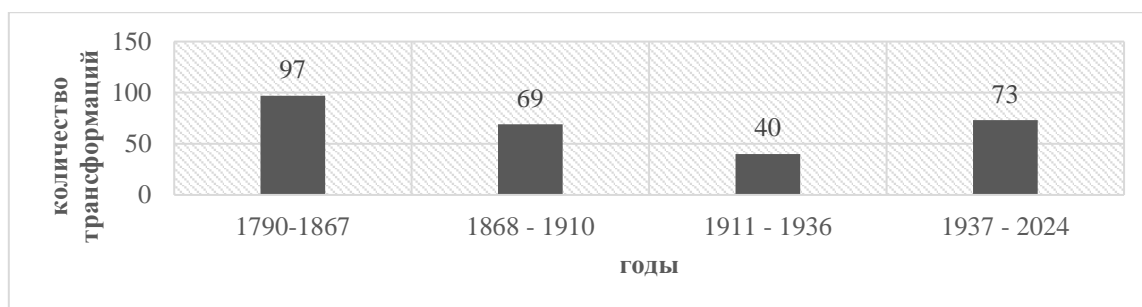

Рис 1. Тенденция количества случаев трансформаций географических наименований Бешенковичского района

Из общего количества трансформаций наименований района выявлено, что максимальное количество произошло в Верхнекривинском сельсовете и составило 44 случая. Минимальное количество трансформаций отмечено в Верховском сельсовете — 13 (рис. 2).

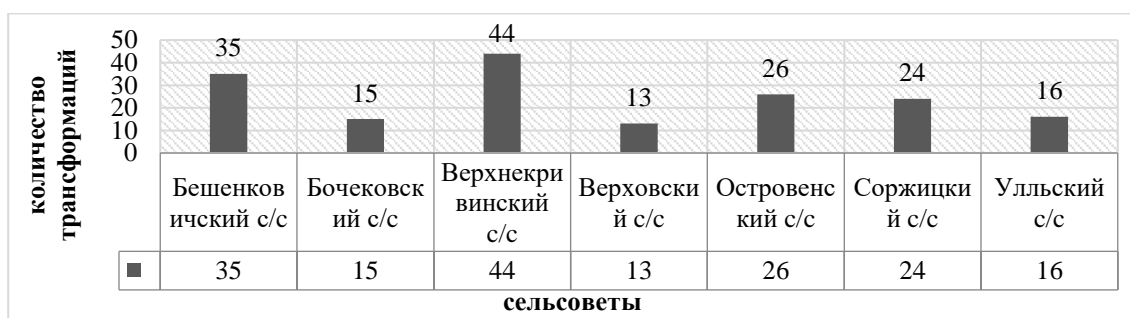

Рис 2. Распределение количества случаев трансформаций географических наименований по сельсоветам Бешенковичского района

Путем анализа соотношения количества трансформаций к общему числу наименований в сельсоветах, получены доли топонимов в процентах, подвергшихся изменениям в рассматриваемый временной период. Наибольшее число трансформаций топонимов зафиксировано в Верхнекривинском и Соржицком сельсоветах — 80 %. Самый низкий процент изменений отмечен в Ульском сельсовете — 57,1% (рис. 3).

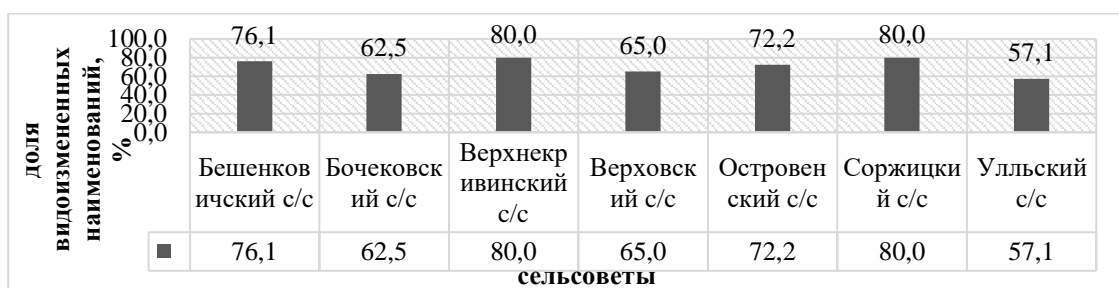

Рис 3. Доли видоизмененных географических наименований по сельсоветам Бешенковичского района за период 1790-2024 гг., %

Русские и другие славянские топонимы на -ов(о), -ёв(о), -ев(о), -ин(о), -ын(о) традиционно склоняются, однако в начале XX в. сложилась тенденция к использованию несклоняемых вариантов. Истоки этого явления в картографическом и военном деле.

В царской армии во избежание путаницы неточной транскрипции топонимов был издан приказ употреблять в военных донесениях географические названия только в именительном падеже.

Множество наименований района, имеющих на конце «о», ранее оканчивались на «а». Этот феномен может быть также объяснен отсылкой к владельцу деревни. Однако каждое наименование уникальное и его этимология, и трансформации могут быть вызваны различными факторами, отражающие исторические события, социальные и культурные изменения, лингвистические эволюции.

В процессе сравнительного анализа топонимов за последние 234 года выявлен ряд подобных случаев. Этимологию некоторых из этих топонимов можно проследить в труде В. А. Жучкевича «Краткий топонимический словарь Белоруссии» 1974 г., например, «Будилово» происходит от фамилии Будило, «Клещино» (Бочейчковский с/с) от фамилий Клещ и Клищев, «Сокорово» (Соржицкий с/с) от фамилии Сокарев [1].

Количество подобных изменений окончаний слов за исследуемый период по сельсоветам района составило 28 случаев, распределение которых представлено следующим образом: Бешенковичский с/с — 6, Бочейковский с/с — 5, Верхнекривинский с/с — 4, Верховский — 2, Островенский с/с — 4, Соржицкий с/с — 4, Улльский с/с — 3.

Белорусский язык развивался в тесном взаимодействии с другими языками. В Республике Беларусь, параллельно с использованием славянской топонимии, присутствуют балтийские, финно-угорские и тюркские элементы.

В Бешенковичском районе в ходе исследования также выявлены балтийские и финно-угорские компоненты. Примеры включают в себя топонимы: Будники (от литовского «*budininkas*» — торгаш), Бикложа (от литовского «*buklogas*» — дудочный сосуд), Дапаны (от литовского «*daba*», финского «*tapa*», эстонского «*taba*» — нрав или обычай) [2].

Полученные в ходе проведенного исследования результаты могут стать примером для выявления истинной этимологии наименований, так как помогают приблизиться к первоначальному смысловому значению. Например, в ходе сравнительного анализа топонимов Бешенковичского района была выявлена эволюция в наименовании деревни Засорье. Этимология указывает на то, что в 1790 г. она называлась Зазерье, сокращением от «Заозерье» и объясняет положение деревни на берегу озера Сарро. Это доказывает перспективы изучения этимологии и трансформации

географических наименования для понимания исторического контекста местных топонимов, раскрывая интересные аспекты истории местности и ее географического расположения.

Материалы исследования могут стать дополнением к каталогу, как источнику современных наименований, будучи ценным источником для понимания этимологии и трансформации географических наименований, как в Бешенковичском районе, так и в Беларуси в целом.

Заключение. В ходе исследования этимологии и трансформации наименований Бешенковичского района за 1790-2024 гг. выявлены значительные изменения в географических наименованиях. Их динамика обусловлена историческими, социокультурными и лингвистическими факторами. Полученные результаты могут быть полезны для обогащения каталога. Перспективы включают в себя использование данных в сохранении и передаче культурного наследия, а также для дальнейших исследований в области топонимики и истории местности.

Библиографические ссылки

1. *Жучкевич В. А.* Краткий топонимический словарь Беларуси, Мн., Изд. БГУ, 1974.
2. *Трусман Ю. Ю.* Этимология местных названий Витебской Губернии. Ревель, 1897. С. 331.

УДК 911.7

ОБЩИЕ РИСКИ ДЛЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ В РЕГИОНЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Ш. Шехадех

Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, 119991, г. Москва, Россия, shakira.shekhadekh@gmail.com

Регион Ближнего Востока и Северной Африки страдает от хрупкости агролесопастбищных и природных экосистем, заметной нехватки воды и пахотных земель, сильной зависимости от импорта продовольствия и высоких темпов роста населения. Это уязвимость ведет к частым потрясениям, причины которых разнообразны и приводят к сложным и взаимосвязанным бедствиям, которые серьезно влияют на сельскохозяйственные и продовольственные системы региона и вовлеченных в них участников.

Ключевые слова: Ближний Восток и Северная Африка; сельскохозяйственные системы; запасы продовольствия; конфликты; засуха; наводнения.

COMMON RISKS TO AGRICULTURAL SYSTEMS IN THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA REGION

Sh. Shehadeh

Moscow Pedagogical State University, st. Malaya Pirogovskaya, 1, building 1, 119991, Moscow, Russia, shakira.shekhadekh@gmail.com

The Middle East and North Africa region suffers from fragility of agrosilvopastoral and natural ecosystems, marked shortages of water and arable land, heavy dependence on food imports and high rates of population growth. This is an inherent vulnerability to shocks whose causes are diverse and result in complex and interconnected disasters that severely impact the region's agricultural and food systems and the actors involved in them.

Keywords: Middle East and North Africa; agricultural systems; food supplies; conflicts; drought; floods.

Регион Ближнего Востока и Северной Африки характеризуется хронической уязвимостью к потрясениям, что обусловлено хрупкими агролесными и естественными экологическими системами, сильной зависимостью от импорта продовольствия, высокими темпами роста населения и другими причинами. Регион считается одним из беднейших регионов мира с точки зрения земель сельскохозяйственного назначения и водных ресурсов. Площадь сельскохозяйственных земель на душу населения в регионе составляет 0,3 га, а доля доступной воды на душу населения 10 %

от среднемирового показателя. В основном в регионе преобладает засушливый или полузасушливый климат с высокими температурами и малым количеством осадков, что делает его уязвимым к негативным последствиям изменения климата и экстремальным климатическим явлениям. Сильная зависимость многих стран региона от импорта продовольствия подвергает их экономическим потрясениям, а многоплановое воздействие относительно высоких темпов роста населения в регионе частично включает снижение доли сельскохозяйственных земель на душу населения, которая достигла 63 % в период с 1961 по 2020 гг. от (0,4 до 0,1 га на человека). [1]

В 2022 г. более 170 млн чел. (36,6 % населения региона) страдали от умеренной или острой нехватки продовольствия. Число недоедающих/голодающих людей выросло до 59,8 млн человек (12,9 % населения), что является самым высоким показателем с 2019 г. и на 75 % выше, чем в 2000 г. [2] В 2022 г. 73 % населения региона, пострадавших от голода, проживали в странах, где есть военные конфликты. Бедствия и кризисы, особенно вызванные конфликтами, экстремальными погодными явлениями, экономическими потрясениями, вредителями растений, а также болезнями животных и растений, являются основными факторами, обуславливающими неуклонный рост отсутствия продовольственной безопасности в регионе с в последнее десятилетие. [3]

Сельскохозяйственный риск — вероятность наступления событий, которые могут отрицательно повлиять на ведение сельского хозяйства и его продуктивность. Для 15 стран региона сельскохозяйственные риски, чаще всего связаны с климатом с точки зрения частоты падения производства с/х продукции (26%), за ними следуют конфликты — 18%, болезни животных — 12%, а также вредители и болезни растений — 12 %, [4]

Стихийные бедствия серьезно влияют на сельскохозяйственные и продовольственные системы в регионе, а сельская беднота, чьи средства к существованию во многом зависят от неорошаемого земледелия, больше всего страдает в регионе. Исследования, проведенные Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО) показали, что землевладельцы, особенно мелкие, сталкиваются с накладывающимися друг на друга потрясениями, такими как конфликты, экстремальные климатические явления и экономические потрясения (как и в случае с Сирией, Суданом и Йеменом). Вкупе природные стихийные бедствия, экономические кризисы и военные конфликты влияют на сельское хозяйство через спад производства, что приводит к прямым экономическим и масштабным потерям для производителей. [5]

Несмотря на низкую частоту конфликтов по сравнению с засухами и наводнениями, с 2011 г. они по-прежнему являются основной причиной

недоедания голода в регионе, который несет огромные издержки из-за царящего насилия во многих странах. В 2022 г. 73 % населения региона, пострадавшего от голода, проживали в странах, затронутых конфликтами. В продовольственных системах происходит разрушение инфраструктуры, сокращение доступа к рынкам и вынужденные миграции, в том числе перемещение населения из сельскохозяйственных районов, что приводит к росту цен на продукты питания и даже к полному отсутствию сельскохозяйственных товаров. Конфликты выступают главным фактором сокращения доходов населения. Продовольственная безопасность снизилась в городах региона, таких стран как Сирия, Судан, а также в Палестине, из-за прямого влияния конфликтов на поставки продовольствия и цены. Помимо непосредственных последствий, конфликты имеют серьезные долгосрочные последствия, так как препятствуют достижению т. н. «устойчивого развития». В среднем конфликты обходятся странам совокупной потерей примерно 15 % их экономического роста, ВВП, сокращает продолжительность жизни примерно на один год, увеличивает уровень детской смертности на 10 % и недоедания на 3,3 %. [6]

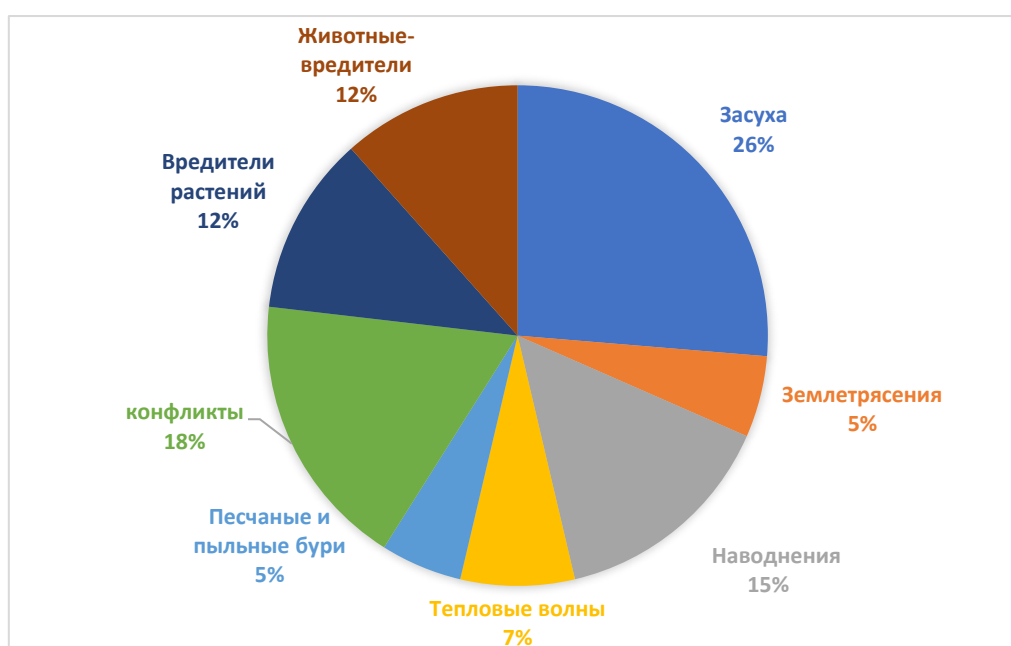
Климатические условия и экстремальные погодные явления также становятся все более серьезными на глобальном уровне и в регионе. Наводнения (70 % стран), засуха (65 %), а также песчаные и пыльные бури (53 %) представляют собой сельскохозяйственные риски. [7] Масштабные стихийные бедствия, способные вызвать катастрофы, наносящие ущерб сельскому хозяйству, и вызывают отсутствие продовольственной безопасности в регионе. Это соответствует глобальной тенденции, поскольку на долю сельского хозяйства, включая растениеводство, животноводство, леса, а затем рыболовство и аквакультуру, пришлось 23 % общего воздействия климатических катастроф во всех секторах в период с 2008 по 2021 гг.

Ряд стран региона пострадали от наводнений в 2022 гг., в том числе Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Кувейт, Саудовская Аравия и Йемен, что сильно повлияло на сельскохозяйственное производство. С другой стороны, анализ, проведенный ФАО, показал, что высокие температуры, вызванные изменением климата, приводят к засухе в некоторых частях региона, прежде всего в Сирии и Ираке. В Ираке сезон дождей 2020-2021 гг. стал вторым самым засушливым сезоном за 40 лет, что привело к уменьшению стока воды в верховьях реки Евфрата на 73 % [8] В Сирии производство зерна в период с 2021 по 2022 гг. было ниже среднего, во многом из-за нестабильных погодных условий. Аналогичным образом, в Марокко производство зерна было ниже среднего из-за того, что четыре из пяти последних сельскохозяйственных сезонов была засуха.

Все вышесказанное сделало регион Ближнего Востока и Северной Африки чистым импортером продовольствия, а на него серьезно влияют

потрясения на уровне мировых поставок продовольствия, а также на уровне цен. Поскольку на долю Российской Федерации и Украины приходится 75 % общего импорта пшеницы в страны региона (таких как, например, Ливан, Сирия, Египет), глобальный рост цен на энергоносители и удобрения, глобальное снижение производства продуктов питания из-за событий в Украине привело к росту местных цен на продукты питания. В некоторых странах, например, в Ливане, они выросли на 171 %, в Египте на 21 %, в Марокко на 11 %, [9]. Это сделало торговые балансы многих стран региона отрицательными и привело к снижению стоимости валюты.

Общие риски, угрожающие сельскохозяйственным и продовольственным системам в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. (Составлено автором)

Библиографические ссылки

1. *Jonathan Dolman*. Land shortages in the Middle East and North Africa threaten food security, [electronic source], <https://egyptssp.ifpri.info> 2018. (date of access: 09.02.2024).
2. FAO, The State of Food Security and Nutrition in the World 2023. Urbanization and transformation of agricultural and food systems and healthy diets in the rural-urban continuum, [electronic source], <https://www.fao.org/documents/card/ar/c/CC3017AR> 2023. (date of access: 09.02.2024).
3. Regional Outlook on Food Security and Nutrition in the Near East and North Africa 2022: Trade for Food Security and Nutrition, FAO Office for the Near East and North Africa, 2023.
4. World Health Organization, Nutrition in Emergencies, [electronic source] <https://www.emro.who.int/ar/nutrition/nutrition-in-emergencies/index.html> (date of access: 09.02.2024).
5. Global Report on Food Crises 2023, Food Security Information Network and Global Network to Fight Food Crises. 2023 World Food Crises Report 2023 Rome 2023.

6. *G. Scott & H. Håvard* 2012. “Development Consequences of Armed Conflict,” *World Development*, Elsevier, vol. 40(9), pages 1713-1722.

7. Food and Agriculture Organization of the United Nations, “The Impact of Natural Disasters on Agriculture and Food Security” Avoid and reduce losses by investing in resilience. Rome, [electronic source] <https://www.fao.org/3/cc8500ar/cc8500ar.pdf> 2023 (date of access: 09.02.2024).

8. World Weather Attribution, Climate change worsens extreme weather events in 2023; We expect new records in 2024. [electronic source] <https://www.worldweatherattribution.org/> 2023 (date of access: 09.02.2024).

9. Oxford Economics, The report expects Morocco to be more affected by rising prices on the international market. [electronic source] <https://www.hespress.com/> 2022 (date of access: 09.02.2024).

УДК 314.1; 314.06

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. В. Яковенко

*Воронежский государственный лесотехнический университет
им. Г. Ф. Морозова, ул. Тимирязева, д. 8, n.v.yakovenko71@gmail.com*

Исследована проблема трансформации половозрастной структуры населения Воронежской области. Показаны динамические изменения, происходящие в демографических изменениях области. Для оценки этих изменений проведен прогноз возрастно-половой структуры населения на основе классического метода компонент.

Ключевые слова: половозрастная структура; индекс старения; Воронежская область.

TRANSFORMATION OF THE AGE AND SEX STRUCTURE OF THE VORONEZH REGION POPULATION

N. V. Yakovenko

*Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, 8
Timiryazev Street, Voronezh, Russian Federation, n.v.yakovenko71@gmail.com*

The issue of transformation of the sex and age structure of the Voronezh Oblast population has been studied. The author revealed the dynamic changes occurring in the demographic changes of the region. To assess these changes, a projection of the age-sex structure of the population based on the classical component method was carried out.

Keywords: age and sex structure; ageing index; Voronezh region.

Исследование динамики половозрастной структуры населения является важным процессом, основывающимся на изучении процесса старения населения. Понимание этого процесса позволяет ученым и демографам анализировать изменения в возрастных и половых группах населения и прогнозировать их будущее состояние. Старение населения является глобальным явлением, которое характеризуется увеличением среднего возраста населения и снижением доли молодежи. Изучение процесса старения населения позволяет определить тенденции и причины этих изменений. Динамика половозрастной структуры населения также является важным аспектом исследования, поскольку различные возрастные и половые группы могут испытывать разные вызовы и потребности. Анализ этих

различий позволяет разрабатывать эффективные стратегии и политики, направленные на улучшение качества жизни всех членов общества [1,4,5].

В последние годы в Воронежской области наблюдается серьезное снижение уровня рождаемости. Это явление приводит к регрессивному типу воспроизводства населения, то есть численный прирост населения становится недостаточным для обеспечения замены поколений [2].

Необходимо отметить, что власти региона предпринимают значительные меры в области демографической политики и поддержки семей с детьми. Однако, несмотря на это, уровень рождаемости все равно остается недостаточным, происходят значительные изменения в возрастной структуре населения данного региона [3].

Для преодоления этой проблемы необходимо более активно стимулировать семьи к рождению детей, предоставлять им дополнительные льготы и поддержку. Также важно проводить информационные кампании о важности деторождения и создавать условия для совмещения семейной и профессиональной жизни. Подобные действия помогут увеличить уровень рождаемости и обеспечить будущую замену поколений в Воронежской области.

Вместе с тем, структура населения осложняет ситуацию, так как смертность остается высокой, а миграционный поток недостаточен для полной компенсации. По данным половозрастной пирамиды на начало 2022 г., можно отметить влияние Великой Отечественной войны на структуру населения, что проявляется в высоком количестве людей, родившихся в 60-х гг. прошлого века. Также заметны демографические изменения в последние десятилетия XX в. Особенно заметно сокращение численности поколений, рожденных в этот период, было в конце 80-х и на протяжении почти всех 90-х гг. Это сокращение не только связано с низким количеством матерей, рожденных в 60-е гг., но и с общим снижением уровня рождаемости из-за социально-экономических кризисов.

Если рассматривать динамику мужчин и женщин на период до 2030 г., можно констатировать, что будет происходить уменьшение численности и мужчин и женщин (рис. 1). Численность мужчин уменьшится на 3,4 % и составит 1014,8 чел., женщин — на 3,1 % и составит 1187, 1 чел.

Воронежская область является одним из регионов Российской Федерации с наиболее стареющим населением. Доля людей старше трудоспособного возраста в области составляет 29,3 % от общей численности населения (682,2 тыс. чел.), тогда как в России 5,9 %, а в ЦФО 28,1 %.

Рис. 1. Численность мужского женского населения на период до 2030 г.

Средний возраст жителей Воронежской области составляет 42,6 года, что превышает средний возраст в России, который составляет 40,4 года. Еще одним показателем, который позволяет оценить изменение возрастной структуры, является индекс старения. В 2016 г. на каждые 100 детей приходилось 116,9 граждан в возрасте старше 65 лет. Тогда как в 2021 г. этот показатель снизился и стал равен 111,9 %. Ожидается, что индекс старения будет расти к 2025 г., что обусловлено снижением рождаемости. Доля женщин в возрасте от 15 до 49 лет среди общего числа женщин составляет 42,2 % (в России 43,9 %).

Половозрастная структура населения является одним из ключевых факторов, определяющих территориальную диспропорцию в рождаемости. В целом, Воронежская область имеет трансформированную половозрастную структуру населения, которая по сравнению с ЦФО и Россией в целом, имеет более ярко выраженную диспропорцию половой структуры и самый высокий коэффициент нагрузки на трудоспособное население (рис. 2).

За исследуемый период (2016-2022 гг.) в регионе наблюдались следующие процессы: увеличился процесс старения населения, произошел рост разрыва в гендерном балансе. В Воронежской области, а также во многих других регионах России, наблюдается преобладание женского населения в трудоспособном и пожилом возрасте, несмотря на равное количество рождающихся мальчиков и девочек. Эта тенденция обусловлена различиями в средней продолжительности жизни мужчин и женщин.

В Воронежской области ожидаемая продолжительность жизни у мужчин на 11 лет меньше, чем у женщин. Возрастная группа до 35-39 лет имеет такую же тенденцию. Однако, после достижения возраста 35-39 лет, соотношение полов начинает перевешивать в сторону женского населения. В группе от 40-44 лет, 45-49 лет и до 55-59 лет это соотношение составляет 1,1:1,2:1,3 соответственно. Для возрастной группы 75-79 лет, соотношение составляет 2,6, а для группы 80-84 лет — 3,2.

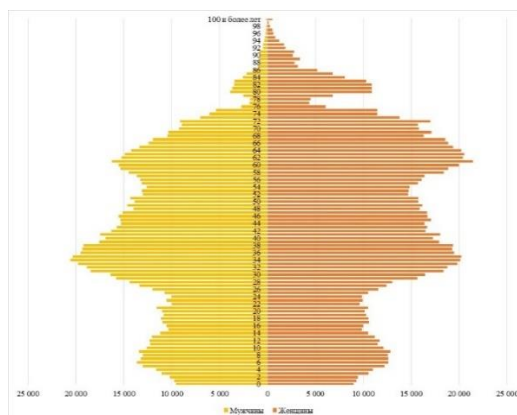

Рис. 2. Половозрастная пирамида Воронежской области

В период 2016-2022 гг. на каждую женщину фертильного возраста (15-49 лет) приходилось 0,996671 мужчин. В городских районах преобладание женского населения становится заметным уже с возраста 25-29 лет. Это говорит о том, что женщины в данных возрастных группах преобладают над мужчинами. Интересно отметить, что именно в городах сосредоточено 70 % репродуктивного потенциала региона, что делает гендерные диспропорции важным фактором, снижающим уровень рождаемости. Таким образом, данный фактор оказывает негативное влияние на показатели рождаемости и требует особого внимания со стороны экспертов и управленцев. В последние десятилетия намечается устойчивая тенденция сокращения численности мужского и женского населения в репродуктивном возрасте, что оказывает значительное влияние на общий уровень рождаемости в регионе.

Для оценки этих изменений был проведен анализ прогноза возрастно-половой структуры населения с использованием классического метода компонент или метода передвижки возрастов. Согласно прогнозу, в период с 2023 по 2038 гг. абсолютное и относительное количество женщин и мужчин репродуктивного возраста (15-49 лет) продолжит уменьшаться. Так, прогнозные расчеты показывают, что к 2038 г. численность женщин этой возрастной группы сократится на 114 тыс. чел., достигнув значения 405,9 тыс., а численность мужчин уменьшится на 110 тыс. чел. (405,3 тыс. чел.). Возраст женщин, на которых приходится основная часть рождений 3-х и последующих детей, является наиболее активным репродуктивным возрастом (30-39 лет). Это обусловлено небольшими поколениями, родившимися в 90-х гг. XX в., когда рождаемость в регионе сократилась почти в 2 раза. Если текущий уровень общего коэффициента рождаемости останется неизменным, ожидается, что в регионе родится около 14 тыс. детей при уменьшении числа женщин репродуктивного возраста. Эти

демографические изменения приводят к интенсивному старению населения, что будет представлять вызовы в ближайшие 10-20 лет.

Таким образом, главным результатом современной трансформации половозрастной структуры населения Воронежской области выступает интенсивный процесс старения населения, который в ближайшие 10-20 лет может привести к негативным демографическим последствиям.

1. Увеличение доли старшего населения. По мере увеличения среднего возраста населения, доля старшего населения будет расти.

2. Уменьшение численности трудоспособного населения. Это может привести к дефициту рабочих ресурсов и негативно отразиться на экономике страны.

3. Увеличение нагрузки на систему здравоохранения. С ростом численности старшего населения возрастет нагрузка на систему здравоохранения и потребность в большем количестве медицинского персонала и ресурсов.

4. Увеличение потребности в социальном обеспечении. Стареющее население может испытывать трудности в сохранении своей самостоятельности, что может требовать дополнительной поддержки социальных служб и государственных программ.

5. Изменение демографической структуры семей. Расширяющаяся долгожительность старшего поколения может привести к увеличению числа трехпоколенных семей, где вместе живут дети, родители и бабушки/дедушки.

Заключение. Для того, чтобы избежать наиболее кризисных последствий демографического старения и трансформации половозрастной структуры населения необходимо разработать определенный набор мероприятий, который должен быть адаптирован к региональным условиям Воронежской области и будет определять распределение затрат между нынешними и будущими группами пожилых людей. Важно отметить, что чем раньше будут рассмотрены и внедрены эти политические и институциональные реформы, тем более плавным будет переход к более возрастному населению. Несмотря на то, что демографические изменения исторически создавали значительные проблемы и будут продолжать создавать их, человеческое сообщество может предпринять определённые шаги, которые будут способствовать эффективной координации преобразования и нивелирования проблем взрослого населения.

Библиографические ссылки

1. *Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Шульгин С. Г.* Возрастная структура как фактор будущей динамики численности населения. *Народонаселение.* 2018. 21(2). С. 18-33.

2. *Bloom D. E., Luca D. L.* The global demography of aging: facts, explanations, future. In: *Handbook of the economics of population aging*. Vol. 1. North-Holland, 2016. Pp. 3–56.
3. *Istrate, M., Muntele, I., Bănică A.* Spatial resilience of the ageing population in the Romanian functional urban areas. *International Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015. 9(5). P. 1565–1575.
4. *Чугунова Н. В.* Реальность и перспективы улучшения демографической ситуации в «Стратегии-35» Воронежской области / Н. В. Чугунова, Н. В. Яковенко // *Региональные геосистемы*. 2022.– Т. 46, № 3. С. 311-321. doi 10.52575/2712-7443-2022-46-3-311-321.
5. *Яковенко Н. В.* Депрессивные регионы России: методология, теория, практика. Иваново, Ивановский издательский дом, 2013, 205 с.

УДК 91.914/919

НАЙВАЖНЕЙШЫЯ ПРЫКЛАДНЫЯ ЗАДАЧЫ САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНАЙ ГЕАГРАФІІ БЕЛАРУСІ Ў СУЧАСНЫХ УМОВАХ

В. М. Сасноўскі

*Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт, Савецкая, 18,
220050, г. Мінск, Беларусь, vsosnovskij07@gmail.com*

Разгледжаны найважнейшыя задачы сацыяльна-эканамічнай геаграфіі Беларусі на сучасным этапе яе развіцця, прапанаваны шляхі іх вырашэння. Паказана, да якіх памылак і страт прыводзіць адсутнасць глыбокага навуковага абгрунтавання пры размяшчэнні гаспадарчых аб'ектаў і прыняцця рашэнняў без актыўнага ўдзелу эканоміка-географіаў.

Ключавыя словы: сацыяльна-эканамічная геаграфія; тэрытарыяльная арганізацыя грамадства; аптымальная лакалізацыя; рацыянальнае размяшчэнне; тэрытарыяльныя адрозненні; кластэр.

THE MOST IMPORTANT APPLIED PROBLEMS OF SOCIO-ECONOMIC GEOGRAPHY OF BELARUS IN MODERN CONDITIONS

V.M. Sasnovsky

Belarusian State Pedagogical University, 18 Sovetskaya St. 220050, Minsk, Belarus, vsosnovskij07@gmail.com

The most important tasks of the social and economic geography of Belarus at the current stage of its development are considered, and ways of solving them are proposed. It is shown what errors and losses the lack of deep scientific justification leads to when locating economic objects and making decisions without the active participation of economic geographers.

Keywords: socio-economic geography; territorial organization of society; optimal localization; rational location; territorial differences; cluster.

Хуткае развіццё грамадства, узнікненне новых з'яў і працэсаў (змяненне клімату, глабалізацыя, абвастрэнне міжнацыянальных канфліктаў і інш.) прымушаюць шукаць адказы на выклікі часу не толькі палітыкаў, але і навукоўцаў. Менавіта навука павінна пракладваць дарогу там, дзе чалавецтва сутыкаецца з невядомым і небяспечным. На жаль, разуменне гэтых слоў не стала аксіёмай і па-ранейшаму ігнаруецца ў многіх краінах свету, у тым ліку і ў Беларусі. Пры агульных тратах на навуку, якія складаюць менш 1 % ВУП краіны, складана чакаць прарыўных ідэй як у

эканоміцы, так і ў іншых сферах чалавечай дзейнасці. Больш таго, даводзіцца канстатаваць, што цяперашняе стаўленне да навукі стварае дадатковыя цяжкасці ў рэалізацыі шматлікіх прыкладных праектаў, што нярэдка прыводзіць да вялікіх матэрыяльных і фінансавых страт.

Сацыяльна-эканамічную геаграфію (СЭГ) нельга аднесці да футуралагічных навук, яна больш скіравана на вырашэнне паўсядзённых праблем. Аднак, як і кожная грамадская навука, СЭГ павінна імкнуцца прадбачыць, да якіх вынікаў могуць прывесці новыя з’явы і працэсы, а калі яны нясуць небяспеку грамадству — папярэдзіць і прадухіліць іх. Такая высокая місія СЭГ, як і іншых накірункаў геаграфічнай навукі, звязана з тым, што менавіта яна ў значнай ступені адказная за тое, што адбываецца ў прасторы, а калі быць больш дакладным — на тэрыторыі той ці іншай краіны. Іншымі словамі, наколькі аптымальна выглядае тэрытарыяльная арганізацыя грамадства (ТАГ) залежыць ад таго, як плённа папрацавалі географы ў цеснай сувязі з іншымі спецыялістамі. Само паняцце “тэрытарыяльнай арганізацыі грамадства ў шырокім разуменні слова ахоплівае ўсе пытанні, якія тычацца тэрытарыяльнага падзелу працы, размяшчэння прадукцыйных сіл, рэгіянальных адрозненняў у вытворчых адносінах, рассялення людзей, узаемаадносін грамадства і прыроды, а таксама праблемы рэгіянальнай сацыяльна-эканамічнай палітыкі” [1, с. 3].

Зыходзячы з гэтага адной з найважнейшых задач СЭГ Беларусі з’яўляецца *аптымальная лакалізацыя аб’ектаў (вытворчых і сацыяльных) на яе тэрыторыі*. Інакш кажучы, размова ідзе пра абавязковы ўлік як традыцыйных (прыродных і працоўных рэсурсы, транспартныя ўмовы і інш.), так і новых (наяўнасць інавацыйнай і рыначнай інфраструктуры, экалагічныя ўмовы і інш.) і нематэрыяльных (творчы патэнцыял мясцовага насельніцтва, прыналежнасць да рэлігійных канфесій і інш.) фактараў пры выбары месцаў іх лакалізацыі. Зразумела, што розныя аб’екты патрабуюць рознай іх сукупнасці, аднак ігнараванне нават некаторых з іх прыводзіць да эканамічных і сацыяльных страт. Памылкі пры размяшчэнні любых гаспадарчых аб’ектаў не выпраўляюцца, а жорстка караюцца праз неабходнасць губляць сродкі на новае іх будаўніцтва альбо рэканструкцыю. На жаль, сённяшняе рэчаіснасць дае падставы сцвярджаць, што размяшчэнне шматлікіх аб’ектаў, якое мела месца толькі ў апошнія дзесяцігодзі, далёкае ад аптымальнага (напрыклад, Беларуская АЭС, індустрыяльны парк “Вялікі камень” і інш.). Яшчэ больш праблематычна выглядае сітуацыя з размяшчэннем сацыяльных аб’ектаў — магазінаў, станцый тэхнічнага абслугоўвання і інш. Здавалася б, тут, дзе пануе прыватны бізнес, усё павінна быць узважана, аднак практыка сведчыць, што камерцыйная зацікаўленасць, на жаль, пераважае і часта імкненне папоўніць мясцовыя бюджэты штурхае дзяржаўных чыноўнікаў да ахвяравання

інтарэсамі краіны. Увогуле трэба падкрэсліць, што факт прыватнай уласнасці ўносіць кардынальныя змены ў паняцце “аптымальная лакалізацыя”, асабліва ў суадносіны дзяржаўных і прыватных інтарэсаў.

Развіццё НТП, адкрытасць эканомікі Беларусі знешняму свету, дэпапуляцыя, істотна змяняюць уплыў традыцыйных фактараў на праблему комплексаўтварэння і сам характар фарміравання тэрытарыяльных сістэм. З гэтага выцякае яшчэ адна задача — *пошук новых формаў прасторавай арганізацыі прадукцыйных сіл*. Агульнапрынятым сёння ў развіцці і размяшчэнні прадукцыйных сіл Беларусі і шматлікіх краін свету лічыцца кластэрны падыход. Кластэр уяўляе сабой сукупнасць размешчаных у рэгіёнах роднасных прадпрыемстваў — вытворцаў сыравіны і розных камплектуючых, а таксама арганізацый, якія аказваюць спецыялізаваныя паслугі. Акрамя таго, у склад кластэра могуць уваходзіць ВНУ, НДІ і іншыя структуры, якія працуюць у цеснай узаемасувязі з эканомікай рэгіёна (будайнічыя арганізацыі, транспарт, сувязь і інш.). Ідэя эканамічнай мэтазгоднасці кампатнага размяшчэння ўзаемазвязаных прадпрыемстваў і спалучаных з імі аб’ектаў не новая, яна знайшла сваё ўвасабленне яшчэ ў 20 – 30-я гады ХХ ст. у тэорыі тэрытарыяльна-вытворчых комплексаў (ТВК). Пазней яе шырока выкарыстоўваў М. Портэр [2], праўда, у яго гэта ўжо былі не ТВК, а кластэры. Аднак сутнасць не змянілася і галоўным пры такім характары развіцця і размяшчэння вытворчасці павінна заставацца атрыманне дадатковых эканамічных пераваг за кошт зніжэння бягучых і эксплуатацыйных выдаткаў, а таксама тэхналагічнага абнаўлення за кошт канкурэнцыі аб’яднаных у кластэр кампаній. На жаль, наша рэчаіснасць сведчыць аб іншым, часцей гэта кангламерат выпадковых прадпрыемстваў, якія не заўсёды звязаныя паміж сабою нават тэхналагічна. Больш таго, ужо пасля ўвядзення ў строй Беларускай АЭС не бачна, каб вакол яе пачаў фарміравацца сапраўдны кластэр, хаця яго стварэнне “з нуля” ўяўляецца больш прывабным у параўнанні з ужо існуючымі вытворчасцямі.

Адна з найважнейшых задач СЭГ — *выяўленне тэрытарыяльных адрозненняў*. Выяўленне адрозненняў “ад месца да месца” з’яўляецца адным з асноўных крытэрыяў геаграфічнасці. Маецца на ўвазе не проста іх канстатацыя, а тлумачэнне прычын і пошук варыянтаў па змяншэнні неапраўдана вялікіх дыспрапорцый. У гэтых адносінах належыць яшчэ вельмі шмат што зрабіць эканоміка-географам краіны. Справа ў тым, што за апошнія гады адбыліся істотныя змены ў абліччы розных тэрыторый (гарадоў, раёнаў і інш.), а геаграфічная навука не толькі не заўважае іх, але і не дае адказаў, якім чынам змяніць сітуацыю да лепшага. Яна па-ранейшаму канстатуе высокую тэрытарыяльную дыспрапарцыянальнасць, а пошук крокаў па яе змяншэнні пакідае іншым. Зразумела, размова ідзе не аб

тым, каб дасягнуць аднолькавага ўзроўню спажывання тавараў ці паслуг, а пра тое, каб не дапусціць перакосаў у гэтым спажыванні. Нельга лічыць нармальнай сітуацыю, калі, напрыклад, па ўзроўні добраўпарадкавання жыллёвага фонду насельніцтва адміністрацыйных раёнаў розніца дасягае амаль 10 разоў, а калі паглядзець на гэту праблему ў разрэзе “горад–сяло”, сітуацыя выглядае яшчэ горш. Такія дыспрапорцыі ва ўмовах жыцця штурхаюць людзей да міграцыі і ўвогуле пагаршаюць іх самаадчуванне. Нягледзячы на тое, што тэрытарыяльныя адрозненні з’яўляюцца аб’ектыўнай з’явай і характэрны для большасці краін свету, іх змяншэнне нярэдка залежыць ад суб’ектыўных рашэнняў. Асабліва гэта заўважна на этапе пераразмеркавання бюджэтных сродкаў і прыняцця рашэнняў аб новым будаўніцтве. Не выклікае сумненняў тое, што пытанні рэгіянальнага развіцця вырашаліся б хутчэй і эфектыўней, калі б у Беларусі на нацыянальным узроўні існаваў спецыялізаваны орган (установа) адпаведнага накірунку, напрыклад, Міністэрства рэгіянальнага развіцця, якое можна было б спалучыць з Міністэрствам прыродных рэсурсаў і аховы навакольнага асяроддзя, тым больш, што адно звязана з другім. Удзел эканоміка-географіаў у яго рабоце – жыццёвая неабходнасць.

Непасрэдна з папярэдняй задачай звязана яшчэ адна — *эканамічнае раяніраванне і абгрунтаванне неабходнасці ўдасканалення адміністрацыйна-тэрытарыяльнага дзялення (АТД) краіны*. Кардынальныя змены ў размяшчэнні прадукцыйных сіл апошніх гадоў тэрмінова патрабуюць адпаведнага картаграфічнага адлюстравання ў выглядзе эканамічных раёнаў. Пры гэтым размова ідзе не абавязкова пра канструктыўны іх напрамак, нават пазнавальнае (апісальнае) раяніраванне з’яўляецца актуальным. Між тым менавіта раяніраванне адлюстроўвае аб’ектыўнасць працэсу тэрытарыяльнага падзелу працы, выяўляе заканамернасці ў прасторавай арганізацыі грамадства і выступае, як правіла, квінтэсэнцыяй навуковага даследавання. Адсюль узнікае вострая неабходнасць ва ўдасканаленні АТД Беларусі, якое істотна не змянялася ўжо больш за паўстагоддзя. Праблема, як кажуць, перазрэла. Прычыны неабходнасці такога ўдасканалення разнастайныя – неапраўдана высокая тэрытарыяльная дыферэнцыяцыя ва ўзроўні і якасці жыцця насельніцтва; абмежаванасць рэсурснага, сацыяльна-эканамічнага, дэмаграфічнага і прыродна-экалагічнага патэнцыялаў, што не дазваляе ў поўнай меры рэалізаваць задачы ўстойлівага развіцця на ўзроўні асобнай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі і асабліва на нізавым узроўні; неадпаведнасць граніц АТД рэальна існуючым тэрытарыяльным сацыяльна-эканамічным сістэмам; грувасткасць АТД, асабліва на ўзроўні сельскіх саветаў, што патрабуе вялікіх выдаткаў; новыя тэндэнцыі ў жыцці грамадства, якія звязаны з развіццём інфраструктуры (транспарту, тэлекамунацый,

інфармацыйных тэхналогій і інш.), ростам адукацый-нага ўзроўню насельніцтва, яго мабільнасці і інш. Здавалася б, пры такой колькасці аргументаў працэс змен непазбежны, да таго ж з боку навукоўцаў і практыкаў неаднаразова ўносіліся прапановы па ўдаскана-ленні АТД, “а воз и ныне там”. Увогуле тэндэнцыя “не заўважаць” вастрыню сучасных рэгіянальных праблем і “не прыслухоўвацца” да голасу навукоўцаў не можа не хваляваць. Менавіта такая рэакцыя адбылася на міжнародную навукова-практычную канферэнцыю, якая адбылася ў 2021 г. [3]. Аднак не хочацца губляць аптымізму, тым больш што кадравы патэнцыял эканоміка-географіаў і эканамістаў, якія займаюцца праблемамі рэгіянальнай эканомікі, дазваляе паспяхова справіцца з акрэсленымі задачамі і зрабіць рэальны ўнёсак у аптымізацыю тэрытарыяльнай арганізацыі краіны. Замаруджванне ў іх вырашэнні – прамы шлях да іх ускладнення і пагроз нацыянальнай бяспекі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Хорев Б. С.* Территориальная организация общества. М.: 1981.
2. *Портер М.* Международная конкуренция. М.: 1993.
3. Социально-экономическая география в XXI веке: Новые реалии и практические возможности. Материалы международной научно-практической конференции. Республика Беларусь. Минск, 19-20 ноября 2021 года. Мн.: БГУ, 2022.

UDC: 911

**TO IDENTIFY THE CHALLENGES AND PROSPECTS FOR THE
DEVELOPMENT OF TOURISM USING THE SWOT METHOD
THROUGH THE ANALYSIS OF TRIPADVISOR IN SHAKI
DISTRICT, AZERBAIJAN**

N. Artunov

*Ministry of Science and Education of Azerbaijan Republic, Institute of Geography named
after Hasan Aliyev, Az 1143, H.Javid pros. 115, Baku city, Azerbaijan,
nofel.ertunov@gmail.com*

The article examines the prospects for the development of tourism in the Sheki region and the problems which could hamper this development. On the basis of the review of the literature, the positive and negative results of the tourism activities are explained in detail in the article. By analysing the general characteristics of tourism development in the Sheki region, the SWOT analysis was carried out. Factors that positively affect and can affect tourism development in the region are classified as Strengths and Opportunities, while negative factors are classified as Weaknesses and Threats. The data from the tripadvisor.com platform and customer satisfaction have been analysed as a data base. The SWOT analysis revealed that, despite the existence of regional tourism brands, there are serious discrepancies between the current tourism indicators, which do not reflect the potential of the region.

Keywords: SWOT analysis; tourism potential; recreational resources; Shaki district; Tripadvisor; UNESCO heritage.

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫЗОВОВ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ
ТУРИЗМА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА SWOT-АНАЛИЗА
ЧЕРЕЗ АНАЛИЗ TRIPADVISOR В РАЙОНЕ ШАКИ, АЗЕРБАЙДЖАН**

Н. Артунов

*Министерство науки и образования Азербайджанской Республики, Институт
географии имени Гасана Алиева, Az 1143, просп. Г. Джавида, 115, город Баку,
Азербайджан, nofel.ertunov@gmail.com*

В статье рассматриваются перспективы развития туризма в Шекинском районе и проблемы, которые могут помешать этому развитию. На основе обзора литературы в статье подробно описаны положительные и отрицательные результаты туристской деятельности. Анализируя общие характеристики развития туризма в Шекинском районе, был проведен SWOT-анализ. Факторы, которые положительно влияют и могут повлиять на развитие туризма в регионе, классифицируются как Сильные стороны и Возможности, а негативные факторы – как Слабые стороны и Угрозы. В качестве базы данных были проанализированы данные с платформы tripadvisor.com и удовлетворенность клиентов. SWOT-анализ показал, что, несмотря на наличие

региональных туристических брендов, существуют серьезные расхождения между текущими показателями туризма, которые не отражают потенциал региона.

Ключевые слова: SWOT-анализ; туристский потенциал; рекреационные ресурсы; Шакинский район; Tripadvisor; наследие ЮНЕСКО.

Introduction

Developing tourism, using its resources and increasing its economic efficiency has become a worldwide phenomenon. The tourism industry is more than just a field of tourism, it is one of the most important components in the formation of international economic and political relations and the improvement of standards. The development of the tourism industry and investments in its branches were started with the adoption of the state programme in 2002 in Azerbaijan [3]. The number of hotels and hotel-like establishments covered by the sector has increased considerably [1]. The Sheki region is considered to be one of the most important centres of tourism in the country [7]. Its historical centres and the number of UNESCO monuments set the area apart from other areas. The aim of this study is to have a look at the tourism potential of the Shaki district and the factors that are an obstacle to its development.

Body part

As a sector, tourism is good for business and plays a significant role in budget generation, foreign exchange reserves and employment. However, tourism has negative effects on the economy in addition to the positive effects mentioned above. According to Mason [5] at least the following are among the negative consequences of tourism:

- 1. Inflation: Price rises that may occur in some areas because of tourism activities include increasing land, housing and even food prices. Increased demand for local services by tourists is also an inflationary indicator.*
- 2. Opportunity cost: refers to the cost of engaging in tourism instead of other economic activities. In particular, this can take place at the local and regional level. In predominantly rural coastal areas, these costs may be invested in tourism rather than agriculture, horticulture or fisheries. The result will be a partial or total cessation of activity in other types of farms and a substitution effect.*
- 3. Over-dependence on tourism: The preparation of the regional plan for the area has been problematic in that tourism has been seen as the sole economic driver, to the exclusion of other considerations. This can be the case, for example, in small states where the government's view of tourism is that it is the best method of development. In time, tourism became so important that other approaches to development were virtually neglected. Consequently, the country becomes so dependent on tourism that any change in demand can lead to major economic crisis.*

However, the movement of internal resources within the industry varies depending on the characteristics of the material and financial interchange between the industries, and the value and distribution of the tourism output. Attracting citizens to domestic tourism and increasing their number is one of the main factors influencing the development of tourism. In addition to these factors, the formation of the domestic tourism market is influenced by hospitality, the wealth of recreational resources, excursion services, etc. One of the most important factors hindering the development and expansion of domestic tourism is the significant difference between the current level of prices in the field of tourism, including accommodation and services, and the real income of the population.

As in other sectors of the economy, services in the tourism market are shaped by supply and demand. The demand for tourism varies according to the theme of the traveller's leisure time. This leads to the formation of new service areas and speeds up the formation and development of some sectors. There are many factors that affect how students learn to work in tourism, including.

- Natural and geographical factors - natural environment, attractive scenery, pleasant climate, wealth of natural monuments, proximity of leisure facilities to residential area, etc.
- Socio-economic - high standard of living of the people, demographic conditions, level of economic, political and cultural development of the state.
- Financing of the tourist industry - accommodation, catering, transport, communication services, sports centres, etc.
- The quality of the organisation of services in recreational facilities
- Newly developing, most productive and promising areas are referred to as tourism potentials. Tourism potential can be increased and tourism development accelerated through the efficient use of resources and proper positioning. Through the analysis of its resources and products or services, a tourism organisation can assess how well it is equipped to implement its strategic capabilities or strategy. Resources are typically categorised under four headings

Tangible assets, including buildings, plant and equipment, machinery and fleet.

Human resources primarily made up of qualifications.

Financial resources or the creditworthiness of the organization as demonstrated by its liquidity and total indebtedness.

Intangible resources [4], which include acquired knowledge and skills, patents and recipes, goodwill, brands and the image of the company.

Performance monitoring looks at how money is being spent and may include: efficiency, financial, evaluation and benchmark. This section is dedicated to identifying, evaluating and developing Sheki Region's tourism potential.

Method

In order to analyse the tourism potential of the region, the method of SWOT analysis has been used. The SWOT analysis in the study area included a review of the studies carried out in the area, an analysis of hotel prices and customer satisfaction on the tourism platforms. Internal and external factors, comparative analysis of data and the main problems in the direction of development were studied during the SWOT analysis in the research area.

SWOT-Analysis

SWOT analysis is an instrument for strategic planning and strategic management in companies. In the analysis, factors are divided into 2 groups as internal factors and external factors and evaluation and strategic planning are carried out by analysing the factors [6].

Table 1

SWOT analysis of tourism in Sheki district. Source: Prepared by the author

<i>Strengths</i>	<i>Weaknesses</i>
The location of the Kish Albanian temple	Lack of adequate advertising
The Sheki Khan palace and the Caravanserai complex, which are part of the UNESCO heritage, are located here	Lack of local guides on inner-city tourist routes. Consequently, the service is expensive
Full hotel and service provision	Offering local people's homes to tourists and the lack of uniform standards
Wide distribution of rich forest complex and exotic landscape in the area	Weakness of coordination between domestic tourism companies and international tourism firms
The richness of national cuisine	Fewer children's entertainment and shopping malls
The population is interested in renting their houses to tourists	High prices of meals and other food
Interest in rural tourism in some mountain villages	
<i>Opportunities</i>	<i>Threats</i>
It can be the main tourist center of the region	Frequent occurrence of floods in the area and high amount of debris [2]
It is more noticeable in branding than in other districts	High prices of tour packages
Wide possibilities of hunting tourism (Kichik Dahne, Oraban)	

Internal issues can be categorised as strengths and weakness, while external issues can be categorised as opportunities and threats. Strategic management

requires analysis of these environments. The process of analysing organisation and environment is called SWOT.

Discussion. Depending on their location and the services they offer, hotels in the Sheki district range from \$19 to \$87¹². The tour packages that have sold the most in the region are as follows: Shamakhi - Gabala - Sheki, Gabala - Lahic - Sheki, Azerbaijan - Georgia - Armenia, General Azerbaijan Tour, Caspian Pearl Tour, Agrotour, etc. If you look at customer satisfaction, you will see that while service and hospitality are at a high level, prices, especially food and other commodities, are much higher than expected. This is just one of the ways in which the development of tourism is being hampered. International tourism platforms, such as the tripadvisor.com website, clearly show this.

In addition, shops and businesses that sell local products, such as handicrafts, confectionery and silk products, are not adequately advertised on the platforms. Furthermore, in the category of gift shops and farmers' markets, there is no mention of the objects which are part of the market. Despite the fact that the above-mentioned areas have developed in the region.

One of the factors adversely affecting and slowing the development of tourism in the region is the frequency of flooding in the area, which causes severe damage. In the Sheki region, in the village of Kish, the Jannat garden, the Narin gala, the Umid, the Gelarsan-Gorsarsan, the Kish island, the Mekan and Sham gardens, the Kungut recreational centres in the village of Bash Kungut are exposed to floods [7, pp 225].

Conclusion. The SWOT analysis revealed serious discrepancies between current tourism indicators in the Sheki region. For example, the present state of tourism does not reflect its potential and has been rather poor. Despite the existence of regional brands in the area of tourism, the brands of the various regions are poorly developed. Gift shops and farmers' markets are the most obvious examples. In terms of attracting tourists to the region, it has been found that the price factor is more effective. Therefore, there will be a reduction in the number of overnight stays and accommodation as a result of the sale of tour packages.

The service of renting a car does not exist. There is no car rental service and cars are only available for hire from Baku. Both local and international companies operate taxi services. The local people are very interested in renting out their houses and apartments. Depending on the number of beds, local house rentals range from \$11 to \$49. The difference between staying in a hotel and renting out a private house is very small. Houses for rent are offered to tourists in the district, especially in the town of Sheki, in the villages of Kish, Abbas, Okhud, Bash Kungut.

---

¹² https://www.tripadvisor.com/SmartDeals-g666445-Sheki_Shaki_Zaqatala_Region-Hotel-Deals.html

References

1. *Artunov N.* (2023). Multiple regression modelling: contemporary spatial planning and economic modelling of tourism industry (case study of Shaki district). *Journal of the Belarusian State University. Geography and Geology*, 2, 80-89. Retrieved from <https://journals.bsu.by/index.php/geography/article/view/6071>
2. *Artunov N.* (2023). Flood risk mapping: Using remote sensing technique to identify the influence of floods on territorial planning (a case study of Shaki district, Azerbaijan). *Ekonomichna ta Sotsialna Geografiya / Економічна та соціальна географія*, 89, <https://doi.org/10.17721/2413-7154/2023.89.53-61>, 53–61.
3. Dövlət proqramı. (2002). Azərbaycan Respublikasında 2002-2005-ci illərdə turizmin inkişafına dair Dövlət Proqramı. Azərbaycan qəzeti. <https://e-qanun.az/framework/1615>
4. *Hall C. M.* (2000a). *Tourism Planning*. London, Prentice Hall.
5. *Mason P.* (1995). *Tourism: Environment and Development Perspectives*. Godalming, UK, World Wide Fund for Nature.
6. *Mücevher M.* (2021). Bireysel Kariyer Planlamada Öz Tanıma Aracı Olarak Swot Analizi: Z Kuşağı Üzerine Bir Araştırma, Süleyman Demirel Üniversitesi Vizyoner Dergisi, Cilt: 12, Sayı: 31, s 856-869.
7. *Paşayev N. Ə, Əyyubov N. H, Eminov Z. N.* (2010). Azərbaycan Respublikasının iqtisadi, sosial və siyasi coğrafiyası, Bakı. 410.

UDC: 911.3 (911.9)

THE CONTEMPORARY GEOGRAPHY OF CRAFT BEER PRODUCTION AND ON-SITE CONSUMPTION IN MINSK, BELARUS

A. Bezruchonak, E. Frul

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, Bezruchonak@bsu.by*

The presented material is devoted to the geographic analysis of the phenomenon of the so-called “craft beer revolution” in Belarus and, in particular, in Minsk (once 74% of the country’s craft breweries were located in the capital in 2024). The brief history of the establishment and development of the craft beer production in Belarus and Minsk is analysed, with an emphasis on the current state of things. The investigation also features of the contemporary spatial structure of craft beer consumption, based on the location attributes, selected visitor’s check-in data, variety of selection and the structure of beers on tap at 28 selected bars, defined as “real” craft beer bars (CBBs). Such topics, as the impact of the “craft beer revolution” on urban development in Minsk, as well as the cases of demonstration of (neo)localisation are also discussed in the article.

Keywords: geography of beer; craft beer revolution; beer market; taproom; socio-brewery; Minsk; Belarus.

СОВРЕМЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ ПРОИЗВОДСТВА КРАВТОВОГО ПИВА И ЕГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В МИНСКЕ, БЕЛАРУСЬ

А. Безрученко, Е. Фруль

*Белорусский государственный университет, проспект Независимости, 4, 220030,
Минск, Беларусь, Bezruchonak@bsu.by*

Представленный материал посвящен географическому анализу феномена так называемой «революции крафтового пива» в Беларуси и, в частности, в Минске (в 2024 г. в столице находилось 74 % крафтовых пивоварен страны). Анализируется краткая история становления и развития производства крафтового пива в Беларуси и Минске с акцентом на текущее состояние. В исследовании также рассматривается современная пространственная структура потребления крафтового пива, основанная на атрибутах местоположения, данных о регистрации посетителей, разнообразии выбора и структуре разливного пива в 28 выбранных барах, определенных как «настоящие» бары крафтового пива (БКП). В статье также обсуждаются такие темы, как влияние «революции крафтового пива» на развитие городов в Минске, а также случаи демонстрации (нео)локализации.

Ключевые слова: география пива; крафтовая пивная революция; пивной рынок; тапрум; социопивоварня; Минск; Беларусь.

Introduction. In the XXth century the process of consolidation in the global brewing market led to the dominance of several large brewing companies, and homogenisation of the product, offered to the consumer. Normally, beers of few styles (lager, or pilsner) were popularised and distributed on a massive scale, and market regulations prevented microbreweries with a higher variety of styles, to offer their product [1]. The situation had started to change in the 1960-1970s in the USA, in particular, after 1978, after the President Carter had signed the H.R.No.1337 bill – lifting taxes on small scale beer production. That resulted in the dynamic growth in the amount craft breweries (from 2 in 1979 to 8764 in 2020, in the USA alone), the process, described in the academic literature as the “craft beer revolution” (thereafter the abbreviation CBR is used), the process about the priority of quality over the scale of beer production [1, 2]. New forms of breweries (nanobreweries, microbreweries, brewpubs, contract breweries, etc.) have introduced a new product of higher quality and richer variety of tastes and styles, called craft beer.

The process of the “craft beer revolution” occurs unevenly at temporal and spatial scales, with various factors affecting it. In the post-socialist countries of Eastern Europe, including Belarus, the trend of growth of craft breweries began to speed up in the XXIst century. For instance, chronologically, the start of the CBR process in Belarus can be dated back to 2015 (later than at the neighbouring markets, in Poland, Ukraine, or Russia).

There is no single definition of “craft beer” or “craft brewery”. However, the American Brewers Association (ABA) defines a craft brewery as “*small*,” “*independent*,” and “*traditional*.” *Small* is about the size (annual production less than 6 mln barrels). *Independent* refers to ownership (less than 25% owned or controlled by an alcohol industry member that is not itself a craft brewer). *Traditional* refers to the production, in which 50% or more of the beer brewed takes its flavour from “traditional” or “innovative” brewing ingredients and their fermentation. However, there is an ongoing discourse about that definition, and not all countries or small-scale beer producers adopt this nomenclature [3, 4].

Another interesting question, not often explored in the existing literature, is related to the classification, status, and spatial allocation of the places of craft beer consumption, or the so called “craft beer bars (CBB)”. Briefly the aspects of relationship between their location and urban development is discussed. Additionally, the concepts of “neolocalism” (*when craft brewery of bar reflects locality of production and connections to place (e.g. history, language, geography, features)*) and “third places” (*applicable to bars, taprooms and brewpubs, which may not necessarily display local features, but which simply create sites for gathering and exchange between the first place (home) and the second place (work)*) within the general context of craft beer production and consumption practices are introduced [5].

Literature review and methodology. The general geographic analysis of the phenomena (with incorporation of methods of statistics and econometrics)

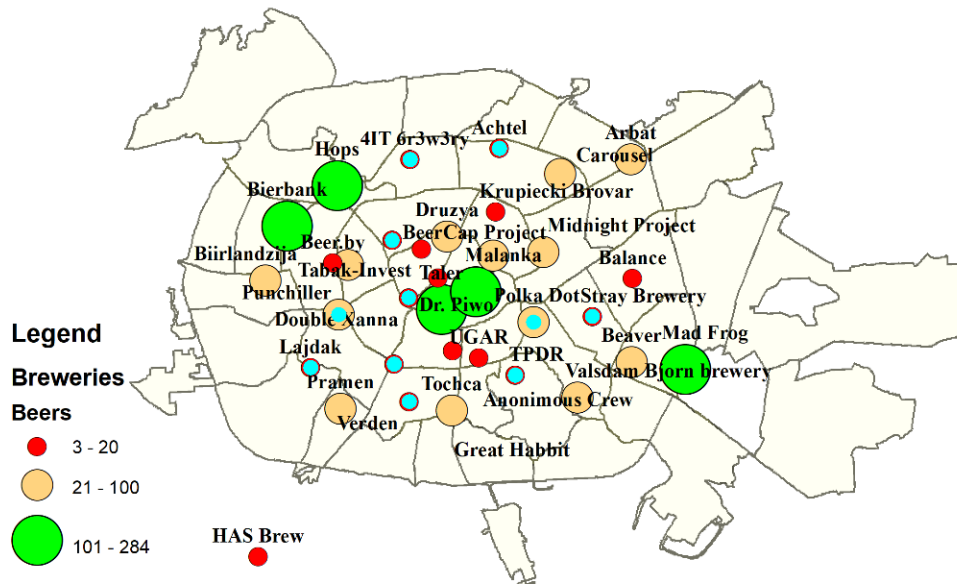
was usually devoted to spatial features of breweries distribution (in the USA, Canada, Poland, Czechia, Bulgaria, etc.). There is a certain amount of research on the topic of craft breweries' interconnections with neolocalism, third places, creative industries, gentrification and urban development [1-5]. Research on the craft beer revolution process and breweries geography in Belarus (the market analysis a prior to 2021) has been briefly carried out by the geographers from the Faculty of Geography and Geoinformatics of the BSU [6]. This material aims to update and fill the existing gap, enhancing the current discourse with a geographic accent and perspective, based on the case study of Minsk, the capital of Belarus.

The research methodology incorporated elements of both practical (field exploration, place evaluation, expert talks) and a theoretical analysis of existing historical and geographical information (academic literature, specialised websites and social networks of breweries and bars, other information sources) about the features of the processes of the craft brewing and consumption in the Republic of Belarus, and in Minsk.

The selection criteria for the craft breweries in Minsk were: a) status of the brewery (micro-, nano-, contract, brewpub, or restaurant-brewery); b) market activity as in 2023-2024; c) quantity and range of products (beer styles). The selection criteria for the "real" craft beer bars were: a) number of beers on tap (more than 10); b) share of craft beers on tap (more than 60%). The main up-to-date geospatial information on 32 selected craft breweries (brewery location, its rating, type, number of types of beer produced), and 28 craft beer bars (location, total check-ins, number of total beers on tap, share of craft beers) in Minsk was obtained from the databases of the Ratebeer and Your.beer portals, as well as the Untappd portal. Visualization of spatial data was performed in the GIS software.

Content analysis and systematisation of craft breweries', beers' and bars' names or visual symbology was used to evaluate the cases of neolocalism in Minsk and Belarus. Research limitations are related to the dynamic situation with the systematic data on the craft beer production and consumption, affected by various factors, and that is usually resulted in the lack of the relevant spatial data.

Results and discussions. As in February 2024, there were 43 breweries, defined as craft breweries in the Republic of Belarus, 32 of them (74,4%) were located in Minsk. In between 2021-2024 14 breweries terminated or paused the production of beer (predominantly contract by type; mostly located in Minsk). For the same period, 13 new breweries had been established in Minsk, Homiel, Hrodna, Babrujsk, Maryina Horka, and Schomyslitsa. The craft breweries, located in Minsk, are visualised in figure 1.

Note: a) the precise geographic location is applicable only to the breweries with known address; b) blue dots shot the closed breweries

Fig. 1. Craft breweries in Minsk by total amount of beers produced (as in 2024) [7-9]

According to the most recent Ratebeer data, the most popular beer styles in Belarus were IPA (42%) and related by style pale ales. However, according to Your.beer data, among the 50 top-rated beers, strong ales, triple IPAs and sours prevailed (as shown in figure 2). According to the selection criteria, explained in the methodology, only 28 bars in Minsk out of 108 (from the Your.beer portal database), did qualify as “real” craft beer. These bars are mostly located in densely populated areas (in some cases at residential blocks with cheap rent), and have good transport accessibility (metro-oriented, see figure 3).

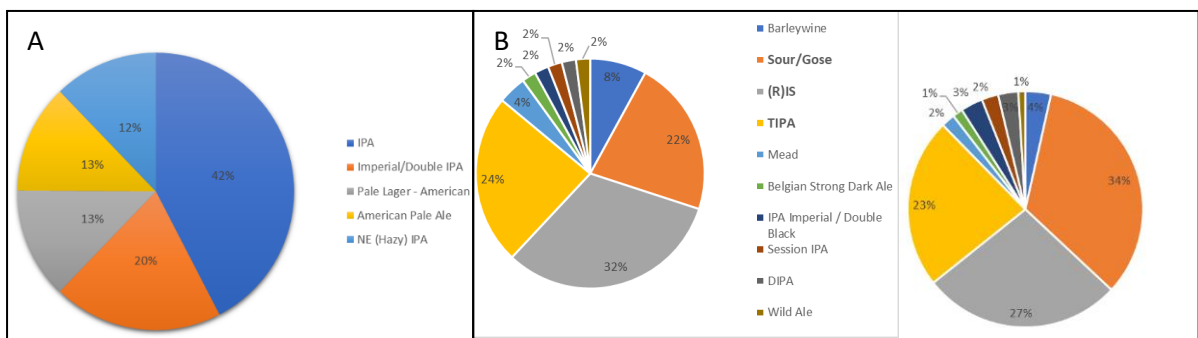
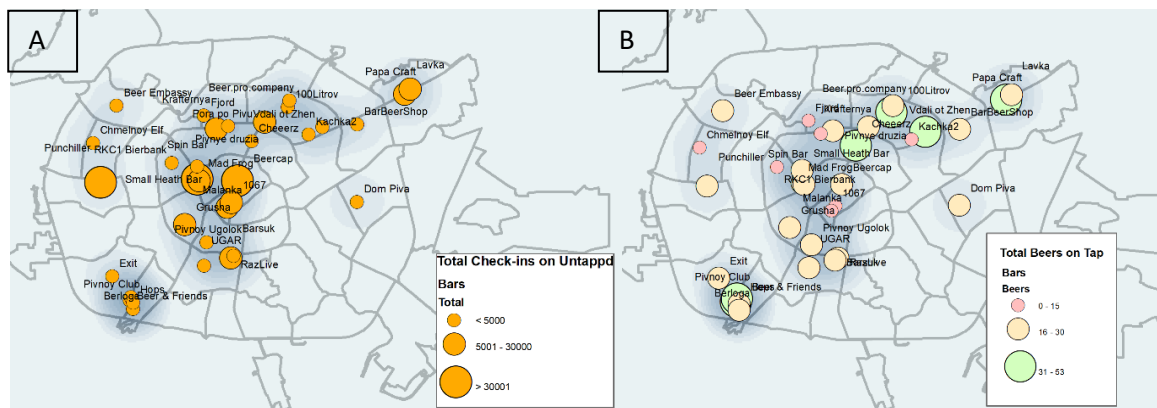

Fig. 2. Structure of the most popular (a) and the top-rated (b) craft beer styles in Belarus (in total, 2024), [7, 8]

The spatial pattern of CBBs location shows, that it is possible to define the so-called “beer axis” between Malinauka (with Pivnoy Klub, Hops, B&F bars) and Uruccha (Papa Kraft, Lauka) metro stations.

Note: a) according to Untappd check-in data; b) according to the number of beers on tap

Fig. 3. The most popular (a) and the tap-oriented (b) craft beer bars in Minsk (2024), [8, 9]

There is no direct evidence, that the craft beer bars are choosing revitalised and renovated areas in Minsk for their location. In some cases, craft beer bars are located in the former industrial areas, i.e. Mad Frog Taproom, SPIN (former furniture factory on Kalvariyskaya street), BeerCap Project, Pena (industrial sites of Horizont manufacturer). Historically, some major craft beer events had been conducted at locations of urban revitalisation on Kastyrynickaya street (the currently closed OK 16 cultural hub (site of the former MZOR factory), hosted 2 editions of Minsk Craft Beer Fest). The brief analysis of the cases of local identification and features of neolocalism in beer, brewery or bar names in Minsk (and Belarus) figured out that there are several types of local identification (namely, linguistic, geographic, historic and visual, as presented in table 1). Those neolocal featured are present in a small share of the studied units of each category.

Table 1

Craft beer and local identification in Belarus

Type of Local ID	Examples
Linguistic (related to the use of the Belarusian language)	1) <i>Beer</i> names in the Belarusian language (<i>imhla, mlosc, pavietra, chaliera, lichamanka, trasca, etc.</i> from Malanka brewery, all production from Pan Kachyn brewery). 2) Name of <i>craft beer bars</i> (<i>Krafternia, Malanka Taproom</i>) or <i>craft breweries</i> (<i>Dudar, 13 Litar, Lajdak, Taler, D3iwa, Pramien</i>) in the Belarusian language.
Geographic (related to location)	Beer name: Bierasciejski Lager/Weisen (13 Litar, a brewery, located near Brest city), Belaz (Midnight, a car manufacturing factory), Shabany (district in the city of Minsk). Brewery name: Valaduta brewery (name of the village), Krupiecki brovar (name of the settlement), Sozski Beer (name of the river), Stolbtsovskiy Brovar (name of the city).

Historic (event or personality)	Chapski Bar (relation to person, the former mayor of Minsk), 1067 pub (first time when Minsk city was mentioned in historic chronicles).
Visual	13 Litar (logo of the brewery)

The majority of the studied bars in Minsk (especially, within Shop/Bar category within the “beer axis”) belong to the category of “third places”. Those bars may, or may not necessarily display local features, but, due to their geographic location attributes (mostly, in residential areas, within a walking distance to metro station), create places for gathering and craft beer consumption between home and work).

References

1. Bartosz W. Kossowski, T, et. al. Geography of craft breweries in Central Europe: Location factors and the spatial dependence effect, *Applied Geography*, Vol. 124, 2020, <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2020.102325>.
2. Hoalst-Pullen, N., Patterson M. *The Geography of Beer: Culture and Economics*. Springer Nature, Mar 2, 2020 - Science - 216 p.
3. T. Acitelli. *The audacity of hops: The history of America's craft beer revolution*, Chicago Review Press, 2013.
4. Garavaglia, C., Swinnen, J. *The Craft Beer Revolution: An International Perspective*. *Choices*, 32(3), 2017, P. 1–8. <http://www.jstor.org/stable/90015005>
5. Mathews V. *Planning for craft breweries: neolocalism, third places and gentrification*, *Urban Geography*, 44:8, 2023. P. 1768-1793, DOI:10.1080/02723638.2022.2126143
6. Bezruchonak, A., Kindeev, A., Sazonau, A. *The phenomenon of the “craft beer revolution” in the World, Eastern Europe and Belarus: historic and geographic aspects / A. Bezruchonak, et.al / 42th International Geographic Conference “Dimitrie Cantemir”*: Book of Abstracts, University of Iasi, Romania, Iasi, 14-16.10.2022, pp. 88-89
7. Ratebeer information portal, 2024. Access mode: <https://www.ratebeer.com/>
8. Your.beer information portal, 2024. Access mode: <https://your.beer/belarus/minsk/places>
9. Untappd information portal, 2024. Access mode: <https://untappd.com/home>

Acknowledgements

The authors of this article express gratitude to the GIS colleagues and friends, who have contributed to the theoretical (some data collection and systematisation, namely, to Sazonau A. A.) and practical (field research, namely, to the infamous GIS crew) aspects of this research.

UDC: 314.316.1/2

IMPORTANCE OF POPULATION IN THE DEVELOPMENT OF SOCIETY. ITS DYNAMICS AND DEMOGRAPHY IN CERTAIN HISTORICAL PERIODS

X. L. Khudoyorov, M. Kh. Djabborova

*Shakhrisabz State Pedagogical Institute, Shakhrisabz Av., 17,
17, Shakhrisabz, Uzbekistan, lochimbekxudoyorov22@gmail.com*

This article is about the development of the population. It is written about the change in their number over periods and their dynamics at the moment.

Keywords: stages of formation of the population; the location of the population along the Earth's surface; the dynamics of the population at the moment.

ЗНАЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА. ЕГО ДИНАМИКА И ДЕМОГРАФИЯ В ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ

Х. Л. Худойоров, М. Х. Джабборова

*Шахрисабзский государственный педагогический институт, проспект Шахрисабз,
17, 17, Шахрисабз, Узбекистан, lochimbekxudoyorov22@gmail.com*

Эта статья посвящена вопросу роста численности населения. Описано изменение его численности по периодам и тренды динамики в настоящее время.

Ключевые слова: этапы формирования народонаселения; размещение населения по территории Земли; тренд динамики населения в настоящее время.

Population – people (people) who live on the earth or in its specific territory, continent, country, region, district, city. The number and composition of the population is evaluated in relation to the tasks it performs. Population is primarily a self-reproducing, self-reproducing biosocial organism. At the same time, the population is the main productive force and consumer of society. From this point of view, it is of particular importance to analyze the characteristics of the location of the growth rates of the population structure.

The main factor in the growth of the world's population is population growth. The population has grown during the socio-economic development of the society. For example, at the beginning of our era, the population of the city of Earth was 230 million 305 million in 1000, 440 million in 1500 reached a person. It took 600 years for the population to double in the last millennium,

230 years for the second doubling, 100 years for the third, and 40 years for the fourth. At the same time, the population is the main productive force and consumer of society. At the same time, the population, especially its active part of working age, is the main force in the formation and development of various social and political relations [1].

The main factor of the growth of the world population in terms of numbers is the natural increase of the population. Natural increase of the population is a biological process, and its level is expressed by calculating the result obtained by subtracting the total number of deaths (deaths) from the total number of births during the year. The process of natural reproduction of the population is ensured by its non-stop numerical growth and the change of generations. Political tensions, wars, widespread diseases have a great negative effect on the level of fertility among the population. It should be noted that cases of a significant decrease in the natural increase of the population have recently been observed in regions and countries that have achieved a certain level of progress in social and economic development [2].

Most of the world's population lives near sea and ocean coasts. The reason for this is the ease of living in natural conditions. In this way, the indicators of the population have been constantly changing. Until the 19th century, the world's population grew very slowly, and by 1820 it reached 1 billion. reached a person. This process was characterized by low natural population growth. Because the birth and death rates were high even in the past historical stages, and the difference between them was very small. Below are 1 billion people how much time it took to reach a person is given.

- ◀ In 1820, the world population was 1 billion person;
- ◀ In 1927, the world population was 2 billion person;
- ◀ In 1960, the world population was 3 billion person;
- ◀ In 1974, the world population was 4 billion person;
- ◀ In 1987, the world population was 5 billion person;
- ◀ In 1999, the world population was 6 billion person;
- ◀ In 2011, the world population was 7 billion person;
- ◀ 2022 - as of November, the world's population will be 8 billion more than a person.

In all stages of population dynamics indicators, the Asian continent has a high index and remains the largest continent, which currently contains 60% of the world's population. It is no coincidence that six of the ten largest countries in the world by population are located on this continent. Therefore, according to the growth rate of the population, the Asian continent is currently second only to the African continent.

World population dynamics and its regional differences lead to the following conclusions. The population of our planet experienced its fastest growth in

the 1950 and 1980, known as the "Demographic Explosion". Later, this process changed [3].

Demographic knowledge consists of demographic knowledge related to population growth, birth, death, marriage, divorce and migration. It takes into account age and gender and social composition. According to the scientific sources, the demographic information about the number of families, especially men, households. According to the content of the history of demographic knowledge recorded in countries such as ancient Rome, Greece, China and India from the IV-III centuries, it is studied in 3 stages from the first stages of the development of the society to the present day. These are the following:

1st stage. From the 6th-5th century BC to the 16th century AD, data on the number of men and farms were collected in connection with the development of statehood. In some countries, population censuses are conducted regularly. But during this period, demographic knowledge was not gathered around the world.

2nd stage. It covers the 17th-18th centuries and is of special importance in terms of study. Feudalistic relations gradually began to change to capitalist relations. As a result of the great geographical discoveries of the 17th and 18th centuries, the development of international trade, and the development of the capitalist lifestyle, people of different countries became more interested in their traditions. In this regard, the Florentine political scientist and historian Machiavelli, the French John Bodin, the Italian Botero, the German scientist Conring, the Anglican John Ground, William Petty, and the Russian Lomonosov contributed a great deal.

3rd stage. It belongs to the 19th – 20th centuries. They regularly collected demographic information in almost all countries and their territories in the world. In particular, the industrial revolution that began in England in the second half of the 18th century, by the 19th century, covered countries such as the USA, France, Germany, Russia, Italy and Japan.

References

4. *Asanov. G. R.* Aholi geografiyasi. T.: 1978.
5. *Bo'riyeva M. R.* Demografiya asoslari. O'quv qo'llanma T.: 2001.
6. *Bo'riyeva M. R.* O'zbekistonda oila demografiyasi. T.: 1997.

UDC 911.3

MIGRATION OF RUSSIAN LEGAL COMPANIES IN 2016–2023

P. O. Syomin

Perm State University, 15 Bukireva st., Perm, 614068, Russia, ntsp@ya.ru

The migration of Russian commercial legal companies in 2016–23 is described and analyzed. Distributions by migration count and distance are estimated and visualized, the relationship between company size and migration decision is statistically tested, net migration rate by region is mapped, and top migration paths are listed. It is found that migrations are rare, mostly short-distance (10–50 km). Bigger companies tend to relocate more often. Moscow has probably lost small and inefficient businesses but gained larger and more profitable ones.

Keywords: company migration; small and medium-sized businesses; legal companies; legal service; service geography; data analysis; open data; Federal Tax Service.

МИГРАЦИЯ РОССИЙСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ В 2016–2023 гг.

П. О. Семин

Пермский государственный университет, ул. Букирева, 15, Пермь, 614068, Россия, ntsp@ya.ru

Описана и проанализирована миграция российских коммерческих юридических компаний в 2016–23 годах. Оценены и визуализированы распределения компаний по количеству и расстоянию миграций, статистически проверена связь между размером компании и решением о миграции, составлена карта чистого коэффициента миграции компаний по регионам, перечислены основные пути их миграции. Установлено, что миграции компаний происходят редко и, в основном, на короткие расстояния (10–50 км). Крупные компании переезжают чаще. Москва, вероятно, потеряла малые и неэффективные предприятия, но приобрела более крупные и прибыльные.

Ключевые слова: миграция компаний; малый и средний бизнес; юридические компании; юридические услуги; география услуг; анализ данных; открытые данные; Федеральная налоговая служба.

Migration of companies (business relocation) is an important phenomenon of economy and geography. Its first studies date back to the middle of the 20th century, starting from G. McLaughlin and S. Robock's book *Why Industry Moves South* that has described the migration of enterprises from the North of the US and linked it to cheaper labor and weaker activity of labor unions [1]. Various aspects of company

migration have been studied, including factors (reasons) [2], directions (places) [3], and taxation effects [4].

In Russia, there are few papers about the migration of companies. Existing works focus on relocation as an instrument of tax optimization [5, 6] and do not pay much attention to the geographical overview and spatial aspects of the phenomenon. So, a spatial analysis of business relocation in Russia is needed. This study describes and visualizes the migration of Russian commercial legal companies in 2016–23. The choice of a particular area of economy, that is, legal service, is subjective.

Data. A geo-referenced dataset of Russian small and medium-sized businesses (SMBs) with a main activity code equal to 69.10 (activity in the area of law) was generated from the open dumps of SMB registry¹³ with an open source Python CLI application *ru-smb-companies*¹⁴ developed by the author of this paper. The dataset covers the period from August 2016 to November 2023. According to [7], by August 2016 in Russia, there were 47000 commercial legal companies, and the dataset contains about 34000 companies with the same date. Some legal companies are missing, e. g. larger ones that exceed the limit on the revenue or number of employees for SMBs, but 3/4 are present, so the dataset looks reliable and relevant.

Methods. Company migration here is seen as a change in the address of registration, like in [6]. This definition is narrow and does not account for other ways of relocation (e. g. mergers or reorganization). Also, it is formal, because the change of nominal address does not necessarily reflect the change of actual place of doing business. However, it looks like the best choice for the data available. Descriptive statistics, statistical tests, data visualization, and mapping are used. Technically, the analysis was performed with R programming language (including additional packages). The source code for the analysis is stored in a public repository¹⁵.

A *distribution of companies by the number of migrations* is shown in *Fig. 1*. Almost all the companies (97%) in 2016–23 have not migrated. About 2.5% of companies have changed the location exactly once, and more frequent migrations are extremely rare. The distribution is almost log₁₀-linear. A *relationship between the migration decision and the size of the company* is depicted in *Fig. 2*. Migration among small firms is more frequent in comparison to micro-businesses: according to Fisher’s exact test, $p < 0.001$, and the odds ratio is approximately 1 to 4. A *distribution of migration distance* is shown in *Fig. 3*. The majority of businesses move to small distance (10–50 km), but there is a significant group of long-migrating firms (the distance is about 1000 km).

---

13 <https://www.nalog.gov.ru/opendata/7707329152-rsmp/>

14 <https://github.com/PavelSyomin/russian-smb-companies>

15 <https://github.com/PavelSyomin/ru-smb-companies-papers/tree/main/bel-geo-congress-2024>

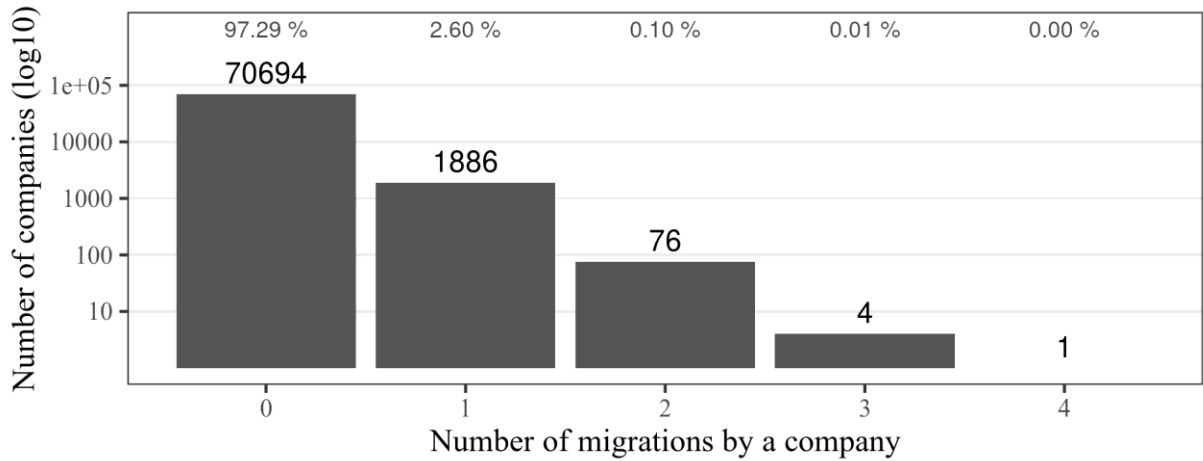

Fig. 1. The distribution of companies by the number of migrations. Y axis is log10-scaled. The counts are shown above the bars, and percentages are below the top border

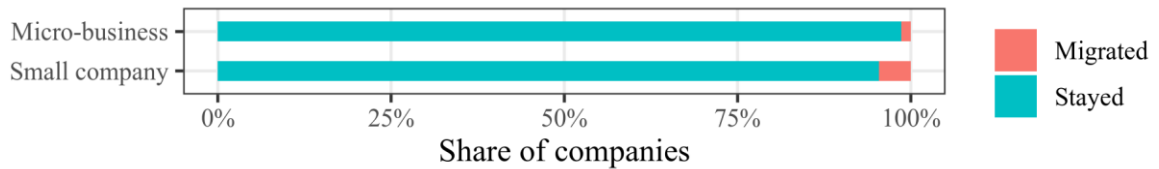

Fig. 2. Migration decision depending on company's size (category)

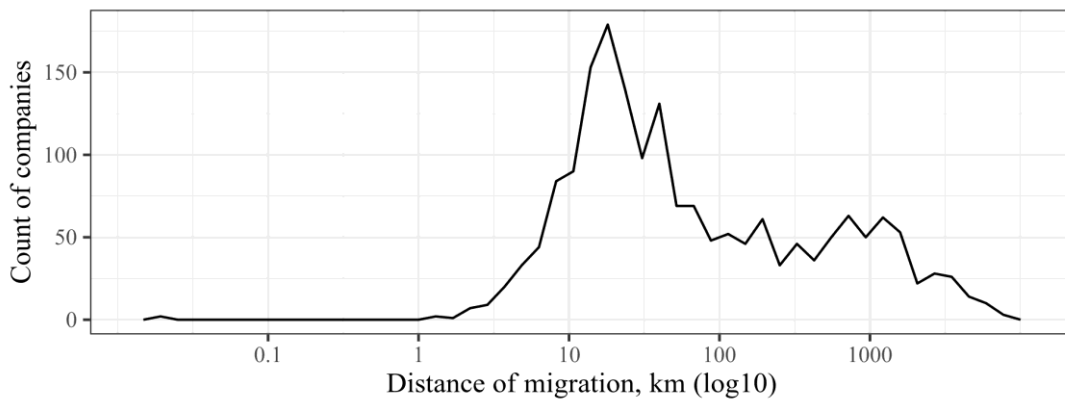

Fig. 3. Distribution of migration distance

Net migration rate by region is shown on map (see Fig. 4). Most of the regions have a net migration rate close to zero. However, there are some regions with substantial growth (Moscow, St. Petersburg, Krasnodar, Rostov, Novosibirsk oblast, Perm krai) or decline (Moscow as a city) in the number of registered legal companies. The absolute counts are small (<100) compared to the quantity of registered companies.

The most popular migration paths (by the count of migrated companies) with summed revenue and employee count are listed in the table. The first two paths

represent the relocation from the two largest cities of Russia to the surrounding regions. The net change in the number of businesses is relatively small. An increase in the number of registered businesses is not necessarily associated with the increase in income or labor force, and vice versa. A positive flow of companies with a negative flow of revenue or labor probably means that arriving businesses are larger and more profitable than those leaving.

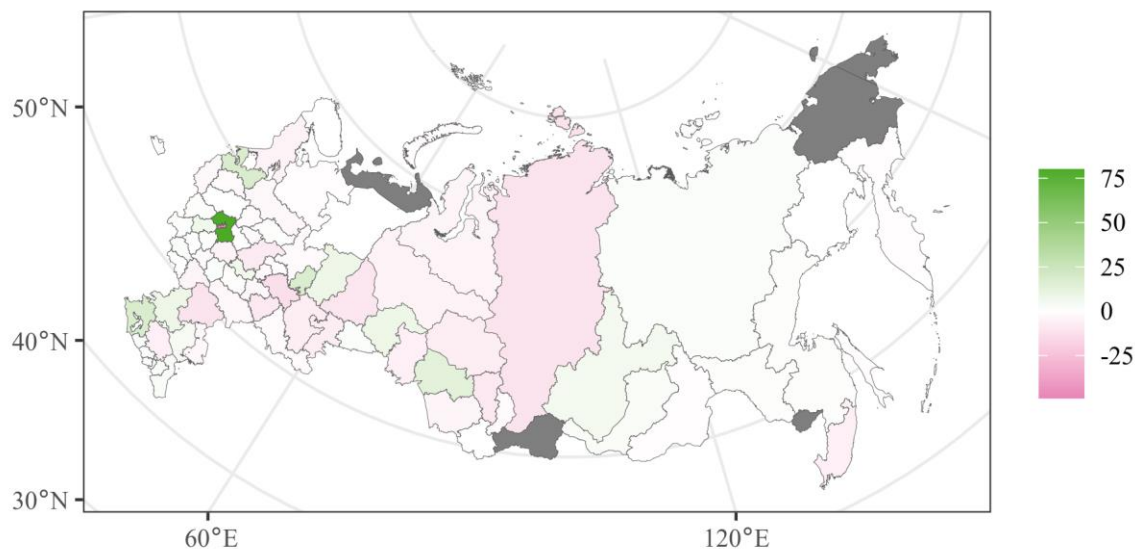

Fig. 4. Net migration rate of legal companies by regions

Top 10 paths of inter-regional migration of Russian legal companies in 2016–2023

Path	Count	Revenue, M rub	Employees
Moscow → Moscow Oblast	73	-167	-13
Saint Petersburg → Leningrad oblast	17	39	22
Moscow → Udmurtia	9	439	68
Chelyabinsk Oblast → Moscow	7	91	41
Kemerovo Oblast → Novosibirsk Oblast	7	3	4
Krasnoyarsk Krai → Krasnodar Krai	7	2	2
Tatarstan → Moscow	7	-1	0
Volgograd Oblast → Moscow	5	-10	7
Stavropol Krai → Moscow	4	827	3
Sverdlovsk Oblast → Moscow	4	-156	-22

Conclusion. Migration of legal companies in Russia is a rare phenomenon: only about 2.5 % of all businesses in this activity area have changed their nominal location in 2016–23. Small companies, in comparison to micro-businesses, are more likely to relocate: the probability is 4 times higher. Short-distance (10–50 km) migrations are more common than long-distance (~1000 km) ones. Moscow and St. Petersburg regions are at the top by the net migration rate estimated

by the count of relocated businesses, while Moscow has lost the highest number of companies. However, it looks like that while losing small and inefficient companies, Moscow attracts more profitable businesses.

References

1. *McLaughlin G. E., Robock S. H.* Why industry moves south: A study of factors influencing the recent location of manufacturing plants in the south / G. E. McLaughlin, S. H. Robock, Committee of the South, National Planning Assn., 1949.

2. *Wu L. et al.* Local tax rebates, corporate tax burdens, and firm migration: Evidence from china // *Journal of Accounting and Public Policy*. 2007. № 5 (26). P. 555–583.

4. *Rossi F., Dej M.* Where do firms relocate? Location optimisation within and between polish metropolitan areas // *The Annals of Regional Science*. 2019. № 3 (64). P. 615–640.

5. *Holleis P., Wagner M., Koolwaaij J.* Exit tax in the world of international migration of companies and individuals University of Zilina, The Faculty of Operation; Economics of Transport; Communication, Department of Economics, 2016.

6. *Adigamova F. F.* Migration of companies-taxpayers as the factor of growth of back taxes // *Finance and Credit*. 2011. № 1 (433). P. 14–20.

7. *Shcherbakova N. V., Domnina A. A.* Fictitious migration of legal entities as method of avoiding tax payment // *Noviy universitet. Ekonomika i pravo*. 2016. № 9 (67). P. 98–101.

8. *Moiseeva E. N., Skougarevskiy D. A.* Rynok iuridicheskikh uslug v rossii: Chto govorit statistika (seriia «analiticheskie obzory po problemam pravoprimeneniia») / E. N. Moiseeva, D. A. Skougarevskiy, IRL EUSPb Publ., 2016.